

Ukraine Ministry of Internal Affairs
Lugansk Akademy of Internal Affairs
named after the 10th anniversary of Ukraine's independence

Министерство внутренних дел Украины
Луганская академия внутренних дел
имени 10-летия независимости Украины

Atoyán Olga

**The liberty to law.
Investigation of machnovshchina
and national legal-consciousness**

Lugansk
2003

О. Н. Атоян

**Воля к праву.
Исследования махновщины
и народного правосознания**

Луганск
2003

УДК 340.156 + 321.6/.8] (477) + 947.7]] "19"
ББК 67.3 + 66.017.77] (4 Укр) + 63.3 (4 Укр) 712
А-92

*Утверждено ученым советом Луганской академии внутренних дел МВД
имени 10-летия независимости Украины (протокол № 4 от 27 декабря 2002 года)*

Ответственный редактор: доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Украины *Б.Г. Розовский* (Луганская академия внутренних дел МВД имени 10-летия независимости Украины)

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор *Ю.А. Горбань* (Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, г. Киев); доктор юридических наук, профессор *В.А. Румянцев* (Национальная юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого, г. Харьков); доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Украины *А.Н. Ярмыш* (Национальный университет внутренних дел Украины, г. Харьков)

Атоян О.Н.

А-92 Воля к праву. Исследования махновщины и народного правосознания: Монография /МВД Украины, Луган. акад. внутр. дел им. 10-летия независимости Украины; [Отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Б.Г. Розовский]. – Луганск: РИО ЛАВД, 2003. – 530 с. – Библиогр.: С. 495-527.
ISBN 966-8129-10-5

Предметом монографии является отражение в науке результатов исследования крестьянского повстанчества и народного правосознания в годы украинской революции. *Воля исследователей* к познанию народного правосознания и воплощению в гражданском обществе и демократическом государстве коренных стремлений народа Украины является могучим данной книги. Через призму феномена махновщины как крестьянского, полупролетарского и маргинального социального движения в монографии исследуется восхождение к праву в сознании поколений. Повстанцы-махновцы боролись против политических режимов, навязанных законов, прямого беззакония власти и бесправия населения; за социальную справедливость, автономное существование общества и личности, что воплощало *волю народа* к праву. Отказ от представлений о второсортности сельского мира и его традиций есть обязательное условие возрождения страны.

Книга предназначена историкам и юристам, политологам и социологам, экономистам и аграрникам, всем тем, кто заинтересован в разработке методологий гуманитарных исследований.

УДК 340.156 + 321.6/.8] (477) + 947.7]] "19"
ББК 67.3 + 66.017.77] (4 Укр) + 63.3 (4 Укр) 712

ISBN 966-8129-10-5

© Атоян О.Н., 2003
© Луганская академия внутренних дел МВД
имени 10-летия независимости Украины, 2003

*Моим близким
Арсентию, Ивану и Валентине Атоян,
научившим меня столь многому,
за их любовь, мудрость и поддержку*

БЛАГОДАРНОСТИ

*Я хотела бы выразить искреннюю благодарность
Дидоренко Эдуарду Алексеевичу
и Розовскому Борису Григорьевичу,
без которых издание этой книги
было бы невозможно*

—

*Я особо признательна
Анохиной Антонине Николаевне,
Низовой Лесе Ивановне,
Масальтиной Елене Александровне,
Пузько Ирине Ивановне
за их кропотливую и творческую
редакторскую работу и улучшение текста*

СПАСИБО ВАМ !!!!

Содержание

Введение	10
Глава 1. Мифы и иллюзии крестьянской вольницы	61
Интегрирующие мифы крестьянства и легенды махновщины	62
Крестьянская программа: достижения и иллюзии ...	73
Лидеры и участники о повстанческом движении. Историческая правда или истина объекта	85
Махновщина от первого лица.....	99
Глава 2. Свидетели и очевидцы	121
Помешавшие сами себе. Национальная элита и крестьянское движение	122
Ранние советские авторы и источники о махновщине. Корни неприятия	139
Белогвардейские и близкие к ним авторы выбирают стратегию отторжения	157
Опыт интеграции крестьян в постреволюционный социум.....	163
Глава 3. Победители и побежденные. Протоколы истории, воспоминания участников (1922-1928)	179
Участники из числа побежденных	180
Победители в период, когда исторические мифы еще не сложились. Аграрная школа между победителями и побежденными	196

Эволюция национальной историографии вне советской Украины. Феномен Липинского.....	209
Национал-коммунизм и переосмысление махновщины	219
Глава 4. Советская историография.	
Сумма эпох.....	227
Палачи и жертвы. В годы великого перелома и голодомора (1929-1933).....	228
Стражи и молчание. Становление официальной мифологии завершено (1934-1940)	235
Начальники и любопытные. В жанре курьезов истории (1941-1956).....	245
Идеологи и диссиденты. От оттепели до перестройки: фрагменты правды (1956-1985) ..	255
Глава 5. Перестройщики и охранители.	
Большой поворот исторической науки (1985 - 1991).....	283
Социальные и духовные предпосылки большого поворота исторической науки. Возможность истины	284
Реабилитационный синдром и действительный долг историка.....	292
"Пятая крестьянская война" в перестроечном сознании	300
Охранительные тенденции в переосмыслении прошлого	309
Глава 6. Демагоги и печальники.	
Пока новый миф не стал монолитом (1992 – настоящее время)	317
Обновление дискурса о махновщине в ситуации 90-х.....	318

Элементы новой конъюнктуры. Необходимость преодоления тяги к авторитаризму, этнократизму и традиционализму	333
Зарубежные исследования на новом витке: идеологическая инерция	341
В поисках новой методологии	350
Глава 7. Историки диаспоры: хранители пепла или огня?	
Преодоление "синдрома эмигранта"	359
От эмиграции к диаспоре: закрепление демократических ценностей и новых подходов	360
Пепел и огонь. Борьба тенденций	370
Бессмысленность сведения счетов с исторической памятью – ценность всех свидетельств	375
Преодоление "синдрома эмигранта"	386
Глава 8. Крестьянская война в мировом контексте: исторические сдвиги и социальные движения	391
Немного типологии. Исчезнет ли крестьянство в пространстве-времени современной истории? ...	392
Трансисторическая модель взаимодействия элиты и власти	408
Социальные движения: неизбежность возрождения утопий свободы и равенства	416
Связь неосновных и основных социальных сил	427
Заключение	443
Примечания.....	469
Источники и библиография	495

Введение

Всегда любопытно наблюдать за тем, как в разные исторические периоды меняется отношение к тем или иным идеям, как меняются сами идеи, меняются ориентации исследователей.

В последние полтора десятилетия неуклонно и систематически меняется контекст первичных идей, фактов, сведений, сюжетов и лиц, связанных с теми процессами, которые еще недавно именовались "борьбой с внутренней контрреволюцией и кулацким бандитизмом на Украине в конце 10-х – начале 20-х годов". Но сами факты, сведения, сюжеты и лица, как правило, не меняются. Их осмысление в исторической, историографической и историко-юридической литературе базируется на одном и том же исходном массиве уже известного. Зато новой стала мифология внутреннего и внешнего использования базовых данных. Этот уникальный период истории стал источником известного опыта, теоретических схем, практических выводов, социальных ориентиров, а также иллюзий и вновь нарождающихся мифов. Махновщина – составная часть такого опыта и таких мифов.

В оценках событий – от современников (Н. Махно, П. Аршинова, В. Белаша, В. Винниченко, А. Гольденвейзера, С. Сумского, А. Деникина, Е. Бош, Р. Эйдемана, и др.) до советских и современных историков включительно (В. Данилова, В. Верстюка,

А. Белаша, А. Кучера, С. Семанова, С. Кульчицкого, А. Шубина, В. Волковинского, Ю. Полякова, Ю. Рымаренко, В. Солдатенко, В. Леонтовича, И. Лысяка-Рудницкого, Т. Шанина, Б. Мура, Э. Хобсбаума, М. Френкина, А. Грациози и др.) – практически не менялась канва используемых источников, материалов, сюжетов. И только в последние годы намечился сдвиг в сторону пересмотра ранее господствовавших стереотипов. Изменился и объем используемых материалов. Многие открылось в архивах и спецхранах, доступной стала литература диаспоры. Но главный интерес для историографов и юристов представляют два аспекта:

- тенденция изменений в истолковании фактов и процессов хода исторических событий
- и изменение правовой базы оценки событий и лиц прошлого в контексте отказа от однолинейной гипотезы отмирающего буржуазного государства и права.

Однако новые аспекты создают и "старые трудности". Опасность необоснованных переоценок или констатации сплошного прогресса издателями и комментаторами может быть нейтрализована только скрупулезным разбором оригинального вклада каждого поколения историков и юристов в понимание реалий исторического процесса.

Историография может внести много нового в понимание данной темы, поскольку имеет дело не только с историческим процессом, но и с его отображением в литературе. Например, итальянский историк А. Грациози полагает устаревшим термин "гражданская война", но продолжает им пользоваться. Выработка адекватной терминологии составляет украинского историка В. Солдатенко гово-

рять о "национальной революции", но тут же он по старинке продолжает настаивать на "буржуазно-демократическом характере" основных антисоветских сил. Разброс терминологии отражает не только неустоявшиеся взгляды отдельных исследователей, но и борьбу концепций.

В век стремительного роста информации историческая литература столь же стремительно устаревает, а расхожие истины превращаются в предрассудки. Современный исследователь упоен новым: новый подход, новые документы, новые идеи и новое концептуальное видение проблемы в контексте исторического процесса. Именно поэтому историческая наука подвергается опасности отклика на сиюминутные ожидания и отказа от довольно-таки богатого историографического наследия. Это наследие нуждается в переосмыслении. Поскольку идет быстрый процесс деидеологизации методов и приемов исторического и историографического исследования, в ближайшем будущем это сулит разработку новых методологий исторического процесса.

Источниковедение открывает новые архивы, методология исторической науки дает новый инструментарий, а историография создает тот базис исследовательских ориентаций, который последующие поколения уже не могут игнорировать. Вычесть из научного оборота литературу, опубликованную с 1921 по 1991 год, не только контрпродуктивно, но и невозможно. Задача историографа – проследить и объяснить смену исследовательских ориентаций и одновременно акцентировать объективные данные в свете вольных или невольных фальсификаций и версий.

Спрос на концепции, объясняющие удачные и неудачные судьбы руководящих элит, резко возрос. Применительно к началу XX века наибольшее внимание стало уделяться провалу столыпинского курса и альтернативам большевизму. Элита сформулировала идею *лимита России на революции*. В это же украинской элиты сказались судьбы государственности 1918-1921 гг. и крах националистических движений, именовавшихся в советской историографии как петлюровщина и бандеровщина. Прославление ли Столыпина, конкурсы ли современных петлюроведов мало что говорят о реальных задачах исторической науки, которая, получив возможность использовать новые источники и подходы, оказалась в плену нового "государственного задания".

Тем не менее, историки, и это замечательно, – народ неорганизованный, а потому интерес к социальным движениям в какой-то мере уравновесил лапидарно поставленную задачу отыскания наиболее патриотической традиции в многообразной жизни народов ради воссоздания государственного единства. "Россия, которую не теряли" и "Украина, которой не было" – малопривлекательные модели для поиска исторических материалов будущих произвольных конструкций.

Введение в научный оборот архивов спецхрана, зарубежных источников, а также свобода поиска и обсуждений расширили исследовательское поле и позволили поставить ряд принципиально новых вопросов.

Объем накопленных знаний об Украине революционного периода позволяет переформулировать некоторые научные задачи, опираясь на новейшие разработки и исследовательские традиции отечест-

венной науки последних десятилетий (авторы самой различной идеологической окраски внесли в это свой вклад). И все же следует признать несомненное философское, методологическое и историографическое преимущество ряда зарубежных исторических школ в трактовке нашей истории. Сегодня это уже нельзя объяснить лишь источниками, которые были в руках иностранных авторов, но оставались не используемыми по цензурным и другим причинам советскими исследователями. Более чем за 10 лет документальный обмен состоялся в необходимом объеме. На одном и том же материале строятся концепции разной степени адекватности, сложности, перспективности.

В отличие от источниковедения и исторической науки, которые имеют дело с источниками и критериями познанного прошлого, а также излагают концепции его понимания, претендующие на ту или иную степень достоверности и истинности, объяснительный потенциал историографии основан на отражении того, что уже есть в литературе. Историография может показаться отражением отражений исторического знания, но на самом деле именно в ее пластах чаще всего и рождаются путем вольных и невольных сопоставлений различные версии одних и тех же событий. Историография вторична, но способна оказывать влияние на ход и результаты исторических исследований.

Замысел

данной работы связан с попыткой обоснования тезисов, нуждающихся в историографическом переосмыслении. Характер затронутых проблем позволя-

ет рассмотреть тему *большого поворота* в отечественной исторической науке.

В данном исследовании историография махновщины выступает *способом* рассмотрения узловых моментов отечественной истории через взаимодействие народа и элиты, позволяющим понять единство и противоположность государства и права с точки зрения:

- эволюции народа от объекта отчуждения (от власти, собственности и образования) к субъекту самоосвобождения;
- превращения государственности из имперской и неправовой в национальную и правовую;
- преобразования личности крестьянина из бесправного подданного в члена гражданского общества и гражданина правового демократического государства.

Последовательное освобождение государственности, гражданского общества и личности от отчуждения во всех его разнообразных формах составляет историческое содержание освободительного проекта, частью которого и было крестьянское повстанческое движение.

Историография махновщины – ключ к истории государства и права, но не с позиций элиты, нации или идеологии, а с позиций признания незлитарных общностей субъектами исторического процесса.

Построение исследовательской программы, опережающей время действия тех или иных социальных сил в их конкретной фазе развития, есть попытка трансценденции истории, то есть выхода в новые социальные пространства, а возможно, и в иной социальный мир.

Варианты, не реализованные в истории в полной мере, в действительности содержатся в ней в свернутом виде. Не хватает лишь важнейших элементов, без освоения которых невозможно построение приемлемого будущего. Так, в советской истории явно не хватает опыта самоорганизации, самоуправления, независимости трудовых коллективов и многих других элементов, знание которых позволяло бы полнее и объемнее представить исторический процесс. История, которая была в действительности, видна лишь на фоне возможной истории.

Задачей

данного исследования является анализ основных тенденций в литературе, оригинального вклада отдельных направлений, школ и исследователей в разработку темы социального бандитизма в Украине конца 10-х – начала 20-х годов с точки зрения историка права и историографа. При этом рассматривается литература, созданная как участниками повстанческих движений, так и их оппонентами самых разных направлений, исследования последующих поколений историков, юристов, историографов, отражение феномена в архивных документах, позднейших публикациях, а также в культуре и социальном опыте населения Украины. Это позволяет рассматривать тему в широком контексте социальных преобразований в Украине начала века, соотнося их с переменами в конце XX века.

Среди наиболее важных проблем – периодизация источников и литературы, поскольку смешение пластов глубинного и поверхностного проникновения в материал удовлетворяет лишь тех, кто ищет окончательных оценок.

Смена исследовательских ориентиров, обусловленная практическими потребностями жизни, дает возможность совместить позиции историка права и историографа ради воссоздания исторической правды о поведении основной социальной группы украинского общества и ее связях со всеми основными и неосновными группами. Социометрический срез повстанческих движений позволяет увидеть через призму конкретного феномена – социального бандитизма – все основные проблемы социальной структуры и общественной эволюции.

Историография выступает не зеркалом, а сложным оптическим прибором, дающим объемное и многомерное видение не только прошлого в настоящем, но и настоящего в прошлом. Не отвергая ни одной из сколько-нибудь существенных концепций, она не рассматривает их и как одинаковое понимание прошлого.

Столкновение и живой диалог концепций говорят не только о различном уровне проникновения в тему, но и о взаимодополняющем характере представленных точек зрения. Сопоставления различных взглядов на одни и те же процессы, коррелируемые с исходной базой данных и авторским видением темы, помогают историографу отслеживать не только потенциал, но и периодические актуализации отдельных фрагментов, сюжетов и лиц. Такие актуализации в культуре, фольклоре, обыденном сознании, в национальных памятниках также заслуживают анализа и оценки.

Актуальность темы обусловлена рядом обстоятельств.

Во-первых, чисто научным интересом, выявляющим новые и нерешенные проблемы, нуждающиеся в ис-

ториографическом переосмыслении. Конкретно следует сказать

- о многостороннем и неоднозначном по отношению к новым властям происхождении вооруженного сопротивления населения;
- о неслучайности национально-самоопределенческих или анархо-коммунистических самохарактеристик вожаков таких движений, как петлюровщина или махновщина;
- о наследственной преемственности повстанческого опыта украинских крестьян (а именно они составляли подавляющее большинство населения) от казацких времен до Великой Отечественной, в партизанстве которой проявился опыт сопротивления с властью.

Во-вторых, потребностью в обосновании историографической концепции, структурировании обширной литературы вокруг новых идей, прежде всего вокруг понимания

- идеи многослойности повстанческого движения;
- не узкокулацкого, а крестьянского и полу-пролетарски-маргинального характера так называемого бандитизма;
- пересмотра характеристик любых повстанческих движений как контрреволюционных.

В-третьих, актуальность определяют: типы социальной подавленности в начале 20-х годов, которые обусловили основные моменты последующей истории советской Украины. Это и может стать основой для начавшегося после публикаторского бума серьезного переосмысления историографических мате-

риалов с учетом полисубъективности участников исторического процесса и многосторонности самих исследовательских сил без шельмования прежних заслуг историков.

В-четвертых, представляется актуальным адекватное изучение источников и восстановление исторической правды, при котором следует избегать опасности, тяготеющей сегодня как минимум к трем небесспорным ориентирам:

- необязательности историографических традиций, когда "правда истории" выводится непосредственно из мифов;
- рассмотрению всего имеющегося в источниках как тождественного тому, что действительно имело место в истории;
- версификаторству, при котором предлагается еще одна версия известных фактов без "претензии" на установление научной истины.

В-пятых, при всем множестве появляющихся сегодня разнонаправленных исследований, возвращающих предмету объемное видение, нет ни одной историографической работы. Хотя общие обзоры историографического характера и присутствуют в нескольких исследованиях, но они малы, непринципиальны и разительно контрастируют с обширными перечнями использованной литературы. Это создает ситуацию бесконечного пересказа уже рассказанных сюжетов и некритического использования одних и тех же документов. Необходимость историографического исследования в указанной области давно назрела.

Предметом

данного историографического исследования выступают закономерности, структура и процесс накопления научных знаний, а также мифов, домыслов, предрассудков и фальсификаций, представленных в литературе и массовом сознании, о социальном бандитизме в Украине конца 10-х – начала 20-х годов, отраженные в литературе с 1918 по 2000 год.

При этом предметная область берется лишь в аспекте историографического анализа, выявляющего содержательный потенциал исследований того времени, раскрывающего методологии, основные проблемы, элементы научных концепций. *Смена концепций – стержень рассмотрения основных и побочных сюжетов темы.*

Прогресс, понимаемый как непрерывное движение вперед и вверх, рассматривает некоторые векторы развития как отклонение или препятствие, нуждающееся в устранении. Западная и отечественная, либеральная и консервативная, марксистская и националистическая историография, работавшая в "прогрессистском ключе", всегда сталкивалась с пресловутым "неразумием" народа, не желавшего всецело поддерживать очередной проект модернизации, предлагающий более быстрый переход к новому состоянию бытия и быта. У историков складывалось впечатление, что от столыпинской реформы до коллективизации крестьяне тотально отрицали всякое прогрессивное начинание в аграрном вопросе.

Конфликты между украинскими крестьянами и различными государственными образованиями, пытавшимися утвердиться на Украине между 1917 и 1920 годами, являются частью общего противостоя-

ния крестьянства бывшей Российской империи сначала царскому, а затем – советскому государству.

Идея понимания крестьянства сплошной реакционной массы, владевшая некоторыми марксистами (от Г.В. Плеханова до Л.Д. Троцкого), не позволяла в условиях военного коммунизма представлять крестьян иначе как обреченный класс, распадающийся на кулаков и пролетариев.

Более сложное прочтение судеб крестьянства в контексте гражданской войны выявило в недрах народа истоки *антитоталитарного восприятия социализации, обусловившие многообразие нэпа и кооперацию 20-х годов.* И напротив, представление о реакционности крестьян готовило сюрпризы для власти, оборачивавшиеся повстанчеством, саботажем, повальным мором или голодом.

Историография позволяет выявить первые сдвиги к пониманию необходимости исследования самостоятельной роли украинского крестьянства как *корневой общности формирующейся нации* и носителя не только народного сознания или собственной исторической правды, но и ростков грядущего самосознания и самоопределения народов Украины.

Национальное самоопределение отечественная историография чаще всего связывала с буржуазными движениями, несмотря на то, что это поликлассовый феномен. Постепенно историки начали обращаться к крестьянской основе национального вопроса. Украинское повстанчество не является детищем одного социального слоя, а потому интерес к нему с различных точек зрения выявляет неоднородность мировоззренческого потенциала исследовательского корпуса, с разной степенью профессио-

нальных навыков осваивающего известные и новые материалы.

Моделирование истории привело к изменениям соотношения предмета и объекта исследования

Современные историки и историографы оказались в сложной ситуации, когда их профессиональные интересы и цеховая солидарность серьезно затронуты новейшим моделированием исторического процесса теми, кто никогда не вникал в сложности накопления и отбора фактов, построения частно-научных гипотез и долгой многолетней работы над источниками, не говоря уже о переосмыслении историографического материала. Историк не может не видеть, что наряду с историческими моделями прошлого в его распоряжении оказываются новейшие правовые, социологические, экономические, психологические, конфликтологические, эстетические и даже кибернетические модели взаимосвязи различных процессов прошлого.

Прогресс в историческом объяснении доступен благодаря моделям развития, которые требуют объяснения поведения участников, субъектов истории. Моделирование объективного содержания и учет субъективного видения ("герменевтика свидетельств") дополняют картины исторического процесса.

Моделирование истории на новых основаниях привело к изменениям в области соотношения предмета и объекта исследования. Разумеется, построение таких моделей отнюдь не носит характера бессознательного влечения к объективной истине.

Напротив, моделирование процессов прошлого поставлено в цепочку обоснования наиболее эффективных решений современных проблем с точки зрения определенных социальных сил. То, что раньше называли социальным заказом, сегодня прямо стало экономической конъюнктурой.

Источники заблуждений и... исторической истины

Крупный современный исследователь истории крестьянства и аграрных процессов в мире, специализировавшийся на российских реалиях начала XX века и советского периода, Теодор Шанин удачно разделил современных историков по аналогии с четырьмя идолами разума у Ф. Бэкона в смысле

"систематических наклонностей, отторжений и ограничений в видении исторических "данных", как и их объяснении. Эти четыре категории, – говорит далее английский историк, – определяются предпосылками, заложенными в анализ, а их сущность можно выразить словами: прогресс, заговор, непознаваемость и обратная связь реалий и познания".¹

Несмотря на то, что споров вокруг исторических проблем становится все больше, схемы объяснения продолжают сохраняться. Применительно к нашей тематике их можно сгруппировать в направлении источников заблуждений (по родам идолов). В некотором смысле эти же источники являются и источниками исторической истины, но лишь тогда, когда не абсолютизируются.

Идол или схема прогресса

Движение вперед и вверх и только вперед и вверх объединяет прогрессистов, тех, кто понимает историю как непрерывный прогресс. Иные векторы движения рассматриваются как отклонения или препятствия, которые следует устранить.

Неприятие крестьянства как тормоза развития было характерно и для правительственных либералов вроде С. Витте, и для оппозиционных кадетов, заявлявших в начале революции 1905 года, что у них нет врагов слева. Однако не только для них, но и для социал-демократов-меньшевиков, а до курса на союз рабочего класса и крестьян в буржуазно-демократической революции – и для большевиков, находившихся под влиянием доленинских формулировок Плеханова и Каутского, крестьяне представляли "неудобный класс" (Т. Шанин).

Описание взаимодействия больших социальных процессов основных и неосновных социальных сил предполагает развертывание понятийной сетки диалектической конфликтологии. *Один из первых парадоксов, бросающийся в глаза, это заведомо низкая оценка революционного потенциала крестьян накануне революции.* Исследователи говорят даже о презрении к сельским обществам со стороны интернационалистов и социалистов, которые были уверены в том, что индустриализация промышленного и аграрного сектора тождественна капитализации и материальным предпосылкам социализма. А революция увлекала дальше, прочь от аграрных обществ.

В литературе ошибки большевиков в отношении крестьян выводятся непосредственно из марксистских тезисов или, как теперь чаще выражаются, из

коммунистических догм. При этом догмы военного коммунизма ошибочно отождествляются с марксистской аграрной теорией. Хотя большевики действовали за много десятилетий до появления французской школы "Анналов" и различения Фернаном Броделем рыночной экономики и непосредственно капиталистической, все же они не могли не различать простое товарное хозяйство и товарное капиталистическое. Другое дело, что рост внутреннего рынка задолго до революции они рассматривали как рост капитализма.

Словом, прогрессисты из либералов и марксистов сходились в том, что крестьянство империи тормозит модернизацию страны, рост и развитие капитализма, а значит, и становление как промышленной буржуазии, так и пролетариата. Расслоение при капитализме они рассматривали как прогрессивный и безальтернативный процесс. Излишняя рабочая сила отправится в города, а кулаки и батраки – неминуемое будущее села.

Идол или схема заговора

Часть историков, как и значительный сегмент общественного мнения, настроены конспирологически. Конспирология объясняет все важнейшие события истории наличием заговора различных сил.

В странах с большой концентрацией власти и скрытыми пружинами официальной жизни роль сделок за кулисами, переворотов, фаворитов, интриг и тому подобных феноменов настолько велика, что теориям заговоров не трудно выглядеть правдоподобными. И все же критическая рефлексия не должна с этим соглашаться.

Революция 1917 года или события августа 1991 года, включая заговоры различных сил, самими заговорами не объяснимы. Вариант современного сочетания теории заговора и теории прогресса: представление об уходе России на тупиковый путь развития (ввиду случайного сплетения неблагоприятных для царской власти обстоятельств вроде войны, распутищины, немецких денег на переворот, масонского состава Временного правительства, заговора евреев и прочего неорганичного элемента в империи) с последующим триумфальным или катастрофическим возвращением на путь мировой цивилизации – хороший пример конспирологического идола пещеры.

Идол непознаваемости

Идол площади или языка, употребления слов как бог на душу положит. Смысла в конечном счете не установим. Гносеология тупика. Агностицизм в той или иной версии очень свойственен эпохе постмодерна. Причина, видимо, кроется в том, что системные силы не хотят видеть горизонт собственной историчности. Элите трудно признать конечность своей миссии во времени, если эта миссия уже исчерпана. Отсюда и настаивание на непознаваемости смыслов истории или, что в данном случае одно и то же, их искусственности, произвольности. Будто элита сама выбирает условия своего выживания, что, конечно, неверно. Охочих до мистического толкования нашей истории прибывает.

Идол театра или теорий

Четвертую категорию историографии Т. Шанин называет "теорией среднего уровня" и относит к ней себя, но следует помнить, что речь идет об идолах театра или теорий. Легче причислить себя к уже известному направлению, чем остаться без означенности позиций, ибо от этого часто зависит место в профессиональном сообществе, публикации, карьера, поддержка, сторонники, возможность передать свои знания ученикам и продолжателям, академические и жизненные блага. Да и для мировоззренческой устойчивости лучше принадлежать к "нужному" фрагменту сообщества.

Если в теориях прогресса все предопределено, в теориях заговора все субъективно и случайно, а у агностиков непостижим смысл исторического процесса, то скептицизм к такой историографии естественен. С исследовательской точки зрения такая историография не выходит за пределы необходимого изучения. Возможно, это говорит в пользу достаточности теорий, не знающих о своей обусловленности и ограниченности. А возможно, и нет. Как в театре одну и ту же пьесу играют разные труппы, так и историки, признающие объективно-субъективный и обратимый характер связей реальности и познания, должны признать возможность и долговечность многих теорий, содержащих частичные, а подчас и обширные фрагменты истины, но не единственную верность какой-либо из теорий.

Теодор Шанин в своем блестящем обосновании подходов к истории сгруппировал эти подходы в четыре рубрики:

- объективно-субъективный подход, диалектику видения меняющейся истории, которая должна становиться все детальнее, прозрачнее, досто-

вернее и в конечном счете правдивее. Хотя нет правды вообще. Есть правда участников и последователей, наблюдателей и посторонних с разными степенями приближения к истине. Т. Шанин отдает предпочтение такому видению истории. Хотя также называет:

- теорию заговоров (конспирологию),
- теорию провидения (божественного плана) и
- теорию случайности (относительности).

Так, в пещере конспирологии до сих пор сидят очень поздние славянофилы, почвенники и сторонники исконно-посконного всех мастей, черносотенцы, пациенты и клиенты специализированных служб и клиник, доктринеры и сектанты, националисты и антисемиты.

Вышедшие из пещеры вновь приняли прогресс в его реальном измерении. Среди историков крестьянства это ярые поборники фермерского, коммерческого сельского хозяйства. Предпочтение других путей они объясняют заговором люмпенов деревни и бюрократов города. Правдоподобия не занимать, но результат анализа ограничен его посылаками. Новое из истории не извлечешь: виноватые виновны, жертвы напрасны, исправить нельзя, но можно начать с чистого листа. Будто "прогнозили индейцев и отстроили фермы". Но ведь были же колхозы, а до них общины, остались элементы коллективной психологии. Уничтожение основ деревни также может выглядеть заговором. Вопрос сводится к тому, чей заговор лучше и какой из них следует поддерживать?

Прогрессист может указать на равную реакционность дворян и крестьян, но, как правило, этого

не делает по идеологическим соображениям. Конспиролог говорит о дворянах и крестьянах как жертвах заговора. Агностик, пожалуй, согласится с неисповедимостью путей в будущее и заменяемостью знамен и ярлыков. *Поскольку все в равной степени и правы и не правы*, а истина одинаково доступна и недоступна. Сторонник субъект-объектной связи событий и групп оказывается в сложном положении.

Во времена Бэкона спорили эмпирики и рационалисты, противники и сторонники Аристотеля, в XIX веке о социальных судьбах заговорили западники и славянофилы, после реформы 1861 года – народники и марксисты, в советской историографии – используя термин эстетика М.А. Лифшица, многочисленные школки "вопрекистов" и "благодаристов". В зависимости от оценок явления, которое то ли способствовало, то ли препятствовало реализации замыслов субъекта исторического действия.

И все же случайные перечисления бэконовских идолов театра не должны заслонить главного преимущества той историографии, которая не обращается к идее всеобщего магистрального пути прогресса, не является квинтэссенцией заговорщической историографии и не склонна к абсолютной непознаваемости сущностей в истории. Указание на обратную связь реальных и познания, объекта и субъекта – это нечто принципиально новое.

"Это не определение законов истории, а анализ заложенных в ней альтернатив. Это взгляд, который не принимает как данное марша человечества к единому стереотипу, осознавая возможность параллельных путей от многогранного прошлого к разному и многогранному будущему общества и людей. Это историческая социоло-

гия, особенности и внимание которой сфокусированы на переключке, противоречивости, взаимосвязи и взаимопереходе "объективного" и "субъективного" в их обратной связи и особо ее выражения как "уроков истории" в массовом, так и элитном познании. В этом взгляде, конечно, заложены свои "идолы", которые нужно держать во внимании – в особенности опасность потерять видение важности "объективного" в его связях с "субъективным" и "интерсубъективным", опасность сползти на позиции, делающие познание единственным критерием причинности исторического процесса².

Дореволюционная, советская и современная, в том числе украинская, историография повстанческих крестьянских движений повторяет основные схемы объяснений. Удобство заключается в том, что такая классификация по методологическим основаниям не идеологична, не политична и не ангажирована в вульгарном смысле. Глубинно она отвечает на вопросы: откуда приходят наши знания и в каких именно знаниях нуждаются социальные группы, отдающие предпочтения теориям прогресса, заговора, построениям агностиков или сторонников обратной связи познаваемого и познающего (можно было бы назвать это субъект-объектным детерминизмом, но последнее слово неудачно закрепленной за ним линейностью связи "объект-субъект").

Историография на своем материале предлагает распространение различных подходов к истории на процессы участия народных масс в решающих событиях преобразования реальности. Историю государства лучше рассматривать вместе с анализом поведения его граждан, особенно когда это поведение революционно или реакционно, героично или трусливо, активно или пассивно-выжидательно, словом, когда даже антигосударственное и преступ-

ное поведение масс свидетельствует о реальном влиянии на судьбы институтов и общностей.

Разумеется, нет общности без мифа. Но верно и обратное. Мифы бывают разные, большей частью, увы, деформирующие сознание. Наука также не свободна от них и не является зеркальным отражением того, что есть. А потому роль сопоставления текстов и фактов, подходов и способов, методик и комплексов, методологий и практик постоянно возрастает, а наивные рассказы историй от первого лица уходят в сферу культуры, которая чаще также склоняется к полифониям.

Историк отвечает на вопрос, что именно было и почему было так, а не иначе. Владая материалом прошлого, он воображает, что владеет будущим. А рядом открытая неизбежность побуждений к переосмыслению уже случившегося.

Заданность историографических схем зачастую мешает увидеть изменение конфигурации сторон треугольника: капитализм – государство – крестьянство. *Крестьянство удалялось от государства* медленно, но после русско-японской войны чуть быстрее, а в ходе мировой войны – стремительно. При этом восхождение к капитализму в сельском хозяйстве, фермерскому пути, хуторам и отрубам, выходу из общины и тому подобным новшествам не только раскалывало сознание крестьян, что отмечали все партии, но и сближало их в попытке взять свое по максимуму, чего элиты и контрэлиты не предвидели или не хотели предвидеть из страха перед Жакерией или из доктринальных предпочтений выкладок Каутского и Плеханова.

Поиск истины и отклонения чужой правды не лишает историографа возможности объемного ви-

дения объективно-субъективных предпосылок событий. Хотя субъективный элемент и ведет к интерференции взглядов и подходов, результат выглядит уже большим, чем простое эмпирическое обобщение. Это не перечисление точек зрения, а построение максимально полной картины возможных смысловых координат, выяснение в этих координатах событийной суммы, доступной историку. Разрабатывая план в соответствии с замыслом, историограф может сказать о том, что еще предстоит сделать для установления новых связей между фактами, отношений фактов и документов, соотношений факторов и закономерностей в рамках целостной картины исторического видения.

Принято говорить о разных оптиках, в которых отдельные детали по-разному различимы. Тема невооруженного исследовательского глаза, глаза без оптики совершенно особая, но следует избавиться от иллюзии, что такой глаз видит историю лучше, чем вооруженный методами, подходами, процедурами.

Только бесконечно приближаясь к полному и всестороннему осознанию действия социальных сил в определенных ситуациях, в их исторической конкретности, мы и движемся от историографии к исторической реальности, данной нам в источниках и трудах историков, умножая вопросы и получая ответы, свидетельствующие о нашем собственном поиске, то есть о пути самой исторической науки к истине истории.

Историология: источники могут дать ответы совсем не на те вопросы, которые задает исследователь

Еще одним аспектом является развитие самой исторической науки, *история истории или теория истории исторической науки*. Ее можно назвать *историологией*. Прогресс в этой области позволяет соотносить знания историков различных поколений, не только сопоставляя их, но и помещая в контекст решения задач, которые сами историки перед собой не ставили. Иногда, и это знает каждый, источники дают ответы совсем на другие вопросы, чем те, которые задает исследователь, считая методологически верным следовать вопроснику. Не является ли возможность переформулировки тем выстраданным знанием? Отразит ли это еще не выраженные стороны предмета исследования?

Историологические исследования возвращают нас к задачам исторической науки. Так, философ истории А.П. Карсавин, полагал, что история есть процесс исторического бытия и наука о нем. "Нет развития без субъекта", и таковой не может быть суммой частей. *Субъект развития включает все развитие, он развивающийся субъект, объемлющий и содержащий все развитие.*³

Объективное и психическое даны в связи, иначе история была бы произволом субъекта или жесткой фатальной детерминацией, что одинаково неправдоподобно. Внешнее для историка – символ, аббревиатура, знак внутреннего.

Субъективное же возвращает нас к факту социально-психическому. На этом уровне социальные отношения, классы, право, государство выступают

психическими реальностями. Цифры для исследователя лишь знаки этих реальностей. Предмет истории у Карсавина всегда "психическое", и только на основе психического возможен исторический синтез.⁴ Вступив на почву причинности, нужно идти к конкретным субъектам. Повторяемости конкретно-разъединенных фактов в истории нет, а сосуществование каких-либо явлений не доказывает их причинной связи.

Важно понять, что субъект не является системой или формой. Природа момента – это единство его бытия и небытия, поэтому в истории он не может быть ничем иным, как субъектом развития⁵.

Понятия причинности, системы, изменения не фикции разума, а реальность, но в ее умалении. Иногда указание на них лишь сводится к обнаружению таинственной причиняющей связи явлений мира, и не более того.

История имеет дело с событиями, которые никогда в точности не повторяются... Детали не являются самоценными, а конкретизации спорны, но попытки передать атмосферу происходящего в истории особенно ценны, поскольку психически-социальные факты помогают проникнуть в событие. Реконструкция событий – одна из задач историка⁶.

По словам А.П. Карсавина, параллель Маркса между классовым самосознанием и мешком картофеля – точна. Он пишет:

"Горячим защитникам принципа организации замечу, что она существует не тогда, когда есть написанная бумажка или зал для общих собраний, а тогда, когда в мирозерцании как сознании членов группы есть идея организации". Увлеченный классовым сознанием человек уходит в свою идеологию. Но из исторических индивидуальностей ни одна не достигает полноты развития.

Легко признать выражения вроде "борьба классов" метафорическими, говорит философ о таком выражении, добавляя: "...надо еще показать: как без него обойтись"⁷.

Без подобных обобщений история превращается в грудку фактов.

Человечество как всеединый, вневременный и внепространственный развивающийся субъект пускает воспитанное на позитивизме европейское сознание. Но наряду с законами развития или законами истории существует такой всеединый субъект, как человечество. В законосообразности истории и дана реальность этого субъекта. Нельзя говорить лишь о законах группы, народа, культуры или цивилизации, поскольку ряд обобщений останется неполным⁸.

Карсавин считает, что книги по истории костюма, земледельческих орудий и на другие подобные темы утомительны и бессвязны, поскольку история как наука предполагает рассказ о субъекте. Субъект может быть понят как отдельный индивид, но субъективный фактор всегда общность.

Факторы растут как грибы, но исследователь не может уходить в бесконечность. Систематические методы в истории являются вспомогательными и не заменят работу историка. Чем шире кругозор, тем больше наблюдаемых нами индивидуализаций, но не на количестве строится основной вывод⁹.

Историк интересен, когда вскрывает диалектику явлений, но скучен, когда занимается умножением копий (экземплификацией) событий исторического развития. По словам Карсавина, он напоминал бы Ньютона, занявшегося экземплификацией закона всемирного тяготения. При всяком падающем ябло-

ке он бы говорил: "А это и есть частный случай открытого мною закона". Потом он распространил бы свои наблюдения на груши, сливы, другие плоды, и мы бы, наверное, заключает Карсавин, от него сбежали¹⁰.

"Чтобы стать историком, необходимо проделать "черновую работу", пережить годы искуса, изучать источники, пока они не "заговорят", пока в них не явит себя само историческое"¹¹.

Бесполезное мероприятие – модное нынче – всеобщая история, написанная группой специалистов, считает Карсавин,

"Исторический "синтез" всегда индивидуален"¹².

Оценка события, процесса или личности была названа Максом Вебером "отнесением к ценности". Возникла опасность подмены истории социологией. Но чтобы отказаться от ценностей, нужно их иметь. Социология тут не судья, считает Карсавин, "хвостик явления в ценности, а голова наружу!" – восклицает он. Мыслимо, чтобы анархист изучал историю государственности, а государственный эпоху временного правительства, но немыслимо, чтобы они подходили к предмету исследования, не видя в нем никакой ценности¹³.

Опасны "научные" открытия, являющиеся идеологией или псевдорелигией.

"Мы ждем от историка не фактов, в добывании которых видят свою высшую цель только не умеющие исторически мыслить профессионалы, без усталости роющиеся в архивах. Мы ждем от него умственной работы – нового понимания и освещения"¹⁴.

Сводить счета с предшественниками не является делом историка

Сводить счета с предшественниками и уличать их во всех смертных грехах не есть дело историка, он должен понять, *почему* они предложили такие подходы и получили такие результаты, в чем их величие, беда и вина.

Может показаться, что отсечение всех непродуктивных подходов – верх методологической виртуозности, но не было случая, чтобы новое поколение историков не повторяло прежних ошибок, как только о них переставали вести дискуссию. Вот почему важно понять, что *неоспоримые истины вне науки, а наука занимается постоянной проверкой собственных предпосылок*. Беспредпосылочное знание не дано в исторической науке, а то, что задано однажды, может пересматриваться. Что же отражает историк? Не прямой ли это вопрос к историографу?

Представления историософа об истории, возможно, требуют углубления теории исторической науки, той области, которую мы назвали историологией. Попытки увидеть "мудрость истории" помимо самой истории, поверх участвующих в ней сил приводит нас к проектам, использующим историю для обоснования перехода в будущее. Эти исторические силы неоднородны и даже антагонистичны, их борьба не ушла из истории, и, следовательно, отображение сил и выражение их интересов не всегда совпадают.

История есть совокупность проектов свободы, то есть проектов сил, участвующих в историческом процессе, где одни выступают как освобождающие и освобождаемые, другие – как пытающиеся сохра-

нить доступные им степени свободы. Как известно, никто не борется против свободы вообще. И разумеется, что в социуме нет ни полностью свободных, ни полностью инертных сил.

Историк выявляет, какими были эти проекты, как сложились, эволюционировали, к чему пришли и привели. Позиция участников событий не устраняется, а включается в позиции вновь участвующих в истории.

Прогресс историко-юридической науки опирается на существенные сдвиги в сфере практического регулирования отношений между слоями и группами населения, несущими в своем опыте поведения пласты традиций, уходящие корнями в прошлое страны.

Без знания исторических традиций народа юриспруденция оказывается не только формальным масштабом, прилагаемым к карте с неизвестными обозначениями, но и беспомощной шпателькой перед лавиной необъяснимых феноменов. Периодические изменения в поведении населения в отношении собственности, власти, имущества, земли, гражданских свобод, законов и т.д. не являются лишь отражением ответов на изменения в текущем законодательстве.

Через много десятилетий историкам и юристам предстоит связать прошлое и будущее. Историограф же исследует, каким образом и насколько адекватно эта тенденция отражена в литературе.

По-видимому, при работе над источниками цензура и самоцензура не позволяют отождествлять документальную базу и максимальные возможности.

"Можно получить доступ к 99,9 % архивов, которые отражают официальную точку зрения на события, но не

уразуметь их сути, потому что правдивая информация сосредоточена в недоступных для исследователя 0,1 % документального массива"¹⁵.

Периодизация источников и литературы

Представляется логичным и историографически оправданным ввести следующие хронологические рамки для данного исследования:

1. **1918-1921** гг. – период гражданской войны и начала нэпа – совокупности крупных и мелких событий, среди которых махновщине или шире – сельскому повстанчеству не затеряться. Это период накопления свидетельств и откликов на происходящие события. Первоначальных откликов и источников почти нет.
2. **1922-1928** гг. – нэповская историография. Период образования первоначального ядра документов и основных версий событий.
3. **1929-1933** гг. – историография периода "великого перелома" – коллективизации, ликвидации кулачества как класса и голодомора, когда идеологический заказ постепенно поглотил разнообразие научных концепций.
4. **1934-1940** гг. – период временного и вынужденного затухания интереса к народному повстанчеству, частичных поисков в отдельных направлениях проблемы.
5. **1941-1956** гг. – период военной и послевоенной историографии, почти не оставившей следа в теме, период господства сталинистских догм.
6. **1956-1985** гг. – период между оттепелью и перестройкой, в который вокруг частично реабилитированного первоначального ядра оболочки на-

учных объяснений складывается корпус знаний, источников, инструментов и идеологических клише, определивший последующий поворот в историографии.

7. **1985-1991** гг. – время большого поворота в исторической науке и историографии, время отказа от идеологических догм, введения новых источников, в том числе спецхранных и зарубежных, возникновения нового социального заказа и разнообразия заказчиков на исторические сочинения.
8. с **1992** г. по настоящее время – период, когда становятся актуальными разнонаправленные исследования, возвращающие предмету объемность видения, потенциально заложенного в первоначальном ядре. Разнообразие исторических школ постепенно размывает прежний исследовательский базис, на котором строились идеологические "застойные" и перестроечные схемы.

Разумеется, и в этой периодизации можно обнаружить бреши, ряд этапов можно перегруппировать, сблизить или отдалить, но эта схема работает, что мы попытаемся показать дальше, не оспаривая при этом возможность других, более точных периодизаций.

И все же строить периодизации для одного отдельно взятого феномена, пусть и столь значимого, как махновщина, представляется делом безнадежным. Этот феномен не может быть оторван от процесса развития страны и ее исторической науки, а также от потребностей той социальной борьбы, которая ведется десятилетиями вокруг смысла событий 1917-1922 годов и их влияния на современный мир. Поэтому историография не может замыкаться

в контурах определенной темы, а должна, проработав эти контуры, связать ряд тем с более глубоким внутренним и более широким международным контекстом. Не изолируя махновщину, а сопоставляя с разными уровнями исследуемой исторической реальности, историограф извлечет дополнительные смыслы происходившего, уточнит детали и проработает перспективу последующих событий.

История повстанческого движения не столько история вырождения и перерождения, сколько история поражения крестьянской революционности. Как класс потенциально начинающих индивидуальных собственников крестьян доломают в 1929 году, однако его коллективистская психология фрагментарно сохранится и в нэповской кооперации, и в коллективизации. Без активного и самобытного выступления крестьян в крестьянской стране по известному выражению, "соло пролетариата без крестьянского хора превратилось бы в лебединую песню". Важно только понять, что хор звучал бы иначе. *Отрицательные характеристики повстанчества – это отрицательные черты основного класса страны, и они же продолжение его достоинств.*

Полемика историков всегда продолжение диалога социальных сил, как тех, которые уже сошли с арены, как и тех, которые на ней находятся. Отсюда непонимание политиков и историков. Одни – с головой в настоящем, другие – в прошлом. Диалог будет продолжаться до тех пор, пока будут существовать сами социальные силы, заинтересованные в таком диалоге. Историографу приходится считаться также с ведомственной или отраслевой заинтересованностью специалистов, но не подчиняться ей.

Конфликт старого права и новых потребностей социума в центре полемики

Поскольку государственность и повстанчество столкнулись не на социально-историческом пустыре, сделаем отступление о судьбах права.

В начале XX века велась острая полемика о сущности права и правосознания. Субъектом правовых коллизий видели не только индивида, но и общину – гражданское состояние признавалось далеко не за каждым, ограничения окружали личность со всех сторон. Споры вели те, кого условно можно назвать государственниками и общественниками (т. е. теми, кто отдавал преимущества целостности социума как носителя правосознания).

Для государственника "солнцем" естественного права выступает государственность. Государству право обязано всем. Конфликт старого права и новых потребностей социума находился в центре полемики. Государство монополизировало право, и наука оказалась бессильной оторвать его от "истинной родины", поставить на общественные рельсы, полагая, что иначе социуму угрожает анархия.

Поскольку правовые порядки зависимы от экономических условий, как тогда выражались – от экономического быта, то основой для изучения права должна была стать политэкономия. Разумеется, анархисты шли еще дальше. Но какое отношение эти споры имели к народному правосознанию?

"Естественное" право угнетенных масс еще ожидает своего "кодекса", – замечает современник, сетуя на неразработанность того, как именно право претворяется в

экономические, производственные нормы и как происходит обратный процесс.

Поскольку государство подменяет право силой, то правосознание угнетенных обращается против неправой силы¹⁶.

Эта схематика нашла поклонников в России и частично отразилась в великих спорах философа В.С. Соловьева и государственника Б.Н. Чичерина. Философ настаивал на принудительном требовании реализации минимального добра или порядка и недопущении известных проявлений зла. Чичерин держался за формальный принцип, препятствующий выходу внешней свободы за рамки, определяемые общим законом¹⁷.

Согласно иной логике, *революционное движение, обретая антигосударственный характер, напротив, может оказаться носителем правового начала*. Задача заключалась в том, чтобы "оторванное от государства" право нашло "новую родину".

Русская юридическая наука в лице П.И. Новгородцева поддержала критический дух, не желавший довольствоваться потребностями "мелкого научного обихода". Мнения и учреждения в области права стали объектом постоянной критики¹⁸. А.И. Петражицкий превратил абстрактные формулы критики в обоснование прав на полный продукт труда, на существование и на труд. Дискуссия углубилась.

Либеральные юристы никогда не отказывались от взгляда на государство как на самоопределение свободной воли человека, самоопределяющейся в общественных союзах. Либералов не устраивала чисто полицейская организация принуждения.

Попытки преобразовать право в соответствии с новыми потребностями вынудили А.И. Петражицко-

го создать психологическую теорию права, внутри которой есть особая дисциплина – политика права. Согласно его мнению, *политика есть поддержание и разрушение права*¹⁹.

Особенно подробно А.И. Петражицкий останавливается на "эмоции голода", когда весь организм превращается в специальное орудие, психофизический аппарат для действий, обусловленных голодом. Унаследованные эмоции, выработанные привычки, новые переживания делают человека способным к целесообразному движению²⁰.

Все виды мотиваций А.И. Петражицкий сводит к трем видам переживаний: этическим (моральным и правовым), эстетическим и интеллектуальным, рассматривая так называемые теоретические эмоции, эмоциональные возбуждения в чисто логическом процессе²¹. Показывая воздействие различных эмоций на психический аппарат, он связывает мотивацию и действия через цель в тех случаях, когда объект сам становится целью. Тогда будущие действия определяются самоодвелеющей мотивацией²².

Юристы эпохи первой революции с завидным упорством искали связь между потребностями и массовыми действиями людей. Их интересовало, каким образом происходит отречение от тех или иных благ в пользу других лиц или от тех или иных действий в пользу долга. Отречение одного является результатом требований другого, что и создает отношения в области права. Человек как нравственное существо способен жить по нормам правды-справедливости²³.

А.И. Петражицкий характеризует право как отношение, которым наш долг закреплен за другим субъектом. Закрепленный долг – это нечто должное.

Должное рассматривается как добро, присущее субъекту. Содержание нравственности определяется принципом "терпеть и двигать". И напротив, мораль он характеризует с негативной стороны. Как долг, который не заключает в себе связанности по отношению к другим. Право превращается в психическую эмоцию, помещенную между двумя полюсами переживаний²⁴.

Пытаясь продолжить искания левого гегельянца Л. Кнаппа, А.И. Петражицкий открыл перспективы для понимания новой теории права. В ней право захватывало все новые и новые сферы, на которые раньше юристы его не распространяли.

А.И. Петражицкий прекрасно понимал, что правосознание зависит от развития людей, причем не только психического. Понятие *интуитивного права* возникает в тех случаях, когда море народного гнева становится сильнее и страшнее под ударами правовой совести, когда "всепобеждающий смерч нового права дробит прогнившие скалы старого порядка". Появляется интересующее нас явление, без которого невозможно объяснить ни крестьянское повстанчество, ни максимализм анархистов. *Является тот чистый энтузиазм, тот правовой фанатизм, который во имя права требует не милости, а самого права, идет на жертвы с сознанием всепобеждающей правды и надежды на окончательный успех*²⁵.

Об этом же писал и А.П. Карсавин:

"Взаимоотношение между крестьянином и господином вовсе не является внешним, поддающимся числовому выражению фактом. Оно может быть определяемым или нет нормами права или обычая. Но даже если оно всецело определено точной нормою, чего никогда и нигде еще

не бывало, сама норма есть факт порядка психического, для историка к тому же существенный не в отвлеченности своей, а в конкретности. Важно, как представляла себе норму "средний" крестьянин, признавал ли он ее справедливую, выполнял ли он ее за страх или за совесть. Не зная этого, совершенно бесполезно говорить о нормах права в той связи, в какой они существенны для истории. Точно так же мало численно определить, сколько рабочего времени отнимали у крестьянина повинности и какую часть его расхода составлял оброк. Какою бы точностью ни отличались установленные нами цифры, сами они ровно ничего не означают, ничего "не говорят". Чтобы они заговорили, надо знать "субъективное" отношение к ним крестьянина"²⁶.

При одних и тех же повинностях крестьянин может испытывать разное душевное состояние и в одних случаях исполнять их добросовестно, а в других – с негодованием и революционным настроением. Историк пишет, что в реакционных и революционных районах Франции повинности могли существенно не отличаться, и хотя жить в реакционных районах было тяжелее... но именно там поддерживали короля...²⁷.

Естественное и интуитивное право, описано оно Карсавиным или Петражицким, одинаково касается как французских крестьян XVIII века, так и украинских крестьян XX века.

Значение интуитивного права или интуитивных правовых норм таково, что они *становятся масштабом и критерием* для оценки всех позитивных норм, существующих в обществе. Нетрудно убедиться, что

"фактически интуитивное право играет весьма большую и существенную роль в качестве фактора индивидуального поведения в массовых, социальных, экономических и иных явлениях, в обширных областях социальной жизни,

жизни, оно играет более важную и существенную роль, чем позитивное право"²⁸.

Более того, А.И. Петражицкий утверждает, что интуитивное право выступает фактической основой социального правопорядка, "действительным рычагом соответственной социально-правовой жизни" является именно оно, а не позитивное право²⁹.

Что же из этого следует? По мнению А.И. Петражицкого, то, что *необходимо принуждение и самоуправство там, где право встречается с произволом*³⁰.

Примечательно, что правовая психика на деле оказывается психикой борьбы и опасных разрушительных столкновений. В случае нарушения права она требует насильственного принуждения к праву. На той почве, где десятилетиями юристы отстаивали позитивизацию права, А. Петражицкий, вслед за Л. Кнаппом, склоняется к тому, что пусть лучше пропадет всякое право, чем будет торжествовать шаблон, спасающий от лишних потрясений и допускающий компромиссы. Лишь бы скрылось чудовище правового возмездия. Лишь бы не рождалось новых властных притязаний из народной глубины – вот установка позитивного права, с которым не хочет соглашаться А.И. Петражицкий³¹.

Он различает не только право и закон, но также закон домашний и закон общинный, закон промышленного предприятия и закон церкви, муниципалитета и провинции, города и государства. Право властное и безвластное также встречаются. *Самодержавие права оборачивается самодержавием законодателя, подавляющего в государстве правовые убеждения граждан*³².

Центральный пункт этого учения – отношение справедливости к положительному праву. Индивиды, группы и общности, обладающие интуитивно-правовой совестью, апеллируют к справедливости, а позитивное право костенеет и отстает от жизни. Интуитивное право развивается непрерывно и постепенно. Но в итоге подготавливает фанатическую ненависть к существующему порядку и его представителям, в конце концов вызывая взрыв и революцию³³.

У Петражицкого позитивное право подчиняется интуитивному праву, а не наоборот. Освобождение крестьян подготовило их психику для борьбы за дальнейшую справедливость. Позитивное право отравляло и портило интуитивную этику³⁴.

Конечно, крестьяне-махновцы не вели подобных интеллигентских дискуссий о праве, но воспоминания Н. Махно, П. Аршинова, В. Белаша свидетельствуют о высоком уровне интуитивного, или народного, правосознания в вопросах социальной справедливости, земли и воли.

Между идеями А.И. Петражицкого и современным пониманием правосознания есть непосредственная связь. Выдвигая идею политики права как новой научной дисциплины в правоведении, Петражицкий изучал психические особенности правового регулирования человеческого поведения. Двухтомный труд А.И. Петражицкого "Теория права и государства в связи с теорией нравственности" (СПб., 1907) стал краеугольным произведением для психолого-социологической школы права.

Проблемы правосознания разрабатывал и философ права начала XX века И.А. Ильин, который больше внимания уделял этическим основаниям права, предпосылкам русского правосознания, ре-

лигиозным истокам национального правотворчества и самосознания.

Справедливо полагая, что позитивного права оказалось недостаточно для разрешения коллизий русской социальной жизни, он обращался к живому правосознанию там, где М. Рейснер говорил о революционном правосознании, а А. Петражицкий об интуитивном праве.

"...Действующее в стране право – закон, указ, полномочие, обязанность, запрет – не может жить и применяться *вне живого правосознания* (курсив И.А. Ильина), не может поддерживать и оберегать ни семью, ни родину, ни порядок, ни государство, ни хозяйство, ни имущество)..."³⁵.

В годы революции вместе с борьбой с позитивным, или так называемым буржуазным, правом, которое не смогло сосредоточиться на содержательном совершенствовании норм, по мнению И.А. Ильина, произошел подрыв и постепенное ослабление *оберегающих жизненных сил правосознания*. При порывах революционного ветра в условиях возможности крушения и распада правопорядок не воспринимался как нечто угрожающее всей человеческой культуре.

Логика *кризиса правосознания* оказалась такой: отрицавшие буржуазное право одновременно отрицали естественное право, а отрицавшие позитивное право приходили к отрицанию правосознания вообще.

Если левые эсеры, меньшевики-интернационалисты и анархо-коммунисты соглашались сотрудничать во ВЦИКе и других советских учреждениях, мотивируя это своей борьбой за отмену смертной казни, сохранение формальных процедур правосудия и других элементов правосознания и правоприменения,

менительных норм и т.д., то большевики открыто встали на позицию, что закон и право совпадают в правосознании класса, что право есть воля господствующего класса, воплощенная в закон.

Подрыв правовых основ жизни приобрел тотальный характер. Диктатура понималась как власть, не связанная никакими законами, даже своими собственными.

"Революционное правосознание, – пишет В.В. Лунеев, – как основной критерий большевистской криминализации направлялось в основном против врагов революции, а понятие врагов определялось в каждой конкретной ситуации каждым конкретным борцом за социализм. Вспомним случай из "Оптимистической трагедии" В. Вишневского, где правосудие, как при перетягивании каната, переходило от комиссара к анархистам и наоборот. Победила комиссар, по обманному устному приговору которой и были расстреляны мешающие ей анархисты. Как оценивать ее поступок – правосудием, необходимой обороной или преступлением? С позиций классовой борьбы этот политически мотивированный расстрел негодных был правосудием, а с позиций элементарного права – умышленным политическим убийством... Никакого учета их по России не велось"³⁶.

Криминолог конца XX века В.В. Лунеев, глубоко исследовавший данный процесс, замечает, что сведения о преступности за 1917-1921 годы в РСФСР и других республиках не располагает и начинает отчет о динамике судимости только с 1922 года.

Правовой нигилизм в годы гражданской войны достиг своего апогея. И.А. Ильин, учитывая реальный опыт, призывал

"начать планомерную систематическую борьбу за укрепление и очищение современного правосознания. Если эта борьба не начнется и не будет иметь успеха, тогда пра-

восознание современного человечества станет жертвой окончательного разложения, а вместе с ним рухнет и вся современная мировая культура"³⁷.

Право есть начало мира, провозглашал И.А. Ильин³⁸.

Казалось бы, кто мог услышать эмигранта и белогвардейца в Советском Союзе? Но в конце существования СССР идеи И.А. Ильина не только вернулись, но и стали пропагандироваться государственной элитой. Несмотря на то, что отечественное правоведение во многом следовало измененным и искаженным традициям государственной школы, интерес к обычному и естественному праву, проблемам правосознания, психологического и социологического обоснования норм, несомненно, возродился.

Между тем, вопреки утверждениям И.А. Ильина, никто из участников революционного процесса не боролся против права вообще и не отрицал живого правосознания. Напротив, утверждая волю своей общественной группы и развертывая ее потенциал, крестьяне-повстанцы, анархисты-коммунисты, национальные элиты или большевики, денкинец или немцы – все участники революционного процесса боролись именно за право. Даже те из них, кто боролся против чужого государства (русского, немецкого и т.д.) или государства вообще, как махновцы, не отрицали право в принципе.

Они были носителями правосознания, границы которого быстро утрачивали отчетливость, создавая условия для возникновения маргинального права или маргинализации права³⁹.

В ситуации общественного кризиса институты государства и права подвержены давлению неправовых сил самого разнообразного характера. Их образованию способствуют субъекты социального дей-

ствия, исторические обстоятельства, степень применимости господствующего права и развитие правосознания в социуме.

Борьба за регуляцию социальных отношений в условиях гражданской войны неизбежно должна была обернуться появлением предпосылок и источников нового права. Переход страны к нэпу и угасание повстанчества одновременно привели к ограничению так называемого революционного правосознания. Однако это ограничение не стало нормой всеобщего законодательства, а само революционное правосознание трансформировалось в правоприменение вне правовых механизмов органов диктаторской власти.

Историки права оказались в сложном положении, когда несколько правовых пластов действительности, подобно палимпсесту, ставят перед исследователем задачу выявления наиболее подлинного, достоверного слоя действительности, извлеченного из фактов, свидетельств и документов.

Историки-аграрники, расставшись с рядом общеобязательных для советской науки догм, рискуют оказаться в роли апологетов частной собственности на землю и фермерского пути капитализма, но, сохраняя здравый смысл, предлагают исходить из опыта собственного народа, из понимания места земли в славянском социуме и традиций коллективистского периода, обосновывая более плавный переход к современным формам земледелия с реальным, а не мнимым плюрализмом секторов экономики.

Историки-экономисты обсуждают реалии становления экономических укладов и причины угасания одних из них, возвышения других и их превра-

щения в системообразующие структуры социальной эволюции.

Историки политического развития рассматривают специфику вызревания демократических традиций под контролем многовекового авторитаризма, слабость структурированности политических интересов, институтов, в том числе партийных систем начала века и нынешних, вышедших из тоталитарной практики однопартийного режима, особенно яркой именно в партийном строительстве.

Можно говорить об историках-социологах, историках-демографах, историках культуры и быта. Своих и зарубежных. Называть персоналии. Но предварительно следует обратить внимание на область, где работают универсалистски ориентированные историки (Э. Хобсбаум, Т. Шанин, Р. Конквест, С. Коэн, Э. Карр, И. Лысяк-Рудницкий, Р. Медведев, А. Авторханов, В. Данилов, С. Кульчицкий и многие другие). Они исходят из примата целого перед фрагментом и считают, что фрагмент не дает представления о развитии целого. Знание целого позволяет понять место фрагмента в построении концептуального видения меняющегося на глазах предмета, который находится в фокусе исследования. При всем несовпадении методологических позиций, идейных ориентаций, круга источников они едины в своем уходе от концентрации на изолированной теме как основе широких обобщений.

Это не значит, что позиция иных историков, а главное энтузиазм в воскрешении все новых подробностей исторического бытия должны уступить мировой схематике в духе знаменитого положения Джея Форрестера о том, что для описания всякой системы достаточно двух показателей – уровня и

темпов. Нет, полнокровное исследование всегда синтез, хотя зачастую и косвенный, реставраторства и рефлексии, дар памяти и явление включенности в современные процессы.

Время концептуального анализа всех сложившихся взглядов на отдельные процессы в исторической науке еще не пришло. Но есть темы, где накопленный материал позволяет это сделать.

Генезис украинского повстанчества исследован в десятках монографий и сотнях статей, поток которых усиливается, ибо память о взаимоотношениях народа и государства – один из импульсов повторения или неповторения ходов в новой исторической эпохе, при новом раскладе фигур, за которыми угадываются как прежние, сильно постаревшие, так и новые участники. Хотя всякая общность континуальна, принято говорить, что народ бессмертен (судьба летописных образов, впрочем, не должна забываться). Государство является порождением истории, и целый ряд поколений может оказаться "участником государственных строителей" ряда эпох. Тем ценнее опыт.

Предназначение историографа обычно не очень заметно и воспринимается в традиционном ключе: разработана тема полностью или частично, не было ли попыток "закрыть тему" и если были, то по каким мотивам; новы ли полученные результаты; исчерпана тема или нет; периферийна она или перспективна в контексте ведущихся исследований. А заодно историограф устанавливает: какие из работ содержат необходимые для решения коренных вопросов факты; опубликованы ли документы, свидетельства; полны ли источники; возможно ли открытие нового в смежных или косвенных материалах; кто и как

использовал документы. Он же дает критический обзор концепций, отсекает ненаучные утверждения, объясняет происхождение концепций отдельных авторов и целых направлений, намеренные и естественные ошибки и тенденции раскрытия темы в литературе. Историограф акцентирует смену социальных заказов, корпоративные интересы, а по возможности выявляет мотивы, которыми руководствовался историк при отборе и интерпретации фактов и свидетельств, и многое другое. Неброская работа историографа, даящаяся десятилетиями, чрезвычайно важна и необходима, и к брошюрам по случаю тех или иных дат ее не сведешь.

Историографию невозможно заменить ни источниковедением, ни вспомогательными историческими дисциплинами, ни историософией, ни философией или методологией истории, ибо только она ответит на вопрос об эволюции темы к моменту подготовки нового труда. Некоторые книги вообще появляются на свет только потому, что авторам недосуг заглянуть в библиографический отдел и справиться о том, что уже есть по теме. Так вновь и вновь формулируются вопросы, которые переформулировали еще современники событий, и даются ответы, мелькавшие уже не раз.

Традиционная историография в конечном счете выявляет направленность эволюции исторических взглядов, а точнее, взглядов на историю отдельных феноменов и целых периодов. Оценки событий, целостная картина происходящего, принципы периодизации, пространственно-временные рамки отбора материала в историческое исследование не вечны и изменчивы. Важно понять, что современное не остается таковым.

Вспомним, что первоначальное значение слова "историограф" – описатель истории. Например, Н.М. Карамзин был императорским историографом, а это означает, что при помощи источников и историков он, в некотором смысле, создал историю как описание развития государства Российского.

Вместе с тем, историография не заменяет историческую науку, исходя из того, что аспекты исторической реальности открываются конкретному историку не сразу и не целиком, а диалог с историей должен быть достаточно длительным, чтобы стать продуктивным.

Историограф не берется судить о правилах разрешения конфликтов в истории, о соответствии закономерностям знания предлагаемых другими науками подходов. Он обязан фиксировать появление самих новых подходов.

Тема повстанчества позволяет на историографическом базисе при новых методах и целях рассмотреть *альтернативы*. Сверхзадачей выступает не идеализация представлений участников событий о будущем, часто утопичных, а сами альтернативы, уточнение понимания того, *где и почему мы действительно находимся*. Какими путями следует мысль из прошлого в настоящее ради будущего? Горизонты туманны, а стремления подлинны. И участников, и наши. Стремления к истине, праву, социальной справедливости. Сверхзадача воплощает **волю к праву** народа, отражающую совпадение стремлений участников событий и задач исследователей в какой-то очень дальней точке, где события прошлого соприкасаются с будущим.

Историограф идет по вспаханному исследователями полю не с целью пожить заброшенной

мыслью, а чтобы выверить маршрут и показать, где были совершены открытия, а где еще есть выбор. В этом случае он берется и за работу историка, юриста, аграрника и любого другого исследователя социума, поскольку его задача не переписывать словую канву, а *находить дополнительные смыслы, затрагивающие известное и неизвестное*. Новое не только в хорошо забытом, но и подвергнутом проверке после ряда интерпретаций старом.

Объектом

данного исследования выступают *события украинской истории*, взятые в аспектах отображения в литературе, созданной как исследователями, так и участниками *повстанческих движений*, военачальниками, политиками, юристами, историками, в той мере, в какой она затрагивает указанную проблемную область. Используются также документы, свидетельства современников, публицистика, периодическая печать и статистика.

Объект всегда шире предметной области, связь с ним – условие продуктивного рассмотрения самой предметности. Предмет не существует без объекта, хотя объект остается доступным другим, неисториографическим исследованиям.

- Под махновщиной следует понимать способ самоопределения украинских крестьян в предельной ситуации конкретно-исторических событий крестьянской войны 1917-1921 годов под знаменами анархо-коммунизма, создавший неосновное левое, народное, советское движение за землю, волю и социальную справедливость.

- Под махновским советским анархо-коммунизмом следует понимать тип революционности, представляющий конкретизацию идеологии анархизма применительно к обстоятельствам времени и места пятой крестьянской войны в условиях крестьянского, полупролетарского и маргинального движения.
- Историография махновщины взята в данном случае как *предпосылка, следствие и повод* исследования событий гражданской войны на развалинах Российской империи, украинской революции и крестьянского движения в контексте взаимодействия населения и элиты в противоборстве за землю, мир, советы и справедливость.

Историография не дублирует историю, а выполняет свои собственные функции, важные для обновления потенциала научных исследований историков и юристов, политологов и социологов, экономистов и аграрников, всех тех, кто прямо или косвенно заинтересован в достоверных знаниях об избранном предмете.

Гражданская свобода и личная свобода не в одинаковой мере пробивают себе дорогу в русской истории. Гражданско-правовой либерализм и лично-правовой либерализм могут разделяться различными барьерами, отношение к которым не одинаково. Вряд ли крестьянин уделял внимание тончайшим оттенкам гражданской и личной свободы в идейных спорах господ, но практику русского барства он понимал прекрасно. Господа, исповедовавшие различные либеральные принципы, главным образом французского и английского происхождения, были готовы принять воззрения, вполне совместимые с

традициями их жизни и политическим горизонтом преобразования таких традиций. Отсюда раздвоение политического радикализма, который со времен декабризма или даже Радищева тяготел не к конституционному либерализму, а к диктатуре радикального меньшинства.

Логика конфликта

В историографии махновщины неизбежно отражается *логика конфликта*. Более того, отдельные силы, проблемы и фазы социального конфликта отражаются в последующей исторической литературе не одинаковым образом. Ибо историки, имеющие возможность развешивать тот или иной исторический или историографический дискурс, опираются на разный объем источников, разные методологические основания, выполняют различные социальные заказы, а также находятся под влиянием культурно-исторического контекста, который меняется от эпохи к эпохе. Рост объективных достижений исторической науки отнюдь не является линейным процессом, а в чем-то выступает продолжением социальной борьбы, длившейся десятилетиями.

Поэтому вероятно совмещение изучения логики конфликта и синхронии историографии. Восполнение тех или иных знаний о реальном историческом движении не проходит только за счет логических конструкций или новых методов, применяемых исторической наукой. Восполнение историографии невозможно исключительно на путях экстенсивного приращения все новых и новых источников.

Для темы украинского повстанчества важны сходные сюжеты и мотивы прежде всего в русской

истории, но не только. Качественно новая парадигма состоит в том, что *интересующий нас феномен является частью всемирного процесса повстанческих циклов, охвативших разные страны и континенты с периферийными обществами, одним из которых и оказалась царская Россия.*

Бросившие якорь в историю и объясняющие события с точки зрения того, какие действия предстоит предпринять в дальнейшем, зачастую не видят, что история движется вместе с ними. Поднявшие парус ищут в истории маяки, на которые стоит вести корабль преобразований, чтобы избежать ошибочного маршрута – опасных мелей и подводных скал. Они не замечают того, что осталось неизменным. В пути нужны и якорь, и парус, и почва, и маяк, и ветер, и горизонт.

Глава 1

Мифы и иллюзии крестьянской вольницы

В ЭТОЙ ГЛАВЕ:

- ✓ Интегрирующие мифы крестьянства и легенды махновщины.
- ✓ Крестьянская программа: достижения и иллюзии.
- ✓ Лидеры и участники о повстанческом движении. Историческая правда или истина объекта.
- ✓ Махновщина от первого лица.

Интегрирующие мифы крестьянства и легенды махновщины

Советская власть, установившаяся в 1917 году, стала объектом новой революционной мифологии, а требования о передаче власти советам – пунктом программы почти всех крупнейших крестьянских волнений в Украине.

В понимании участников движений содержание этого требования менялось, одни периоды реализации советской идеи противопоставлялись другим. Для одних участников массового движения советизация означала политическую смерть, для других – жизнь благую и бесконечную, для третьих – условие своего присутствия в революции, но большинство стало относиться вполне прагматично к ней лишь тогда, когда одолеть большевистский вариант этой власти было уже невозможно.

Большевики изменили первоначальный характер советской власти, закрепившийся в правосознании рабочих, крестьян, мелкой буржуазии, маргиналов и интеллигентов, принявших ее в 1917 году. На раннем этапе характер власти определялся почином народных организаций, заменивших старый государственный аппарат. Общность этих организаций лучше всего скрывает мифологемы власти народа, над которыми посмеивались и марксисты,

и анархисты. Народного государства не бывает, говорили те и другие.

Лозунги восстаний в разных районах воюющей страны носили почти исключительно "советский характер". Григорьев выступал за "самостийную советскую власть", Зеленый – за "самостийну вильну Радянську Украину", Махно – за "вольные Советы". Повстанцы требовали "настоящей советской власти", а не "поддельной" – коммунистов, "москалей или евреев". Эти лозунги дополнялись требованием самоуправления, которое вдохновляло большую часть крестьянских движений на территории бывшей Российской империи¹.

Бунт архетипов

В дальнем горизонте исторической памяти идея безвластной организации крестьянского самоуправления и вольных советов казалась продолжением дела запорожских казаков. Однако прямыми наследниками запорожцев провозгласили себя петлюровцы, хотя как мелкобуржуазные "революционеры-государственники" с момента принятия четвертого Универсала, они скорее примерили форму запорожцев, чем ухватили их дух.

В народной традиции Махно неоднократно затрагивал тему украинской идеи. Запорожское казачество, антикрепостнические восстания, народники, Бакунин, анархо-коммунизм, народные думы, просветительство, идущее от Сковороды, протестантские секты, распространенные в южных степях и частично связанные с генезисом анархизма, толстовство – нет возможности перечислить все мотивы, встречающиеся в пропагандистской литературе

анархистов и махновцев. Однако центральным моментом выступает не национальная идея и, тем более, не этническая среда, не родной язык (а Махно стеснялся, что не знает правильной украинской речи, и сожалел об этом), а топоним (место, вместительность народной души).

В философской терминологии отождествляя душу и сердце, Г.С. Сковорода писал о сердечном человеке, П.Д. Юркевич – о философии сердца, но с большим православным пиететом. Н.И. Махно пишет о широте и глубине украинской души, но понимает под этим совсем не то, что сторонники Центральной Рады, гетманата, Директории, объединений украинской общественности или органов национальной демократии.

Идея безвластной организации крестьянского самоуправления и вольных советов представлялась продолжением дела запорожских казаков, Освободительной войны 1648-1684 гг. и крестьянских войн С. Разина и Е. Пугачева. Украинская идея обрела даже не космополитический, а открыто интернациональный характер. Федерация коммун и общин, вольных хлеборобов представлялась гигантской сельской социальной утопией крестьянской войны и крестьянской революции.

При создании Комитета защиты революции повстанцы поднимали атамана на руки и кричали "сын революции Махно", чуть позже его станут называть отцом, батькой. Такого "титула" удостоивались запорожские гетманы, да пожалуй, Тарас Шевченко.

В сущности, вольная коммуна и крестьянский "вырий" (рай) совпали в горизонте анархо-коммунистической веры. Однако характер такой веры не позволяет считать ее несущественным фактором

движения. Если определить веру как жизнь в горизонте тайны, а для анархиста нет ничего божественно сакрального, то источником сакрализации оказывается народ, священная война с барамы и панамы.

Апология крестьянского насилия довершает представление Махно об украинской идее. С его точки зрения, украинская революция – это крестьянский поединок со всякой властью. Идеология махновщины – это идеология лютой ненависти к власти и принципиального конфликта с государством. Идеология мести. Мести государству за вековое поддержание угнетения крестьян крупными землевладельцами.

Можно, конечно, пойти путем простых аналогий и поисков прямых доказательств участия запорожцев в махновском движении. Ведь только село Новоспасовка, расположенное в двадцати километрах от Бердянска, и ныне называемое Осипенко, дало махновщине несколько тысяч бойцов и лучших командиров. Раньше оно территориально принадлежало к Кальмиусской паланке Запорожской Сечи, которая затем пополнилась за счет Сечи Задунайской, и жителей Новоспасовки зачислили в состав Азовского казачьего войска, назвав их поселение станицей².

Сопоставление Сечи, просуществовавшей три столетия, и анархо-коммунистической "Махновии", сражавшейся три года, действительно выявляет возможность их сближения в историческом и культурно-философском пространстве. Вольный советский строй в "свободном гуляйпольском районе" возвращает нас к тому факту, что народно-демократическое устройство Сечи было не только

военной, но и хозяйственно-производственной, этико-религиозной общиной. В этом и различие архетипов XVII столетия и стереотипов начала XX. *Бунтарская махновщина была актуализацией бунта архетипов, из которых лишь часть имела прямое отношение к историческому пространству Запорожской Сечи.*

Предпринимаемые по сей день попытки найти следы национальной идеи у православного духовенства, городских мещан или у реестрового казачества успеха не имеют. Марксистская трактовка национальной идеи как идеи капиталистической нации, создавшей или желающей создать национальное государство, то есть сведение национального к буржуазному, оспаривается активно и даже агрессивно. Историограф или историк может лишь проследить нарастание поисков национальной идеи на протяжении трех столетий, с XVII века вплоть до 90-х годов века XX.

Не обнаружив корней национальной идеи до эпохи Богдана Хмельницкого, украинские историки проявили тенденцию к идеализации демократических и республиканских основ Запорожской Сечи. Хотя Д.С. Наливайко писал о христианской казачьей республике в советское время. В 90-е годы акценты расставлялись несколько по-другому. *Возникло искушение видеть в Запорожской Сечи источники всех видов украинской власти.* Не случайно к традициям Сечи еще в годы гражданской войны зывали петлюровцы, гетман Скоропадский, махновцы и червоное казачество.

Выводить идеи – национальной демократии, республиканства, монархизма и правового государства – непосредственно из наследия Запорожской

Сечи стало трафаретным ходом современной мысли. Между тем В.А. Смолий и В.С. Степанков замечают, что под идеализированной формой правления Сечи

*"часто пряталась классическая охлократия, крайне опасная для государственного строительства. В действительности демократический принцип выборности на общих ("Черных") Радах своих старшин со временем развился в никем и ничем не ограниченное всевластие, а потому и своеволие масс... Руководство... было заложником доброй или злой воли, минутной вспышки позитивных или негативных эмоций казацкой массы и постоянно чувствовало над собой угрозу утратить не только должность, но и саму жизнь"*³.

Мифология махновщины творится и сегодня, срастаясь с мифологией запорожского казачества и национальной исключительности. Издатели из Запорожья, переиздавшие книгу Петра Аршинова "История махновского движения" – одного из первых и главнейших источников о махновщине – считают "народно-демократическое устройство казацкой республики" главным завоеванием запорожцев⁴.

Такая понятийная характеристика позволяет говорить о том, что западный человек

*"не распознал в самом центре Европы уникальный храм воли, до сих пор не осознал, что не только европейский и американский парламенты были ее средоточием, но и Сечь в безбрежье украинских степей"*⁵.

Опасность отождествить волю и политическую свободу, самоуправление казачьего круга и независимую государственность, сечевое товарищество и выборную старшину с республиканским строем заставляет углублять социальные характеристики казацкой вольницы.

Новизна ситуации переворачивала жизнь крестьян, но не делала их казаками. Всякий жизненный уклад имеет свой ритм. Крестьянский ритм более природен, цикличен. Нарушения и перебои воспринимаются особенно болезненно, но затем ритм восстанавливается. Сбиться с ритма означает неустроенность, беспорядок, болезнь, а не только нарушение обыденности.

Ритм может быть более быстрым или медленным, но крестьянин ценит его, а разрывы и перебои считает вынужденными и опасными. Отсюда гендерные и ресурсно-статусные ограничения в крестьянском поведении. Многие участники банд поддавались сезонным миграциям, дезертировали и уходили, потому что так делали другие. Если рекрутом или женихом человек может быть индивидуально, то дезертиром или отчаянным рубакой сельский парень часто оказывался за компанию.

Новизна страшила крестьян и одновременно очаровывала. Новые возможности, связанные с оружием, давали большее признание. Крестьянин ценит оружие. Любит воинскую дисциплину или ее подобие, чтит ранги и статусы. Тем более, в тех условиях, где его достоинство никто не оспаривает.

Напротив, в денкинской или врангелевской армии крестьянин изначально чувствовал себя второстепенным человеком при господах. Наличие офицерских полков без солдат было сигналом провала белого движения. Понимая, что никакая армия без них не обойдется, крестьяне некоторое время пребывали в уверенности, что с ними будут считаться.

Махновщина по П. Аршинову – "массовое анархическое движение трудящихся", хотя и не вполне

законченное, не вполне выкристаллизовавшееся, но идущее по анархистскому пути. Историк-анархист неоднократно повторял, что военная полоса в истории махновщины была продуктом объективных условий и отношений с другими силами, а не ее собственным продуктом. На военные рельсы движение встало не по своему желанию, оно было сбито с пути социального строительства. Только около полугода, с конца 1918 г. по июнь 1919 г., когда фронт находился в 200-300 верстах, почти под Таганрогом, многомиллионное население восьми – десяти уездов было предоставлено само себе, и потому в махновском районе существовали "прекрасные условия для созидательной работы"⁶.

Такие условия сохранить не удалось. Отношение большевиков к махновщине и анархизму постепенно эволюционировало. Примирение становилось невозможным, а пропаганда анархизма или махновщины отождествлялась с контрреволюцией. Не объявляя вне закона идейный анархизм, большевики объявляли вне закона махновщину. На практике отношение к махновцам и анархистам становилось тождественным.

Повстанцы, как, впрочем, и большевики, учились на собственном опыте. Если учесть, что крестьянин-повстанец одновременно и познает, и преобразует собственную действительность, и вместе с ней включен в социальное взаимодействие больших групп населения, акцент на познании, а не на действии может показаться странным. На самом деле интеракция (взаимодействие) и когнитивная карта (директивы и предположения) как раз и описывают его ситуацию.

Превращение ответственного чужака при определенных обстоятельствах в козла отпущения – это лишь инверсия, обращение собственного страха. Страх быть таким козлом отпущения. Выживание крестьянина часто зависело от смены ориентации с одного чужака на другого. А поскольку между всеми чужаками было нечто общее, то обязательная связь долго не устанавливалась. Труднее всего было со своим братом – повстанцем. Связи по горизонтали оказались устойчивее вертикальных. Сменить ориентацию отряда было легче, чем убедить такой же отряд в правильности смены. И все же крестьянское сознание, не задавленное схемами и системами, целостно воспроизводило ситуацию как более или менее благоприятную для выбора интегрирующего мифа.

Сочетание несочетаемого

Другая легенда была связана с бесчисленными полчищами врагов, которые якобы навалились на молодое Украинское государство. В действительности ввод советских войск зимой 1917-1918 гг., в конце 1918 г., и летом 1919 г. сопровождался такими большими трудностями, что сколько-нибудь серьезное единство национального движения могло-таки решить проблемы государственности.

На самом деле не "болезнь безгосударственности" (терминология В. Липинского), а другие, более важные в данный момент проблемы – вооружение, продовольствие, земля, гарантии и т.д. – отвлекали силы от несколько искусственной постановки проблемы государственности. Или ничто, или "Нация превыше всего" (как позже формулирует Д. Донцов). Однако

не всякая государственность могла устроить украинское население.

Не национальная идея, не чаяние государственности, не Запорожская Сечь лежали в основе интегрирующего мифа радикально настроенных крестьян. *Революционное правосознание советской идеи общества без господ, отождествленного с вольным коммунизмом уравнительного передела земли, соединенное с народническим представлением о земле и воле, стремление жить по естественному праву составляли основы этого мифа.*

Мифологическое сочетание несочетаемого и прагматичный расчет на то, что все захваченное не отберут, вдохновляли на дальнейший путь к удаляющемуся горизонту. Не только повстанцы, но и крестьянство в целом понимало, что возврата к прежнему нет, а будущее – предмет собственных усилий. Величие и просчет содержались в том, что объединяло крестьян-анархистов между собой и отделяло от других революционных общностей и групп.

Крестьянский опыт порождает противоречия между представлением о том, как должен быть организован мировой порядок, и реальностями мира, впавшего в расстройство и беспорядок.

"Истинный порядок еще должен прийти – путем сверхъестественного вмешательства, путем восстания или иными путями сразу. Крестьянский анархизм и апокалиптическое видение мира вместе обеспечивают идеологический заряд для крестьянских восстаний"⁷.

Легенды и мифы махновской вольницы могут быть правильно поняты и истолкованы как несистематическое вранье, объект исторической критики, научной интерпретации, в том числе научно-

психологической. Тут необходимо сотрудничество конфликтологов, историков, юристов, психологов и культурологов. Множество работ на будущее, но работ благодатных, ибо в них, возможно, произойдет чудо воскрешения народной психологии переломного времени. Отдельным дисциплинам оно неподвластно.

Есть и простые примеры, нетрудные для интерпретации. Среди легенд о Махно любопытны, например, две "детских": когда его крестили, на священнике загорелась риза. По примете, младенец должен был стать большим разбойником. Когда Махно вернулся с каторги и у него с первой женой родился ребенок, по легенде, с зубами, говорили, что антихрист. Но ребенок вскоре умер. Пожар и зубы даже при полной баснословности легенды – знаки опасности для окружающего социума.

Но есть и более сложные примеры. В воспоминаниях Махно касается своей мечты 1917 года, плавно переходя от стихов к прозе. Он видит будущий строй Украины,

"где бы не было рабства, ни ажи, ни позора! Ни презренных божеств, ни цепей, где не купишь за злато любви и простора, где лишь правда и правда людей... Такой строй я мыслю лишь в форме вольного советского строя, при котором вся страна покрывается местными совершенно свободными и самостоятельными социально-общественными самоуправлениями тружеников. При посредстве съездов эти самоуправления устанавливают общий порядок взаимоотношений между собой. Создают свой учетно-статистический, распределительный и посреднический органы, вокруг которых в интересах страны и ее свободного народа гармонируют на поприще всестороннего социально-общественного строительства свою работу"⁸.

Миф и утопия? Реальная возможность социального строительства? Нереализованная альтернатива? Пожалуй, скорее все-таки надежда на будущее, на то, что не исчезает. Миф живет в деятельности людей, пока есть общность его создавшая. Желание продолжать поиск справедливости – завещание повстанцам иных времен.

Крестьянская программа: достижения и иллюзии

Ни одно движение не возникает в законченной форме. То, что существует в идеале, планах, программах, и то, что есть в массовом движении, идущему к цели, постепенно и поэтапно совпасть не может. Анархисты считали, что, овладев социальным строительством, рабочий класс не уступит своей инициативы. Но они не могли не понимать, что между их организацией и народным движением подчас возникает пропасть. В махновщине их привлекал народный, низовой, истинно пролетарский источник движения, как они сами его понимали.

Кроме того, с момента зарождения движения, помимо спонтанной стихии, присутствовало сознательное начало, которое, по осторожному выражению П. Аршинова, опиралось

"на некоторые бесспорно анархические принципы: а) на право полной инициативы трудящихся, б) на право их хозяйственного и общественного самоуправления, в) на принцип безгосударственности в социальном строительстве"⁹.

Социальное строительство в Анархо-Махновии

Социальное строительство в Анархо-Махновии налицо: самоорганизация в советы, местное самоуправление, народные организации, свобода политической пропаганды левых партий, базы снабжения, культпросветотдел, школьное дело и даже театр. Разумеется, в этом больше импровизации, но и обстановка войны не располагала к большому.

В условиях соглашения с советской властью активное ядро махновцев приступило к революционным мероприятиям социального строительства. После освобождения Гуляйполя от врангелевцев основное внимание было направлено на организацию вольных трудовых советов как органов местного рабоче-крестьянского самоуправления. В основу была положена идея полной независимости от какой-либо посторонней власти и подотчетность только местным труженикам.

В ноябре 1920 г. гуляйпольцы около семи раз собирались всем селом на сход, где решали вопросы самоуправления. Решали тщательно и осторожно. В середине ноября Вольный совет был создан, но это был лишь первый шаг самоорганизации трудящихся, который требовал времени и опыта. Примерно в это время Совет революционных повстанцев разработал и отпечатал проект "Основные положения о вольном трудовом Совете"¹⁰.

Именно в это время махновцы занялись школьным делом и начали собирать разбредшихся по селам учителей. Они отделили школу не только от церкви, но и от государства. Анархисты – последователи и проповедники идей свободной школы ис-

панского просветителя Франциско Феррера вместе с теоретиками и практиками идеи единой трудовой школы читали гуляйпольцам доклады-лекции по теории и практике школы. На таких собраниях неоднократно присутствовал Махно, несмотря на ранение в ногу. Гуляйпольцы создали школьную комиссию из представителей крестьян, рабочих и учащихся, поручив ей учебно-организационную и хозяйственную сторону школьного дела. Схема свободного обучения, сходная со схемой свободной школы Феррера, предполагала также обучение взрослых¹¹.

Одновременно были организованы курсы политической грамоты для повстанцев, в программу которых входили политэкономия, история, теория и практика анархизма и социализма, история Великой Французской революции (по П. Кропоткину) и история революционного повстанчества в русской революции.

Не только французская революция, но и анархистский интернациональный опыт содействовали принятию новых мифов. Одним из них была вера крестьян в силу просвещения, в чудодейственную систему педагогики.

Для будущего повстанческого движения было значимо "дело Феррера". В 1909 году Ф. Феррера обвинили в руководстве мятежами на территории Каталонии и казнили. В те времена Барселона была известным центром анархизма. На самом деле казнь была несправедливой, поскольку в мятежах он не участвовал, хотя и был в дружеских отношениях с руководителями анархистов. Образ мученика и педагогическая система Ф. Феррера нашли отклик в анархистских кругах и получили распространение

не только в Каталонии, но и в южных степях Украины.

Либеральное общественное мнение склонялось к негласной поддержке террористических актов, что, по сути, означало гласную реабилитацию многих анархистских деяний. Вступавшим в их союзы казалось, что быть анархистом – значит находиться в эпицентре поединка с самодержавием, хотя, в сущности, это была периферия борьбы.

"Коллективные мечтания, в какой-то мере опирающиеся на реальность, имеют важное значение для характеристики социальных групп и особенно для анализа политического сознания"¹².

Из других дел мирного времени можно отметить работу культурно-просветительского отдела армии махновцев и театральную секцию, в которой любительскими силами местного населения, сельской интеллигенции и повстанцев ставили коллективно написанную пьесу "Жизнь махновцев", состоявшую из нескольких действий, в которых разыгрывалась драма борьбы с деникинцами лета 1919 года. Игра местных любителей, а не профессиональных артистов привлекала повышенное внимание и углубляла интерес к театру. Герои пьесы искренне обсуждали свое тяжелое положение, готовились к восстанию и обращали взоры к своему вождю Махно, отступающему под натиском Деникина и Троцкого.

Говоря о культурной работе у Махно, можно привести пример, когда при закрытии повстанческого съезда в марте 1919 г., к 105-летию Тараса Шевченко в зале кинематографа провели "театрализованное представление трагической биографии". Хор и оркестр исполняли произведения на его слова. "Реве та стог-

не Дніпр широкий" повстанцы слушали стоя, а после антракта играли драму "Назар Стодоля"¹³.

В ряде городов России и Украины даже в ходе ожесточенных боев на деньги махновцев издавались анархистские газеты и журналы, печаталось множество листовок с призывами к участникам повстанческого движения и местному населению.

С самого начала анархистские затеи гуляйпольцев в области самоуправления и культурничества неизбежно приходили в столкновение с планами советской власти.

Народное самоуправление предшествовало национальной идее

Какими бы маргинальными ни были представления неграмотного крестьянина по поводу социума, за редким исключением, он не выдвигал религиозных утопий абсолютной справедливости. Фанатизм украинского повстанца ограничивался достижением приемлемых условий существования для его семьи и села. От власти даже не требовалось чрезвычайных усилий, чтобы удовлетворить потребности крестьянской массы. Крестьяне никогда не ждали ответа на демагогический вопрос: "Кто накормит народ?". Их представления о справедливости были обусловлены практическими нуждами хозяйствования на земле.

Уровень их притязаний в сфере экономической справедливости не возвышался к идее полной автономии и независимости от внешних условий. Практичный крестьянин уже не мыслил себя без города и его благ, подступающих к деревне. Его справедливость предполагала прежде всего право на произведенный им продукт и право на защиту этого про-

дукта государством или социальной силой, взявшей на себя ответственность за защиту условий существования.

Трудное понятие эксплуатации крестьянин не понимал буквально, скорее он был восприимчив к объему отчуждаемой продукции. Ярость и негодование крестьян вызывали не притязания хозяина земли или государственной казны вообще, а нестерпимые, чрезмерные притязания, систематически нарушавшие социально-экологический баланс сельской жизни.

Крестьян мог рискнуть всем не тогда, когда сокращался его средний доход, а тогда, когда самообеспечение делало невозможным социальную адаптацию к тем правилам, которые власть постоянно меняла.

Однако в своих представлениях о справедливости и равенстве крестьяне не были чужды избыточных расходов и перераспределений, когда это необходимо для адаптации. Если крестьянин богаче своих соседей, его роль в организации коллективных празднеств, помощи нуждающимся родственникам и соседям, в дарах церкви и даже в делах чуждой ему ("барской") филантропии возрастает. Эти расходы он воспринимает как страховку на будущее, поскольку лишенная поддержки беднота может стать угрозой для более зажиточного соседа. Да и в трудностях помощь бедноты также не будет лишней.

При отсутствии угрозы голода примитивная крестьянская среда, по мнению К. Полани, более гуманна, чем рыночная система. Хотя эта среда менее эффективна в экономическом отношении, но зато на основе исторических и этнографических сведений можно утверждать, что перераспределительная

практика в традиционной крестьянской культуре носит повсеместный характер. *Когда крестьян нуждается в минимальных гарантиях выживания, то внутренние ресурсы общины служат этому эффективнее, чем рыночная экономика или государственная помощь*¹⁴.

"Возникает живописный образ молодого крестьянина-мятежника, который бросает вызов рутине повседневной крестьянской жизни. Наивное фанфаронство, типичное, по словам Знанецкого, для молодых крестьян, старающихся сохранить свою индивидуальность в жестких рамках семейных ограничений, многое объясняет в действиях крестьянских повстанцев. Герой-лидер, окружающие его легенды, его "личное обаяние" могут в значительной мере заменить идеологию и организацию в качестве объединяющих факторов. Все это сказывается на общем характере крестьянских отрядов как боевой силы, особенно в условиях гражданской войны"¹⁵.

Крестьянам свойственен хорошо рассчитанный конформизм. В аспекте социального конфликта любопытно, в какой степени для крестьян необходимо существование общественного мнения.

"Ни сплетни, ни, например, диффамация не имеют большого смысла, если нет единого мнения относительно того, что же является ненормальным, недостойным, невежливым. В некотором смысле жесткость аргументации объясняется тем, что она призывает к всеобщим ценностям, которые, как заявляется, были преданы"¹⁶.

Народное самоуправление в казачьих землях предшествовало национальной идее. А идея вождя, батьки – сопутствовала.

Представления крестьян об отношениях с лидером или чужаком весьма интересны. Успех чужака

воспринимался ими как поражение, а собственная неудача – как следствие его недоброжелательности.

Крестьянский мир представляет *моральную общность людей*, которые строго следят за тем, чтобы любой лидер или вожак выполнял свои обязательства в сделке. Если сделка не выполняется, крестьянин не только игнорирует обязательства, но пытается подстраховаться себя упреждающим жульничеством. Отсюда распространенные представления о государстве-дураке и чиновниках-глупцах. Сколь часто бы ни обманывал чиновник крестьянина, но даже один случай обмана самого чиновника со стороны крестьянина реабилитирует последнего в глазах общины.

Если чужаки – враги, то нужны посредники и миротворцы, а это люди особенно опасного статуса. В случае провала дела крестьянин стремится обвинить посредников, которые тут же превращаются в заведомых предателей или вражеских агентов. Однако расширение сферы деятельности связанной с крестьянским миром, без посредников невозможно. Таким образом, путем сотрудничества чужаки все-таки могут включаться в деревенскую общность. И напротив, крестьяне, вжившиеся в роль чужаков, теряют свое место в моральной общности.

Эффективные изменения и ощутимые успехи крестьянам кажутся возможными только благодаря использованию антиобщественных средств. При этом сам крестьянин только инструмент в руках чужаков при осуществлении их планов. Так мы проникаем в сердцевину крестьянского отношения к инновациям. Они желательны, опасны и асоциальны одновременно.

Критерии обязательств для крестьян иные, чем для тех, кто с ним сталкивается. По мнению Ф. Дж. Бэйли,

"то, что в современном мире осуждается, как кумовство и коррупция, в мире традиционном часто является всего лишь выполнением обязанностей"¹⁷.

Ф. Дж. Бэйли пишет, что для характеристики традиционного сознания можно использовать и такие категории, как этос, мировоззрение, коллективные представления, верования и ценности, идеология и культура. Но он предпочитает когнитивные карты:

"Сравнение с картой здесь допустимо, ибо по ней можно ориентироваться в действиях. Когнитивные карты состоят из ряда ценностных директив и имеющихся в наличии предложений, что вместе позволяет направлять социальное взаимодействие"¹⁸.

То, что народное самоуправление, пусть и в зародышевой форме, предшествовало в казачьих землях национальной идее, нам представляется очень важным. Более того, сама *мысль о соборной Украине никогда не родилась бы без идеи казачьего самоуправления. Объединение украинских территорий Правобережья, Левобережья, Запорожья и Слобожанщины, а это и есть пространственное начало идеи соборности, оказалось бы под вопросом без способности населения к самоорганизации и самоуправлению.*

Миф о преобладании уголовщины и отсутствии идейных мотивов

От эпохи к эпохе историки "перетаскивали" официальный миф о преобладании уголовщины и отсутст-

вии идейных мотивов у махновцев. Анализ действий различных сил в гражданской войне не выявил ни одной, которая бы брезговала уголовщиной.

Как отмечал один из журналов партии кадетов:

глядя на отряды партизан, в то время было невозможно определить, "где начинался Петлюра и заканчивался Пятаков"¹⁹.

Были атаманы, выдававшие себя за махновцев, но на деле к ним не относящиеся. Популярная фигура обрастала легендами, и у противников возникало ощущение, что батька везде и нигде, как это, впрочем, и положено партизанскому вожаку.

Заманчиво объяснить антивластные заявления Махно как отрицание всякой власти и призыв к разбою. Именно так видела его фигуру белая сторона, и даже пронизательный критик советской власти В.Г. Короленко назвал махновщину мефистофельской гримасой на лице революции.

Индивидуальную лютость и циничную злобность вожака гуляйпольских повстанцев подчеркивали и К.В. Герасименко, и М. Гутман. Жестокость в отношении белых офицеров и предавших его людей объяснима, хотя и неоправданна, но приступы беспричинной жестокости возвращают к вопросу о природе повстанчества.

Есть и другие свидетельства о жестокости и стиле поведения махновцев. В октябре 1919 года, заняв Екатеринослав, махновцы не тронули в лазаретах никаких солдат других армий, включая офицеров-деникинцев, хотя в повстанческом районе их уничтожали в первую очередь.

Вместе с тем, махновцы расстреляли собственных командиров Богданова и Лашкевича. Начальник штаба второй бригады Богданов был расстре-

лян от имени повстанческой армии в октябре 1919 года за использование в личных целях контрибуции, наложенной на буржуазию города Александровска. Летом 1920 г. по постановлению собрания повстанцев был расстрелян популярный командир 13-го полка Лашкевич за растрату армейских денег на личные удовольствия и за то, что, имея армейские деньги, не помог повстанцам, находившимся в критическом положении²⁰. П. Аршинов пишет, что другие серьезные ошибки и отрицательные проявления были настолько мелки и незначительны, что нет смысла на них останавливаться.

Есть свидетельства даже о расстрелах за пьянство, по-видимому, тех, кто попал под горячую руку. Очевидно, сказывались и запорожская традиция, и здравый смысл: обычность пьянства в мирное время и недопустимость в военной обстановке. Свидетельства очевидцев о пьянстве Махно и его соратников стало общим местом, однако в годы гражданской войны пьянство в белых, зеленых, красных штабах и армиях не было редким явлением, поскольку обстановка предполагала психические стрессы, срывы и разрядки.

Преступления также могут характеризовать социальную борьбу. Сфера массовой мотивации включает сложную гамму ориентаций и стремление присвоить свое и чужое. Способы этого определяют соотношением сил.

Аграрный террор анархисты-коммунисты рассматривали как средство достижения цели, что отличает их от подобных течений в развитом мире. Начиная со времен южных бунтарей, ориентированных на бакунизм, и вплоть до индивидуальных акций боевиков первой революции украинские

анархисты видели смысла аграрного террора не столько в мести эксплуататорам, сколько в побуждении населения к организации крестьянских восстаний и созданию подпольных структур, спаянных кровью, для организации бунтов. Восстание мыслилось с захватом земель, ибо без земли, объясняли анархисты народу, не избежать голода и не добиться возрождения.

Основной трудностью оказалась непригодность избранных средств, организационная слабость, не позволившая придать законченность и победоносность восстаниям крестьян. Чаще всего они присоединялись к недовольству, плелись в хвосте событий, и даже самые смелые акции воспринимались в городе как акты отчаяния, а в деревне – по принципу "баре чудят, нам-то что..."

Сторонники большевизма, как полагает А. Грациози, в отличие от представителей других неопопулистских движений никогда не исходили из мифа о "хорошем крестьянине" и "хорошем рабочем" и никогда не считали, что социализм можно построить, сражаясь только против класса эксплуататоров. Но и в этом случае, на наш взгляд, период между 1918 и 1922 годами образует окончательный водораздел.

Большевистское руководство сделало из событий этого периода вывод, что подавляющее большинство субъектов нового государства, как крестьяне, так и рабочие, т.е. "народ", являются их настоящими врагами²¹.

Лидеры и участники о повстанческом движении. Историческая правда или истина объекта

Нестор Махно причислял себя "к несомненно передовому элементу" трудовой семьи, который царское правительство путем каторги (здесь он указывал на то, что отбыл в тюрьмах 8 лет и 8 месяцев) стремилось вырвать из массы, "дабы убить инициативу" искоренения лжи "царско-помещичьего строя"²².

Махно не возражал, когда его именовали повстанцем, атаманом, анархистом, народным мстителем, батькой. Сам себя называл: тружеником, вольным хлеборобом, крестьянином, анархистом-коммунистом, советским коммунаром, трудовым элементом, комбригом, вожаком народной армии, революционером и бунтарем. Но он резко отрицательно высказывался о тех, кто причислял его к бандитам, разбойникам, преступникам, безответственным элементам, врагам революции, мятежникам или контрреволюционерам.

Махно – крестьянин? И да, и нет. Махно – рабочий? И да, и нет. Махно бандит? И да, и нет.

Махно – социальный маргинал. Человек-оркестр

Он крестьянин среди рабочих, рабочий среди крестьян. Батрак среди кулаков, кулак-хозяин среди бедняков-батраков. В нем жив антигородской дух вольницы и, вместе с тем, слышен голос городского

профсоюзного агитатора. Он не носитель политической культуры, но он ее косвенный агент. Он невозможен вне традиции бунтарей и пропагандистов, народников и анархистов, сектантов и ортодоксов, которые всегда осуществляли связь массы и контрэлиты.

Он и есть представитель контрэлиты. Беспощадный и безжалостный, последовательный и решительный, не сентиментальный и склонный к нервным припадкам, отчаявшийся и отчаянный главарь. Он – результат сдвига и мутации народного сознания и самосознания. В нем слились и интеллигентские разговоры, и псевдомудрость брошюр, и потаенная народная легенда о другой жизни.

Он развил себя сам. В этом ограниченность и величие. Мудрость и низость. Фарс и трагедия. Смертность и бессмертие тех, кто представляет оркестр социальных связей (совокупность общественных отношений) в том месте, где находится дирижерский пульт. Самые книжные слова и глубинные народные чаяния. Музыка анархистских маршей и голос гогочущей голытьбы. Безграничная вера в возможности народа и столь же безграничный нигилизм и цинизм в выборе средств. Вера в самое светлое и готовность к самому темному.

В сущности, борьба за землю всегда вовлекала в противодействие отчуждению (социальное освобождение) самые светлые умы и самые темные инстинкты. Обретение земли и почвы под ногами часто делало таких людей замкнутыми крепкими хозяевами, которых на Украине иногда справедливо, а иногда нет, называли "куркулями" или "жлобами". Отсутствие почвы под ногами делало таких людей гуртовщиками, уводившими на далекие заработки,

контрабандистами, мигрантами, преступниками, вожаками банд или крестьянских отрядов, бомбистами или пропагандистами, бунтарями или сознательными революционерами, но никогда – лавочниками, реформистами, приказчиками, канцеляристами или офицерами. Главной способностью становилось водительство людей, а дело определяли исторические обстоятельства и пресловутый субъективный фактор.

Махно прекрасно понимал свою роль в движении и в решении земельного вопроса в общественном комитете Гуляйполя, точно указывая, что группа анархистов-коммунистов, вставшая на путь экспроприации, но медлившая с ней, "стала на этот путь исключительно под моим влиянием"²³. Иначе и быть не могло. Ученичество закончилось. Маргинал возжелал стать нормальным индивидом, свободной личностью, членом сообщества сознательных тружеников в ненормальных, маргинальных, попросту нечеловеческих условиях борьбы за существование.

Отличие от многих состояло в приглушенном характере индивидуализма, ибо его отделение от сельского мира так, в сущности, никогда и не завершилось. Бунт архетипов и архетипических представлений не давал сложиться самооценке государственника. В отличие от ставшего государственным экспроприатора имений бессарабских помещиков анархиста Григория Котовского Нестор Махно так и остался анархистом. Присматриваясь к большевикам, он видел часть их правды, но понял, что часть его правды в силу исторических обстоятельств и пресловутого субъективного фактора они все равно не примут.

В период успешной партизанской войны крестьянин увидел свой регион в качестве земли обетованной. Длительное отсутствие властей вело к восстановлению доверия к самому себе и своим возможностям. Крестьяне охотно отвлекались на идею крестьянской республики или вольного края. Анархисты добавляли масла в огонь. Волин и другие видные махновцы утверждали, что вокруг Гуляйполя сложилась едва ли не единственная освобожденная территория поработанного человечества. В большинстве своем крестьяне в это не верили, но важен был архетип, что другая жизнь в принципе возможна.

Роль лидера – его роль, но он не вполне понимает это. Одна из догм анархизма состоит в том, что в истории нет лидеров в старом смысле этого слова. В анархо-коммунизме подлинным лидером может быть только коллектив. Крестьянская революционность и азбука анархизма не первый и не последний раз оказались в противоречии. Знающий теоретические аргументы анархизма, отрицавшие вождей, Махно не считал вождем даже Кропоткина, но как практик понимал, что эта роль досталась ему. Отсюда его сомнения в собственной готовности и попытка волевыми порывами восполнить отсутствие знаний, опыта, перспективы.

Как крестьянский вождь и руководитель крупнейшей крестьянской армии Махно не выглядит столь уж демоническим авторитаристом, как многие видные политики и полководцы гражданской войны. И отчасти даже оправдывает своими поступками (например, отставкой с поста командующего) свой каторжный псевдоним "товарищ Скромный". Любопытно, что Махно называют "большим

человеком", но среди его прозвищ с 1920 г. фигурирует и "Малый" – за его небольшой, как показалось одному из повстанцев, рост.

Вот пример одного из типичных описаний вожака повстанцев:

"Махно походил на разукрашенную куклу. Ниже среднего роста, живой в движениях. С маленьким лицом, вздернутым носом, быстрыми карими глазами и длинными волосами, спадавшими на шею и плечи, он казался мальчиком. Одет он был в маленькие офицерские сапожки, диагональное галифе, драгунскую с петлицами куртку, на голове студенческая фуражка, через плечо маузер"²⁴.

Махно запомнили

"безгранично щедрым и не менее жестоким. Такого рода свидетельств о Махно в избытке, недостаток в другом – почти никому не удалось достаточно убедительно раскрыть внутренний мир этого человека..., очертить мировоззренческий круг, достаточно четко определить политическое кредо"²⁵.

Вождизм – знакомая болезнь, но и она имеет сравнительные и превосходные степени. Анархизм отрицает вождизм, и в этом пункте Махно выступает не столько отступником, сколько новатором, позволяющим уточнить теорию и признать значение исключений, правда, в другом смысле. Набатовцы не признали то, что анархистам-махновцам было очевидно: движение без лидера обречено стать добычей движений, обладающих лидерами, причем не обязательно яркими, но достаточно ценящими лидерство.

"Народной исторической метлой" называет анархист Аршинов вождя движения в течение всей его деятельности и в период разгрома деникинцев в

частности. "Исполинское помело" продвигалось по Украине, разя прежде всего символы народного рабства – тюрьмы, полицейские и комиссарские участки, уничтожая его носителей – помещиков, кулаков, урядников, священников, старшин, спрятавшихся офицеров.

Особенно болезненно П. Аршинов воспринимает обвинения в кулацком характере махновщины:

"В действительности – там, где нарождалась махновщина, кулачество всегда искало и находило себе защиту под крылом советской власти"²⁶.

Обвинения в потворстве кулачеству были взаимными.

Хитроумие батьки Аршинов рассматривает как истинно народную черту, проявляющуюся во всем. Мировоззрение Махно он определяет как мировоззрение анархиста-коммуниста, фанатично преданного своему классу, каковым, по Аршинову, является бесправное и подневольное беднейшее крестьянство. А лучшей характеристикой Махно как сына народа считает фразы повстанцев:

"Он и стакан водки выпьет с нами, и речь хорошую скажет, и в цепь пойдет..."

И далее Махно превращается в украинский вариант Жанны д'Арк. Очевидно, Аршинов сам чувствовал масштаб преувеличений, утверждая:

"Его связь с народом всегда была настоящей, черноземной связью. Вряд ли в России найдется человек, который бы пользовался такой популярностью и живой любовью масс, как Махно"²⁷.

И хотя Махно, по его словам, относился к этой любви с украинским юмором, посмеиваясь над нею,

у Аршинова хватает запальчивости для такого преувеличения.

Махно так смел, что Аршинов считал это даже психической аномалией, ибо тот разгуливал под пулями, как под дождем:

"постороннему наблюдателю хладнокровие Махно могло бы показаться хладнокровием душевно больного человека"²⁸.

Временами это могло свидетельствовать и об ощущении безвыходности положения.

Указывая и на недостаток теоретических знаний Махно, Аршинов делает вывод, что это отражалось на его положении в повстанчестве:

"Мы того мнения, что обладай Махно большими знаниями по истории и общественно-политическим вопросам, революционное повстанчество вместо некоторых поражений имело бы ряд выдающихся побед, которые сыграли бы колоссальную, – быть может, решающую роль в дальнейшей судьбе всей русской революции"²⁹.

Стремясь соблюсти некую меру объективности, Аршинов сводит пороки Махно к излишней беспечности, и даже беззаботности. Но в чем он действительно прав, так это в том, что Махно рос и развивался вместе с ростом и развитием самой революции, его личность становилась крупнее с размерами движения и его общеукраинского характера.

Анархисты не сразу восприняли его как крупного исторического деятеля. Редким исключением называет Аршинов слова Кропоткина: "Передайте от меня товарищу Махно, чтобы он берег себя, потому что таких людей, как он, в России не много" (июнь 1919 г.)³⁰.

Легенда, творимая историками, – диктаторство батьки. В противовес С. Волку В. Верстюк пишет:

"...Совершенно необоснованны утверждения о Махно как диктаторе. Диктатура в махновщине нонсенс, глубокое заблуждение... Свою волю он мог подчинить воле большинства. И это тоже одна из его характерных черт"³¹.

Но есть и другая крайность – вроде Махно и анархистом-то не был, а между анархистами и махновцами произошел раскол, вместе они были лишь против государственной диктатуры – правой помещицкой и ультралевой коммунистической³². Следует еще доказать, что самоуправление махновцев не коммунистическое, а они не ультралевые. Если же это доказать не удастся, то *политическая маргинальность и стремление к восполнению социальности силовыми методами по отношению к собственности и власти* сближает махновщину и анархокоммунизм и делает термин анархо-махновщина не столь уж нелепым.

Сегодня принято писать, что Махно был против диктатуры централизованного государственно-партийного аппарата, враждебно относился к этой системе и ее творцам. Это также часть правды, ибо он не мог не понимать, что перед ним и его бойцами громадная машина. Только правота крестьянского дела да бесшабашная мудрость анархиста, не верящего в оборотливость аппарата, помогала противостоять.

Но главной все-таки была иллюзия, что крестьяне и рабочие могут договориться и власть будет считаться с их волей. Незыблемая вера в восставшую массу подорвется лишь к концу партизанской

эпопей, когда станет ясно, что хребет повстанчества перебит.

Все остальное, что случится с крестьянством впоследствии, будет уже результатом гибели вооруженного авангарда революции, которым Махно и считал свою армию. Задолго до Ф. Кастро и Э. Че Гевары Махно полагал, что повстанческая армия может играть роль силы обретения и защиты нового строя, но в отличие от Р. Дебре он никогда не считал, что она выполняет роль партии. Ибо человеком партии Махно никогда не был.

Не человек системы, не человек партии, не военный профессионал – чин армии, зачем он был нужен новому режиму?

Много сказано о его главных чертах – огромной силе воли, изумительном хладнокровии, тактической хитрости, стратегических талантах и, конечно, о мужицких отношениях с крестьянами, любви к простой жизни и несомненном анархизме. П. Аршинов, несомненно, идеализирует своего героя, подчеркивая, что этот небольшой человек сложен из особо твердого материала. Махно для него *человек исторического действия*.

Тут можно вспомнить русского философа А.П. Карсавина, который считал, что большевики как государственники, при всей неприемлемости их политики для белых, не выступали крайней силой революции, а наоборот, сдерживали народную стихию, которая грозила смести остатки культурного наследия. Правда, А. Карсавин полагал, что опасность представляла диктатура мешочников, а значит, кулачество не устранилось от попыток влияния на всякую власть, которая была склонна к реквизициям. Народная стихия могла создать ситуацию,

куда более опасную, чем большевистская власть и ее неприемлемая для сочувствующих белым политика³³.

А потому в ход шли легенды о богатстве Махно, о баснословных ценностях, награбленных, спрятанных или вывезенных за границу. Но, судя по всему, оно было не спрятано, а растрчено и роздано. В ходе экспроприаций отдельные лица, как всегда, нагнали руки, но это не был устоявшийся социальный слой. Добыча делилась не между кулаками, а между бойцами и их семьями.

Жизнь Махно в эмиграции не была бедностью на показ. Доживая свой век в нищете, он говорил о тихой хуторской жизни, основанной на личном труде украинского крестьянина. Патриархальный крестьянский идеал сохранялся не только в эмиграции, но и в отечестве, оставаясь недостижимым и при новой власти.

Ида Метт свидетельствует о взглядах батьки в Париже. Теперь он называл анархистов в его войсках гастролерами, а анархический характер крестьянской махновщины целиком считал своей заслугой. В 1927 году в Венсенском лесу на прогулке с И. Метт Махно делился своей мечтой, облакая ее в рассказ о молодом Михниенко, который женат на молодой крестьянке, ведет правильную жизнь, ездит на базар после трудов праведных и, продав плоды своего труда, покупает множество подарков... Несколько ранее описания этой идиллии И. Метт замечает:

"Тем не менее, я считаю, что в роли народного мстителя он был абсолютно на своем месте"³⁴.

Относительно пьянства и отношения к женщине она также придерживается рациональных доводов:

"Будучи атаманом, он, вероятно, пил наравне с любым крестьянином" и: "На самом деле Махно был человеком чистым, даже целомудренным. Мне кажется, в его отношении к женщине соединилась своего рода крестьянская простота с уважением к слабому полу, присущим русским революционным кругам начала века"³⁵.

В конце жизни в Париже на публичном обсуждении темы "Махновщина и антисемитизм" он показал ораторские способности и талант перевоплощения. Мечтал вернуться в Россию и изучать военное искусство³⁶.

Личность Махно становится особенно значимой на фоне его соратников, ибо махновщина невозможна без большого коллектива людей, во главе которого стоял ряд самостоятельных органов. Основные лидеры махновского движения отличаются друг от друга во многом, но три черты характерны, пожалуй, для всех:

- они либо крестьяне, либо дети крестьян;
- либо неграмотны, либо имеют начальное образование, либо являются самоучками;
- они неизменно оказывались в рядах анархистов-коммунистов, хотя попадали в движение как рядовые участники, впоследствии выдлившись благодаря способностям, убежденности и обстоятельствам.

Эти характеристики едины для Семена Каретника, Алексея Марченко, Григория Василевского, Бориса Веретельникова, Петра Гавриленко, Василия Куриленко, Виктора Белаша, Т.Я. Вдовиченко.

подавляющее большинство участников были украинцами, но с момента зарождения движение охватило бедноту, по сути, всех национальностей, включая греков и кавказцев. Значительное количество бойцов в махновскую армию давали еврейские колонии. По приблизительным оценкам П. Аршинова, которые вызывают сомнение, крестьяне и рабочие из Великороссии составляли лишь 6-8 %. На самом деле процент русских был, вероятно, больше, ибо он всегда выше в составе населения южных степей. Из пленных красноармейцев, перешедших на сторону Махно, был выделен отряд сибиряков, движение которого Махно прослеживал по случайным газетным сообщениям до Самарской губернии.

Особый интерес представляет статистика махновского "кадра" (руководящего состава повстанческой армии) 1918-1921 годов, приводимая А.В. Тимощуком и развеивающая ряд мифов.

По социальному составу: 30 % составляли рабочие, 20 % – батраки, то есть тоже рабочие, только сельские, 20 % – бедняки, 15 % – середняки, 5 % – служащие, 10 % – люмпены.

По образованию: 10 % – неграмотные, 85 % – с начальным, 4 % – со средним, 1 % – с высшим образованием.

По национальному составу: 60 % – украинцы, 25% – русские, 10 % – евреи, 5 % – другие (греки, молдаване, болгары, сербы, поляки, крымские татары).

Территориальный состав – 25 % – из Гуляйпольской волости, 20 % – из Александровского уезда, 25 % – из Екатеринославской губернии, 20 % – из остальной Украины, 10 % – из других мест.

По возрасту: 70 % – до 30 лет, 20 % – от 30 до 40, 10% – старше 40.

По военному опыту: 10 % – офицеры, 30 % – унтер-офицеры, 40 % – солдаты и матросы, 20 % – не служили.

Наконец, обратимся к партийной статистике: 75% составляли анархо-коммунисты (чего же стоят утверждения о незначительности влияния анархизма на махновщину!), 10 % – левые эсеры, 5 % – большевики и 10 % – беспартийные³⁷.

Среди множества прибывших к Махно анархистов были и широко образованные люди, хорошо владевшие пером и ораторским искусством. Например, анархист В. Волин, возглавлявший Реввоенсовет, разговаривал на тринадцати языках, в эмиграции прекрасно чувствовал себя в любом обществе и вращался среди самой изысканной публики. Секретарем культпросветотдела была Елена Келлер, одна из организаторов конфедерации "Набат". Среди других членов культпросветотдела П. Аршинов называет Иосифа Эмигранта (Готмана) и Я. Алого (Суховольского) – оба рабочие-анархисты из конфедерации "Набат".

Но из всех соратников Махно больше всего внимания историков досталось колоритной личности Льва Задова. Новейшие исследования поколебали устоявшийся образ хозяина контрразведки, описанный А. Н. Толстым.

Лев Задов – рабочий парень из Донбасса (п. Веселое), из многодетной семьи (9 детей), участник анархического движения с дореволюционным стажем, политкаторжанин. Махновец, неоднократно выручавший батьку, никогда не был руководителем контрразведки штаба, во главе которой стоял Лев Голик. Руководителем контрразведки корпуса был действительно Задов, но не Лев, а его родной брат Даниил.

В Румынии Л. Задов был интернирован и содержался в лагере вместе с другими махновцами. Махно, выехавшему в Польшу, приписали попытку под-

нять восстание в пользу Советов. Лев Задов в 1923 году пытался перейти границу Польши и добиться освобождения Махно из заключения. Эти и другие легендарные подробности из биографии революционера-анархиста, ставшего сотрудником НКВД, подтверждают его репутацию одной из самых загадочных фигур махновского движения³⁸.

Со Львом Задовым связано множество мифов – об отпете у уголовнике, палаче и садисте из контрразведки, о чекисте, засланном к махновцам, но почему-то так и не выдавшем батьку, и т.д. Прояснение образа посредством документов, проделанное В. Оппоковым, в итоге рисует образ бескорыстного революционера-анархиста, скорее по наивности, чем из зла попавшего в водоворот истории. И, видимо, это не последняя ипостась данного исторического персонажа.

Вернувшись на родину, Лев Задов, а затем и Даниил, служили в НКВД, выполняя различные поручения, в том числе и на территории Румынии. В конце 30-х годов они стали жертвами репрессий, как и начштаба В. Ф. Белаш³⁹.

Состава преступления в его действиях обнаружено не было, никакой контрреволюционной шпионской деятельностью он не занимался. В деле Льва Задова (Зиньковского) 1937 года сказано, что его связь с румынской разведкой и причастность к провалу зарубежных агентов не доказана. В вину ему вменялась служба у Махно, за которую он был амнистирован 2 ноября 1927 г. и, по сути, вновь осужден 22 декабря 1937 г.

29 ноября 1990 года Лев Задов (Зиньковский) будет реабилитирован Пленумом Верховного Суда СССР⁴⁰.

Махновщина от первого лица

Массиву книг и брошюр об анархизме, опубликованных в годы гражданской войны, безусловно, свойственна идеализация этого идейного движения⁴¹.

Рассуждения о русских Вандеях встречаются в дореволюционной публицистике, как и рассуждения о дополнении рабочей революции "вторым изданием" крестьянской войны. Но, скорее, это был способ воодушевить сторонников и припугнуть врага. Рост крестьянского движения, похоже, больше беспокоил охранку, чем революционеров, ибо организационная работа в деревне запаздывала. Стихия нарастала своими путями, вовсе не соответствуя предсказаниям.

Анархисты не изобретали здесь ничего нового. Более того, часть из них не видела дальше либералов: крестьянскую войну предсказывали, но в нее не верили.

Ни один социальный идеал движения не может быть реализован в рамках отказа от выхода за пределы социальных норм. Об этом некогда писал М.А. Бакунин С.Г. Нечаеву:

"Вообразите себя посреди торжества стихийной революции в России. Государство и вместе с ним все общественно-политические порядки сломаны. Народ весь встал. Взял все, что понадобилось, и разогнал всех своих супостатов. Нет более ни законов, ни власти. Взбунтовавшийся океан изломал все плотины... Повсеместная анархия. Взбаламученная грязь, которой огромное количество накопилось в народе, всплывает вверх; является на разных пунктах множество новых лиц, смелых, умных, бессовестных и честолюбивых, которые, разумеется, стремятся, каждый по-своему, овладеть народным

доверием и направить его к своей личной пользе. Люди эти сталкиваются, борются, уничтожают друг друга. Кажется, ужасная и безвыходная анархия. Но представьте себе посреди этой всенародной анархии тайную организацию, разбросавшую своих членов мелкими группами по целому пространству империи... действующую по тому же самому единому плану"⁴².

А. Боровой определил основной принцип анархо-синдикализма так: примат движения перед идеологией, свобода самоутверждения класса, дополненные автономией личности в классовой организации⁴³. В синдикате движение и цель слиты воедино. Цель - разрушение классового общества и наемной системы труда, средства диктуются духом непримиримости ко всем формам государственного капитализма. От обычного профсоюза синдикат, по мнению А. Борового, отличался тем, что

"здесь есть объединение, но нет организации: отсюда исходит импульс, но не руководство. Везде федеративный принцип: на каждой ступени каждая единица самостоятельна - индивид, синдикат, федерация... Толчок к действию не дается сверху, он исходит из любой точки, и вибрация передается, все расширяясь, на всю массу конфедерации"⁴⁴.

На практике разнообразия было куда больше: от обычных профсоюзов (правда, в стране, не знавшей профсоюзных свобод и лоббистских групп) до неорганизованных банд и законспирированных боевых ячеек, выдававших себя за синдикаты. Однако неразбериха в движении анархистов не давала оснований говорить об импульсах без организации. Минимум организации, а также ее своеобразие давали пищу для размышлений об условиях вызревания авангарда в благоприятных условиях и множественности "заготовок" для авангардизма, часто нахо-

дящихся на стадии "хвоста", арьергарда массового движения. Зачислить себя в передовые бойцы и быть ими анархистам удавалось не часто.

В издании анархистской федерации "Голос труда" регулярно печатались работы Бакунина, Кропоткина, Черкезова. Из Женевы и Парижа номера этой газеты переправлялись в империю через Львов, где одно время проживали видные пропагандисты анархизма Рогдаев и Н. Ястребцов. Характерно, что целью этих изданий провозглашалось "создание вольных общин вольной земли без хозяев и начальства"⁴⁵. Корневая близость некоторых формулировок украинской национальной идеи смущать не должна, ибо, по известному выражению Ф. Жолио-Кюри, подлинно народные идеи путешествуют без виз.

Среди лидеров левачества преобладали профессиональные революционеры и мятежники, непримиримые профсоюзные активисты, радикальные журналисты из крохотных изданий, интеллигентно-диссиденты, отколовшиеся от умеренных фракций и причудливая смесь лиц свободных профессий и столь же свободного образа жизни. Как правило, эти люди близко стояли к богеме, люмпенам, всякого рода маргиналам, лишенным прав и средств к существованию.

Испания и Россия оказались странами, давшими им шанс показать максимум возможного в действии. Вместе с тем, на окраинах Европы марксизм также сохранял революционный характер, проникая в различные слои вместе с другими идеологиями. Чистота народничества в России, напротив, осталась в прошлом. Новые народники демонстрировали идейную и организационную рыхлость. При-

влечь крестьянство на свою сторону в будущей революции эсерам так и не удалось.

Идеи Аполлона Карелина отличались от предшествующей практики боевиков

Среди анархистов межреволюционного периода особую роль играл Аполлон Карелин. Он поддерживал связь с лидером одесских синдикалистов Д. Новомирским и организовывал въезд в империю заграничных боевиков. Являясь корреспондентом "Голоса труда", он опубликовал в 1911 году ряд брошюр: "Письма старого рабочего", "Не будет на Руси ни холодных, ни голодных", "Солдатская служба", "Вольная деревня" и другие. Деятельность А. Карелина была одобрена П.А. Кропоткиным. В его группе оказался и будущий соратник Махно В.М. Волин.

На идеях А. Карелина стоит остановиться подробнее, поскольку они несколько отличались от предшествующей практики боевиков. Он пропагандировал идею вооруженного восстания с участием населения, захват имений и земли самими крестьянами, создание боевых групп не для отдельных акций, а для всеобщего восстания, привлечение в группы анархистов и социалистов людей самых разных направлений. На первом этапе не последнюю роль должны были играть покушения на высших должностных лиц и экспроприация ради добычания средств.

Согласно А. Карелину автономные группы должны быть самостоятельны не только в идеологических, но и в денежных вопросах и насчитывать не больше пяти боевиков, где каждый знает другого по

революционной деятельности. Группа решает все задачи без согласования с другими. А итогом является установление анархо-коммунистического строя в России⁴⁶.

А. Карелин уделял большое внимание инфраструктуре движения – созданию архива, библиотек, типографии и школы. Среди идей А. Карелина были следующие:

"Государство – это шайка разбойников на работе". "Государство – это известным образом для целей эксплуатации и угнетения организованные люди, угнетающие и эксплуатирующие плохо организованных трудящихся людей..."⁴⁷.

"Естественно, что правители пользуются властью для своей выгоды и для выгоды тех лиц, на которых им приходится опираться или которых они боятся. Эти угнетатели и эксплуататоры так организовали разные учреждения, главным образом учреждения насилия, что не позволяют трудящимся организоваться для сопротивления этому насилию и угнетению".

"Выясняя сущность государственной власти, Карелин цитирует государствоведа Леона Дюги, который утверждал: "Я говорю, прежде всего, что государственная власть есть не право, а простой факт, факт превосходства силы...". Карелин добавляет: "Цель государства сводилась к развращению лиц, обладающих принудительной властью..."⁴⁸.

"Нигде и никогда государство не ставило себе целью охрану слабых от сильных. Его девизом всегда был нелепый совет: "Слабого обижай, падающего толкни". Если ему приходилось иногда защищать слабого от нападения сильного (очень редко), то только для того, чтобы не потерять объекта угнетения и эксплуатации (чтобы не лишиться людей, которых оно бы могло эксплуатировать и угнетать)..."

"...Государство, мешая самодеятельности своих подданных, всегда и везде мешало развитию в их среде взаимопомощи... Государство и общество -- одно и то же "в том смысле, в каком лев и ягненок составляют одно и то же после того, как лев съел ягненка" (Тэкер). Государственная принудительная власть не имеет ничего общего с духовным влиянием одного лица на другое, и попытки соединить эти понятия в одно оказались неудачными..."

"Нет беспристрастного судьи. Нет и судьи, способного охватить всю жизненную сложность разбираемых дел. Нельзя утешаться и тем, что обычно нелепый свод обычных глупых законов выведет судью на верную дорогу... Мы не будем говорить много о деятельности так называемых военных судей. Правители назначают на эти места или особо неразвитых, особо тупоумных или особо свирепых и злобных людей, применяющих... самые нечеловеческие муки..."⁴⁹.

Коррупцию победить можно, но лишь вместе с государством, говорил некогда Бакунин.

Суть государственности анархисты видели прежде всего в налогах и наборе рекрутов в солдаты. А равно в любых других насильственных действиях власти по отношению к трудящимся, которые "встряхивают их тяжелую трудовую жизнь"⁵⁰.

Антигосударственные настроения, сколь бы ни преувеличивались они анархистами, действительно присутствовали в народной массе, дополняясь антигородскими.

Для понимания корней махновщины важно противопоставление позиций анархистов и либералов

Анархисты высказались против разделения революции на два этапа, когда первый означал бы переход

к представительному управлению. В отличие от либералов они полагали, что представительное правление не только не самоцель, но и великая опасность, поскольку заменит самодержавие стойкой формой государственной власти.

В отличие же от сторонников П.Н. Ткачева анархисты считали самодержавие столь сильной и стойкой формой государственной власти, что разрушить ее сможет только террор. Экспроприацию средств производства в пользу коллективов тружеников, в том числе и крестьян, они считали более важным направлением по сравнению с любой парламентской деятельностью. Объясняя свою позицию, анархисты указывали:

"Мы хотели бы по необходимости удержать слово "экспроприация" для такого насильственного отчуждения земли, фабрик, заводов, домов и т.д., которое производится целым обществом, сельским, городским, областью или народом, а не употреблять его для обозначения актов личных или групповых, присвоения средств -- хотя бы и в виде революционных"⁵¹.

Однако не следует думать, что решения подпольных съездов и совещаний, программы и декларации так уж сильно влияли на движение.

Особенно слабым звеном был национальный вопрос, поскольку принципиально интернациональное учение анархизма исключало какие бы то ни было уступки национальному чувству. Напротив, российский шовинизм и украинский национализм равно использовали эксцессы для дискредитации интернациональных связей.

Старые народнические разногласия были забыты, традиции сплавлены воедино, когда под руководством Новомиргородских одесские анархо-синдика-

листы активно осуществляли экспроприации. Их программа предполагала уничтожение всех властей – исполнительной, судебной и т. д., вплоть до замены их общественной организацией, ценность которой они все же признавали, что сближало их с анархо-коммунистами и отделяло от анархо-индивидуалистов. Среди избранных средств – агитация, пропаганда и реализация экспропрированной частной и государственной собственности, проведение терактов, создание типографий и выпуск литературы, организация тайных анархистских профсоюзов. Синдикалисты выступали против безмотивного террора, но решение вопроса о мелких экспроприациях склонны были отдавать решение на усмотрение групп.

Крайние анархисты делали ситуативные выводы. Бесхитрость доводов очаровывала неискушенную свободной мыслью публику. Безначальцы как одно из крайних направлений утверждали, что поскольку никаких переходных общественных форм не нужно, то нет смысла участвовать в производстве, ибо оно лишь укрепляет буржуазию. Не нужны и никакие реформы, а только бунт.

Анархисты манифестировали необходимость радикального слома, но не обладали достаточной силой для его осуществления. Это объясняет провоцирующий характер террористических актов и появления анархистов в районах перманентного бунта. В отличие от политического радикализма анархизм недооценивал захват центров власти, а потому был обречен на известную историческую безголовость.

Тем не менее, по логике обстоятельств анархисты вошли в руководство повстанческой армии. *Историкография позволяет заметить различия традици-*

онных и вновь приобретенных пороков крестьянского войска. Гражданская и крестьянская война коренным образом различаются политичностью субъектов. Гуляйпольские анархисты вовсе не аполитичны, хотя активно декларировали отрицание политики.

Крестьяне имели жизненные причины не верить в добрую волю государства. Большевики как государственники и как революционеры казались им меньшим злом по сравнению с белыми. Однако именно своя линия, а не признание гегемонии большевиков была следствием роста самостоятельности крестьян.

В советский период долго настаивали на неспособности крестьян выдвинуть свою программу и сформулировать идеологию. Но эсеры и большевики очень быстро превратились из авангарда масс в его арьергард. Повстанчество имело и программу, и идеологию. Конечно, степень их разработанности и обоснованности была ниже, чем у других групп населения, но поддержка, энтузиазм, готовность проводить в жизнь, связь с повседневными нуждами – даже выше.

От Кропоткина анархисты ждали соединения сил

Анархисты Гуляйполя сделали все от них зависящее, чтобы факт переезда П.А. Кропоткина из Лондона в Петербург стал важнейшим событием не только для них самих, но и для крестьянского движения. От имени крестьян-анархистов Махно написал письмо П.А. Кропоткину, параллельно он вел устную и печатную пропаганду этого факта на митингах и че-

рез газеты "Буревестник", в 1917-1918 годах издававшуюся ежедневно вместо газеты "Свободная коммуна". В письме-приветствии он отзывается о вожде анархистов как о представителе лучших людей страны и высшей справедливости⁵².

Тем не менее, П.А. Кропоткин принес анархистам Гуляйполя и огорчение. Будучи революционным оборонцем, он принял решение участвовать в Демократическом совещании, открывшемся в Москве 14 августа 1917 года. Гуляйпольские анархисты не видели в этом необходимости для своего идейного вождя и рассматривали это как доказательство того, что в старческие годы он, по словам Махно, занялся исключительно "гуманными идеями жизни, и что ему неудобно отказаться от участия в Демократическом совещании".

"Мы, – пишет Н. Махно, – в душе осудили своего старика за участие в этом совещании, думая, что он из бывшего учителя революционной анархии превращается в сентиментального старца, ищущего спокойствия и сил для последнего применения своих знаний в жизни. Но этот суд над Петром Алексеевичем был внутри самой группы, в ее душе, замкнутой от врагов"⁵³.

Идейные анархисты не вступали в спор с оппонентами по этому вопросу, однако, ранее не поддерживая никакой войны до победного конца, они очень скоро встанут на путь сопротивления немецкой оккупации.

От идейного вождя анархисты ждали совсем иного – прежде всего соединения сил. Но объединение федераций в единую организацию после Февральской революции так и не произошло. Ни до Октября, ни после анархо-коммунисты (кропоткинцы) не представляли единого организованного целого.

Употребляя сочетание "Великий Октябрь", а чаще – "Вторая великая русская революция", Махно с некоторой завистью говорит об организованности эсеров и большевиков, называя их даже "стойкими борцами"⁵⁴. Хотя в годы революции не раз рождались федерации и конфедерации анархистов, он, тем не менее, указывает на старую традицию, которая не позволила создать мощную организацию всех анархистов-коммунистов и анархистов-синдикалистов.

Все защищали революцию, но каждый свою

Начальный период – историческое ядро событий, на которое затем и наслоились историографические объяснения. Но историограф не может пройти мимо комментариев историков. Различия в понимании советской власти, выявившиеся во время встречи Махно с вождем большевиков, определяются как различия сторонника диктатуры пролетариата и приверженца мелкобуржуазной демократии, но при таком подходе нет реальных различий внутри самой демократии, а диктаторский аспект анархо-коммунизма по отношению к противникам сам по себе еще недостаточная почва для сотрудничества с большевиками.

В характеристике ядра повстанчества причудливо соединяются мелкобуржуазный, крестьянский, пролетарский и кулацкий аспекты, не говоря уже об отдельных сегментах движения, что важно не только колоритом, но и по существу. Наглядное проявление различия сил, признание возможности сотрудничества с ними в деле изгнания противника и

настороженность при решении позитивных задач – все это налицо.

Выявить особенности махновщины не так-то легко, поскольку в ней было много от чрезвычайных условий. Глубокое недоверие к нетрудовым или привилегированным группам, означало отрицание диктатуры какой-либо силы над народом. Конкретной начальной формой самоуправления становились вольные трудовые советы крестьянских и рабочих организаций. *Вольные в тройском смысле: от центральной власти; от партийной опеки; от государственно-хозяйственной системы.* Трудовой характер совета определялся тем, что в него входили только труженики, не давая места никаким политическим организациям. Анархист входил в такой совет наравне с беспартийным, левым эсером или любым другим.

Самооценка батьки начала возрастать уже летом 1917 года. 30 августа он стал во главе Комитета защиты революции – органа чрезвычайного и всемогущего. Если бы власть была его самоцелью, то политическая карьера при любом режиме была бы обеспечена. Деятели таких комитетов пошли разными путями: кто с большевиками, кто с петлюровцами, а кто с деникинцами. Они все "защищали революцию". Каждый свою.

У здания училища на Соборной площади Гуляй-поля в тот день его подхватили на руки с криками "Да здравствует революция! Да здравствует неизменный ее сын, а наш друг товарищ Махно!", потом просто кричали "Да здравствует Махно". Это была толпа людей, добровольно пришедших в распоряжение комитета. "Чуть было не прослезился", – при-

знается Махно, говоря о широте и глубине "украинской рабочей и крестьянской души".

Октябрьскую революцию, диктатуру пролетариата и советскую платформу он воспринимал как часть устремлений населения, узурпированную одной партией. Отсюда следует расхожий анархистский штамп, что Октябрь победил под анархистскими лозунгами, низверг капитализм, наемный труд, государственное порабощение и дал почин новой жизни на началах самоуправления производителей.

Другая сторона дела в том, что фактически Октябрь не разрушил капитализм, а реформировал его, сохранив наемный труд и государственный аппарат. Трудящиеся, работающие на бюрократию, стоят перед фактом не только возможности, но и необходимости продолжения революции вплоть до победы "трудового, равенственного, безгосударственного общежития".

Антигосударственные действия, объясняемые обстановкой гражданской войны, подчеркивали неизбежность будущего восстановления в той или иной форме дисциплины и порядка, необходимых для функционирования и жизнеобеспечения социума. Еще в январе 1918 г. вооруженный отряд махновцев, шедший через Александровск на борьбу с белоказаками, "разгрузил" тюрьму. Первоначально, правда, власти сопротивлялись, и Махно с грустью вышел из ворот тюрьмы, никого не освободив. Но в тот же день после обеда Махно был счастлив, поскольку ему удалось освободить Миргородского и некоторых других товарищей. Он тут же объяснил соратникам, что революция была бы лучше, если бы большевики и левые эсеры не создали единого бло-

ка, ибо они не обладают идеей, которая освобождала бы от желания властвовать. Он считал, что в новой системе свободами пользуется не народ, а правящие партии. Но не партии служат народу, а народ партиям⁵⁵.

Махно выйдет из контролируемого большевиками и левыми эсерами ревкома как местного органа пролетарской диктатуры, предрекая трещину в блоке правящих партий. Во всяком случае, так объяснял выход из ревкома Федерации анархистов. Хотя раньше Махно выражал свое отношение к левым эсерам, называя их партией "симпатичнейшей по своей исторической революционно-боевой деятельности"⁵⁶.

Вернувшись из Александровска, Махно провел через гуляйпольский совет решение о банке, который ему не дали экспроприировать ни временное правительство, ни советская власть. Единогласно была принята резолюция об изъятии в течение 24 часов 50 тысяч рублей, с которой на следующий день он направился к директору банка. Тот попросил три дня и собрал деньги. Так, по словам Махно, появились средства на анархистскую литературу, оплату пропагандистов и организаторов, действовавших в районе.

Другой заботой стал прямой обмен продовольственными и мануфактурными товарами. О мануфактуре так и говорится – "нужная в указанном качестве, цветах и количестве". Продуктообмен налаживали главным образом по железной дороге с Москвой и другими городами. От имени гуляйпольского совета сподвижник Махно Серегин установил связи с Прохоровской и Морозовской мануфактурами, убеждая, что хлеб в стране есть, и правитель-

ственные агенты его видят. Несколько вагонов анархисты отправили в Москву вместе с вооруженным отрядом, который, несмотря на многочисленные задержки комендантами узловых станций, доставил муку по назначению, вызвав там определенный энтузиазм. Через неделю или полторы в Гуляй-поле пришел поезд с мануфактурой.

Когда в Александровске поезд попытались задержать, у махновцев возникла идея похода на город с целью разгрома правительственных зданий, в которых чиновники "распоряжались мануфактурой". Почувствовав опасность, александровская власть через сутки сообщила Серегину, а тот гуляйпольскому совету, что проблема решена. Собрание анархистов превратилось в митинг с требованиями об упразднении государства и отобрании у него функций социального и общественного строительства⁵⁷.

С точки зрения государственников, революция и анархия – антиподы, а с точки зрения анархистов антиподы – революция и власть коммунистов

Трудно давалось взаимопонимание с другими революционными течениями, прежде всего с государственниками. Анархисты не принимали диктатуру из теоретических соображений. 1917 год они считали роковым, потому что аграрные и промышленные движения масс уже летом 1917 г. вызвали к жизни коалиционное буржуазно-социалистическое правительство. Анархисты считали, что в октябре 1917 г. могучее движение рабочих и крестьян под якобы

анархистскими лозунгами "мир – народам, фабрики – рабочим, земля – крестьянам" и т. п. вынесло на поверхность российской политической жизни власть государственного коммунизма.

Здесь наблюдается аналогичное допущение в отношении коммунистов, какое коммунисты делали в отношении анархистов. С точки зрения государственныхников, революция и анархия – антиподы. С точки зрения анархистов, революция и власть коммунистов также антиподы. Отсюда представление о борьбе власти и революции. Коммунистическую власть анархисты объявляли наиболее тонкой, гибкой и в то же время "наиболее упорной формой реакции"⁵⁸. Любопытно, что через 20 лет в тех же выражениях Л. Троцкий будет говорить о сталинистах.

Анархисты-набатовцы провели съезд в Елисаветграде, доказывая махновцам, что корень зла – в экономическом деспотизме, который страшнее политического. Своим главным делом они считали критику государственного социализма. Революцию они понимали как ускоренное развитие, ускоренную эволюцию ради достижения наибольших результатов с наименьшими расходами народной энергии и наименьшими жертвами. Ход событий опровергал представления анархистов-набатовцев о жертвах.

"Всякое общество, – цитировали они Кропоткина, – окончившее с частной собственностью, должно будет организовать на началах анархического коммунизма. Анархизм неизбежно ведет к коммунизму, а коммунизм – к анархизму, причем и тот, и другой представляют собой не что иное, как выражение одного и того же стремления в современных обществах – стремления к равенству"⁵⁹.

Они призывали выступить за личность против государства, но не понимали проблем общностей, в том числе крупнейшей социальной общности населения Украины – крестьянства. Набатовцы считали, что с той минуты, как советы взяли власть, они стали принудительными учреждениями и, по сути, перестали быть советами. Троцкого и Раковского называли мнимыми коммунистами, которые не допустят коммунизма, ибо им дороги портфель, трибуна и удобства. Украину видели примером влияния на международную революцию. Набатовцы прямо связывали украинскую и международную революцию. Они считали, что третья анархическая революция уже началась и она будет последней⁶⁰.

В начале января 1920 г. после дела Полонского анархисты стали покидать ряды махновского движения. "Набат" колебался. В феврале на конференции набатовцев, по словам И. Тепера, была принята туманная резолюция, о том, что махновщина де – здоровое движение, способное выполнять задачи третьей, безвластной, революции, но Махно непригоден для руководства движением⁶¹. Находясь в сложных отношениях с советской властью, опутанные агентурой ЧК, набатовцы не могли не понимать мизерности собственных сил и, видимо, готовились к самосохранению в условиях советского режима. Но можно ли считать этот момент охлаждением бабки к анархизму? Анархистов-интеллигентов Махно и раньше считал ненадежными, но, полагая, что кадров в движении недостаточно, он был за их привлечение. В конце жизни Махно будет называть

их гастролерами, но изгнание интеллигентов из армии – это уже миф. Он собирал их по России, приглашал в Гуляйполе, и теперь не он их выгонял, а они его оставляли.

Между тем документы большевиков, свидетельствующие о разрыве с анархо-махновцами и тщательном планировании их изоляции от широкого крестьянского советского движения, говорят о том, что использование народа против народа, трудящихся против трудящихся, советских сил против советских сил не только не благодарное, но и трудное дело.

При преследовании махновцев Троцкий в приказе № 180 предписывал использовать только надежные части. Другим условием победы виделось суровое наказание командного состава и кулацкой верхушки каждого отряда, что на деле означало уничтожение самых преданных и боеспособных.

Никакие акции военно-политического и организационно-идеологического характера 1919-1921 годов не смогли искоренить махновское движение. Лишь окончание гражданской войны, естественное истощение народных сил, разруха, усталость и голод, а также уступки власти в принципиальных вопросах хозяйственного строительства привели к свертыванию повстанчества, а репрессии довершили судьбу террористических фракций анархо-коммунистического городского подполья.

Легенды и мифы махновщины пережили парцеллярное крестьянство, а сегодня можно сказать, что и колхозное. Возрождение некоторых социаль-

ных групп на селе, как трудового, так и паразитического происхождения, в новых условиях еще не влияет на сохранение и трансформацию этих легенд и мифов. Но это не значит, что их адаптация к новым условиям принципиально невозможна. Махно как борец за вольную торговлю и махновцы как авангард бандитствующего капитала уже мелькают в современных изданиях. Тем самым искажается суть реального исторического процесса.

Мистические анархисты - духовные потомки бунтарей прошлого

Что касается анархо-коммунизма, то об этом идейном течении и его судьбе необходимо сказать в контексте вольных наследников. В конце 20-х годов репрессивными органами Украины был зафиксирован всплеск интереса к новому течению, получившему название "мистического анархизма". Была даже создана подпольная организация "орден Света", быстро раскрытая в Харькове и некоторых других городах.

Легально идейные анархисты группировались вокруг музея Кропоткина (до 1935 года). В музее читал лекции мистический анархист А.А. Солоневич, последователь П.А. Кропоткина с дореволюционным стажем, ученик столпа анархизма времен гражданской войны – Аполлона Карелина.

В его изложении мистический анархизм стал вариантом духовного самосохранения и мирного сопротивления всевластию государства, суть которого

последователь В.А. Солоновича В.В. Налимов сформулировал так:

"Сознание человека многомерно – корреляционно связанными могут быть разные позиции. Многомерность сознания – это возможность критицизма, выход за пределы одной какой-нибудь парадигмы, интеллектуальная свобода активной личности"⁶².

Разумеется, в границах сознания анархический бунт сужается до индивидуальных поисков собственного пути и опоры в жизни. Советская власть 30-х годов не могла позволить такого ухода в себя. А.А. Солонович и его ученики были репрессированы.

Через многие десятилетия традиция мистического анархизма возродилась и трансформировалась. В глазах учеников П.А. Кропоткин, А.А. Карелин, А.А. Солонович встали уже не в один ряд с М.П. Драгомановым, П.А. Аршиновым, Н.И. Махно, В.М. Волиным, но в совершенно иной, более широкий контекст. По словам В.В. Налимова, *произошло не изживание анархизма, а его трансформация*. Дух бунтовщиков воспринял идею ненасилия, хотя слово "анархист" по-прежнему вызывает ассоциации со звонками в полицию и просьбой отыскать бомбу. Из движения политического родилось мировоззренческое.

"Философский анархизм, конечно, существовал и раньше – вспомним хотя бы таких мыслителей, как Торо, Ганди, Толстой, Достоевский, Кропоткин, Бердяев, Бунбер, Швейцер, Карелин, Солонович. Вспомним и то, что канонические Евангелия проникнуты противостоянием власти и насилию. Теперь мы стали обращать на это

внимание. Анархизм становится синонимом ненасилия. Может быть, следуя Солоновичу, надо изменить терминологию и пользоваться такими словами, как *Акратия* или *Синакратия* (безвластие – авт.). Тема ненасилия приобретает особое звучание"⁶³.

Так мы вступаем на зыбкую почву нового мифа, возникающего у нас на глазах усилиями В.В. Налимова и его учеников. Так не прерывается традиция, идущая от П.А. Кропоткина. Идейный анархокоммунизм трансформируется в новое течение, еще едва заметное, но с большим критическим потенциалом.

Возникновение трансгосударственных структур, транснационализация капитала, бюрократический контроль над личностью, рыночная технократия, рост огосударствления различных сторон жизни, прямое и косвенное подавление личности – вот среда, побуждающая вновь и вновь строить утопии и проекты безвластия, ненасилия и инициативной общественности.

Мистические анархисты – духовные потомки бунтарей прошлого – занимают свое место в рядах новых гуманистов и антиглобалистов. В.В. Налимов обратил внимание

"на смыслы, организующие наше сознание. Смыслы можно обсуждать. Смыслы нужно обсуждать. Смыслы динамичны. Если смыслы не осмысливать, то они начинают меркнуть... Я опираюсь почти на все многообразие нашей культуры: на посткантнанскую философию XX века (что, естественно, не мог оценить Солонович), на мистический опыт, на науку – обращаясь к таким ее разделам, как математика и теоретическая физика, на

не признанную наукой трансперсональную психологию. Существенным здесь является введение новой категории – спонтанности... Использование вероятностной логики”⁶⁴.

Сегодня категория спонтанности занимает свое место в философии и психологии человека. Новые мифы и новые науки, новые легенды и новые мировоззрения, новые логики и новые синтезы. Как это далеко от украинских крестьян, взявших оружие ради земли, воли и справедливости, и в то же время как близко к потаенным пластам исторической памяти.

Свидетели и очевидцы

В ЭТОЙ ГЛАВЕ:

- ✓ Помешавшие сами себе. Национальная элита и крестьянское движение.
- ✓ Ранние советские авторы и источники о махновщине. Корни неприятия.
- ✓ Белогвардейские и близкие к ним авторы выбирают стратегию отторжения.
- ✓ Опыт интеграции крестьян в постреволюционный социум.

Помешавшие сами себе. Национальная элита и крестьянское движение

Историограф может на время "отложить", хотя и не в долгий ящик, хронологию, нарушая ее в целях своих специфических задач. Воспользуемся этой возможностью и заглянем в прошлое тех событий, о которых в каждый период исторического изучения рассказывают снова и снова.

Ошибочно думать, что анархическая традиция в Украине не имеет автохтонных корней.

Соратники М. Драгоманова В. Дебагорий-Мокриевич и С. Ковалик стали проводниками анархистских идей уже в 70-е годы XIX века. Свои планы они связывали с вооруженной борьбой в Украине, которую мыслили с участием крестьян¹. Они ставили вопрос перед М.А. Бакуниным о создании анархистской организации. В. Дебагорий-Мокриевич руководил студенческой Киевской коммуной, где произносили речи Ковалик, Каблиц, Брешковская, читались революционные брошюры, дебатировалась идея организации всенародного бунта. Для вступления в эту коммуну было достаточно знакомства с одним из ее членов и согласия с высказываемыми идеями. По сути, там было полное господство бакунизма².

Анархистское движение существовало с 70-х годов XIX века, однако анархистский социализм, ско-

рее, был чужд крестьянству как в своем мировоззрении, так и в социальной основе.

В Украине отсутствовали крестьянские общины, бытовой уклад которых народники и анархисты из числа народников видели как образец будущего социализма. В отличие от кропоткинцев влияние бакунистов оказалось весьма относительным.

Рассуждения об определенной анархической ментальности украинского крестьянства не столько объясняют, сколько запутывают суть дела. В условиях предреволюционной империи оказалось невозможным поднять силами анархистов сколько-нибудь серьезные крестьянские выступления. В 1877 году самозванный атаман Е. Олейник и "нареченный царь" Найда (Стефанович) создали тайную дружину и пытались поднять крестьянское восстание в Чигирине. Именно провал Чигиринского заговора и невозможность быстрого крестьянского подъема убедили анархистов в необходимости перехода к тактике террора. Одну из прокламаций того времени приводит Н.М. Пирумова:

"Приказывает Господь народу своему напасть на города и жилища купцов, помещиков и жидов и разорять их до основания. Поганых же злодеев вешать и резать, имущество их награбленное делить поровну между собой"³.

И здесь они следовали не столько за западноевропейскими образцами, сколько за народовольцами.

Марксистские партии были лучше подготовлены к пассивности крестьян, ибо считали их уходящим классом, который с развитием промышленности и аграрных преобразований расколется на сельских буржуа и пролетариев. Оставшиеся теоретически должны стать союзниками, но их слово, даже в крестьянской среде, не будет решающим.

Национальные группы, напротив, говорили о монолитной крестьянской общности – украинском народе и звали его к топору. Революционно-демократическая, народническая, эсеровская традиция, по сути, эволюционировала к национал-либерализму, но процесс этот к 1917 году не завершился.

Перехлест идей

На перекрестке традиций перехлест идей заметен меньше, чем там, где проходит глубокое русло основной традиции. Конфигурации элементов, совпадающих в совместном проекте идей и представлений, часто различаются идеологемами различных эпох. Народничество, марксизм, анархизм М. Драгоманова и Л. Толстого, почвенничество, религиозное сектантство, православное обновленчество – все это питало неустойчивый стереотип странной фигуры самостийника. Украинская самоидентификация Н.И. Махно и его вольницы была столь же естественной, как этнократизм национал-демократов и национальных социалистов эпохи гражданской войны.

Характерно, что *этнократическая историография*, признавая своими С. Петлюру и С. Бандеру, всячески отрицает связь Н.И. Махно с украинской национальной идеей, а ведь в некотором роде он еще больший "украинский батька", чем обычные вожаки из числа национальной элиты. Украинец и не националист, он выглядит органичной частью того этнически пестрого фона, который характерен для азовско-причерноморского края.

Поскольку национальные движения привлекали главным образом средние слои, это давало социалистам возможность определять их как мелкобуржуаз-

ные. Общероссийские партии так же определяли и национальных социалистов, разновидности коих множились в Украине 1917 года. В годы гражданской войны мелкобуржуазность начнут находить и у неортодоксальных групп украинских коммунистов – независимых, боротьбистов, борьбистов и вообще национал-коммунистов. Применительно к крестьянским движениям и организациям аналогом станет признание их кулацкого характера.

В период мировой войны дефицит конкретных целей стал очевиден не сразу. Украинцы, сражавшиеся за Россию, и украинцы, сражавшиеся за Австро-Венгрию, не сразу, но поняли, что это не их война.

Готовность к следующей войне проявляли скорее элиты. Им удалось увлечь армию с фронта, но для отправки ее на фронт общенациональной идеи оказалось явно недостаточно. Обещания политиков разгромить врага не возымели действия.

Разгром России или Австро-Венгрии не был даже первоначальной целью националистов. Лишь постфактум они использовали распад империй в качестве аргумента в пользу национального отечества.

Часть крестьян готова была поддержать национальную идею, но нуждалась в социальных аргументах. Другая часть отвергла национальную идею из похожих соображений: если одни паны сменяются другими, пусть и "своими", то не наложат ли они более тяжелую, потому как более близкую, "лапу" на землю? Обещание решить проблему позже, на учредительном собрании, также воспринимали как фальшивую волю. И белая, и национальная идеи попали в проходные.

Опыт периодизаций

Более детально разбирает ранний этап национальной революции М. Грушевский. В 1919 году он разделил на пять этапов первую полосу борьбы:

- российская революция и освобождение Украины (март-май 1917 г.);
- борьба за автономию Украины и федеративный строй (июнь – август 1917 г.);
- УНР (сентябрь – первая половина декабря 1917 г.);
- Украина самостийная (вторая половина декабря 1917 – середина января 1918 г.);
- Киевское восстание (середина – конец января 1918 г.);
- война за независимость (конец января – начало марта 1918 г.);
- переворот (март-апрель 1918)⁴.

При всей дробности и спорности этапов, рассматриваемых с точки зрения одной лишь силы – Центральной Рады, периодизация М.С. Грушевского хороша тем, что из нее логически следует, что пронемецкий гетманат – это уже контрреволюционная власть. Следовательно, *борьба махновцев с национальной государственностью и оккупацией не может рассматриваться как реакция или контрреволюция.*

В. Винниченко делит историю украинской революции на четыре части: Рада, Гетманщина, Директория и атаманщина. Причем период Рады – в свою очередь на две части: период революционной организации государственности и морально-правовой

власти и период юридически-правовой государственности.

Каждый из этих периодов имеет свой социальный признак. Например, Рада олицетворяет всю сознательную национальную демократию. Гетманат – буржуазные и реакционные классы. Директория – революционные классы – сельский и городской пролетариат (обратим внимание, что сельский поставлен на первый план, в то время как противники петлюровщины полагали ее прежде всего движением сельской – то есть кулачества – и мелкой городской буржуазии). Атаманщина связана с военным элементом, олицетворяющим в своем автократическом действии мелкое национальное мещанство⁵.

Эта периодизация вызывает много вопросов, но и в ней есть смысл, поскольку логически напрашивается в этот ряд и диктатура пролетариата, ибо если Скоропадский – часть революции, то Раковский тем паче плоть от плоти ее. Даже переход не последовательного украинского социал-демократа В. Винниченко к большевикам, пусть и временный, есть переход внутри революции, а не извне внутрь.

В третьей части "Возрождения нации", изданной в Вене в 1920 г., В. Винниченко сделал ряд принципиальных замечаний, важных для понимания повстанчества.

- Во-первых, он определил украинскую революцию как крестьянски-рабочую, а не как рабоче-крестьянскую;
- во-вторых, придал национальному движению против русской буржуазии и немецкой гетманщины республиканский характер, тем самым акцентируя руководство коллектива или партии, а не отдельных лиц;

- в-третьих, отделила периоды Директории и атаманщины, которую понял достаточно узко – как диктаторскую власть главного атамана Петлюры.

Но самое важное, что, осознав контрреволюционный характер деятельности С. Петлюры, В. Винниченко стал одним из основоположников украинского национал-коммунизма (другими можно назвать Шахрая и Мазлоха, чья книга вышла годом раньше в России).

"Петлюровщина"

Слово "петлюровщина" придавало движению характер авантюры отдельного лица. С точки зрения В. Винниченко, петлюровский Универсал все национальное движение поставил

"под марку одного лица", окрасив "персональным характером..." Повстанцы, стекавшиеся в революционные центры, стали называться "петлюровцами". "Петлюра идет на гетмана", "Петлюра призывает против немцев". Часто среди крестьянства, до того не слышавшего имени Петлюры, раздавались такие речи: "Ага, теперь Петлюра идет на гетмана. Она ему покажет! Слава Богу, больше не будет этой Украины". Словом, этим сразу было внесено в движение как раз все то, чего хотели избежать партии: персональный характер дела, неясность целей, безпрограммность, отсутствие коллективности и даже отсутствие республиканского характера движения. К этому надо прибавить, что название "петлюровец" во время борьбы с большевиками носило специфический, контрреволюционный характер"⁶.

Национально-республиканский характер движения мыслился В. Винниченко как борьба народная и борьба украинская с определенными классами. С

этой точки зрения переход к атаманщине был вреден для национальной революции⁷.

На совещании в Фастове В. Винниченко поставил перед Директорией вопрос о принятии на Украине советской системы власти, что по его замыслу означало согласие с социалистическим характером революции и лишало русских большевиков возможности выступить против Директории. Но одновременно это же означало отход от Директории мелкобуржуазных и прогетманских национальных элементов, что ставило дело национального возрождения и национальной государственности в зависимость от советской власти.

Этому предложению Петлюра сопротивлялся как националист-обыватель, да и никто, по словам В. Винниченко, не поверил бы в его большевизм, если бы он даже поддержал советскую власть⁸.

Французы, напротив, отнеслись к внешнему поведению Директории очень серьезно. Полковник Фрейденберг, который вел переговоры с украинской делегацией в составе членов Трудового конгресса И. Мазепы и С. Бачинского, министра торговли и промышленности С. Остапенко и военного министра Грекова, высказался в отношении главы Директории В. Винниченко и главы правительства В. Чаховского: "Выгнать как собак, как большевиков, а Петлюру отправить в отставку как бандита". После того как делегация выразила небольшое неудовольствие по поводу этих слов, он разъяснил, что имел в виду не лиц, а идейное направление. По этому поводу В. Винниченко заключает: "Он хотел плюнуть в лицо не личностям, а украинской революции. Делегаты удовлетворились этими разъяснениями и продолжали переговоры дальше". Условия Антанты, вы-

ставленные командованием французов в Бирзуле 6 февраля 1919 года, были приняты⁹.

Основной причиной поражения национального движения В. Винниченко полагал атаманину, которая по его словам, постоянно заставляла приверженцев национальной идеи спрашивать себя:

"Что же у нас – демократический строй или реакция?"¹⁰.

Принципиальный вывод, сделанный В. Винниченко, состоял в том, что *взамен государственности была организована петлюровщина*. Черносотенцы и денкиинцы всячески представляли Петлюру авантюристом, бандитом и искателем приключений. Украинские посольства, миссии, комиссии и тому подобные учреждения расходовали громадные деньги на пропаганду в Европе образа Петлюры как национального героя, генералиссимуса украинской армии, борца за свободу, украинского Гарибальди, Леонида при Фермопилах, Наполеона, вернейшего слуги Антанты.

"Он как бы символизировал украинскую мещанскую государственность, он являлся как бы олицетворением борьбы украинства за свое национально-государственное существование"¹¹.

Атаманодержавие, безответственность и мания величия создали Петлюре ореол популярности, многократно большей, чем у таких атаманов-погромщиков, как Шипула, Самосенко или Ангел. Подмена государственности петлюровщиной оказалась роковой для сторонников украинского дела¹².

В. Винниченко связывал атаманину с мещанско-атаманскими поисками правды на свете, говоря, что *петлюровщину предал ее же метод*. Не она прогнала денкиинщину, а денкиинцы прогнали ее.

Деникина ничуть не тронуло первенство петлюровщины. Заняв Киев, генерал Бредов велел направить пулеметы на этих "первых героев" и "выбросить их из Киева"¹³.

В своих очерках В. Винниченко дает собственное понимание не только атаманины, но и повстанчества. По его словам, все виднейшие вожаки движения

"выступали совершенно самостоятельно, каждый на свой собственный страх и риск; они не были объединены единой, общей всем программой, планом, тактикой. Среди них были и идейные люди, и просто недовольные или бандиты... Они действительно могут подточить власть, как шашель точит дерево, но опрокинуть ее они не могут.

Поэтому ориентация атаманины на повстанцев имела бы под собой основание при двух условиях: 1) если бы сама атаманина обладала организованной силой и 2) если бы она могла связать воедино все повстанческие группы... Поэтому думать о подчинении своей власти других, почти таких же отрядов, было с ее стороны безнадёжной фантазией"¹⁴.

Так из текстов В. Винниченко проступает неизбежность конца атаманины и поворота повстанчества к большевикам или... в никуда. Сам Винниченко предпочел компромисс с большевиками, хотя и недолгий.

Две фракции или смертельные враги

Таким образом, борьба антигосударственников с национальными государственниками выглядит как борьба *между двумя фракциями революционного лагеря*, что не совсем верно, но является некоторым

прогрессом по отношению к монолитной позиции единственно революционной силы.

В разных частях Украины традиционная идентичность подчеркивала особую связь крестьянина с прошлыми институтами, прежде всего властью, церковью и хозяином. В южной и восточной Украине связь с хозяином была более близкой, а потому ее разрыв почти автоматически означал отказ от других сторон той же идентичности.

В западных и отчасти центральных областях фактор власти более сказывался, даже в повстанческих отрядах. Многие из атаманов Правобережной Украины ближе стояли к региональной и центральной власти. На Галичину и Волынь припало и большее церковное влияние: на Галичине – униатов, а на Волыни – православных. Причем именно на Волыни особенно сильными перед революцией были черносотенные организации вроде Союза русского народа, насчитывавшего десятки тысяч сторонников. Впрочем, галичанам была свойственна и *московско-фильская ориентация*.

В годы гражданской войны идентичность заметно изменилась. Место царя в сознании постепенно стала занимать национальная идея. Однако новые лозунги не влияли на стиль поведения. Погромы продолжались и под новыми лозунгами. Сближение петлюровцев с деникинцами или врангелевцами было одновременно и закономерным, и непоследовательным. Только жесткая позиция вооруженных сил Юга России в отношении "единой и неделимой" страны, а также представление белых о том, что национальная идея не имеет корней, а придумана в австро-германских штабах, не позволили наладить действенное сотрудничество между атаманами Правобережья, включая головного ата-

мана Петлюру, с деникинцами. Любопытно, что обе силы именовали друг друга шовинистами.

Борьба с шовинистами оттеняла стихийный, непоследовательный *революционный интернационализм* махновцев. О нем будет свидетельствовать и братание с немецкими солдатскими советами, правда, неэффективное из-за позиции социал-демократов.

Регионализм сил

Еще одной трудностью национальная историография называет регионализм сил. Махновцы не исключение, но они не сугубо региональная сила. Отрицание общеукраинского характера движения в этнократической части историографии основано на ложной посылке: ненациональное по сути движение не может быть общеукраинским.

Между тем общекрестьянский характер ценностей движения проявился уже на первом этапе – этапе борьбы за землю. Регионализация коснулась не только крестьян и их повстанческих отрядов, но и элит, элитных воинских подразделений. Раздел власти и собственности сопровождался разделом армии и влияния.

Характерен поиск исторических аналогов собственной борьбы.

Если М. Драгоманова беспокоило якобинство русских революционеров, в котором виделась смертельная опасность для освобождения народов империи и продолжение централистского самодержавия, то критик Юлиан Охримович (1893-1921) аргументировал против федерализма как компромисса все-российских и украинских интересов. Иными словами, федералистская программа не позволяла сосре-

доточить усилия на национальных проблемах как основных. Это вело молодое поколение украинцев туда, где решались социальные задачи, причем революционными методами.

Украинцы, как напишет через десятилетия И. Лысяк-Рудницкий, не были чужими в империи и внесли свой вклад в ее строительство, даже осуждая петербургский централизм.

Впрочем, не все украинские исследователи придерживались начал самостийничества.

Попытка обособить малороссийское направление от направления сознательных украинцев является идеологической конструкцией. Она позволяет заиграть потенциал Центральной и Восточной Украины.

Пьемонтство и провансальство – пример ложной антитезы

Использовались ложные антитезы провансальства и пьемонтства. Запад Украины рассматривался как Пьемонт, объединивший Италию. Ему противопоставлялся Прованс. Параллели навеянные пребыванием галичан в составе Австро-Венгрии, от которой освобождались итальянцы в то время, когда жители окраин Прованса включались в состав Франции без особого движения за сохранение своего прежнего "итальянского статуса". Если продолжить параллель, то роль Прованса отводилась большей части Украины, которая не поняла и не приняла национальных порывов сечевых стрельцов и других национально ориентированных западноукраинских групп.

Вопреки этим конструкциям, *рост национального самосознания был равно возможен и в рамках единого государства, и в рамках федерации, и в рамках сепаратизма.*

Тупик шовинизма

Напротив, европейский провинциализм проявили галичане, поддержав цесаря против царя. Украинцы в окопах обеих армий воевали не за свое отечество, а за свое будущее, причем различное. Связь малого и большого отечества – это не отношение этноса к государству или национальной элите к территориальному государству, а связь народа и страны. Пока идеологическая установка "нашей страны" не сформировалась, действовала установка "этой страны". Если "этих" стран две или даже более, то каков смысл украинского патриотизма на войне, которую они ведут?

Национальное движение оказалось в *тупике шовинизма* и в Галиции, и в Малороссии. Можно назвать Австрию консервативно-конституционной, а Россию самодержавной, но понятие "тюрьма народов" равно обоснованно применялось к обеим империям. Превращение послевоенной России в содружество равноправных наций, отказ от централизма, демократизация и ряд других условий – вот на что рассчитывал федерализм. Панславизм активно использовали не только официальные, но и оппозиционные круги. Еще в 1846 году в "Книге бытия украинского народа" Н. Костомаров написал: "И Украина будет не подчиненной Речи Посполитой в Союзе славянском"¹⁵.

Всероссийское Учредительное собрание, несомненно, должно было дать автономию Украины в интересах всех национальных меньшинств. Национальная элита поняла, что она снова будет делить права и обязанности с инонациональными элитами.

Миф "бесклассовой нации"

Консолидация на базе идеи государства-нации произошла не сразу, ибо автономизм и федерализм были сильны даже в 1918 году, не говоря уже о 1917-м. М. Грушевский полагал, что национальной буржуазии нет, то, что называется буржуазией, – сугубо паразитические элементы, а пролетариат инонационален. Отсюда делался странный вывод, что украинцы вообще бесклассовая нация, ибо, строго говоря, "крестьяне не класс", а мешок с картофелем, по известной характеристике этого парцеллярного субъекта, революция тоже не будет классически классовой, а по характеру национальной.

Поскольку на Украине оказалась четверть мирового еврейства, то его отношения с украинством беспокоили Центральную Раду и М. Грушевского. Еврейские социалистические партии и сионистские круги шли навстречу национал-демократам. Национально-персональная автономия станет шагом навстречу еврейству.

Не чуждой анархизму оказалась и культурная элита. Если М. Драгоманов развивал в Украине анархистские идеи о будущем безвластном обществе, федералистская организация которого не знает форм государственно-правовых институтов, одновременно осуждая бакунизм за космополитизм и террор, видя в бунте игнорирование нравственных ценностей, то элита хотела большего¹⁶. Но антигосударственный коммунизм, которому отдали предпочтение крестьяне-махновцы Гуляйполя в 1917 году, будет иного толка, кропоткинское.

Только в 1907 году появилась и другая украинская версия анархизма – книга Л. Кульчицкого "Современный анархизм. Изложение, познание, прак-

тика", одно из первых изложений украинской вариации той же всемирной темы автономии общности и индивида. В этом русле шло сближение народных и интеллигентских групп. Застрельщиками дискуссий чаще выступали эсеры, силы анархистов не были столь значительны.

Больше власти, меньше обязательств

С формированием украинского государства перевели на украинский язык и упростили, убрав военные и технические подробности, книгу 1910 года издания по боевой подготовке войск. Выпущена она была в Киеве в 1918 году под редакцией и с предисловием С. Петлюры¹⁷. Но не эта книжка и даже не военные таланты прославили головного атамана, а политическая интрига: сосредоточить больше власти в своих руках и не спешить с выполнением взятых на себя обязательств. Имея в конце 1918 года все шансы стать национальным лидером, он, однако, быстро утратил харизму. Корни этого снова в земле. Он не мог гарантировать своими силами решение аграрного вопроса согласно требованиям "черного перелома". На словах – за, но на деле выступал как союзник землевладельцев, если не помещиков, то кулаков. Большинство крестьян не видело в национальных кругах социального гаранта завоеваний первых месяцев революции. Демократические свободы для крестьян, многопартийность для левых и тому подобные вещи скорее гарантировал Махно.

М. Грушевский и С. Петлюра в тот период осуждали самостийничество, считая, что ориентация галичан на Германию и ее союзников не может найти сторонников в Надднепрянской Украине. Такой подход казался им неверным как тактически, так и

стратегически. С. Петлюра не был интернационалистом. Он полагал, что присоединение Галичины и Буковины к России вследствие войны (Россию он видел среди победителей) является желанным с точки зрения украинских интересов. *Отцы-основатели Украинской Народной Республики олицетворяли именно господство федерализма в украинском национальном движении.*

Украинские национальные социалисты говорили о беспочвенности капитализма и безбуржуазности украинской нации, настаивая на том, что общность и самоопределение тождественны. А потому наличие самих украинцев – лучший аргумент в пользу наличия соответствующей государственности. Данный тезис быстро опровергался военно-политической действительностью двух совпавших войн – концом мировой и началом гражданской.

Без государства, без господ

Идея организации социальной жизни без центральной власти, а позднее – и идея безгосударственной организации, крепко застрявшая в крестьянских головах, совсем по-иному проливает свет на вопрос будущих форм левого социального движения. Это даже не вопрос альтернативы диктатуре пролетариата, а вопрос о взаимопонимании внутри актуальных и потенциальных союзных сил, согласных создавать свободное, справедливое и солидарное общество без господ.

Национальное часто выступало под стать этноцентристскому (племенному) стереотипу: *мы другие*, чем стереотипу желания иметь такое же собственное государство, как у других.

Борьба за государственность всегда дело элиты, национальной, политической, культурной, какой-либо другой. Элита противостоит крестьянской и городской массе, а позднее – рабочему, мелкобуржуазному, интеллигентскому и отчасти служилому кругу интересов и представлений. Между элитой и массой устанавливается идентификационная связь, в отдельные промежутки истории достаточная для актуализации *совместного проекта*. *Вряд ли такая связь архетипичных и стереотипных представлений может быть названа социализмом.*

Другое дело, *крестьянский социализм*, определенно вносимый в сельскую среду теоретиками и практиками других слоев, например, эсерами. Неопределенная национальная идентификация массы способствует столь же неопределенным "национальным социализмам" в духе Петлюры и Винниченко.

Ранние советские авторы и источники о махновщине. Корни неприятия

Источники не гарантируют историка от ошибок, и это заставляет многократно вглядываться в одни и те же сюжеты. Необходимо помнить предупреждение Е.Б. Бош – первого лидера советской Украины и мемуаристки, чью книгу применительно к украинской революции сравнивали с книгой Джона Рида "Десять дней, которые потрясли мир", что по раннему периоду революции

"в наших архивах совершенно отсутствуют подлинные документы, а печатные материалы, главным образом га-

зеты, требуют серьезной проверки, особенно военные сообщения... Постоянные эвакуации заставляли уничтожать подлинные документы; разрыв же сообщений приводил к тому, что наши газеты пользовались случайными, непроверенными сообщениями и давали неверные сведения"¹⁸.

Это предупреждение Е. Бош остается верным для всего советского периода изучения революции.

Советская историография, даже в начальный период, когда объективность заинтересованных еще позволяла видеть светотени на лицах вожаков крестьянских движений, не могла обойти легендарной жестокости украинских повстанцев, рассматривая ее именно как показатель бессмысленности творимого. Никто, кроме рабочего класса в его сознательно преданной большевикам части, и никто, кроме большевиков в их ортодоксальной разновидности, не сподобился благодати олицетворять харизму революции.

Бессмысленность и жестокость всякого повстанчества, не руководимого передовой силой, хотели видеть и видели в первую очередь. Революционеры-государственники, осуждавшие индивидуальный и стихийный террор по соображениям целесообразности, не сразу осознали, что *организованная машина государственного подавления враждебна именно самодеятельности масс, крестьянских в особенности.*

Исследование повстанчества сразу ставилось в жесткие рамки, заданные классовым пониманием гражданской войны. Причем на украинских землях оно изначально связывалось не с захватом помещичьих латифундий весной и летом 1917, а с сопротивлением оккупации. Этот стереотип живуч и называется по сей день.

Причины, поводы, события

Начало повстанчества на Украине совпадает с наступлением немецких войск 18 февраля 1918 года. Помощь немцев, за которой обратилась Центральная Рада, чтобы удержаться у власти, оказалась недолгой. Они предпочли Скоропадского. Крестьянство, имея на руках оружие, не дождалось осуществления громогласных решений новой власти о разделе земли. Инициатива снизу в революционной стране опережала события.

Брестский договор превращал Украину в источник снабжения немцев, чем они и пользовались. Но борьба с реквизициями стала лишь поводом для развертывания крестьянского повстанческого движения. *Причиной* можно считать неспособность всех существовавших на тот момент властей решить проблемы населения и удержаться у власти за счет внутренней поддержки. Недоверие к власти вызвало к жизни формы народной самоорганизации. Источники сходятся в отнесении начала деятельности Махно и махновцев к периоду оккупации. То, что это не совсем так, вытекает из самих документов.

В первых числах июля 1918 г. Махно уже на Екатеринославщине, а 4 июля 1918 г. он обращается с письмом к рабочим и крестьянам Гуляйполя. В народной памяти политкаторжанин оставил двойственное впечатление. В письме он призывает к работе по организации отпора оккупационным контрреволюционным армиям, ликвидации режима Скоропадского. Цель –

"не допустить на его место никакой другой власти... Так будем же работать, товарищи, – взывал лидер повстанцев, – во имя возрождения на нашей земле, в нашей крестьянской и рабочей среде настоящей украинской

революции, которая с первых своих дней выбрала здоровое направление в сторону полного уничтожения немецко-гетманской власти и ее опоры – кулаков и помещиков..."¹⁹.

Историографически тут интересна каждая мысль, особенно в плане последующих мотиваций повстанцев. Махно появляется в так называемой "нейтральной зоне". Он знает о вынужденном мире большевиков с немцами и о фактическом сопротивлении Советов на Украине.

Действительное начало махновщины

Однако Махно и его группа стали известны гуляй-польцам еще до сопротивления немцам. Советский период их деятельности – с апреля 1917 г. по апрель 1918 г., когда устанавливались революционные порядки, а главное, что земля попала в руки крестьян волости и хозяева ретировались, никогда не рассматривался ранними авторами как часть специфического махновского движения.

Эти эпизоды действительно совпадают с тем, что происходило по всей Украине и за ее пределами под влиянием столичных и местных взрывов активности населения и организованных сил революции. Но для историографа представляется важным отметить первую особенность, не бросающуюся в глаза, а именно *наличие зародыша организации, программы и базы небольшого и активного советского анархо-коммунистического крестьянского движения, опиравшегося на бедное крестьянство и полупролетариат.*

В центрах власти не могли не считаться с крестьянством и его чаяниями. Так, Ленин предлагал Всероссийскому съезду крестьянских депутатов

признать, что полное осуществление всех мероприятий, заложенных в законе о земле, возможно только при успехе начавшейся 7 ноября (25 октября) рабочей социалистической революции, и провозгласить, что он "всецело поддерживает революцию 7 ноября (25 октября) и поддерживает ее именно как революцию социалистическую".

Первоначальная аграрная программа большевиков не отличалась радикализмом. Динамизм ей придали многочисленные местные движения, чаще стихийные, но иногда возглавляемые эсерами. В течение всего предоктябрьского периода вопрос о необходимости развития крупномасштабных земельных хозяйств, на которой столь решительно настаивал Ленин, был незаметно отведен на второй план. Уже в сентябре 1917 г. Ленин отметил, что "всюду разливается широкой рекой крестьянское восстание". Октябрьская революция сломала последние запруды, которые еще сдерживали этот поток. Теперь уже с призывом свергнуть ярмо выступила не просто одна из революционных партий, а самозванное правительство. "Совет народных комиссаров, – гласило одно из самых первых заявлений, – призывает крестьян самих брать всю власть на местах в свои руки"²⁰. Это позволяет провести периодизацию крестьянского повстанчества иным образом, но тогда рушился миф, что гражданская война началась лишь в 1918 году.

Первые советские свидетельства об украинской революции, впрочем, заметно отличаются от поздних канонических версий.

Штурм неба

Первое советское правительство в Украине создавалось при активном участии Евгении Богдановны (Готлибовны) Бош (1879-1925). Она оставила воспоминания, которые, как уже упоминалось, современники сравнивали со знаменитым сочинением Джона Рида. Участница и организатор большевистского подполья, часто проявляла самостоятельность и расходилась с руководством в оценках, а иногда и действиях. В 1923 г., за два года до смерти, она примкнула к троцкистской оппозиции, хотя и там чувствовала себя чужой. "Год борьбы" – воспоминания о естественной слабости и героической активности пролетарского авангарда без организованной поддержки других сил.

Е.Б. Бош олицетворяла для противников ранний интернационализм и максимализм. Левый коммунизм и троцкизм в ее биографии не проходные эпизоды и дань времени, как это обычно представляется, а суть позиции, с которой начинался первый коммунистический "штурм неба". Ныне она – удобная мишень для искателей истоков украинской государственности. Но и сама она – этот источник. Отчужденность авангарда в крестьянской стране ожесточала. Но элемент трезвого понимания ситуации нарастал.

Старое положение о том, что крестьяне не могут создать идеологию и организацию, дополненное тезисами, что рабочее движение вырабатывает только профсоюзы и тред-юнионистское сознание, нуждалось в пересмотре.

Брошюры того времени, хотя и написанные в агитационном ключе и рассчитанные на разъяснение борьбы власти с повстанчеством, также пред-

ставляют ценность первых откликов²¹. Эти тонкие книжечки пропагандистского характера разъясняют антиповстанческую стратегию, обоснованную в не менее тощих брошюрах, опубликованных большевиками Х.Г. Раковским, А.Д. Троцким, Г.Е. Зиновьевым, М. Лацисом и Д. Лебедем²².

Любопытно известное сочувствие к повстанцам в насквозь идеологизированных текстах того времени²³.

К первому же периоду следует отнести попытки анализа военных действий, хотя и локальных²⁴.

Мелкобуржуазность повстанчества – прием, ярлыки, приговор

Особое место с претензией на итоговость занимают публикации Я. Яковлева (Эпштейна)²⁵. Потом его отнесут к ортодоксам, но в этот период колебаний между реальностью и директивами своего центра не избежал ни один украинский политик.

Мелкобуржуазность повстанчества – тезис, предшествовавший обвинениям в контрреволюционности. Контрреволюционны потому, что мелкобуржуазны, но не наоборот. Так в теории. На практике к концу гражданской войны положение изменилось: за другие советы, против большевиков, контрреволюционны – значит кулаки, сельская мелкая буржуазия. Подсчитывать десятины и наемных работников в условиях войны тяжело, достаточно данных 1917 года о богатом, цветущем крае с зажиточным мужиком.

Троцкий рисовал довольно комичный образ мелкого буржуа в революции, который одновременно, даже придя к власти или примазавшись к ней, на-

ходится в оппозиции к самому себе, а поскольку власть ему не по плечу, то, держась за нее, он в то же время пытается выскочить из государственной упряжки. В качестве крепкого мужика он осуществляет восстания под лозунгами, фабрикуемыми для него контрреволюционными авантюристами (статья "Махновщина"). Акцент сделан именно на мелкобуржуазность, потом этот ярлык вернется к самому Троцкому и его сторонникам.

Право крестьян собирать свои съезды и другие проявления вольного советского строя Троцкий считал синонимом мелкобуржуазной стихии, в отличие от Махно, который их защищал. В своем ответе-объяснении отставки Махно попытается объяснить власти, торгующейся с его бойцами из-за каждого патрона, что революционное повстанчество – "живое деятельное детище социальной массовой революции на Украине"²⁶.

13 июня 1919 года командарм 14-й армии К. Ворошилов уведомил начальство (Х. Раковского), что махновской армии как организма больше нет, все разгромлено, снабжение рухнуло, части до смешного малы, оборваны, босы, с опухшими и окровавленными ногами, артиллерии никакой, конница не многочисленна и вообще махновцы ему напоминают своих прадедов из Запорожской Сечи. Правда, тут же признался, что настроение рабочих Александровска достоверно махновское. Однако странно, почему после его радостного сообщения, что Махновия вдребезги разбита Шкуро, настроения были отнюдь не большевистские...

Крестьяне могут и воевать, и управлять

Легенда о военной неспособности повстанцев дополняет легенду об изначальном политическом антисоветизме и двурушничестве.

Открытый сторонник военного коммунизма Христиан Раковский полагал, что сохранение совхозов и продолжение коммунистического строительства возможны, если усилить влияние на середняка. А лучший путь к этому – ликвидация диктатуры кулачества и партизанщины. Парадокс заключался в том, что там, где крестьяне сами управляли своими селами, не могло быть диктатуры кулачества, а основу партизанщины составляли как раз беднота, середняки и бедняки, ставшие середняками благодаря стихийным процессам борьбы с кулаком и перераспределению земли и инвентаря.

"Социализм идиотов"

Еще одно положение, в спорности которого признаются даже самые ранние авторы, – связь махновского повстанчества и еврейских погромов. Украина "славилась" погромами, но их источник находился в дореволюционных традициях межнациональных отношений и потребностей власти, покровительствовавшей погромщикам. Часть инсурентов, особенно петлюровцы и "зеленые", охотно дополняли в этом плане деникинские погромы. В отдельных эпизодах, замалчиваемых советскими авторами, инициаторами выступали и большевистские круты, особенно из новоиспеченных большевиков без политического опыта. Негативное "равенство во зле" рождалось в борьбе с неравенством, носившей стихийный характер. Национальная элита

видела дополнительный источник активности народа в поиске объектов насилия среди "инородцев".

А. Бебель определял антисемитизм как социализм идиотов, но проблема стояла шире: национализм расходился и с либерализмом, что политически делало белых и петлюровцев плохими союзниками.

В годы войны патриотизм служил средним слоем компенсацией их неполноправия. Оседлав патриотическое чувство, националисты внушали своим adeptам, что патриотизм дает ответы на все вопросы, достаточно лишь приносить жертвы²⁷.

Национализм становился популярным лишь там, где подавался в виде коктейля, то есть в сочетании с другими идеями²⁸. Для многих украинских националистов приправой был неопределенный социализм и патриотизм будущей государственности, объявленной самоценной.

"Группа Донбасса" и украинский коммунизм

Коммунистов больше занимали внутренние трения, чем оттенки в среде союзников. Показательно поведение "группы Донбасса". Иногда ее называют царицынско-донбасской или ядром будущих сталинистов, сформировавшимся из тех, кто был причастен к деятельности Сталина на юге, в частности в его царицынский период. Эта группа отмежевывалась от созданной КП(б)У просто как от слишком слабой.

В письме, отправленном 10 июля 1918 года Шварцем и Межлауком в российский Центральный комитет, говорилось, что собрание комитетов партии Юга России, имевшее место в присутствии Свердлова, посчитало необходимым создать отдельную украинскую коммунистическую партию "в ди-

пломатических целях (для сложения ответственности с РКП за действия ее украинских членов)"²⁹.

На протяжении 1919 года постепенно созревала идея союзничества с середняком, явно тяготевшим к махновцам, к "военным коммунистам".

Раковский утверждал, что основой советского строя должны быть крупные советские хозяйства. Бубнов, один из его коллег по Совнаркому Украины, рассматривал требование о том, чтобы должностные лица говорили по-украински, как преувеличение значения украинского национализма. Кроме того, Бубнов, Мануильский и другие протестовали против любого соглашения с боротьбистами – украинской крестьянской партией эсеровского типа, которая стремилась к союзу с большевиками.

Аграрные, национальные и общедемократические проблемы сплетались в неразрешимый узел. Не давать землю непосредственному производителю, игнорировать национальные особенности, избавляться от союзников из родственных партий или движений – такой была линия руководства.

В южных районах Украины естественное плодородие почвы принималось пришельцами за социальный фактор – если крестьяне владеют хорошей землей, следовательно, они кулаки. Поэтому любая власть пыталась больше взять в этих районах, чем предоставить преимуществ или поощрений. Такое потребительское отношение к земле и рабочей силе давало обратный эффект. *Житницы затворялись перед продотрядами*, а реально необходимые орудия труда, мануфактура и оружие передавались в ненадежные руки. Обращаясь к сельским коммунистам, Бубнов добавлял:

"Вы, товарищи крестьяне, должны знать, что здесь у нас, на Украине, кулаков-богачей очень много, и они очень организованны, и когда мы в деревнях начнем насаждать свои коммуну, когда мы будем там осуществлять свою программу... то эти кулаки будут оказывать величайшее сопротивление"³⁰.

Первый съезд большевиков Украины, состоявшийся в Москве в июле 1918 года, постановил: "Никакие соглашения с эсерами, меньшевиками, бундовцами, украинскими эсерами, украинскими социал-демократами недопустимы. С анархистскими организациями соглашения тоже недопустимы"³¹. Большевики взяли курс на гегемонию в партизанском движении Украины в качестве единственной революционной организации. Все другие повстанцы считались мелкобуржуазной контрреволюцией.

Как известно, решение легче принять, чем выполнить. И хотя сил в стане большевиков было недостаточно, они "не оставили" повстанчество без руководства.

Несколько раньше под влиянием левых коммунистов Пятакова и Бубнова была провозглашена тактика всеобщего вооруженного восстания в Украине, но поскольку предпосылок к этому не было, то теперь съезд посчитал такую тактику промахом и признал прежнюю политику ЦК неудовлетворительной³².

Бубнов заявил на съезде, что на тайных крестьянских собраниях нередко принимаются решения о массовом уничтожении по уездам всех собственников, а также крестьян, имевших более 20 десятин земли. Также не было редкостью, когда банды, занятые борьбой с немцами, кроме погромов, устраивали в чужих деревнях (а иногда и в своих) грабежи и применяли насилие, в особенности к женщинам.

Кровопролитные походы в южных районах, предпринятые против немецких колоний и меннонитов, и не только против них, создали Махно славу человека особой жестокости. Большевики тоже были причастны к этим зверствам, способствуя им как риторическими заявлениями 1917 года, приветствовавшими гражданскую войну и уничтожение всех "эксплуататоров", так и февральскими расстрелами и лозунгами 1918 года. Эти лозунги часто принадлежали перу того же Пятакова. За год до этого он много раз высказывался против насилия. Еще в октябре спорил с другими партийными руководителями, говоря о своей готовности пойти на компромисс, чтобы только избежать "кровопролитий". Но тот же самый Пятаков, похоронивший истерзанное тело своего брата, лучше других отдавая себе отчет в хрупкости новой власти, был готов пойти на все, лишь бы укрепить ее³³.

Процесс варваризации, начавшийся в Украине и в России, втянувший в основном молодую мужскую часть населения, стал общим неизбежным феноменом.

Любопытна работа Е. Бош "Национальное правительство и Советская власть на Украине". Впрочем, у большевиков возникало искушение: если национальное правительство не будет большевистским, то и советское правительство может не быть национальным. Левые коммунисты повторяли прежние ошибки в национальном вопросе, Е. Бош пыталась выйти на новую дорогу без отречения от интернациональной сущности новой власти. Найти баланс оказалось легче на страницах книги, чем на митингах, в харьковском окружении или в отношениях с центром.

Второй съезд украинских большевиков прошел в октябре 1918 в условиях, когда крестьянство вело вооруженную борьбу против оккупационной администрации, отстаивая право на землю и свободное распоряжение произведенной продукцией. Не давать хлеб немецкому и австро-венгерскому режимам означало поддержать пролетарскую революцию. Но перспектива реквизиций хлеба на советские нужды также была проблематичной. Коммунисты Украины рассуждали, что с установлением диктатуры пролетариата в Германии и Австро-Венгрии трудящиеся дадут им хлеб³⁴. Резолюция по текущему моменту ставила главное задание – концентрацию партизанских сил преимущественно в городах для организованного захвата власти³⁵. Надежды на собственные силы у большевиков были невелики. "Такие города, как Киев, придется нам разрушить для того, чтобы их взять,"³⁶ – высказывался на съезде Я. Яковлев (Эпштейн).

Восьмой съезд большевиков, как известно, вошел в историю как съезд борьбы с военной оппозицией. Оформление кадровой регулярной армии позволяло извлечь преимущества из организации тылов и использования офицеров-специалистов, для привлечения которых в ряды Красной Армии так много делал Троцкий. Офицерство, даже красное, и атаманщина, тоже красная или черно-красная, оказались двумя вещами несовместимыми. Боец-повстанец не выносил офицера, видя в нем господина, прикинувшегося своим. Кроме психологических причин, были и военные: неоднократные измены офицеров, часть из которых вообще воевала на стороне красных только потому, что родных взяли в заложники.

На Третьем съезде КП(б)У, состоявшемся после победы над Директорией 1-6 марта 1919 года, в резолюции по текущему моменту большевики признали "наличие в украинском селе многочисленного мощного и организованного кулачества, дающее полное основание предвидеть неминуемость сильного кулацкого контрреволюционного сопротивления"³⁷. Большевики писали, что мелкобуржуазные партии стремятся к диктатуре на базе Советов, в то время как они осуществляют диктатуру рабочего класса. Возврат к революционно-демократической диктатуре в этом контексте был бы регрессом, отказом от ряда преимуществ, которые дала рабочему классу пролетарская революция.

Однако вхождение в советы других левых партий при гегемонии большевиков не означало утраты властью своего характера. Гегемония эсеров, учитывая их дробность, оставалась благим пожеланием, а меньшевики представляли силу лишь в союзе с эсерами. Коалиция революционной демократии без большевиков была иллюзорна на протяжении всей гражданской войны. Анархисты и вовсе не представляли партийной силы.

Дело не в том, что большевики перестраховались от неожиданностей, а в том, что их проект изначально осуществлялся железной волей единственного авангарда, хоть и от имени большинства. *Диктатура пролетариата в форме советов была диктатурой партии* через комитеты, ревкомы, комнезамы, продотряды, ревтрибуналы и все чрезвычайные органы, действовавшие *помимо советов, вместо советов и лишь иногда от имени советов*. Советской властью была там, где преобладал рабочий класс, как, например, в Донбассе, и ком-

мунистическая организация долго не имела серьезных соперников. Эсеры на территории Украины стремились опереться на повстанкомы, которые большую часть времени носили нелегальный характер и не воспринимались населением как власть.

Проверки и комиссии

3 апреля председатель Донецкого губисполкома Артем писал в секретариат ЦК РКП, что политика Пятакова и Бубнова, не допустивших соглашения с украинскими эсдеками-незалежниками и украинскими эсерами, неумная, что уже привело к восстаниям, и еще не одно восстание впереди, если не договориться с национальными партиями, стоящими на советской платформе. Но в этом же послании он требовал и прямо противоположного – прислать кого-нибудь из продовольственников (например Сталина), чтобы навести порядок и заодно проинспектировать учреждения³⁸.

Целый месяц, с 1 марта по 1 апреля 1919 года, работала высшая военная комиссия Красной Армии Украинской республики, свидетельствовавшая в отчете о политическом положении в Екатеринославской губернии:

политический уровень рабочих низок, антисемитизм возрос, обыватель в прочность советской власти не верит, "серьезных работников местная организация КПУ не имеет. Дельных агитаторов тоже нет. Влияние партии слабое. Большинство членов партии – мелкобуржуазный элемент. Рабочих мало. Профессиональные союзы и заводские комитеты – меньшевистские. Как положительный акт следует отметить полевение мелкой буржуазии и интеллигенции. При лучшем экономическом положении – полевение стало бы всеобщим"³⁹.

Спровоцировать недовольство большевиков и поставить под удар повстанцев – линия непоследовательная и характерная для всех периодов махновщины.

1 мая 1919 года во время митинга возник конфликт большевиков с Марусей Никифоровой, начавшей их публично обвинять в предательстве революции. Поскольку Махно не хотел конфликта с большевиками, он собственноручно стащил соратницу с трибуны, обрушившись в своей речи на пришлых анархистов⁴⁰. Иногда складывается впечатление, что часть из них мутила воду не под действием своих теорий и эмоций, а по прямому заданию ЧК. Но, конечно, не Маруся Никифорова, ругавшая большевиков вполне бескорыстно.

Из свидетельств 1919 – 1921 годов (В.А. Антонова-Овсеенко, М.В. Фрунзе, Ф. Левензона и других) вырисовывается напряженное, лихорадочное, быстро уходящее время поисков примирения, с неизбежными конфликтами, подогреваемыми обеими сторонами. Попытка большевиков переложить ответственность на анархо-махновцев вернется бумерангом через десятилетия. Исследователи 90-х годов возложат ответственность за разрыв почти исключительно на большевиков.

Несмотря на относительное истощение сил, в конце 1920 года украинские деревни оставались враждебными по отношению к новому советскому государству, которое было не в состоянии довести до конца "преобразование деревни". Историки объясняли это тем, что четыре года войны на внешнем и внутреннем фронтах подорвали силы, потому оно и не могло справиться с повстанцами. Ни один из ранних советских авторов не связывал поражение

повстанцев с голодом как средством удушения деревни. На это следует обратить внимание, ибо часть современных историков пытается представить свои новые концепции (здесь мы не рассматриваем их основательность) как хорошо забытые старые.

Уравнительная революция или махновский коммунизм?

Зимой 1920 – 1921 годов украинские большевики, которых два года непрерывной борьбы заставили посмотреть в лицо действительности и сломать некоторые ими же построенные идеологические схемы, в своих рассуждениях исходили именно из этой констатации. Косвенно признавая убедительность заключений Чайнова (вызванного обратно в Москву для выполнения ответственных заданий) и анализируя достаточно реалистически, хотя и очень схематично, процессы, ускоренные или вызванные сначала 1914, а затем 1917 годами, КП(б)У признала тогда, что в деревнях имела место *уравнительная революция*.

В свою очередь, эта революция привела к преобладанию в деревне "мелкого крестьянского хозяйства натурально-потребительского типа". Эти мелкие производители фактически превратили деревню в "самостоятельное, самоснабжающееся, замыкающееся в себя "государство" феодального типа". "Государство", движимое сильнейшей "экономической" враждебностью к "пролетариату" (т.е. к большевистскому государству). Против его диктатуры крестьянство было готово бороться не только за землю (в 1919 году оно фактически выиграло эту борьбу), но и за "эквивалент своего труда", т.е. против реквизиций. Таким образом, режим находился под постоян-

ной угрозой массовой "контрреволюции", выраженной в сопротивлении миллионов мелких собственников и полупролетариев "коммунистическому преобразованию".

Из сложившейся ситуации могло быть только два выхода: "либо пойти на открытую гражданскую войну с массой крестьянства" в условиях слабости государства и без поддержки западного пролетариата, на который уже не приходилось больше надеяться; или же пойти на новые "экономические уступки крестьянству", чтобы укрепить социальную базу режима. Как известно, в конце концов было решено вступить на второй путь⁴¹.

Белогвардейские и близкие к ним авторы выбирают стратегию отторжения

История изучает развитие человечества в целом и во все времена, в том числе в некотором смысле и будущее. Тем она и интересна не только профессионалам⁴².

Свидетели помнят не всегда хорошо. Так в 1905 г. многие петербуржцы утверждали, что сами видели, как манифест 17 октября заклеивали приказом Трепова. Этого не могло быть потому, что приказ Трепова появился раньше. Но в их утверждениях не все ложно. Манифест заклеивали другими, более поздними актами, состоявшими в противоречии с духом манифеста. Тем более что из двух тенденций в правительстве возобладала именно тенденция приказа, а не тенденция манифеста⁴³.

Белогвардейцы 20-х годов также не отличались исключительной памятью, ее обостряли пристрастия, обиды, потребности, интересы. Свидетели и очевидцы подробно объясняли предпосылки и причины крестьянских движений, естественно, с поправкой на собственное мировоззрение. Чтобы понять логику белогвардейских свидетельств, следует обратиться ко временам царизма.

Либерализм и аграрный вопрос

Очень важным моментом следует признать нашедший отражение в историографии разрыв внутри основных движущих сил по водоразделу городской и сельской России, придавший революции своеобразие. Правые при С. Витте, проводившие политику выжимания ресурсов из сельского хозяйства, в течение 1905 года впитали в себя все разновидности правящего дворянства и высшего чиновничества, ранее доверявших либералам, создав "молчаливое большинство", солидарное с черносотенцами.

Дворянский либерализм примирился с необходимостью репрессий к неуступчивым смутьянам. Заразившись великим страхом черного передела, помещики предыдущими шагами исчерпали ресурсы своей власти – абсолютизма. Отстранясь от общественных дел, они уступили либералам земства. Теперь их толкала вперед тяга утверждения неотчуждаемой частной земельной собственности. Они не могли довериться либералам, а это тормозило даже самые куцые уступки.

Эсеры-народники занижали степень капиталистического развития, но расплывчатые формулировки и узость тактики до 1917 года так и не превратили их в подлинно крестьянскую партию. Ли-

деры опаздывали, движение стихийных масс опережало требования большевиков, не говоря уже о менее значимых силах.

Аграрные беспорядки толкнули кадетов вправо, а правее кадетов для крестьян была лишь сплошная вражеская масса. Для Струве (одного из первых вестернизаторов России) народная революция была нежелательна, ибо могла обратить вспять процесс европеизации.

Октябристы считали русский народ все еще варварским, а граф Гейден, то вступивший в Союз 17 октября, то создававший партию мирных обновленцев, то числившийся близким к кадетам, то прямо перешедший в их ряды, обобщив мнение правых и левых либералов России, заявил, что считает аграрное движение "пагубным из-за его реакционной природы... и кроме того, без какой-либо тени законности"⁴⁴. Русский либерализм колебался от прозападнического государственничества с сильным антинародным акцентом к внеклассовому единству радикальной оппозиции, стремящейся привлечь в общее освободительное движение и крестьян. Обе тенденции оказались проигранными⁴⁵.

Эсеры

Крестьянство не обрело своей собственной революционной партии, хотя на эту роль и претендовали эсеры.

Наиболее способный из их лидеров, М. Гоц, первым предложивший перспективу перманентной революции и курс на социалистическую революцию, серьезно заболел в 1903 и умер в 1906 году. Харизматический лидер террористов Гершуни в решающие дни 1905 года был заключен в крепость, вышел

в 1906 г. и умер в марте 1908 года. В декабре того же года разоблачили Азефа. Е. Брешковскую и М. Натансона историк характеризует так: "...люди выдающейся смелости, всегда активные, любимцы эсеровского актива, но посредственные теоретики и неумелые тактики"⁴⁶. Прагматики типа А. Гоца и Н. Авксентьева, теоретик В. Чернов и самое неудачное приобретение партии эсеров 1917 года – А. Керенский сыграть роль крестьянских вождей не могли. Правда, В. Чернов развивал концепцию социализации земли, и она обеспечила эсерам поддержку на выборах в 1917 году.

"В Украине аграрная реформа Столыпина имела наибольший успех, и число крестьян, которые до 1 января 1916 года закрепили землю в индивидуальную собственность, было наибольшим. В то время как в 40 губерниях Европейской России около 24 % хозяев вышло из общин, на Правобережной Украине закрепили землю 50,7 %, в Южной Украине – 34,2 %, на Левобережье – 13,8 %"⁴⁷.

Реакция, намеренно преувеличивая значение эксцессов экспроприации и покушений, отождествляет всякое стремление к переменам с анархией и хаосом. Вместе с тем, у наиболее крупных ее предшественников не было собственного проекта преобразований. Вспоминая о Победоносцеве, князь Мещерский свидетельствовал, что

"как в течение более двадцатилетних дружеских отношений с Победоносцевым мне ни разу не пришлось услышать от него положительного указания в какой-либо области, что надо сделать взамен того, что он порицает, так не пришлось слышать прямо и просто сказанного хорошего отзыва о человеке"⁴⁸.

Историография белых обширна и аналитична. Аналитика плохо давалась крайне правым. Лучшие знатоки земской статистики типа А. Пешехонова все же предпочитали симпатизировать эсерам. Это и понятно: за ростом цифр проглядывалось падение целого класса. Сельская интеллигенция, близкая к эсерам, а именно она повлияет на формирование будущих вожаков украинского повстанчества, воспринимала разорение крестьян как собственную трагедию.

Белые используют антибольшевистские настроения

Шовинизм также имел своих свидетелей и судей. Воспоминания герцога Лейхтенбергского об Украине впервые были опубликованы автором в 1919 году в Швейцарии на французском языке под инициалами. Это объяснялось тем, что ни во французской, ни в швейцарской печати нельзя было поместить ни одной статьи, направленной против "самостийной Украины", во всяком случае, попытки герцога не увенчались успехом. В 1921 г. эта книга появилась на русском языке в Берлине. Он пишет:

"Население встретило немцев без энтузиазма, но и без ненависти, я бы сказал, с достоинством".

Немцы пришли с мыслью, внушенной им, что здесь они найдут народ, "угнетенный московским царизмом", и они склонны были видеть "национальные" и "социальные" движения там, где на самом деле не было ничего, кроме желания пограбить всех, кто побогаче: помещиков, купцов и даже простых крестьян позажиточнее, класс в Малороссии весьма распространенный⁴⁹.

Автор полагал, что его книга будет полезна для того, чтобы еще и еще раз разъяснить, как зыбка почва под ногами так называемых "самостийников". Впрочем, о себе он пишет:

"Охотно стал бы большевиком, если бы был убежден, что большевизм даст счастье людям, если бы я не видел, что он влечет за собой разрушение цивилизаций"⁵⁰.

В разгар борьбы на фронтах русские и украинские эсеры, за исключением части левых эсеров и фракций, традиционно близких анархистам, заняли антикрестьянские позиции, снискав поддержку в городах.

Наступление петлюровцев и взятие Киева сказались на положении махновской бригады. Она стала бесхозной. Из подчинения Укрфронта ее передали Южфронту, а тот не принял. Бригада сражалась на мариупольско-таганрогском направлении, вызывая восхищение Май-Маевского⁵¹. Перевыборы в рабочих советах давали большинство эсерам и меньшевикам. Рабочие жаловались на нехватку кадров и просили прислать лекторов православного вероисповедования, ибо сказывался антисемитизм⁵². Настроения против военного коммунизма проявлялись в отторжении евреев-атеистов, процент которых среди лекторов был особенно высок.

Махновцы видели, как в их тылах идут чистки, как антибольшевистские восстания охватывают Киевскую, Черниговскую, Полтавскую, Херсонскую губернии. Но союзничество с белыми отвергали. Белые хотели привлечь махновцев, но не могли.

3 апреля 1919 г. в "Правде" появилась промахновская статья: "О Махно украинцы говорят: "Наш батько чи с чертом знається, чи с богом, а только все же не простой человек"... Его заслуги в борьбе с

добровольцами высоко оценивались⁵³. Но уже 5 апреля нарком Подвойский издал приказ об объявлении Украины военным лагерем и о запрещении митингов и собраний в войсках.

6 апреля в "Известиях" появилась статья "Кто же такой Махно?". А. Сергеева рассказывает о боях за Екатеринослав как о примере подвига:

"600 махновцев разогнали 7 тыс. петлюровцев и овладели всеми правительственными зданиями. Сам Махно, осыпаясь пулями, отстреливался из оставшейся трехдюймовки до последней минуты...". Далее шли похвалы его Бердянской операции.

Белогвардейские историки с меньшим напором отстаивали тезис о том, что Махно ошибся, что лучше было бы ему поддержать белое дело, чем национальное. Если те жалели воина, то эти преимущественно клеймили бандита, причем, больше постфактум.

Опыт интеграции крестьян в постреволюционный социум

Крестьянская культура подразумевает определенную этику выживания. В неурожайный год крестьянин не только обречен на урезанные нормы потребления, но и проявляет определенный дефицит гордости. Ему приходится унижаться, обзаводиться новыми зависимостями, продавать часть земли и скота, залезать в долги под залог будущего урожая, проявлять хитрость и смекалку, обращаться к навыкам самовыживания.

Утопия и капитализация

Тем не менее, с крестьянами всегда остается утопия автономной и замкнутой самодостаточной жизни. Спонтанные движения такого типа, скорее, обращены в прошлое, но если крестьянин сталкивается с врагом в лице государства, эти часто оказываются эффективными. Хотя, в сущности, прав Э. Хобсбаум, полагающий, что в таких движениях "неизбежны жертвы", и они не могут "противостоять ходу истории"⁵⁴.

Без последствий капитализации на территориях нынешних Запорожской, Днепропетровской, Херсонской, Донецкой и Луганской областей невозможно представить уровень пролетаризации сельского населения и значение черного знамени анархии.

Композиция сознания класса такова, что рабочие Западной и Восточной Украины отличаются своими ориентациями. Как в городе, так и в деревне украинское меньшинство и русское большинство рабочего класса индифферентно относилось к интернационализму. Настроенные интернационально склонны были видеть в антисемитизме помеху, а питающие национальную вражду к евреям и иностранцам видели помеху в интернационализме.

Фактически все это делало единое классовое сознание пролетариата Украины проблематичным в позитивном плане, в то время как негативно их сплачивали препятствия развитию страны и формированию политической армии будущей революции.

Крестьяне-махновцы и элита

В демократической революции в условиях слабости российской буржуазии и еще большей слабости национальной тяга к руководящей роли стала ясна с первых же всеобщих забастовок XX века в таких центрах индустрии, как Киев, Харьков, Луганск, Екатеринослав, Одесса. Вместе с тем,

"различия в языке, национальности и религии не могли сами по себе предотвратить формирование единого классового сознания, особенно когда группы рабочих разных национальностей не вступали в конфликты между собой, занимая каждая свою нишу на рынке труда"⁵⁵.

"Для марксизма современность лишь способ и только будущее – цель" – нехитрое объяснение мятежного донского казака Миронова, но действительно ли он и Махно – противники "левокоммунистических экспериментов", как полагает В.Ф. Верстюк⁵⁶. Корпус Миронова блокировали части Буденного, комкора арестовали. И. Смилга и Л. Троцкий полагали, что в планах Миронова было создать армию, грозную и для красных, и для белых.

Таковой ли являлась армия Махно? Заманчиво согласиться с тем, что левокоммунистический эксперимент мог завершиться деникинской диктатурой, а если все же чем-то другим? Анархокоммунистическим? Для этого махновцам не хватило всеукраинского масштаба. Другие силы оттягивали значительную массу крестьян и мелкой буржуазии города на свои эксперименты, в том числе и на национальную государственность.

Но самая большая проблема состояла в коммуникативном разрыве крестьян с элитой. Дело даже

не в том, что элита в Украине, особенно хозяйственная и политическая, часто говорила на другом языке, но больше всего в том, что *крестьяне и элита представляли столь разный уровень развития, что не оказалось посредников, способных установить между ними связь*. Теоретически такими посредниками могли стать эсеры, но раскол и развал этой партии, как раз и связан с невозможностью представлять в масштабах всей страны некий общекрестьянский интерес.

Что касается руководителей махновцев, это были люди близкого социального происхождения и революционной выучки. Так, в Совет революционных повстанцев Украины махновцы включили: Семена Каретника, Алексея Марченко, бывшего эсера Бориса Веретельникова, Василия Куриленко, Виктора Белаша. Рабочий Петр Рыбин (Зонов) перешел к анархистам от большевиков. Близким к руководству был видный повстанец Григорий Василевский, хотя он и не входил в Совет. Из Петрограда в руководство был принят анархист Михалев-Павленко, а из Иваново-Вознесенска рабочий анархист Макеев. Среди лидеров большую роль играли также братья Махно – Савва и Григорий. Первым Донецким корпусом махновцев командовал Калашников. Третьим корпусом – Петр Гаврилюк, схваченный позднее большевиками в Крыму (как и Каретник) и расстрелянный в Мелитополе.

Таким образом, можно сделать вывод, что

- в *социальном* отношении верхушку лидеров составляли беднейшие крестьяне при участии батраков и представителей рабочего класса;
- в *политическом* отношении это были анархокоммунисты, а также выходцы из других левых

партий, преимущественно левых эсеров и иногда большевиков. Никакого специфически кулацкого или мелкобуржуазного элемента в руководстве движением не прослеживается. Что касается интеллигенции, то она заняла культурно-воспитательную нишу в повстанческом войске;

- в *национальном* отношении, по свидетельствам П. Аршинова, громадное большинство составляли украинские крестьяне, и только 7-8 % – крестьяне из Великороссии. Из национальных меньшинств особенно много было евреев и греков. Те и другие имели отдельные воинские подразделения (роты, артиллеристские бригады и даже полки).

Махновщина и национальный вопрос

Особенности махновских решений по национальному вопросу позволяют для начала освободиться хотя бы от двух взаимоисключающих мифов – широко распространенного, так сказать экзотерического, об антисемитизме движения и мифа о жидовском атамане, носящего внутренний, эзотерический характер. Второй миф связан с наличием в махновских штабах множества анархистов с еврейскими фамилиями. Это легко объяснимо отношением государства к еврейству. Революционные кадры украинского анархизма вербовались в местечках и городах с их пестрым населением, но ни в самом движении, ни в руководстве филосемитизм не присутствовал. Напротив, евреев преследовали по классовому признаку, как и остальных. Интернациональный характер движения не бесспорен, но доказуем.

Примером отношения махновцев к погромам могут стать события 12 мая 1919 г. в еврейской земельной колонии "Горькая" Александровского уезда. Комиссия махновцев обнаружила, что около 20 человек евреев были убиты крестьянами соседнего села Успеновка. Они и устроили погром. Комиссия разыскала 7 крестьян, которых не сочла возможным освободить от наказания, а потому при задержании они были немедленно расстреляны.

В начале мая 1919 г. Махно с несколькими командирами ехал в Гуляйполе, где ожидалась встреча с делегацией А. Каменева. На станции Верхний Токмак он увидел плакат "Бей жидов, спасай революцию, да здравствует батька Махно!". Он спросил: кто повесил плакат? Выяснилось, что партизан, лично известный Махно, принимавший участие в боях с денкинцами и, как подчеркивает Аршинов, человек, в общем, неплохой. Партизана вызвали и тут же расстреляли. Сила примера или почина считалась у махновцев более важной силой, чем напутствие, разъяснение, хотя они и не пренебрегали пропагандой и агитацией борьбы с антисемитизмом⁵⁷.

Особенно упорными антисемитами были григорьевцы. Но и здесь махновцы действовали преимущественно расстрелами, обращаясь и к жанру воззваний. Они клеймили погромы как акты позора.

Воззвание "Рабочим, крестьянам и повстанцам" (май 1919 г.) подчеркивало интернациональный характер движения, приветствовало интернационал труда, уравнивало противников ("и русский фабрикант, и немецкий заводчик, и еврейский банкир, и польский помещик")⁵⁸. Подписано это воззвание не только командующим Махно и начальником штаба Б. Веретельниковым, но и гуляйпольской группой

анархистов "Набат" и исполкомом гуляйпольского Военно-революционного Совета.

В этом отношении любопытен и приказ № 1 по армии командующего Махно от 5 августа 1919 г. (местечко Добровеличковка Херсонской губернии), где в первом пункте сказано:

"Среди нас не может быть места лицам, стремящимся за спиной революционного повстанчества к личной наживе, разбою или ограблению мирного еврейского населения"⁵⁹.

Вместе с тем, постоянное подчеркивание проблемы антисемитизма наводит на мысль, что эксцессы, видимо, имели место. Об этом же говорят и пункты приказов, связанные с дисциплиной и пьянством.

Пятый пункт того же приказа называл пьянство преступлением, а еще большим преступлением – появления повстанца в нетрезвом виде на улице⁶⁰.

Пьянство, грабеж, погромы, пытки... Все было и за все отвечают по большому счету социальные силы, творившие зло. Но десятилетиями ответственность возлагалась на "нечистые" армии, пока не выяснилось, что "чистых" армий не было. Спор идет о масштабах и степени причастности. Лишь стихийно махновские группы примыкали к погромщикам. Махновские штабы не давали приказов, а самовольное участие в погромах карали.

В погромах на Украине (1918-1920 гг.) от рук атаманско-крестьянских отрядов погибло более 200 тысяч евреев. Жертвами насилия и убийств становилась главным образом еврейская беднота. Погромы охватили около 1300 местечек Украины и 200 в Белоруссии⁶¹.

Естественно, отождествление коммунизма с евреями, как раньше евреев с капитализмом, или слухи об особых отношениях между евреями и немецкими оккупантами, распространившиеся в 1918 году, не имели под собой оснований. И не надо забывать, что, несмотря на новое и поэтому заметное участие ряда служащих еврейской национальности в работе правительства, подавляющее большинство членов еврейской общины придерживалось умеренной и даже консервативной линии в политике и религии, что постоянно с раздражением подчеркивали руководители – социалисты еврейского происхождения.

В 1918 году это подтвердилось результатами выборов, которые состоялись в 202 еврейских общинах Украины. В них приняло участие около 300000 избирателей. Большинство проголосовало за сионистские и религиозные организации. Все социалистические партии вместе, включая и умеренные, набрали только треть голосов – намного меньше, чем они собрали среди украинцев и русских. Можно добавить, что поддержка, оказываемая еврейской общиной режиму, и прежде всего его идеологии, оставалась сомнительной. После того, как большие погромы 1919-1920 годов вызвали бесспорный поворот в сторону нового государства, особенно заметный среди молодежи⁶², стало ясно черносотенное происхождение погромов и погромщиков.

Масштаб этнических чисток на Украине с трудом поддается исчислению. А. Грациози, ссылаясь на энциклопедию "Иудаика", книгу И. В. Шехтмана "Погромы добровольческой армии", изданную в Берлине в 1932 г., а также на наиболее компетентного в этом вопросе И. Чериковера и его работу "Антисемитизм и погромы на Украине, 1917-1918 гг.", из-

данную там же, и на другие источники, дает относительно небольшую цифру для всей империи – 50-100 тыс. Из них максимум 60 тыс. приходится на Украину, причем 40 % погромов приписывается Петлюре, 17 % белым и 25 % – "независимым" атаманам⁶³.

Украина "славилась" погромами задолго до революции. Особый тип представляли погромные акции в Донбассе, возродившиеся позже в годы войны, когда рабочие принимали активное участие в массовых убийствах, возвращаясь к "традициям" забастовок в Донбассе, которые еще до революции часто выливались в кровопролитные погромы⁶⁴. Так видит происходящее А. Грациози, наблюдательно отметивший провоцирование забастовщиков на погромы, но неверно расставивший акценты.

В украинской революции особенно любопытно размежевание народного и национального, социального и государственно-устроительного. Махновщина понималась ее практиками и теоретиками как низовое движение крестьян и рабочих, стремившихся утвердить свободу труда путем революционной самодеятельности самих народных масс.

Еврейские роты и греческие отряды в махновщине присутствуют, а отдельные русские части формируются лишь на тот случай, когда они направляются вне пределов Украины и не по национальному признаку, а по принадлежности – например к донскому казачеству.

Меньше других были представлены немецкие колонисты. Хотя традиционно они были более зажиточны и именно в колониях махновцы разоряли так называемые кулацкие гнезда, все же после эвакуации австро-германских войск большинство немец-

ких поселенцев поддержали разные силы, в том числе и анархистские.

В октябре 1919 года реввоенсовет повстанческой армии в принятой "Декларации" уделил место национальному вопросу в специальной главе. "Декларация была опубликована в газете "Путь к свободе" 18 октября 1919 г. за подписью культпросветотдела армии повстанцев-махновцев. В ней провозглашалось:

"Говоря о независимости Украины, мы понимаем эту независимость не как независимость национальную, типа петлюровской самостийности, а как независимость социальную и трудовую рабочих и крестьян. Мы заявляем о праве украинского (как и всякого другого) трудового народа на самоопределение не в смысле "самоопределение наций", а в смысле "самоопределения трудящихся..."⁶⁵.

Социальное движение не интересуется национальностью участников

Этот принцип сказался и на отношении к языковой проблеме. Махновцы отменили все распоряжения Особого совещания – органа деникинцев, а также приказ № 22 генерала Май-Маевского, запрещавшие материнский (украинский) язык в школах. В ответ на запросы учительского персонала в культпросветотдел повстанческой армии о том, на каком языке преподавать в школах, отдел разъяснял, что этот вопрос не решается армией, а только самим народом в лице родителей, учащихся и учащихся. Язык должен быть тот, к которому склоняется местное население, родители, учителя и учащиеся, а не власть и не армия⁶⁶.

Как социальное движение махновцы не интересовались ни своей, ни чужой национальностью, ни своей, ни чужой религией. Но, вопреки теоретикам, в стихийном движении всегда проявляются элементы национальных и религиозных предрассудков. Другое дело, что в махновщине они не носили характера сознательной линии, будь то антисемитизм, русофильство или самостийничество. Вспышки ненависти к чужим были гораздо слабее, чем в других социальных движениях: например, антисемитизм григорьевщины и даже деникинщины имел постоянный и систематический характер. Солидарность тружеников особенно проявилась в борьбе с погромами и погромщиками.

Представительство евреев в движении было массовым, и прежде всего там, где существовали еврейские местечки, преобразованные в трудовые колонии: в Мариупольском, Бердянском, Александровском и других уездах. Евреи были широко представлены в штабах и советах. Наиболее видным из них можно назвать помощника председателя Гуляйпольского военно-революционного совета Когана, до революции по духовным мотивам ушедшего с фабрики на крестьянский труд в еврейскую земледельческую колонию. В бою с деникинцами под Уманью был ранен и захвачен в плен, затем зарублен белыми.

Много написано о причинах неудач национал-демократов, особенно в последнее время, но не мощь большевиков, а слабость и разобщенность их противников реально не позволила реализоваться альтернативам. Единственное, что можно точно отвергнуть, так это непоколебимую убежденность, что любая альтернатива лучше, чем большевизм. Тут не

хватает историчности. Не лучше и махновщина. Китайский маоизм через несколько десятилетий покажет, что такое социалистическая революция в крестьянской стране.

Страшнее большевизма

Вернемся к эпохе нэпа. Большевики утверждали, что хотели удержаться только до начала европейской коммунистической революции. Нэп, по словам А.П. Карсавина, они видели не как принципиально новую политику, а как практически обусловленное видоизменение прежней линии⁶⁷.

"Мы не утверждаем, что большевики – идеальная власть, – пишет Карсавин, – даже – что они просто хорошая власть. Но мы допускаем, что они – власть наилучшая из всех ныне в России возможных. До самого последнего времени русский народ их поддерживал. Это не значит, что он их нежно любит: он их поддерживал как неизбежное и наименьшее зло". Хотя в брани по их адресу много лукавства и "свойственной русскому человеку любви "почесать язык" и побранить власти предержащие"⁶⁸.

"По существу своему политика большевиков была если и не лучшим, то, во всяком случае, достаточным и при данных условиях, может быть, единственно пригодным средством для сохранения русской государственности и культуры. Они уничтожали "бар" и живших по-барски, носителей культуры. – Они ли? Не являются ли большевики лишь организаторами стихийной ненависти и воли темных масс? Большевики были беспощадны и бессмысленно жестоки, но, может быть, только благодаря им не произошло поголовного истребления культурных слоев русского общества; может быть, они, скорее, ослабили, чем усилили порыв стихии, обоснованием и оправданием ненависти ввели ее в некоторое русло... Ведь уже сама идея "революционной законности" не что иное, как самоограничение ненависти"⁶⁹.

Они лишь приклеивали ярлычки к стихийному течению, говорившему и в них самих.

В заключение Карсавин отмечает парадокс отечественной историографии периода военного коммунизма и нэпа. Он состоит в том, что конкретное рассмотрение влияния личности в истории оказывается на деле рассмотрением влияния коллективной индивидуальности: историки, исходящие из категории причинности и изменения, более всего склонны отрицать значение и роль конкретной личности, но эти же самые историки в то же самое время приписывают решающее значение классам или партиям, то есть коллективным личностям. Отрицающая мощь индивида как атома в социуме, они столь же непоследовательно признают за классом некую индивидуальную физиономию. У Карсавина же личности следует изменяться двояко: в качестве духовно-душевного существа и в качестве душевно-телесного существа, коллективно и индивидуально.

Всякая историческая личность, индивидуальная или коллективная, обладает эмпирическим существованием. Вот почему обречены попытки разделить, например, плохой шовинизм и здоровый национализм. Самоутверждение происходит за счет других. Воля к порабощению других выражает стремление всякой индивидуальности быть всем. Так и пролетариат отождествил себя с обществом. Так поступает и нация⁷⁰.

Выход – в понимании противостояния как самоограничения. Важно понять, что всякий русский немного немец и француз, а всякий пролетарий в чем-то буржуа. Иначе невозможно договариваться⁷¹.

"Всякая историческая личность не достигает своей полноты: ни само человечество в целом, ни культура, ни народ, ни социальная группа. Ни одна из низших личностей не становится всею высшею личностью и всем человечеством. Поэтому всякая [личность] может быть познана лишь стяженно. Если историография ограничивает себя изучением одной из низших личностей, она познает ее как конкретное, но не вполне выраженное, то есть стяженное, всеединство..."⁷².

Таким образом, всеединный субъект исторического развития реализует себя посредством конкретных коллективных и индивидуальных личностей, имеющих свое собственное лицо (большевики, крестьяне, мешочники, эсеры и т.д.)⁷³.

Параллель между анархическим коммунизмом и интегральным национализмом

Возникает искушение провести параллель между анархическим коммунизмом и интегральным национализмом. Между повстанческой армией Н. Махно и повстанческой армией Р. Шухевича. Даже настаивая на том, что интегральный национализм не был идеологической надстройкой национальной буржуазии, трудно увидеть непосредственную связь между двумя повстанческими движениями.

Более того, организация украинских националистов гораздо позже, в 1942 году, предчувствуя возможность поворота фронта в обратную сторону, взяла на себя инициативу форсирования националистического подхода к собственной армии. Здесь, скорее, повлиял польский пример, чем история восстания украинского крестьянства.

Самое существенное различие двух повстанческих армий состояло именно в истоках. Махновцы формировались как армия на основе крестьянской самоорганизации, УПА создавали бывшие студенты, интеллигенты и служащие, прибывшие в сельскую местность из городов, занятых поляками. Аграрный вопрос был самым существенным в крестьянской армии, национальный – в УПА. Бандеровцы полагали, что создание своего государства с тоталитарной идеологией, однопартийным режимом и концлагерями для инакомыслящих решит все основные проблемы украинской нации. Махновцы выступали против однопартийного режима и вмешательства государства в дела самоуправления.

Миф социальной однородности подлинно левых

Представление об отсутствии социальных корней в трудовой среде у неосновных, небольшевистских левых – миф, в который не верили даже лидеры большевиков. *Идеологическая однородность достигалась ценой потерь целых слоев населения.* Так было нужно в избранной модели идейно-политической однородности. Торжество рабоче-крестьянского союза мыслилось сначала без части крестьян, потом без прежних крестьян, по сути, без их большинства, наконец, как союз с другими, новыми крестьянами. Прогресс виделся в крупном машинном производстве, обреченность мелких хозяйств считалась очевидной. *Отказ от индивидуального крестьянского хозяйства в конце 20-х годов – логическое следствие сталинизации большевистской аграрной доктрины и историческое следствие*

поражения самостоятельных крестьянских движений в революции.

Имел ли рабочий авангардизм корни неидеологического характера?

Следует признать, что имел. Прежде всего в самом образе жизни рабочих. В реальном отчуждении от других слоев. Многочисленные выходцы из средних слоев причисляли себя к сторонникам пролетариата, при этом жить и работать, как пролетарии, они не могли. Привычное для рабочего казалось каторгой представителю другого социального слоя и образа жизни.

Отчуждение – процесс отторжения человеческой сущности. Сужение границ существования делает людей односторонними.

Ученые много потрудились над выяснением психологии пролетария, однако никто не утверждал позитивного превосходства образа жизни рабочих над образом жизни всех других слоев. Утверждали лишь превосходство отдельных слоев пролетариата над другими слоями трудящихся по ограниченному набору признаков.

Напротив, до революции превосходство описывалось как негативное и потенциальное, а после революции как частичное, временное и сравнительное. За пределами классовых характеристик рабочий представлялся как пионер эмансипации, чье освобождение от наиболее грубых форм отчуждения, а именно от экономической эксплуатации, предшествует эмансипации человеческого рода.

Отчужденному труду освобождение нес отчужденный от всех благ мира пролетарий. Крестьянина призывали поверить в рабочего, а он не мог.

Победители и побежденные. Протоколы истории, воспоминания участников (1922-1928)

В ЭТОЙ ГЛАВЕ:

- ✓ Участники из числа побежденных.
- ✓ Победители в период, когда исторические мифы еще не сложились. Аграрная школа между победителями и побежденными.
- ✓ Эволюция национальной историографии вне советской Украины. Феномен Липинского.
- ✓ Национал-коммунизм и переосмысление махновщины.

Писатель А. Никулин в 1927 г. в Париже встретил Махно:

"Все в нем выглядело как на заброшенном в Париже белом эмигранте: серый выцветший костюм-тройка из универсального магазина, вишнево-красный галстучек, пальто-дождевик с пропотевшим воротником и помятая фетровая шляпа. Он был подстрижен ежиком. Глубокий шрам пересекал его лицо справа ото рта до уха. Он слегка хромал, временами тревожно озирался вокруг. Говорил теноровым певучим голосом. Как ни странно, он мечтал о возвращении на родину..."¹.

В 20-е годы Махно был занят своими мемуарами, часть которых публиковал по горячим следам в "Анархистском вестнике" в Берлине.

Понятие "русская революция" и "украинская революция" разведены в воспоминаниях Н.И. Махно, причем вторую он считал более радикальным вариантом решения аграрного, продовольственного, военного и властного вопросов. С его точки зрения, ни самостийничество, ни большевизм не могут удовлетворить крестьян, а власть – угроза для вновь обретенной крестьянской собственности.

Ругали, но издавали

С точки зрения историографа особенно интересно отношение либеральных историков к своему собственному наследию. То, что П. Милюков или В. Ключевский считали недостаточным, через несколько поколений оказалось именно тем, что нужно. Если П. Струве, считавший курс П. Столыпина капитуляцией перед антилиберальными кругами, не прав, то русский либерализм потерпел поражение вследствие

Участники из числа побежденных

Если ночью все кошки серы, то в эмиграции все побежденные обретают общую черту – полагают, что история была к ним несправедлива или справедлива не до конца. Сомнение остается у самых стойких: действительно ли они проиграли? А что, если правда и справедливость остались с ними, а не с победителями?

Большинство воспоминаний, особенно белых, а равно и аналитические работы построены именно на этом. Чем безнадежнее положение эмигранта, тем увереннее выводит его рука: *могли победить*.

Белогвардеец Иван Ильин и анархист Нестор Махно – полярные фигуры эмиграции. Первый считал свою деятельность за кордоном продолжением белого дела, второй, не отрекаясь от анархистских собраний и союзов, полагал, что его подлинная жизнь – на родине, что мог бы играть роль военного наркома лучше Ворошилова, как он говорил в сердцах молодой анархистке Иде Метт. Первый создал офицерский союз, второй не вел борьбы с советской властью, в глубине души рассчитывая на возможность возвращения, ибо был сыном украинской революции. В глазах многих белых она выглядела как русская смута. Новые потребности и старые предрассудки соединяли людей как в делах обновления, так и в делах выживания.

того, что всецело и решительно не поддержал П. Столыпина.

Но если П. Струве прав, то концепция все равно обязана объяснять, даже оправдывая поражение либералов тактическими особенностями взаимодействия с властью.

Такая концепция предполагает, что П. Столыпин держал под сукном законопроекты, не давая им хода, поскольку знал, что на них набросятся правые. Поддержка либералов не рассматривалась им как достаточная для проведения "спасительного для режима" правительственного курса. На самом деле вхождение в кризис могло вывести из тупиковой ситуации, если бы осознавалась благотворность кризиса.

Стремление любой ценой выйти на уровень стабилизации означало уступку правым и превращение правительства в добровольного заложника реакции. Способствуя этому, либералы обеих разновидностей – кадеты и октябристы – по-разному оценивали возможные последствия. Послереволюционная зарубежная историография, особенно эмигрантская, многое сделала для превращения фигуры П. Столыпина в последнюю надежду для "спокойной эволюции страны". Но никаких реальных доказательств в пользу решения аграрного вопроса единственным приемлемым для страны способом эта историография не представила.

В 20-е годы цензура не носила тотального характера. Зарубежные издания переиздавались выборочно, неполно, по протекциям, в малых издательствах. Однако марксистов, даже разгромленных вождями и занесенных в число врагов рабочего класса, издавали охотно и в государственных изда-

тельствах. Ругали, но издавали. С соответствующими комментариями. Например, статья к юбилею К. Каутского называлась "К юбилею трупа непогребенного", а ведь он был еще жив и лидировал во Втором Интернационале как один из самых крупных авторитетов социал-демократии. Меншевики, работавшие в различных ведомствах, уже не были сильны, но нэп внушал им некоторые надежды.

Относительно русской революции К. Каутский подметил следующее:

"... русская революция и наша задача в ней рассматривается не как буржуазная революция в обычном смысле, не как социалистическая революция, но как совершенно особый процесс, происходящий на границах буржуазного и социалистического обществ, служа ликвидации первого, обеспечивая условия для второго и предлагая мощный толчок для общего развития центров капиталистической цивилизации"².

Обращает на себя внимание загадочная граница между буржуазным и социалистическим обществом. Понадобятся десятилетия, пока исследователи раскроют феномен развивающихся стран или так называемого третьего мира, а он уже существовал в начале века, и Россия была в его авангарде. Так получается не у Карла Каутского, а у толкующего о его прозрениях Теодора Шанина. Впрочем, более важно, что и в уже прочитанных текстах есть концептуальные зерна, не замеченные современниками. Урок историографии – полезный урок.

Однако историография не уделала должного внимания оценкам первой русской революции, данным К. Каутским, поскольку уже сложились некоторые схемы истории, считавшиеся ортодоксальными, например о буржуазно-демократическом ха-

рактере революции. Отказ от схем грозил зачислением русской революции в одну категорию с революциями в Турции (1908 г.), Иране (1909 г.), Мексике (1910 г.), Китае (1911 г.). Сама категория была неизвестна, а терминология полуколоний оставляла место для прикрытия и колониального грабежа, и имперского соучастия в нем. Ведь и турецкие султаны, и иранские шахи, и китайские императоры, и даже мексиканские президенты не были только жертвами колониализма или неоколониализма, подобно русскому императору, они были и участниками дележа награбленного.

К. Каутский "развил" марксистские тезисы о том, что крестьянство не создает национальной политической организации и не образует класса именно как парцеллярное крестьянство, оно противостоит другому образу жизни. Обосновывая свою знаменитую формулу "вместе бить, врозь идти", он не только подчеркивал в крестьянах собственническое начало, но и считал крестьянство разновидностью капиталистического класса³.

Между тем указанным тезисам явно противоречил поток отечественных и зарубежных воспоминаний 20-х годов. Условно их можно разбить на три большие группы:

- белых и эмигрантов, в основном враждебные Махно;
- бывших анархистов и повстанцев, в основном благожелательные;
- советских авторов, для которых фактическое признание повстанчества революционным противоречило основной версии, стимулировавшейся реакционными кругами партийно-

го аппарата. Эти круги навязывали урезанный одноклассовый подход, не признававший никаких других революционных субъектов, кроме устойчиво сотрудничавших с советской властью.

Зарубежные авторы сразу ухватили главный сюжет взаимоотношений повстанцев с советской властью, о чем свидетельствует очерк О. Беленко⁴.

Среди нетипичных и вздорных публикаций, полных фантастических домыслов, также встречаются важные характеристики, любопытные скорее колоритом, чем опытом. Сюда следует отнести очерк К.В. Герасименко⁵. В СССР белогвардейца Герасименко будут охотно издавать и переиздавать, поскольку его "труд" наполнен разоблачительным пафосом против красного людоеда Махно. Эту работу не только критиковали историки, но яростно отверг и сам Махно. В годы эмиграции он доказывал, что занимался не разбоем, а служением революции, чему посвящены его зарубежные статьи и мемуарные записки.

В 1928 году К.В. Герасименко представил махновское движение как кучку бандитов. Малейшее сравнение с архивными документами доказывает, что К. Герасименко не имел никакого представления о движении и писал о нем понаслышке.

Первоначальное ядро источников

Среди источников, составлявших основу понимания происходившего, многократно и по-разному воспроизводимых в литературе, следует выделить первоначальное ядро. К нему сходятся основные версии событий, расходящиеся в интерпретации фактов и

процессов в зависимости от глубины проникновения в материал, социального заказа и полученных результатов. Сходятся к ядру, чтобы облечь его в ценностно окрашенные оболочки. Но уже в ядре документов в скрытом или открытом виде присутствуют почти все поздние точки зрения. Его составили документы и материалы борющихся сторон, среди которых следует назвать редкие публикации П. Аршинова⁶.

П. Аршинов (Марин) был самым влиятельным анархистом среди махновцев. По свидетельству И. Тепера, Махно не раз повторял:

"На Украине вообще есть только три анархиста: я, Аршинов и Ольга Таратута"⁷.

Именно ему принадлежат первые вразумительные самохарактеристики повстанцев в прессе.

Историограф не может пройти мимо личности Петра Аршинова. Родом из предместья Амур в Екатеринославе, с 17 лет состоял в рядах социал-демократии, но уже в годы первой русской революции перешел к анархистам-террористам.

По данным полиции, в Екатеринославе насчитывалось около двадцати анархистских групп. Там мы и встречаем будущего историка анархизма Петра Аршинова. В декабре 1906 года он взорвал полицейский участок, убив и ранив несколько казачьих офицеров и полицейских чинов. В марте 1907 г. убил начальника железнодорожных мастерских города Александровска, отдавшего под трибунал сто участников вооруженного восстания 1905 года. Петр Аршинов был схвачен, приговорен к смертной казни, но во время службы в церкви вместе с другими анархистами напал на охранников и бежал в

апреле 1907 года. В городской тюрьме находилось около ста анархистов, что сопоставимо с другими группами политических заключенных, близких к ним, – эсерами и максималистами. Получив с воли револьверы и взрывчатку, политические подняли бунт, в ходе которого около ста человек были убиты и ранены. Два года Аршинов прожил во Франции, в 1910 г. арестован в Австро-Венгрии и выдан России, осужден на 20 лет каторги. По воле судьбы или случая оказался сокамерником Махно, был освобожден Февральской революцией. Стал соратником батьки и одним из историков махновского движения⁸.

Стремясь объяснить великую трагедию махновщины, П. Аршинов обращает внимание на то, что все власти, а главным образом большевики, прилагали чрезвычайные усилия не к тому, чтобы договориться с махновцами, а к тому, чтобы загнать движение в тупик, выходом из которого становился бандитизм.

Любопытно, что, называя компартию и советскую власть "силами, монополизировавшими революцию", П. Аршинов не относит их к лагерю реакции. Величие и значение повстанческого движения он видит именно в титанической борьбе со всеми видами реакции, от которой и спасало революцию именно повстанческое движение.

Он предостерегал от поспешных выводов ту часть советских историков, которые

"испытывают тупое негодование или бессмысленный страх" перед личностью Махно или "считают своим долгом просто лишний раз лягнуть недоступное их пониманию, напугавшее или потревожившее их явление"⁹.

А также П. Аршинов предупреждал об опасности, подстерегающей историков, поскольку движение потеряло 90 процентов своих активных участников, не имея времени, возможности и особой потребности фиксировать, накапливать, передавать потомкам свои дела, слова, думы или памятники. Факты и документы сохранились в отрывочной форме, хотя П. Аршинов и надеялся, что фактическая и документальная стороны махновской эпопеи еще могут быть правдиво явлены¹⁰.

Более интеллигентные силы, составившие, согласно П. Аршинову, ряды большевизма, понимали социализм иначе, нежели профсоюзы и фабзавкомы, приступившие к устранению предпринимателей, переводу предприятий и товаров в свое ведение, самостоятельному проведению тарифов, выборам руководителей и т.д.¹¹.

Сложную проблему представляет периодизация движения. К сожалению, П. Аршинов подменяет этапы движения этапами развития личности Махно. Указывая на наличие целой плеяды лиц, обладавших не только сильным духом и революционным инстинктом, но и способностями в области стратегии, П. Аршинов подчеркивает связь этих людей с низами общества. Руководителями из низов были: Калашников, братья Каретниковы, Василевский, Марченко, Вдовиченко, Куриленко, Гавриленко, Петренко, Белащ, Щусь, Иван и Александр Лепетченко, Лютый, Веретельников, Чубенко, Зиньковский, Крат, Серегин, Троян и другие.

Личностный подход Аршинова, естественно, выводит на первый план самого Махно.

1. Первый этап становления анархиста включает каторгу.

2. Второй этап – с марта 1917 до лета 1918 г. – включает деятельность в Гуляйполе, в том числе создание рабоче-крестьянского совета.
3. Третьим этапом является вся война со времен гетмана до ухода за Днестр, т.е. период повстанчества. Естествен результат рождения вождя, хотя, строго говоря, у анархистов их нет.

Чтобы как-то скрыть противоречия своего героя на разных этапах, П. Аршинов пишет: "Это был уже совершенно новый, преображенный человек".

"Когда всматриваешься в самого Махно, изучаешь его действия, то убеждаешься в том, что он легендарнее всех легенд о нем. Махно есть человек исторического действия"¹².

"Стремление к полному самоуправлению трудящихся – вот что стало основой начавшегося в глубине масс движения"¹³.

Многие люди, писавшие о махновщине в 20-е годы, считали, что "это дело последующих лет", осмысление этого опыта должно произойти позднее.

По мнению П. Аршинова, политическая революция, осуществлявшаяся руками народа, дала власть части социалистической интеллигенции, которая, воспользовавшись этим, стала привилегированной не только социально, но и психологически. Ее духовные устремления, то, что называется "общественным идеалом", неизбежно несли в себе дух сословных привилегий, и это наблюдается на протяжении всего общественного развития интеллигенции¹⁴. За ее привилегии народ должен платить своим трудом и своими правами. Государственный социализм П. Аршинов представляет как власть именно этой касты. Наивность и прямота подкупа-

ют, но противоречия концепции не только объективны.

Понимая революцию как право, П. Аршинов исходит из ошибочного представления о том, что борьба с большевиками слева имеет историческую перспективу и великая правда махновского движения еще может восторжествовать. Его книга была издана в 1923-м, а уже в 1930 году, вернувшись на Родину, П. Аршинов, стал членом ВКП(б).

Коллективно владеть, но индивидуально пользоваться

"Политическое влияние парцельного крестьянства в конечном счете выражается, стало быть, в том, что исполнительная власть подчиняет себе общество"¹⁵.

Эта марксистская идея находится в рамках жизненных поисков П. Аршинова, он закономерно пришел к тому, с чего начинал в молодости, когда революционное нетерпение увело его от большевиков к анархистам.

Утопия сельской вольницы, хранящей землю от господ, соседствовала с желанием коллективно владеть, но индивидуально пользоваться. Это противоречие все больше сказывалось на единстве отрядов, когда они покидали свою местность и переходили в другую. Во всех крестьянских войнах охотников идти за родные околицы всегда меньше, чем воевать в границах своей деревни, ожидая, пока опасность не минует.

Среди причин, подготовивших крестьянскую войну, важную роль сыграли кризисы, следовавшие вслед за отменой крепостного права. Практически каждый седьмой год был голод. Особую роль

сыграл кризис, начавшийся вслед за голодом 1891 года и принявший затяжной характер. Надежды на быструю индустриализацию, проводившуюся во многом за счет сельского хозяйства, вскоре развеялись. Приходилось признать, что производственный упадок на селе грозит империи. Это отмечают и современники, и исследователи поздних времен. Можно привести классические работы Ю. Мартова, А. Спиридовича и другие¹⁶.

Источники по-разному оценивают субъективный фактор, акцентируя связь революционной ситуации с состоянием сельского хозяйства. Менее других видит в крестьянах горячий материал политики Ю. Мартов, насторожен стихийными бунтами жан-дарм Спиридович.

Г. Новополин называет особенностью гуляйпольской группы террор почти исключительно против внегородской буржуазии и сельской полиции¹⁷. Выражение "внегородская буржуазия", значительную часть которой составляли именно кулаки, подрывает концепцию об изначально кулацком характере движения.

Место повстанческому движению уделено в мемуарах А.И. Деникина и статьях Я. Слащева. Как и многие публикации зарубежных белогвардейцев, частично они были доступны советским историкам 20-х годов¹⁸. Белые высоко оценили боевые качества махновцев. Начальник штаба в корпусе Слащева писал:

"Махновские войска отличаются от большевиков своей боеспособностью и стойкостью"¹⁹.

Во второй период исследования махновщины из анархистских самохарактеристик наиболее полны-

ми являются работы П. Аршинова, В. Белаша, А. Горелика и других²⁰. Различные по объему, глубине, документированности, они едины в оправдательной тенденции эпизодов революции, связанных с повстанчеством и анархизмом.

В Советской России тема имела самое широкое обсуждение. От отдельных эпизодов до попытки М. Кубанина нарисовать более дифференцированную картину событий истории гражданской войны, что позволяло избегать ярлыков хотя бы в перспективе исследований. Но за рамками периода эта тенденция не получила более строгого оформления²¹.

Правосознание повстанцев: дискуссия о мирном устройстве

В конце 20-х годов приоткрывается внутренняя кухня правосознания повстанцев. В.Ф. Белаш реалистично описывает дискуссии между анархистами, укрывавшимися от красных. В конце 1919 г. часть членов штаба все еще уверена, что возможно соглашение. Он приводит свидетельство идейного анархиста Долженко:

"Взорвать Советскую власть – значит продлить борьбу внутри пролетарских групп города и деревни... Нам достаточно надоело фразерство синдикализма. Эта идея показала себя обратной стороной, и пролетарские массы нас бросили на съедение зарвавшимся красным командиров. Мало того. Штаб и Военревсовет показали абсолютное банкротство в деле организации индустриального пролетариата и социализации богатств в свободных городах"²².

Долженко ругает батьку за помпадурство в обращении с кадрами и разделение армии, поскольку

с единым кулаком власть якобы считалась, а с отдельными отрядами – нет. Далее он развивает идею священной обязанности анархистов создавать свободные коммуны в советских условиях.

"В этом мы имеем достаточно опыта и должны показать деревне, насколько эффективно можно устроить коллективную жизнь. Пусть даже эти коммуны будут нести обычное бремя государственных налогов, подчиняясь власти... Надо проповедовать коллективизм, которому большевики выдали вексель чуть ли неприкосновенности и массу привилегий. Мы должны сдать оружие в музей революции и организовать хоть сколько-нибудь свободных коммун, повторяю, в советских условиях".

В ответ вспыхнул Вдовиченко: "Как можно организовать коммуну, когда носа не показывай, когда за тобой как за зайцем, охотятся красные стрелки... По-моему, село надо подчинить политической и экономической самозащите, надо организовать сопротивление". Находившиеся рядом крестьяне поддержали Вдовиченко словами: "Что вы кинули винтовки, что на них (красных – авт.) смотреть?". Более того, крестьяне тут же предложили сыновей и лошадей для этого дела²³.

В эмиграции эти споры уже не казались актуальными. Что было бы, если бы советская власть предоставила анархистам возможность организовать жизнь на коллективных началах? Преследуемые, они чувствовали себя обиженными и не понятыми революцией. Белые, напротив, не могли примириться с последствиями поражения по другим причинам. Однако была и группа желающих найти ответственных не только и не столько за обиды и поражения, сколько за напрасные жертвы.

Болезненная тема – еврейские погромы

Среди побежденных болезненной темой оставались еврейские погромы. Лучшим исследователем национальной политики украинских правительств стал И. Чериковер, опубликовавший в 1923 г. в Берлине книгу "Антисемитизм и погромы на Украине, 1917-1918 гг."

Когда 26 января 1918 г. члены украинского правительства бежали из Киева в Житомир, среди них не оказалось ни великороссов, ни поляков, ни евреев. Озлобление против последних привело к распространению странных идей о том, что за нашествием красных стоят евреи, что в каждом еврейском доме находят по пулемету. М. Рафес обратился к Петлюре как члену партии социал-демократов с требованием принять меры против погрома, который готовит украинская армия. Петлюра ответил, что "он не может ничего гарантировать; настроения солдат ему известны, но он видит здесь только жажду мести, а не антисемитизм". Правда, Петлюра согласился вывести войска из Киева не через еврейский Подол, а через пригород Курневку²⁴.

Среди основных групп, участвующих в погромах, И. Чериковер ставит на первое место Украинскую армию Петлюры, на второе – крестьян.

"Это вторая и более серьезная сила в погромном движении... Антисемитизм крестьян выражается в пассивных формах. И только позже, в июне-августе 1918 года... движение крестьян в повстанческих районах обрушивается и на евреев. Систематический же поход деревни против евреев относится к 1919 году, когда повстанческое движение принимает необычайно широкие и опасные размеры"²⁵.

Характерно высказывание социалиста-федералиста Кушнира М.А.:

"Пока меньшинства не пойдут с нами, мы будем шовинистами"²⁶.

9 июля 1918 г. гетманское правительство отменило закон о национально-персональной автономии, которым так гордилась Центральная Рада. Гетманцы приняли участие в национальных расправах с не меньшим энтузиазмом, чем петлюровцы, также мотивируя это классовым поведением евреев. Немцы прибегали к расстрелам погромщиков, но остановить этот поток не могли.

29 августа представители киевской еврейской общины подали докладную записку о погромных эксцессах министру внутренних дел Игорю Кистяковскому. Настаивая на том, что жертвы различных национальных групп сопоставимы и что убийства и грабежи – результат большевизма, в котором евреи представлены больше, чем другие национальные группы, министр все-таки пообещал принять меры, хотя успокоительно заметил: "На Украине нет антисемитизма"²⁷.

Работы анархистов, белоэмигрантов и ранних советских авторов интересны фрагментами правды, отмеченными по горячим следам событий, и щедро разбросанными на страницах всего написанного оценками повстанчества. Накопление источников и фактов подчас противоречит этим оценкам, прибавляя убедительности одним, лишая ее других.

Победители в период, когда исторические мифы еще не сложились. Аграрная школа между победителями и побежденными

Второй период,

историографически самый богатый новыми материалами и документами, продолжает линию конца советских авторов гражданской войны на развенчание повстанчества и доказательство неизбежности краха всех антибольшевистских сил.

Среди воспоминаний, написанных по следам событий, интересны свидетельства участника происходившего на Екатеринославщине В.М. Мирошевского, командированного центром подпольной работы большевиков в Украине (Запфронтбюро) для поддержания связей с Махно. Он наладил в городе подпольную типографию большевистских изданий и скоординировал совместные действия красных войск и подполья, возглавил губревком. Работа интересна тем, что описывает борьбу не только против Махно, но и за него²⁸.

Особенно важно свидетельство о противоречиях повстанческих сил и красных военных в моменты сотрудничества махновцев и большевиков:

"Нами был создан нелегальный армейский комитет, настроенный весьма агрессивно по отношению к батьке и неоднократно добивавшийся у губкомпарта разрешения произвести военный переворот. Стоило большого труда

удержать армейцев от решительных шагов, которые могли преждевременно разложить повстанчество"²⁹.

Махно рассматривал ревкомовцев как "засланцев" Троцкого. Несложившиеся отношения с А. Троцким – один из драматичнейших эпизодов истории рабоче-крестьянских отношений в годы войны, впрочем, несколько преувеличенный в годы перестройки. Крестьянское повстанчество и рабочий авангардизм настороженно и враждебно проверяли революционность друг друга. И антагонизм лидеров лишь верхний слой борьбы за гегемонию в революции.

Раскол советских историков в понимании махновщины

Раскол советских историков в понимании махновщины назревал медленно и опирался на трения внутри правящей партии. Спор о революционности крестьянства продолжался и после разгрома повстанческого движения. При этом повторяли марксистские тезисы о реакционности ряда сельских движений, об "идиотизме сельской жизни", о собственнической, индивидуалистической ориентации парцеллярного крестьянства, неспособного выступать как единое целое. Оценки прежних эпох перекочевали в XX столетие. Крестьянство выглядело пережиточно. Совсем абсурдный смысл придавался неоднократно высказываниям К. Маркса и Ф. Энгельса, называвших крестьянство "варварством внутри цивилизации"³⁰.

Историография рабочего авангардизма и троцкизма дополняет историографию махновщины

Историография рабочего авангардизма и троцкизма дополняет историографию махновщины советского периода именно в пункте идеологической невозможности признать самостоятельные революционные течения небольшевистского типа. Поэтому И. Тепер и делал вывод, что, охладев к идейным анархистам, Махно имел причины перейти к большевикам. С отдельными людьми так бывает. Это доказывает эволюция самого бывшего махновца И. Тепера, но в отличие от людей общности изменяют себе или умнеют не так быстро. Признавая силу, стихийное сознание крестьян уступает ей, но в годы гражданской войны крестьянство имело свое видение проблем страны, и пока было сильным, его слушали.

В 20-е годы на первый план вышло намерение отделить анархизм и махновщину от крестьянского движения, дискредитировав их как оппонентов большевизма. Но отделить не получилось, а потому выходило как бы два различных крестьянства – одно в бандах, другое в красной армии (Б. Горев, Б. Равич-Черкасский, Я. Яковлев).

Работы Д.З. Лебеда и Я.А. Яковлева, начавших писать на эти темы еще в предыдущий период, посвящены классовой сути крестьянского движения, обоснованию тезиса о кулацкой контрреволюции. Книги М. Кубанина и В. Руднева, появившиеся в конце нэпа, далеко не так прямолинейны.

В статьях Р.П. Эйдемана, Е. Лихаревского, М. Макушенко, Е. Эсбаха, П. Сергеева, К. Шефа,

опубликованных в основном в журнале "Армия и революция", детально прослеживаются отдельные операции махновских и петлюровских формирований, уделяется внимание и затяжному характеру движения, не имеющему чисто военной подоплеки. Даже вторжение петлюровцев с польской территории осенью 1921 г. не может быть охарактеризовано как сугубый акт внешней контрреволюции или интервенции.

В 20-е годы тему искоренения петлюровских, махновских и савинковских банд после окончания гражданской войны обсуждал широкий круг авторов, среди которых преобладали военные и партийные работники, представители органов власти. Это повлияло на направленность исследований и извлечение из них рекомендаций. *Перед нами прежде всего документы эпохи, источники, а не объективные свидетельства.* Факты и события, люди и группы представлены здесь в отражении заинтересованного (прямо ангажированного) познающего субъекта. К тому же он вооружен определенной классовой методологией, исходящей из того, что истина процесса ясна, следует лишь выяснить детали. В них и ценность источников 20-х годов.

В спорах о классовой сущности движения коммунисты 20-х годов акцентировали его кулацкий характер. В конце существования Советского Союза в годы перестройки историки-коммунисты заговорили об общекрестьянском характере махновского движения. При этом сами махновцы не отделяли интересы беднейшего крестьянства от интересов рабочего класса. *Идеологией рабочих они полагали анархизм, а ее крестьянской разновидностью – махновщину.*

Безнадежность дореволюционного крестьянства для революционных прорывов в будущее видел М. Горький, чье авторитетное мнение активно использовала власть. По его мнению:

"Тяжесть труда в связи с ничтожеством его результатов, углубляет в крестьянине инстинкт собственности, делая его почти неподдающимся влиянию изменений, которые объясняют все грехи людей силою именно этого инстинкта"³¹.

"Выйдет крестьянин за пределы деревни, посмотрит в пустоту вокруг него и через некоторое время чувствует, что эта пустота влилась в душу ему. Нигде вокруг не видно прочных следов труда и творчества. Усадьбы помещиков? Но их мало, и в них живут враги. Города? Но они – далеко и не многим культурно значительнее деревни. Вокруг – бескрайняя равнина, а в центре ее – ничтожный, маленький человек, брошенный на эту скучную землю для каторжного труда. И человек насыщается чувством безразличия, убивающим способность думать, помнить пережитое, вырабатывать из опыта своего идеи. Историк русской культуры, характеризуя крестьянство, сказал о нем: "Множество суеверий и никаких идей"³².

В "Записках о революции" меньшевик Н.Н. Суханов определяет большевизм как "антилиберализм", видя в этом политическую сущность феномена. Анархо-коммунизм, внешне выглядит так же. Но не все нелиберальное является одновременно антилиберальным. Некоторые черты анархизма, например неклассовое отношение к представителям элитарных групп, если они принимают их отдельные позиции как свои, даже временно и из тактических соображений, являются признаками свободомыслия, свойственного и либералам, возведенного в культ. Мы, говорят они, настолько свободны, что и

противник может воспользоваться нашими достижениями, мы готовы на компромиссы с разумными, т.е. разумеющим нас.

Напротив, внесловный уравнительный коммунизм дает оправдание строгому равенству (не перед законом, а перед естественными нормами права, что тоже может быть выражено в категориях либерализма), вплоть до эксцессов экспроприации (насилие труженика как ответ всякому насилию вообще и элитарному в частности).

Буржуазный мотив собственности и мотив антибуржуазного антисобственности, объединялись антигосударственным пафосом.

По мнению Н. Суханова, пустующий трон Бакунина в революции занял Ленин, апрельские тезисы он принял как программу скорее анархистскую, чем социалистическую. Большевики в свою очередь иронизировали над пониманием революции "по Суханову", считая его взгляд отсталым и, тем не менее, изучая его записки, что, в частности, делал вождь большевиков.

Но реальными наследниками великих бунтарей оказались крестьяне-повстанцы – громадный коллектив махновцев, именно их коллективный портрет дает нам представление о крестьянском правосознании того времени. Именно связи правосознания крестьян и социального бандитизма не видели исследователи позднего времени. Для людей 20-х годов мысль о праве народа естественно привычнее. Для советской зрелой науки или постперестроечных представлений характернее, что правами обладает прежде всего индивид. В представлении о праве была другая иерархия. Отрицание диктатуры и стало догадкой о невозможности получения правовых

гарантий на землю и гарантий для личности крестьянина.

Идеи организационно-производственной школы

Двадцатые годы стали временем нового расцвета исследований деревни. К этому периоду относится масса оригинальных работ, посвященных жизни крестьянства и путям ее улучшения.

Ученые-аграрники 20-х годов XX века, а среди них представители организационно-производственной школы А.В. Чаянов, Н.П. Макаров, А.Н. Челинцев своими работами о крестьянстве охватили важнейшие направления социальной эволюции этой общности. Доминирующей идеей было противопоставление крупного производства мелкому, а частного хозяйства – коллективному. Выступая за параллельное и комплексное развитие и взаимодействие различных форм, они предлагали способы такого взаимодействия, используя опыт развития сельского хозяйства в Западной Европе. Их работы пользовались признанием и отвечали самым высоким требованиям.

В аграрной литературе крестьянскую семью с хозяйством семейного типа рассматривают, с учетом совокупной собственности, труда и потребления, как *квазиорганизм*. В таком контексте патриархальные отношения выступают внутренними структурами власти. Как бы мы ни идеализировали семейную ячейку патриархального типа, это прежде всего власть над женщиной. Рост собственности и ориентация на рынок, превращение фермерского хозяйства в коммерческое предприятие под муж-

ским руководством или просто в крупное кулацкое хозяйство ведут к резкому разграничению женской и мужской сфер. Меняется источник авторитета при катаклизмах: выявляются скрытые резервы.

Традиция изучения труда в семейном хозяйстве восходит к А.В. Чаянову, который особое внимание уделял пересечению линий экономики и демографии в семейных предприятиях как внутри одного поколения, так и при смене поколений. А.В. Чаянов пытался увидеть "семью как средоточие неравенства и господства и как арену борьбы"³³.

Украинская деревня, потерявшая в войну столько мужских сил, а в голодные годы и женских, не выглядит безвластной. Теории А.В. Чаянова оправдывают сохранение семейного хозяйства в условиях нэпа, он за кооперативную коллективизацию, то есть за обобществление на добровольных началах. Эти идеи проникают в народническую историографию, сохраняющую ставку на кооперированного мужика. Силу крестьянства они видят в его хозяйстве.

А.Н. Челинцев центральным вопросом сельского хозяйства считал *региональность*. Аграрная экономика не бывает не региональной. В разных регионах одна и та же масса сельскохозяйственных продуктов в стоимостном отношении может быть получена при разном соотношении рабочей силы, капитала и земли. Когда не хватает свободных земель, увеличение продукции достигается повышением затрат труда и капитала. Рабочая сила требует дополнительной оплаты. Так, масштаб выгоды определяет два типа хозяйств, которые русский аграрник предлагает называть капиталистическим – наемническим и трудовым – ремесленным³⁴.

Повышение интенсивности возможно лишь до известного предела, после чего затраты на единицу площади становятся невыгодными. Рост рынка обеспечивает всестороннюю интенсификацию аграрного сектора при исчерпании земельных пространств. Но крестьяне-махновцы воевали не за свободу торговли – вот что удивляет при всей логичности аграриев 20-х годов, да и сами они не были приверженцами американского пути в сельском хозяйстве. Аграрная мысль того времени исходила из данности социалистической судьбы отечественного крестьянства.

Антимаховское содержание пропагандистской литературы

Основное содержание пропагандистской литературы ясно и последовательно антимаховское. Эта литература издавалась массовыми тиражами. Так, например, только всеукраинское издательство за 8 месяцев 1921 года выпустило 11 брошюр общим тиражом 195 тысяч экземпляров, из которых 100 тыс. были на украинском языке. За это же время политуправление вооруженных сил Украины выпустило еще 14 наименований брошюр общим тиражом 100 тысяч экземпляров, среди которых второе дополненное издание брошюры Р.П. Эйдемана "Костры атаманщины и бандитизма" и его же третье издание "Борьба с кулацким повстанчеством и бандитизмом". Работы Р.П. Эйдемана посвящены тактике и стратегии "малой войны", содержат описание системы и методов борьбы с бандами.

Что касается исторического и социально-экономического анализа маховщины, то его давали

секретари ЦК украинской компартии Д.З. Лебедь "Уроки истории трех лет анархо-махновщины" и Я.А. Яковлев "Русский анархизм в великой русской революции".

М. Равич-Черкасский писал об отсутствии "шовинистических настроений" в маховских бандах³⁵. А Д. Лебедь, подвергая сомнению доказательства отсутствия антисемитизма, полагал, что запреты погромов – это тактический прием³⁶.

Среди периодических публикаций наибольшее значение имели статьи, опубликованные в журнале "Армия и революция". В нескольких номерах этого издания только в 1921 году было опубликовано более 3 десятков статей, посвященных борьбе с повстанчеством³⁷.

На фоне инерции гражданской войны, выраженной в книгах, статьях и брошюрах 1921 года, лучше воспринимаются достижения исторической науки конца нэпа, в частности работы М. Кубанина и В. Руднева.

"Маховщина" М. Кубанина

Книга М. Кубанина "Маховщина" – наиболее фундаментальное исследование маховского движения в рамках марксистско-ленинской школы, отлично демонстрирующее границы объективности советской историографии.

На экземпляре, который мы видели, дата выхода книги отсутствовала, в других источниках указываются три варианта ее появления на свет: 1927 г., 1928 г. и "Б.г." (без года издания).

Интересный материал, который М. Кубанин почерпнул из труднодоступных до сих пор архивов,

помогает решить немало загадок движения. Но работа Кубанина несет на себе ярко выраженную печать социального заказа – книга полна подтасовок и даже сейчас, когда многие большевистские мифы развеяны, нуждается в серьезных комментариях.

Несмотря на это, работа выделяется на общем фоне, стоит особняком и отличается несомненной основательностью. Отдельные главы в ней посвящены социально-экономическим предпосылкам махновщины, ее локальности, основным чертам экономики махновского района³⁸, периоду революционного повстанчества³⁹, аграрной политике советской власти на Украине в 1919 году и махновщине⁴⁰, сопоставлению григорьевщины и махновщины⁴¹, антисоветскому периоду махновщины⁴², вольному советскому строю на практике⁴³, аграрной политике советской власти на Украине в 1920 году и махновщине⁴⁴, махновской армии⁴⁵, анархистам в махновщине и отношению Махно к Леонтьевскому делу⁴⁶.

"Одной из основных черт, характерных для махновщины, была ее локальность... Нигде в других местах она не прививалась"⁴⁷, – этими словами М. Кубанин начинает свою работу.

На фактах он доказывал, что каждый полк имел ядро, которое составляли выходцы из какого-либо села. На одном из повстанческих съездов обсуждался отказ жителей села Великая Михайловка защищать другие села, поскольку те меньше участвовали в защите остальных. Суть конфликта лишний раз доказывает партизанский, иррегулярный характер частей.

Часть красных командиров, позже поддержавших военную оппозицию, партизанский характер

революционной армии считала ее достоинством. Другая часть постепенно дистанцировалась от партизанщины, но попытки вести политическую работу в войсках батяки успеха не имели.

По М. Кубанину, махновщина в своем развитии прошла три периода:

- первый – революционного повстанчества, начавшийся с оккупации Украины немцами и продолжавшийся до конца 1919 года. Почти весь период прошел в борьбе с гетманщиной и немцами;
- второй период – от водворения советской власти в начале 1919 года и до начала нэпа. В это время попеременно велась борьба с советской властью, Деникиным, Врангелем. Период характеризовался лихорадочным метанием махновского движения между революцией и реакцией;
- третий период – с начала нэпа до ухода последних сил махновцев с территории Украины (конец 1921 г.) – прошел в борьбе исключительно с советской властью⁴⁸.

Определяя социальный характер повстанческого движения, уже в 1928 году М. Кубанин рассматривал его применительно к 1919 году как общекрестьянский, а к 1920-1921 гг. – как кулацкий. Он писал:

"Социальный состав армии Махно в 1918-1919 гг. состоял из чистых пролетариев и крестьян, восставших против власти гетмана и Деникина"⁴⁹.

В махновском движении трудно было отличить, "где начинается бедняк и где кончается кулак". В

1925 году будущий автор "Махновщины" выразится этому поводу достаточно ясно:

"Употребляя слово "кулак", я придаю ему значение не то, какое оно в действительности имеет – ростовщик, паразит, пользующийся исключительно наемным трудом, а в общежитийском, т.е. зажиточный или богатый селянин".

На самом деле, уже с 1919 года это слово употреблялось по отношению ко всем, кто мог иметь запасы зерна, или к тем, кто сопротивлялся реквизициям, и вообще ко всем, кто каким-либо образом сопротивлялся политике правительства⁵⁰. Еще раз подчеркиваем, что М. Кубанин считал махновщину массовым крестьянским движением⁵¹. В дальнейшем, по команде сверху, все советские исследователи в крестьянском движении увидят только "кулака", а середняк и бедняк Украины замелькают на задворках истории⁵².

По национальному вопросу в махновщине споры велись уже в 20-е годы. Применительно к 1918 – 1919 годам М. Кубанин настаивает на том, что движение шло "под ярко интернационалистскими лозунгами", а с 1920 года стало скатываться к шовинизму⁵³.

В. Руднев, писавший тогда же, когда и М. Кубанин, пытался обосновать поворот к шовинизму этих масс на Юге ссылкой на рост фермерских хозяйств на экспроприированных у помещиков землях, полагая, что повстанческая армия выступала органом самозащиты и самоорганизации крестьян.

Однако для фермерского хозяйства нужна была фигура зажиточного крестьянина, хотя бы середня-

ка. Но судьбу середняка в 1928 году прояснил Сталин:

"Средняк как думает? Он думает: хорошо, если бы заплатили больше, но тут дело темное. Петруху посадили, Ванюшку посадили, могут и меня посадить. Нет уж, лучше я продам хлеб. С советской властью нельзя не считаться"⁵⁴.

Хотя мифы сталинизма к концу нэпа еще не сложились, но предпосылки закрепления стереотипов сталинской школы фальсификации, как назвал такую историографию Л. Троцкий, были уже налицо.

Эволюция национальной историографии вне советской Украины. Феномен Липинского

Историография уделила мало внимания корням ненависти украинских крестьян к городу, хотя уже в 20-е годы приверженцы ряда национально окрашенных направлений, проявляли мягкость к тезису об украинцах как преимущественно сельской нации, чуждой русским и польским помещикам, немецким колонистам и милитаристам, еврейскому и антантовскому капиталу. Доказательства антибуржуазности украинцев черпали где угодно – от этнографических справочников до книг о еврейских погромах, особенно петлюровских как наиболее массовых.

Но объективность анализа не делала украинцев народом бесклассовым и колониально отсталым. Просто внутриукраинский рынок формировался как часть общероссийского, а крестьянство, составляющее большинство нации, воспринимало индустриальный рост как угрозу привычному образу жизни и дальнейшей пролетаризации.

П. Христюк основным смыслом и достоинством начального этапа революции полагал достижение национально-территориальной автономии в рамках федеративной Российской республики. И здесь нужно понять, что логика государствообразования не совпадает с логикой народного правосознания в революционный период. Получив возможность самоорганизации, массы добились автономии как бы попутно, сосредоточившись на других, более революционных и значимых для них исторических задачах. Не видеть этого – значит произвольно устанавливать фокус рассмотрения, который также нуждается в истолковании и обосновании.

В огромном потоке событий нельзя игнорировать важнейшие. Народ получил свободу без мира, земли, хлеба. Распропагандированный различными партиями народ самовооружается, большинство идет за эсерами. И тут, как бы невзначай, обретена автономия. Но уже существует двоевластие. Центральная Рада выдает себя за один из советов, утверждая, что именно Рада олицетворяет украинский народ, тогда как народу это кажется весьма спорным.

Д. Дорошенко, планируя весной 1923 года закончить исследование освободительных усилий и создания государственности, более последователен. Освободительные усилия, не увенчавшись успехом

национальных сил (как революционных, так и реакционных), все же привели к возникновению украинской советской государственности. Это не вполне то, к чему стремилась мелкая буржуазия, но это и не реставрация. Можно добавить, что победили социально-освободительные усилия существенного сектора революционных сил – большевиков, в том числе и украинских.

М. Шаповал разделил историю украинской революции на семь периодов.

1. Временного правительства и Рады.
2. УНР и Рады.
3. Немецкой оккупации.
4. Рады и Гетманата.
5. УНР и Директории.
6. Петлюровщины и двоевластия.
7. Польской оккупации и московской большевистской оккупации⁵⁵.

Критерий вполне государственный и нерволюционный, но тогда следует добавить и денкинскую оккупацию.

М. Шаповал, правда, признает, что периодизация зависит от политики власти и роли той или иной социальной группы, но его критерий теряет систематичность, когда сводится к политической роли украинства⁵⁶ и его врагов.

Получается, что чередование украинства и его врагов создавало условия для периодизации государственности и революции. Но и враги украинства, например немцы и поляки, относились к нему по-разному и не во все периоды революции одинаково враждебно.

Еще менее научна периодизация И. Мазепы, объясняющая деление на этапы миграцией центров УНР: киевский, житомирский, каменец-подольский, винницкий и так далее. В общем, куда бежали, там и центр революции...

Сюда же можно отнести выделение самостийной державы, однако непонятно, это период только УНР или только Скоропадского, или она была самостийной при обоих режимах? Сомнительно, поскольку получается, что, когда она самостийна, то оккупирована, а когда не оккупирована, то и не Самостийна вовсе. Или самостийна, но не с большой буквы, ибо эту букву монополизировал Скоропадский.

Поскольку в Украине большевистский переворот произошел позже, в ноябре-декабре 1918 года, власть там оказалась в руках петлюровцев, которых, несмотря на социалистические лозунги, П. Аршинов относит к местной национальной буржуазии⁵⁷. По его мнению, классовая и социальная природа петлюровщины была буржуазной, а образцом ее политического устройства была республика, как, например, во Франции или Швейцарии.

С точки зрения И. Лысяка-Рудницкого, неизменным компонентом политической структуры всякого социума является крайне правый сектор. В конкретном случае это означает, что структура идейной борьбы в украинской истории XX века при любом раскладе сил включает также интегральный национализм или украинский фашизм и их наследников. Тем не менее, не всякий националист является национал-фашистом.

В 1926 году теоретик украинского фашизма Дмитрий Донцов (1883-1973 гг.) в трактате "Национализм" заложил идейные основы этой разновидности

сти украинских движений. А организационная основа – тайная Украинская военная организация во главе с полковником Евгением Коновальцем (1891-1938) – была создана еще в 1920 г. Первый конгресс украинских националистов, состоявшийся в Вене (1919), создал организацию украинских националистов. Д. Донцов в нее не вошел.

Как верно подметил С.В. Кульчицкий, акценты лозунгов важны не только для различия интегрального национализма и либерального освободительного движения. М. Драгоманов, М. Грушевский или В. Винниченко не имеют прямого отношения к интегральному национализму, как, впрочем, и С. Петлюра. Крайний самостийник и националист М. Михновский выдвигал более радикальные лозунги, среди которых: "Украина – для украинцев". По словам С.В. Кульчицкого, даже Д. Донцов предлагал заменить его более толерантным лозунгом "Украинцы для Украины!"⁵⁸.

В отличие от старшего поколения молодежь не ценила достижений 1917-1921 годов, а ориентировалась на образцы тоталитарных движений Европы межвоенного времени. Особо сильное впечатление на молодых националистов производила биография лидера Польши Ю. Пилсудского – боевика-террориста с социалистическим прошлым, ставшего всемогущим диктатором. Тем не менее, тоталитарная структура ОУН оттолкнула значительную часть националистов. Для Восточной Украины их программа оказалась неприемлемой, а именно на востоке традиции Центральной Рады и Директории нашли продолжение. Организовать национал-демократов пытался Иван Багряный, стремившийся создать революционно-демократическую партию Украины.

Правда, в тоталитарных условиях ее влияние среди украинских крестьян и их потомков значительным быть не могло. Но как свидетельство, опровергающее утверждение оуновцев, что они и есть "вся" национальная традиция, эта затея была важна.

Белогвардейцы активно противодействовали переходу от централизованной и унитарной формы государственного устройства к федеративной, а затем к независимой.

5 февраля 1919 г. от имени представителей Украины, Белоруссии, Дона и Кубани, собравшихся в Одессе на совместное совещание, был подписан меморандум, обращенный к верховному командованию стран Антанты. Опираясь на исторические прецеденты, авторы документа (от Украины – доктор Галип) пустились в теоретические рассуждения о том, что федеративный опыт, известный из истории некоторых южноамериканских государств (Боливия, Венесуэла и другие), а также построение федерации снизу, а не сверху (США, Швейцария) не подходят для превращения России в многонациональную федерацию, хотя эти примеры и вдохновляли некоторые политические партии.

Иными словами, Антанту просили оказывать помощь уже образованным правительствам и побуждали к созданию единой армии для борьбы с большевизмом⁵⁹. Об этом рассказывает А. Марголин. Но и в национальном лагере проблема государственности нашла компетентного автора, способного разрешить ее в духе плюрализма.

Самая выдающаяся фигура украинского консерватизма Вячеслав Липинский (1882-1931). К нему примыкали историки Дмитрий Дорошенко (1882-1951), Степан Тимошевский (1875-1930) и

Василий Кучабский (1895-1945), а также публицист и писатель Осип Назарук (1883-1940).

В отличие от народников у них не было культа мужика, но был культ элиты. Под самостоятельной украинской элитой они понимали потомков украинской шляхты и казацкой старшины, полагая, что и часть польской шляхты может отождествить себя с будущим новым государством.

Зародышем организованного политического консерватизма стала Украинская демократическая хлеборобская партия, основанная в Лубнах М. Боярским, С. Шеметом, А. Климовым, В. Шкляром в июне 1917 года. Программу этой организации разработал В. Липинский.

Позднее из этого же ядра возникли Украинский союз хлеборобов-державников (1920), переименованный в Союз гетманцев-державников, и ряд более мелких организаций, создавших в 20-е годы Фронт национального единства.

Идеология движения была представлена в работе В. Липинского "Письма к братьям-хлеборобам". Консерватизм размежевался как с народничеством, так и с интегральным национализмом. Его идеология трудовой монархии довольно своеобразна, чтобы занимать особое место в истории правовой мысли. Хотя В. Липинский впоследствии отошел от гетманского движения, он не видел других реально действующих механизмов воспроизводства элиты посредством демократических процедур. Украинские социалистические партии он рассматривал как охлократические⁶⁰.

На идеях В. Липинского стоит остановиться более подробно. Будучи талантливым историком и самым крупным украинским социологом, В. Липин-

ский исходил из того, что ни одна из социальных групп не является лишней в социальной структуре.

Римо-католик по вероисповеданию, В. Липинский не только полагал православие главной религией украинцев, но и отстаивал поливариантность их религиозных ориентаций. И это в эпоху, когда в Восточной Украине националисты не считали католиков украинцами, а в Западной набирала силу тенденция считать единственной подлинно украинской церковью греко-католическую.

В украинском национальном идеале В. Липинский видел место для всех. Гетманский режим ему представлялся классократией, но под термином "класс" понимал нечто большее, возвращаясь к ранним французским авторам. К промышленному классу он относил как предпринимателей, так и рабочих, а к хлеборобскому – землевладельцев и земледельцев.

Сравним с другим подходом. В отличие от В. Липинского для Д. Донцова более характерным было сосредоточение на воспитательном значении максимальных требований, под лозунгом "Нация превыше всего" (впрочем, духовный источник этой идеи не украинского происхождения). Реальную почву этот лозунг обретет на землях Западной Украины в 20-е годы, а кульминацией станет бандеровщина.

Как социолог государства и политики В. Липинский оказался на высоте. Источниками власти он считал военную, экономическую и интеллектуальную силы. Этим типам социальной антропологии у него соответствуют военные, производители, интеллигенты.

Его типология государств – классократия, демократия и охлократия. Только в классократии он видит возможность равновесия между борющимися силами, традицией и развитием, властью и свободой. Интеллигенция, с точки зрения В. Липинского, не может быть носителем прочной государственной власти, поскольку не имеет контроля над материальными силами (военными и хозяйственными). Главная роль ей отводится в интеллектуальной сфере. Ведущий слой он называет аристократией, но не в родовом или подобном родовому наследственном смысле. Его заботит не иерархия, а продвижение наиболее подготовленных при наименьших конфликтах. Класс определяется общественной функцией. Промышленный класс включает рабочих, инженерно-технический персонал и капитанов индустрии⁶¹.

В научном отношении В. Липинский стоит выше М. Грушевского, а идеологически намного последовательнее В. Винниченко или С. Петлюры. Но еще больше его превосходство над открытыми националистами.

Монархия Липинского на самом деле есть демократический проект, основанный на подлинном плюрализме. Все силы, боровшиеся в годы гражданской войны, не доходили до идеи возможности существования с противниками. Идеолог гетманата увидел то, чего не увидели многие демократы и социалисты – катастрофизм взаимоистребления при монистическом решении государственных вопросов, и предложил механизмы равновесия сил. То, что его голос не был услышан, совершенно естественно. Украинский консерватизм не мог соперничать ни с тоталитарными тенденциями, ни с народ-

ничеством в его демократических образцах, хотя и имел лучшие шансы, чем кадеты России.

В. Липинский остро критиковал монистические идеологии и сам метод редукции. Тоталитаристы часть населения неизменно относили к врагам: сословным, национальным, этническим, религиозным, классовым.

Однако отсутствие каких-либо социальных групп и слоев делает нацию неполной. Национализм как реакция на народничество; элитаризм как реакция на анархизм; фашизм как реакция на коммунизм – это неполноценные альтернативы, ибо они придерживаются концепций однородного общества, в котором не допускаются принципиальные ориентации социальных слоев или политических направлений. Зрелая нация должна иметь развитую дифференцированную социальную структуру, содержащую все слои и группы, необходимые для полноправной социальной жизни. Нет государства без военных или хозяйственников, интеллигенции или элиты. Проблема украинского государства – это проблема неполноты нации, неполноты элиты, неполноты народа.

Для понимания приоритета внутренней политики над внешней, а также принципа организации над ориентацией в системе аргументов консерватизма следует помнить, что идеолог хлеборобов-государственников В. Липинский, в отличие от гетмана П. Скоропадского, ставленником немцев не был. Его критическое отношение к Народной республике подпитывалось ходом событий.

В. Липинский считал, что перенесение американских традиций в Украину не даст преимуществ элите, которую видел прежде всего высоко идейной,

военной, дисциплинированной и объединенной в некий орден. В отличие от него О. Назарук понимал значение средств массовой коммуникации, и его злила "несовременность" идей В. Липинского. Борьба за украинский монархизм вела к ревизии всей государственнической традиции. УНР проиграла потому, что не могла дать сильную власть. Гетман проиграл потому, что не смог добиться массовой поддержки. А соединение демократии и диктатуры оказалось абсурдным гибридом.

История доказала, что демократическое и плюралистическое сообщество возможно под эгидой монархии, но это ничего не прибавляет к судьбе гетманата.

Национал-коммунизм и переосмысление махновщины

Большая часть 1921 года ушла на восстановление порядка в Украине, но происходившие время от времени стычки с партизанами не прекращались до тех пор, пока 28 августа 1921 г. Махно с остатками своих вооруженных сил не ушел через границу в Румынию. Тогда полностью утвердившаяся в стране советская власть смогла предоставить украинскому населению не только блага мира, но и правительство, более терпимое, чем любое из тех, какие ему довелось узнать за эти бурные годы.

Создание советской Украины было подготовлено с большими трудностями. Право на самоопределение наций и отделение было подтверждено официально. Однако если в Финляндии правящий буржуазный класс был достаточно сильным и смог добиться-

ся, чтобы его признали представителем финского народа, то в Украине буржуазия была изгнана во имя "диктатуры трудящихся и эксплуатируемых масс – пролетариата и беднейшего крестьянства" (этот термин встречается в статье 1 украинской Конституции УССР, принятой 10 марта 1919 г.). Трудящимся классам была доверена украинская национальная независимость.

Любопытно воспоминание о мартовских днях 1919 года бывшего анархиста, а ныне большевика Дыбца о взятии махновцами Бердянска:

"Пока пулеметы трещали, мы собрали за городом фракцию, то есть главным образом рабочих, о которых мы знали, что они, как говорится, большевистски настроены. На собрании постановили, что, как только последний пароход отойдет, нужно хватать власть и создать ревком..."⁶².

Дыбец описывает свою встречу с Н. Махно – комбригом третьей бригады имени батьки Махно Заднепровской дивизии Красной Армии, встречу, весьма характерную для гражданской войны:

"– Здравствуй, Дыбец, – сказал Махно. – Значит, ты ренегат теперь?

– Здравствуй, значит, ренегат.

– Выходит, совсем большевик?

– Выходит, совсем.

– Да, многие продаются большевикам. Ничего не поделаешь.

– Значит, продаются. И я продался.

– Но гляди не пожалей.

– Гляжу.

Такой примерно разговор, не в дружеских, как видите тонах, но и не на высоких нотах, у нас произошел..."⁶³.

Слово "ренегат" в устах Махно звучит иронично, но вскоре станет ключевым для характеристики

бывших товарищей, ушедших в другую революционную группу или партию. Большевики 20-х годов еще чувствовали, что для их оппонентов возможен выбор. В 30-е годы ренегат станет синонимом врага народа. Именно к ренегатам отнесут и национал-коммунистов.

Москва не церемонилась с "независимой" Украиной. Еще 27 января 1920 г. Всеукраинский ревком ввел на территории УССР все декреты РСФСР (в военной, финансовой, хозяйственной областях, связи и т. п.)⁶⁴.

Несмотря на усилившийся террор, деятельность крестьянских отрядов продолжалась, украинская "глубинка" упорно не признавала навязанную ей власть. Р. Эйдеман, бывший командующий 14-й армией, а впоследствии командующий войсками внутренней службы Юго-Западного и Южного фронтов, писал:

"В этих бандитских районах мы обычно имели дело с фактическим отсутствием власти. Ревком и Советы существуют только номинально и находятся под влиянием того либо другого атамана или же этих подпольных организаций. Население же не выполняет никаких государственных нарядов"⁶⁵.

От национального нигилизма к коренизации

После коренизации даже самые безобидные возвращения к национальным традициям, например в исторической науке со стороны М.Н. Покровского и М.С. Грушевского, будут восприниматься как продолжение традиций старшинно-дворянских концепций в историографии, чем будут характеризо-

вать в трудах украинских историков элементы апологии запорожской казачьей вольницы⁶⁶.

Едва появились установки о коренизации, как у аппарата обнаружилось желание их не выполнять. Действия и намерения отождествились к концу "эксперимента". От "спилки визволения Украины" до дела Ибраимова и его людей в Крыму в 1928 году все это рассматривалось как сепаратизм и национализм. Аппарат принял тактику, но не увидел за ней стратегического замысла. Практическое осуществление украинизации в конце концов забуксовало.

То, от чего в 1922 году отказался Ленин, осталось на вооружении партии. Партия не приняла курс на фактическую федерацию, а предпочла создание суммы куцых автономий, гордо именуемых "союзными республиками". Украина была в авангарде движения за ложный федерализм, а ее бюрократия в отказе от коренизации даже опережала Москву.

Нажим на национал-уклонистов (так называемое грузинское дело) заставил Ленина пересмотреть условия союзного договора. Орджоникидзе осуждался именно за непонимание ситуации с национал-коммунистами Кавказа. Жизнь на местах могли знать только "националы", а поскольку процесс коренизации в Союзе оказался изначальным, Ленин предложил вернуться на последующем съезде Советов к вопросу об объеме союзных полномочий, оставить союз

"лишь в военном и дипломатическом, а во всех других отношениях восстановить полную самостоятельность отдельных наркоматов⁶⁷.

Видя, что головотяпство грозит развитию советской системы, он склонялся к большему учету на-

циональных условий. Отказ от союза в рамках нового государства не мог состояться из-за слабости национальных бюрократий. Самоопределение трудящихся на местах, даже самое декларативное, ослабляло роль центральной бюрократии, с чем она не хотела соглашаться. Фальсификаторами новых отношений выступали не только Сталин и Орджоникидзе, но и многие другие вожди партии, включая Дзержинского. Чем они оперировали?

Всякое оживление национального движения ведет к восстаниям против советской власти. Весной 1924 г. такое восстание произошло в Грузии, что и было истолковано как аргумент против всяких особенностей национального устройства республик, национал-уклонизма и национал-коммунизма.

Между тем именно нажим на национал-уклонистов и вел к росту сепаратизма. Всякий сепаратизм, подчеркивание традиций или самостоятельности в хозяйственной или культурной области стали расценивать как националистический уклон, а затем и буржуазный национализм. Этот идеологический ярлык надолго скрыл сложное явление. Поощрявшаяся украинизация рассматривалась не как фактор усиления специфики республики, а как оживление традиций, возможность сепаратизма и ослабления центра.

Горизонтали солидарности и вертикали иерархии

Горизонтальные связи между советскими республиками, укреплявшиеся в годы гражданской войны, не исчезли с переходом к нэпу. Иерархия независимых республик с промежуточными этажами двух

федераций – Российской (РСФСР) и Закавказской (ЗСФСР) создавалась именно для укрепления горизонтальных связей, но сама система все время толкала к вертикализации отношений между республиками.

Точку зрения на союз национал-коммунистов на XII съезде ярко выразил Б. Мдивани:

"Да, мы все советское объединение! Дайте в это советское объединение самые главные комиссариаты, определяющие нашу внешнюю политику, защиту нашей республики. Отдайте эти отдельным национальностям другие комиссариаты, где они могут проявить свою волю, свое умение хозяйничать, свое умение творить новую жизнь"⁶⁸.

Но от Б. Мдивани сталинская группа и не ожидала лояльности, поскольку он был заинтересованной стороной в споре с великодержавными шовинистами. Другое дело, когда в спор вступила украинская делегация. "Речь председателя украинского правительства Раковского, – пишет А. Авторханов, против сталинского великорусского шовинизма прозвучала для Сталина как гром среди ясного неба"⁶⁹. Вот характерное высказывание Х. Раковского:

"Дело в том, что наши центральные органы начинают смотреть на управление страной с точки зрения их канцелярских удобств. Конечно, неудобно управлять двенадцатью республиками, а вот если бы все это было одно, если бы, нажав на одну кнопку, можно было бы управлять всей страной – это было бы удобно. Центральным органам дано в 10-20 раз больше прав, чем они имели раньше. После I союзного съезда Советов они стали хозяевами всей нашей жизни... Нужно отнять от союзных комиссариатов 9/10 их прав и передать их национальным республикам. Союзное строительство пошло по

неправильному пути. Как вам известно, это есть мнение не только мое, это есть мнение Владимира Ильича"⁷⁰.

Право на отделение и борьба с русским шовинизмом позволили большевикам укрепить единое государство. Непонимание этого партийными и советскими кадрами на Украине оставляло почву независимцам.

Национал-уклонисты вовсе не были противниками советской системы, но объективно выступали против единого центра, тем самым давая шанс на самостоятельность периферии. То, что у украинских крестьян-повстанцев было частью народной стихии, здесь становилось частью планируемого будущего. Проблема не ушла с подавлением крестьянских восстаний. Однако на деле это означало формирование новых центров власти.

"Я имею записку о том, – говорил Сталин на X съезде РКП(б), – что мы, коммунисты, будто бы насаждаем белорусскую национальность искусственно. Это неверно. Потому, что существует белорусская национальность, у которой имеется свой язык, отличный от русского. Такие же речи раздавались лет 5 назад на Украине... А недавно еще говорилось, что украинская республика и украинская национальность – выдумка немцев... Украинская национальность существует, и развитие ее культуры составляет обязанность коммуниста. Нельзя идти против истории. В городах Украины преобладают русские элементы, но эти города будут неизбежно украинизованы..."⁷¹.

Таким образом, выражение "Сталин – отец советских народов" обретает определенный смысл: Сталин – отец национальных бюрократий. Именно ему принадлежит идея коренизации, в том числе и украинизации 20-х годов. Именно под давлением из центра киевская бюрократия заговорила по-украин-

ски. Наследники идеи украинизации городов, облачая Сталина, по сути занимаются отцеубийством.

Определенное время, например в 1917 году, украинская национальность, по-видимому, не существовала не только для черносотенцев, но и для части революционеров. В этом и был объективный смысл кампании по украинизации кадров. Плата за шовинизм и привела к идее коренизации. Тем не менее, уже в 1922 году за слишком рьяную коренизацию развернули кампанию против наркома просвещения Украины Гринько, а через год после съезда его сняли.

Разумеется, что не все проблемы равно освещены в литературе 20-х годов. Роль екатеринославских и харьковских анархистов – один из серьезных вопросов, по которому в историографии нет единого мнения. Материалы сводятся к частичным свидетельствам, зависящим от социального заказа преувеличить или преуменьшить значение махновцев в зависимости от периода сотрудничества с большевиками или разрыва с ними.

В. Липинский аргументировал гетманат Скоропадского как раннюю украинскую державу, а соратники махновцев из числа анархистов-набатовцев обосновывали беспочвенность украинской государственности, утверждая безграничную свободу самостоятельного субъекта, не связанного интенциями с Богом, собственностью и властью.

Петр Аршинов предупреждал будущих историков, что изложение фактов и враждебное отношение к ним – корень многих интерпретаций так называемых материалов, вносящих бесконечную путаницу и отнимающих возможность дойти до правды⁷².

Советская историография. Сумма эпох

В ЭТОЙ ГЛАВЕ:

- ✓ Палачи и жертвы. В годы великого перелома и голодомора (1929-1933).
- ✓ Стражи и молчание. Становление официальной мифологии завершено (1934-1940).
- ✓ Начальники и любопытные. В жанре курьезов истории (1941-1956).
- ✓ Идеологи и диссиденты. От оттепели до перестройки: фрагменты правды (1956-1985).

Палачи и жертвы. В годы великого перелома и голодомора (1929-1933)

В середине этого тревожного периода все точки над "i" в гражданской войне идеологически были расставлены И.В. Сталиным ("О некоторых вопросах истории большевизма", 1931 г.). С появлением ортодоксальной точки зрения количество публикаций об анархистах резко сократилось.

В начале 30-х годов идеологически быстро устоялась трактовка махновщины как исключительно контрреволюционного, кулацкого и бандитского движения. Несоответствие формулы ощущали многие исследователи, но накопление конкретного материала, противоречивого по существу, в официальной литературе никогда не претендовало на переоткрытие сущности явления.

В целом эпоха сталинизма – своеобразный относительно "мертвый сезон" для темы повстанчества, хотя отдельные интересные публикации, безусловно, встречаются.

Третий период

условно можно увязать с курсом на коллективизацию и усилением репрессий. Изучение истории украинского повстанчества постепенно начинает принимать совершенно иной характер. Важной да-

той является и смерть Махно, хотя основная часть его воспоминаний вышла уже после смерти. В нашей стране они появятся лишь за год до распада Советского Союза.

1929-1933 годы во многом определялись инерцией предыдущего периода, но обвинительный уклон публикаций и сокращение разнообразия трактовок свидетельствовали не о научной исчерпанности темы, а, скорее, об идеологической заданности социального заказа.

Прежде чем попасть в спецхраны, источники были доступны исследователям и читателям

И все же документальная основа анализа объективно расширялась. Среди источников и литературы этого периода особо следует отметить сборники документов, обобщающие работы о гражданской войне, мемуары белых и красных военных.

В военных и военно-исторических источниках можно найти детализацию разборов военных действий, прослеживается сохранение интереса к анархизму, новые противопоставления махновских свидетельств и публикаций тех деятелей советской власти, которые встали на путь оппозиции или которых стали зачислять в число "врагов народа". Ввиду ошибок партии в отношении крестьянства возрастал взрывной потенциал темы, что одновременно приближало канонизацию оценок и вело к дальнейшему фактическому закрытию ряда аспектов темы на долгие годы¹.

Отечественная историческая наука позднее подошла к необходимости смены исторической тер-

минологии. Узкие рамки идеологических оценок социальных движений исключительны по критериям их лояльности советской власти и руководящей роли правящей партии уступили место столь же социально обусловленным оценкам сторонников нового.

Еще в мемуарах белых, непосредственных участников событий, вслед за повторением слухов о повстанцах, например, обещающих "ввести новый анархо-коммунистический строй – отобрать все у богатых и отдать бедным", задается вопрос о субъекте, который персонифицируется и объективизируется одновременно:

"Кто такой Махно? И в чем секрет его стихийной силы в Екатеринославщине? Этот вопрос не раз приходил в голову за время пребывания в Екатеринославе: имя Махно ни у кого не сходило с языка"².

Простое свидетельство – повод для противоположных объяснений.

Факт истории, факт науки и факт историографии (науки о науке) вовсе не должны совпадать. В сталинской школе фальсификации факты обрели партийный характер. То, что есть в действующих документах, – первосортный исторический факт, а то, чего нет, – сомнительный и второсортный.

Мемуары белых

В начале 30-х годов в историографии еще сказывалась инерция нэпа. Поскольку белогвардейцы издавали в Берлине многотомный "Архив русской революции", то советские историки и издатели, выбирая из него отдельных авторов, сочинения или фрагменты, подготовили контриздание, целью которого наряду с использованием исторического материала,

отсутствующего в советской печати, было "разоблачение классово-политической природы белогвардейщины, ее гнили и разложения".

Серия получила название "Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев" и была издана в 1927 году в 5 томах историком и составителем С.А. Алексеевым. Кроме томов о Февральской и Октябрьской революциях, основных событиях гражданской войны в России, было подготовлено и издание "Революция на Украине по мемуарам белых" (М.-Л., 1930 г.), включавшее материалы как уже опубликованные в пятитомной серии, так и новые.

Любопытно, что, сетуя на скудность или отсутствие в зарубежной печати материалов о таком характернейшем явлении украинской революции, как партизанщина и бандитизм, С.А. Алексеев замечает, что "эти последние в течение всего периода с 1918 по 1921 год держали вне большой дороги украинской революции ряд отдельных местностей и районов, в которых хозяйствовали свои временные владыки". В примечании к сборнику Алексеев обосновывает отказ от публикации одного из главных свидетельств о махновщине, хотя немногим ранее он сетовал на скудность свидетельств белых на этот счет, и называет работу П. Аршинова лживым апогетическим сочинением,

"использование которой для нашего сборника было бы невозможно, так как она потребовала бы слишком обширных оговорок и комментариев"³.

Сборник содержал богатейшие материалы об украинской революции, большинство из которых лишь косвенно касались темы махновщины.

Особняком в этом отношении стояли "Екатеринославские воспоминания" Г. Игренева, в которых самый "благодатный пункт Украины в продовольственном отношении" второй половины 1918 года показан в момент попытки введения махновского анархического самоуправления. Г. Игренив описывает, как, взывая к энтузиазму екатеринославцев, различные украинские власти обращались с призывами противостоять красным варварам, северорусскому большевизму. Но предстоящий уход австро-немецких войск изменил перспективы украинских властей. Гетманат потерял устойчивость. Слухи о том, что вот-вот появятся войска Антанты, активно распространялись не только устно, но и посредством обращения французского атташе в Одессе "К населению южной России", расклеенному на столбах города. Деникин объявил мобилизацию офицеров, Скоропадский пытался с ним договориться. В конце ноября стали приходить известия о восстании сечевых стрельцов против гетмана во главе с Петлюрой⁴. Такова экспозиция очерка Г. Игренева.

Историографически важно, что он был доступен исследователям и читателям в третий период исследования махновщины 1929-1933 г., прежде чем попал в спецхраны. Наличие других точек зрения и версий событий говорит о том, что официальная мифология сталинской исторической науки сложилась не сразу.

Сила Махно представлена в очерке Г. Игренева как в воображении обывателя, так и в событиях и фактах реального времени. Оба измерения постоянно сопоставляются. Гайдамаки вытеснили австрийцев, а через неделю на Екатеринослав нагрянул Махно. Г. Игренив не сочувствует вождю повстан-

цев, и тем более значимы описанные им подробности.

"На собранные путем грабежей деньги Махно скупает у австрийских солдат всякое вооружение, в том числе и тяжелую артиллерию, и громадные запасы ручных гранат. Превосходно вооруженная разбойничья шайка прочно обосновывается на родине своего вождя в Гуляйполе и объявляет насильственную мобилизацию крестьян ближайших деревень. Так организовал Махно свое войско, которое он повел на завоевание Екатеринослава. После ухода австрийских войск город был открыт для его нападения. Махно все ждали и все-таки не верили, что он придет. Как-то не верилось, что в XX веке возможно завоевание большого, крупного центра шайкой разбойников. Петлюровские власти уверяли, конечно, что махновцы разбегутся при первом пушечном выстреле"⁵.

Представление о методах самовооружения и мобилизации крестьян в махновскую армию говорят о слабом знакомстве Г. Игренева с предшествующим этапом развития движения, но в отношении города, который осадили махновцы, его сведения более живы и достоверны. После пяти дней артиллеристских обстрелов, занимая улицу за улицей, махновцы вытеснили петлюровцев в предместья и за город. Испуганные обыватели на стук в дверь спрашивали о петлюровцах, но под хохот слышали в ответ: "Небось обрадовались; а мы ваших любимчиков в порошок истерли и в Днепр сбросили. Поиграли и будет. Мы - махновцы и шуток не любим"⁶.

Однако самые ценные наблюдения заключались в том, что город достался регулярной красной армии под командованием Дыбенко, более дисциплинированной по сравнению с петлюровцами или махновцами, но представлявшей советский режим

во вторую очередь, поскольку повстанцы Махно фигурировали "в качестве повстанческого авангарда советских войск"⁷.

Любопытен образ начальника пулеметной команды, мало осведомленного в деталях истории движений, представляющего буйную разбойничью ватагу и просвещающего случайных обывателей, хотя у самого в голове редкая неразбериха:

"Наш батька сам генерал: он царской армии подпоручик. Он коммунист настоящий, не то что петлюровцы, жидами купленные. Махно каждому позволяет взять по одной паре всего, сколько нужно, чтобы на себе носить. А кто больше возьмет, тех всех расстреливает. Мы только жидов и немцев режем. Они-то и есть главные буржуи"⁸.

Правда, пограбить город, по свидетельству Г. Игренева, им на этот раз не удалось. Единственное, что успел Махно, – и тут новая легенда – расстрелять прокурора окружного суда Аверьянова, якобы обвинявшего его в братоубийстве⁹.

Крестьянское движение рассматривалось автором воспоминаний через вольницу атаманов, между которыми он не видел особой разницы – Зеленый, Ангел, Григорьев... И все же из нарисованной картины проглядывает слабость как петлюровской, так и официальной советской власти – ни одна сила не обходится без крестьян-повстанцев.

Составитель книги С.А. Алексеев за анекдотичностью подробностей отказывается видеть образ другой советской власти. Все разбойники едины для белых и красных. Он заключает:

"...При каждой победе контрреволюции советская власть становилась лозунгом не только украинского пролетариата, но и широчайших масс крестьянства, жесто-

ко расплачивающихся вместе с пролетариатом за свои советские симпатии... Перенесение социалистической революции в деревню, раскололо украинское крестьянство: незаможники остались решительными и последовательными сторонниками союза с пролетариатом, тогда как куркули (кулачество) были отброшены в лагерь контрреволюции при нейтральном средняке... Стремление самого крестьянства к коллективизации убивает на Украине, как и во всей советской стране, самую возможность успеха как буржуазно-помещичьей, так и кулацкой контрреволюции, ибо она изменяет самую социальную природу крестьянина, превращая его из мелкого товаропроизводителя в работника крупного обобщественного сельского хозяйства"¹⁰.

Это заключение написано после XV съезда партии в условиях курса на сплошную коллективизацию деревни. Все основные элементы официальной историографии поведения крестьянства на исходе гражданской войны уже закреплены в этом отрывке. Безукоризненная позиция незаможников и нейтральное крестьянство не оставляют составителю возможности проникнуть в действительные корни поведения бедняцко-средняцких союзников советской власти.

Стражи и молчание. Становление официальной мифологии завершено (1934-1940)

Четвертый историографический период

знаменуется фактическим установлением жестких оценочных стандартов для исторической науки и

завершением сталинизации всех общественных наук в СССР.

Резкое сокращение числа и снижение качества публикаций в 1934-1940 годах вполне понятно. Интерес к изучению гражданской войны, из понимания которой изымаются целые пласты памяти, а не только отдельные фигуры, не может пройти мимо факта, что противники советской власти оказались в чуть более выгодном освещении, чем те, кто в фальсифицированной истории должен был из разряда героев перейти в свежеепеченных врагов народа. Фальсификация истории закрепила и стереотипы предшествующего периода. Махно – враг, но "небольшевизм Троцкого" опаснее и тому подобное.

Марксово понимание ситуации крестьянина активно использовалось для догматизации, хотя само догматичным не было. Догматизм заключался в многократном повторении без опоры на новые данные.

"Россия – единственная европейская страна, в которой "земледельческая община" сохранилась в национальном масштабе до наших дней. Она не является, подобно Ост-Индии, добычей чужеземного завоевателя. В то же время она не живет изолированно от современного мира. С одной стороны, общая земельная собственность дает ей возможность непосредственно и постепенно превращать парцеллярное и индивидуалистическое земледелие в земледелие коллективное, и русские крестьяне уже осуществляют его на лугах, не подвергающихся разделу. Физическая конфигурация русской почвы благоприятствует применению машин в широком масштабе. Привычка крестьянина к артельным отношениям облегчает ему переход от парцеллярного хозяйства к хозяйству кооперативному, и, наконец, русское общество, так долго жившее на его счет, обязано предоставить ему необходимые авансы такого перехода. С другой стороны,

одновременное существование западного производства, господствующего на мировом рынке, позволяет России ввести в общину все положительные достижения, добытые капиталистическим строем, не проходя сквозь его кавдинские ущелья"¹¹.

"Чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция. Впрочем, русское правительство и "новые столпы общества" делают все возможное, чтобы подготовить массы к такой катастрофе. Если революция произойдет в надлежащее время, если она сосредоточит все свои силы, чтобы обеспечить свободное развитие сельской общины, последняя вскоре станет элементом возрождения русского общества и элементом превосходства над странами, которые находятся под ярмом капиталистического строя"¹².

И все же сталинисты напрасно именовали себя "учениками", ибо сути выводов из сказанного классиками так и не усвоили. Стихийные рабочие движения вроде махаевщины с ее антиинтеллигентским, а по сути антиэлитарным пафосом, равно как и анархо-синдикализм среди рабочих или анархо-коммунизм среди крестьян, не рассматривались марксистами в качестве существенно влияющих на характер борьбы в городе и деревне. В них видели ошибку, преодолеваемую успехами общего движения, но не *предупреждение о множественности путей реальных революционных сил*.

Озорная шутка истории

Проще было опираться на формулу "кто не с нами, тот против нас", важную для внутренней жизни революционной партии, но для установления связей с попутчиками и союзниками ортодоксы не могли принять гибкую формулу "кто не против, тот с на-

ми", поскольку возникал страх растворения в чужом и чуждом.

Озорная шутка всемирной истории, как называл это Маркс, состояла в том, что 10 декабря 1848 года в действительности было крестьянским восстанием, восстанием класса, который является представителем варварства внутри цивилизации. Республика заявила ему о своем существовании фигурой сборщика налогов, он заявил ей о своем существовании фигурой императора¹³.

За спиной императора скрывалась крестьянская война. Республика, забаллотированная крестьянами, была республикой богачей. 10 декабря было *coup d'état* крестьян, свергнувших существующее правительство ("Классовая борьба во Франции"). Бонапарт – представитель класса, и притом самого многочисленного класса французского общества, представитель парцелльного крестьянства. Вот идеологическая причина предубеждений меньшевиков, да и большевиков, против сельского населения.

"Каждое слово в документах принадлежит перу политических и военных руководителей оккупации"

Продолжали печататься документы времен гражданской войны, значительный пласт которых связан с повстанчеством и временем, его породившим.

В 1936 году в Москве издали книгу "Крах германской оккупации на Украине (по документам оккупантов)" под редакцией М. Горького и И. Минца, составленную из документов, взятых из переписки германского командования и австро-венгерских и германских послов в Украине с МИД Германии и

Австро-Венгрии. Солдатские советы, возникшие в германских и австрийских частях, передали часть этой переписки советскому правительству.

Этот сборник документов просто поражает, он не устарел и поныне, ибо рассказывает о поддержке оккупантами некоторых политических сил, соучаствовавших в грабительской политике и колониальном грабеже, против которых эти силы как национальные должны были активно бороться. "Каждое слово в документах принадлежит перу политических и военных руководителей оккупации"¹⁴.

"Законное основание" пребывания немцев - приглашение Центральной Рады.

Австро-венгерский министр иностранных дел Х.О. Чернин сообщает премьер-министру (телеграмма № 81) 5 февраля 1918 г.

"Для обеспечения хлебных поставок из Украины у меня было намерение распорядиться о включении в мирный договор пункта, по которому Украина берет на себя обязательство поставить, по меньшей мере, один миллион тонн хлеба и заявляет о своем согласии с тем, что в случае невыполнения этого обязательства оккупируется.

Однако соглашения на этой основе нельзя было достигнуть, так как украинские делегаты заявили, что включение обязательства о поставках в мирный договор возбудит против них все общественное мнение в такой степени, что нынешнее правительство вообще не сможет удержаться в Киеве.

Тогда с украинскими делегатами было согласовано следующее положение. В мирном договоре будет содержаться лишь условие, согласно которому обе договаривающиеся стороны обязуются предоставить в распоряжение друг друга излишки продуктов.

Далее будет зафиксировано, что невыполнение обязательств одной стороной освобождает от обязательств другую сторону. Таким образом, в случае, если Украина

не предоставит в наше распоряжение своих излишков, то мы не будем связаны с политическими условиями договора. Чернин"¹⁵.

А вот уже реальное проведение в жизнь договоренностей:

"Начальник Германской дивизии приказал: ...

3. За каждого убитого или раненого германского или польского солдата будут немедленно расстреляны первые попавшиеся десять солдат или жителей.

4. Разгром продовольственных складов и цейхгаузов и всякое уничтожение и порча казенного имущества несут за собой для виновных смертную казнь"¹⁶.

Это лишь два пункта одного приказа начальника германской дивизии в Кременце от 28 февраля 1918 г.

Военный режим на Украине опирался на шаткие основания, что понимали и оккупанты. Председатель германского МИД в Брест-Литовске Бюлов сообщал министру иностранных дел (телеграмма № 616 10 марта 1918 г.):

"Полковник фон Штольценберг телеграфировал 9 сего месяца из Киева главнокомандующему Восточного фронта: "Враждебное отношение крестьянского населения, которое при реквизиции фуража и хлеба не останавливается перед вооруженными выступлениями против наших войск, продолжает расти. Украинское правительство, несмотря на свою добрую волю, в данное время бессильно ввиду недостатка вооруженных сил и неорганизованности. Надежда, что это правительство, состоящее только из левых оппортунистов, сумеет организовать твердую власть, весьма сомнительна. Таким образом, наши войска предоставлены исключительноным образом самим себе и вынуждены защищать свою жизнь, несмотря на то, что находятся в стране, с которой заключен мир. Следует учесть для дальнейших операций, что в связи с создавшимся положением в любой

момент могут возникнуть открытые военные столкновения, хотя бы и в форме партизанской войны"¹⁷.

Оценка положения на селе заслуживает внимания. С такой, вполне помещичьей, точки зрения, нельзя будет осуществлять рациональную обработку земли без восстановления крупного землепользования, хотя бы частично соответственно местным условиям. Крестьянин должен получить возможность купить землю. Нынешнее, исключительно левое, правительство никогда на это не согласится, но оно и никогда не сможет своими силами обеспечить поставку хлеба. Это вообще невозможно без военного вмешательства.

Или другая цитата:

"29 апреля в торжественной обстановке в помещении киевского цирка под охраной войск оккупантов "гетманом всея Украины" провозглашен П. Скоропадский, по случаю чего штаб германских войск в Украине докладывал командующему Восточным фронтом: "Новое правительство будет делать то, что мы считаем необходимым..."¹⁸.

Язык документов впечатляет...

Посмертная публикация записок Махно

За рубежом в это время завершается посмертная публикация записок Махно¹⁹, большинству исследователей в СССР они недоступны.

Надежно прячутся в спецхран и работы с участием осужденных большевиков Г. Зиновьева, Г. Смильги, Х. Раковского и многих других. Вместе с тем, появляется ряд сборников статей и документов, а также работ по отдельным аспектам темы, которые историографически также важны и долж-

ны быть учтены²⁰. Известный интерес к теме проявляют зарубежные украинские историки²¹.

В.М. Волин в июне 1936 года в Париже написал предисловие ко второму тому "Воспоминаний Махно". Говоря о некотором разочаровании первым томом, он относит это не к личностным особенностям, а к отсутствию интереса, под которым, очевидно, следует понимать сложность отношений идейного анархизма и стихийного крестьянского движения. Автор предисловия вскользь упоминает о личном конфликте с Махно, с чем связано отсутствие редакции первого тома²². Тематика двух последующих томов посвящена подготовительной стадии махновщины и охватывает 1918 год.

События 1919 года лучше представлены в литературе, главным образом работой П. Аршинова и воспоминаниями живых участников событий 1919-1921 годов, а также документами.

В.М. Волин, подчеркивая значение темы для анархистов и всех интересующихся народными движениями, обещает им большую критическую работу о махновщине.

Не следует забывать, что соратники-анархисты по-разному повели себя в 20-30 годы. В.М. Волин продолжил анархистскую деятельность в Европе и Америке. Его, так же как и Махно, поразило отречение Аршинова от анархизма и возвращение в СССР, где 1930 году он окажется в рядах ВКП(б). Впрочем, такое превращение не удивительно, если учесть, что и начинал он в 1905 году большевиком, а потом ушел к анархистам и уже в Бутырской тюрьме, будучи анархистом, сблизился с Махно, чтобы в 1918-1919 годах быть в Гуляйполе в рядах его движения, в культпросвете и на организацион-

ной работе в частях повстанческой армии. Все это активно обсуждалось в анархистских кругах, побуждая к пересмотру истории движения, но тогда никто не отважился дать другую версию событий. Точнее, эта версия рождалась в СССР пером В. Белаша, но в полном виде увидела свет нескоро в интерпретации его сына А. Белаша, уже не верившего в анархо-коммунизм, хотя и рыцарски защищавшего основные парадигмы махновщины.

Судьбы соратников также показатель широты движения и спорности сектантских представлений о возможности причислить Махно к одной конкретной разновидности анархизма времен гражданской войны. Ни у одной группы не было монополии на батьку.

Украинский Пьемонт

Научные дебаты вокруг значения влияния государственности Галичины на положение Восточной Украины начались задолго до книги В. Кучабского "Западная Украина в борьбе с Польшей и большевизмом", изданной в 1934 году в Берлине на немецком языке.

События 1919-1920 годов в Галичине обычно рассматриваются через призму так называемого украинского Пьемонта. Одна провинция не могла изменить ситуацию в стране. Тем более, провинция, в значительной мере разрушенная мировой войной и последующими событиями. Борьба против Польши заняла основные силы галичан, а потому их влияние на востоке практически не ощущалось. Правда, летом 1919 года они оказали военную по-

мощь УНР в Надднепрянщине, но никакого объединительного начала не привнесли.

Раскол ОУН в 1940 году на две организации (мельниковцев и бандеровцев) не имел аналогов в махновском движении. Те, кто считал себя монолитными, оказались разделенными, хотя бы для некоторого типа задач, а те, кто изначально провозглашал анархию, сошли с исторической сцены под теми же лозунгами, что и взошли на нее.

Формирование теории монолита

Теория монолита сложилась в 20-е годы, доминировала в начале 30-х и стала единственной для объяснения основных процессов во второй половине 30-х годов.

Десятилетиями в отечественной науке господствовала идея, что единственной революционной силой были большевики, а все остальные левые играли некоторую роль, пока их поддерживали, а потому левых часто заключали в кавычки.

Законы истории тенденциальны, а потому каждая крупная тенденция являет на поверхности жизни комбинацию сил, способствующих или тормозящих свою реализацию. Неоднородность большевиков, пришедших к власти, ослаблялась опасностью потерять власть в условиях, когда ее, согласно концепции монолита, не с кем было разделить. Крах противников укрепил позиции монолита. Но и крах других левых способствовал сохранению мифа о монолите. Отсутствие демократических процедур быстро вытеснило потенциальных союзников в ряды противников. Колебания меньшевиков, левых эсеров и анархистов лишь отражали колебания гро-

манных масс населения, даже той их части, что никак не связывала себя с другими левыми.

Начальники и любопытные. В жанре курьезов истории (1941-1956)

Пятым периодом

можно считать советскую историографию до XX съезда КПСС. Хотя он и не внес непосредственного вклада в оценку украинского повстанчества, ситуации объективно суждено было измениться. Изменения затронут долгий период и станут явными уже в годы перестройки. Немногочисленные работы этого периода принципиальных открытий не принесли²³.

Имя Махно мелькает в публикациях, но прироста знаний нет.

Примитивизация противников

В апреле 1917 г. Ленин дал чрезвычайно осторожную оценку перспектив на будущее в крестьянском вопросе:

"Мы хотим, чтобы крестьянство пошло дальше буржуазии, чтобы оно взяло землю у помещиков, но сейчас еще о его будущем поведении ничего сказать определенно нельзя. ...Не позволительно пролетарской партии возлагать теперь надежды на общность интересов с крестьянством. Мы боремся за то, чтобы крестьянство перешло

на нашу сторону, но оно стоит, до известной степени, сознательно на стороне капиталистов"²⁴.

В 40-е годы мы имеем публикации И. Премыслера и А.Г. Слюсарского о борьбе с бандитизмом в конце 1920-1921 годах²⁵. Имя Махно и термин "махновщина" мелькают в публикациях, но прироста знаний мы не обнаружим. Напротив, идет примитивизация противников, и это не случайно. Тем более, что враги народа из числа однопартийцев в "Кратком курсе" именуются... "козьявками".

Взгляд в прошлое, свободный от идеологического давления

Эдвард Карр, издавший первый том своей "Истории Советского Союза" в 1950 году, опираясь на источники, значительной частью доступные и нашим историкам, интерпретировал материал вполне академично, внешне спокойно, объективистски, но не только методология, а и простой перечень событий и документов давали преимущества видения, свободного от идеологического давления. По-другому виделось прежде всего соотношение сил в революционном лагере.

Большевики участвовали в борьбе против эсеров за поддержку крестьянства. Эта проблема, по мнению Э. Карра, играла роль во всех политических расчетах и маневрах периода между Февральской и Октябрьской революциями.

В ответ на крестьянские беспорядки Временное правительство решило создать иерархию комитетов по разработке путей осуществления аграрной реформы, которая могла быть проведена в законодательном порядке только на заседании Учредительно-

го собрания. В числе созданных органов были все-народно избравшиеся волостные, уездные, губернские земельные комитеты и наконец в центре этой иерархии – Главный земельный комитет. Вся структура была аналогична структуре советов, однако крестьянские советы находились еще в зачаточном состоянии и существовали совершенно вне сферы деятельности правительственных органов. Инициатором был министр сельского хозяйства Временного правительства, который принадлежал к партии кадетов и в принципе поддерживал национализацию земли при выплате компенсации ее владельцам. Однако земельные комитеты были захвачены эсерами и превратились в важный инструмент их политики.

Ленин настаивал, чтобы пункт, предусматривавший передачу земли организованному крестьянству, предшествовал пункту, где говорилось о ее национализации, мотивируя тем, что

"для нас важен революционный почин, а закон должен быть его результатом"²⁶.

Забывая об анархистах, Э. Карр пишет, что большевики оказались единственной партией, благословившей крестьянскую революцию на осуществление насильственной экспроприации помещиков.

Когда в мае 1917 г. в Петрограде собрался Всероссийский съезд крестьянских депутатов, Ленин опубликовал в "Правде" открытое письмо к его делегатам, где свел все противоречия по аграрному вопросу к одной-единственной проблеме:

"Следует ли помогать крестьянам на местах немедленно брать всю землю, не платя помещикам никакой арендной платы и не дожидаясь Учредительного собрания, или не следует?"²⁷.

Вопрос о немедленном захвате земли крестьянами прочно занял центральное место в большевистском проекте резолюции и добрую половину выступления Ленина. Он защищал партию против обвинения в том, будто она сеет анархию:

"Анархистами называются те, которые отрицают необходимость государственной власти, а мы говорим, что она безусловно необходима, и не только для России сейчас, но и для всякого государства, которое даже прямо бы переходило к социализму. Безусловно необходима самая твердая власть! Мы только хотим, чтобы эта власть была всецело и исключительно в руках большинства рабочих, солдатских и крестьянских депутатов".

Далее Ленин объявил себя защитником "сельскохозяйственных наемных рабочих и беднейших крестьян", чьи нужды нельзя удовлетворить за счет простой передачи земли "народу". Каждое крупное помещичье имение – Ленин подсчитал, что их число составляет 30 тыс., – должно быть превращено в образцовое хозяйство "для общей обработки их совместно с сельскохозяйственными рабочими и учеными агрономами".

"...Хозяйство на отдельных участках, хотя бы "вольный труд на вольной земле", – это не выход из ужасного кризиса... Необходимо перейти к общей обработке в крупных образцовых хозяйствах"²⁸.

Гражданское состояние

так и не было распространено на крестьян ни царским, ни Временным, ни советским правительством

Парадокс заключался в том, что гражданское состояние так никогда и не было распространено на

крестьян России ни царским, ни Временным, ни советским правительством. *Гражданское полноправие осталось несложившейся предпосылкой капитализации аграрного сектора.* Это и позволило историку либерализма В.В. Леонтовичу отметить, что после Первой мировой войны, истощившей психические силы населения, в России наступила "глубокая психическая и духовная реакция":

Все то, что в течение 150 лет достигнуто было на тяжелом пути развития России в правовое либеральное государство, сметено было революцией. Ретроградские тенденции, с одной стороны, порожденные коллективистскими традициями, традиционным правосознанием крепостного строя, а с другой – утопическими представлениями и обещаниями социалистического коллективизма, одержали верх²⁹.

Любопытно, что, с точки зрения В.В. Леонтовича, либерализм потерпел поражение в России в силу сохранения старомосковского принципа верховной собственности государства на землю. Именно в этой верховной собственности на землю он и видит причину того, что задача либерализма – а для В.В. Леонтовича это национальная задача – так и не была выполнена.

Параллель освободительных движений. Мировоззренческий плюрализм на деле оказался тоталитарным движением

Одна из легенд национального движения гласит, что в 1943 году оуновцы взяли курс на будущую демократическую Украину, отказавшись от тоталитаризма. Однако программы 1929, 1939 и 1941 годов несомненно содержат элементы монопартийности,

вождизма и диктатуры³⁰. Но главное не в элементах и тенденциях, а в сути движения и коренном родстве с фашизмом того времени. Тип политической культуры и духовный климат воспроизводства движения вполне соответствовал ему. В 1943 году существовала и тяга к идейному ревизионизму, но было бы чудом, если бы за два-три года партия превратилась из тоталитаристской в демократическую. К 1950 году, когда подполье в основном было ликвидировано, оно сохраняло тот же дух³¹. Но и за рубежом бескомпромиссные позиции бандеровцев сохранились, к диссидентам эта среда отнеслась враждебно.

ОУН не хотела быть одной из украинских партий наравне с другими, и раскол в 1940 г. в этом ничего не изменил. В Акте провозглашения украинского государства 30 июня 1941 года сказано:

"Волею украинского народа Организация украинских националистов под руководством Степана Бандеры провозглашает создание (в некоторых вариантах, "обновление") украинского государства"³².

В этом акте не упоминается о традициях 1917-1921 годов, тем более о советской республике, прямым отрицанием которой и являлась самозванная власть, зато борьба ОУН представлена как единственное доказательство воли народа к государственности. В 1943 г. ОУН (р) подчинила себе УПА, насильственно отстранив ее первое руководство.

В 1981 году в Виннипеге первый командир УПА атаман Тарас Бульба-Боровец издаст книгу воспоминаний "Армия без государства", где суть конфликта представлена как несовпадение его линии на развитие партизанского движения на общенациональной, внепартийной основе и линии оунов-

цев, стремившихся превратить УПА в вооруженное колено своей организации³³. Этого они и добились, даже если атаман лукавит.

Ксенофобия и шовинизм пронизывали борьбу оуновцев, что самым горьким образом сказалось на евреях и поляках в годы нацистской оккупации. Бандеровцы проводили нелегальные конференции, имели бесцензурную печать.

"Таким образом, не было никакого объективного препятствия, чтобы ОУН (р) не могла осудить геноцид евреев и предостеречь украинцев от соучастия в нацистских зверствах. Есть ситуации, когда не вольно молчать, ибо тот, кто не может протестовать и не делает этого, показывает тем, что он соглашается. Молчание оуновского лагеря перед лицом трагедии украинского еврейства слишком красноречиво. Оуновцы, очевидно, не считали евреев согражданами на украинской земле, судьба которых не может быть безразлична этническим украинцам"³⁴.

На словах был признан философско-мировоззренческий плюрализм как в движении, так и в будущем государстве, признано равенство различных этносов и граждан Украины любой национальности, а также выдвинута социально-экономическая программа с детальным описанием комбинаций обобщественного кооперативного и частнособственнического секторов. Тем не менее, И. Лысяк-Рудницкий отрицает изменения принципиальных позиций и считает, что оуновское движение осталось тоталитарным.

"Поэтому утверждение, что националистическое движение уже в 1943-1944 годах перешло на демократические позиции, не имеет достаточных оснований"³⁵.

ОУН не является продолжением никакой ветви национально-демократического движения

По сути, в этом движении не было ничего общего с тем национализмом, который распространялся до 1914 года, когда украинское движение в Галиции действовало в рамках австрийской конституции. Условия Польши оказались гораздо более реакционными.

ОУН не является продолжением никакой ветви национально-демократического движения³⁶.

Оуновцы преследовали и терроризировали не только поляков и евреев, но также и украинцев, проявлявших самостоятельность и выражавших надежду на демократизацию украинского движения. Так было в Галичине. Так было и в эмиграции. Бандеровцы не видели связи между своей борьбой за новое государство и прежними типами украинской государственности. Не только УССР, но и УНР не были включены в перечень тоталитарных моделей власти. Напротив, оуновцы охотно ориентировались на образцы фашистских государств, а служба безопасности выполняла внутри движения "функцию родного НКВД"³⁷.

Приход бандеровских головорезов в Восточную Украину после ее оккупации немцами выявил некоторый всплеск влияния оуновцев среди антисоветски настроенных элементов. Надежда на Запад была далекой, разочарование в демократии очевидным, а тоталитарные методы близкими. Восточные украинцы небольшими, но активными группами попадали под влияние бандеровской пропаганды, в

которой, по выражению Лысяка-Рудницкого, инстинктом чувствовали перелицованный большевизм. Это напоминает поведение немцев, среди которых коммунисты получали миллионы голосов, но после их запрета нацистским режимом массовое поправение затронуло те же самые стереотипы³⁸.

И все же такое временное умопомрачение не могло длиться долго, даже среди антисоветских элементов. Оуновцы не смогли создать сколько-нибудь серьезной альтернативы ни немцам, ни возвращающейся советской власти.

Тем не менее, анархо-коммунистические повстанцы не имеют никакого генетического отношения к бандеровцам и УПА. *Сколько бы ни проводились параллели между двумя движениями, ни то, ни другое не приобрело всеукраинского характера.* Пятая крестьянская война была общероссийской и оставила в стороне Восточную Галицию. Бандеровщина в послевоенное время так и не смогла распространиться на центральные и восточные земли Украины. Хотя Дмитрий Донцов и был мигрантом из Восточной Украины, его идеи, так вдохновлявшие ОУН, поддержки на востоке не имели.

- Таким образом, интегральный национализм, чрезвычайно близкий к фашизму, родился и распространился на тех территориях, где победила контрреволюция. Параллели с Европой характерны: *только там, где было мощное революционное движение, и возобладала контрреволюционная власть, только там и мог возникнуть фашизм.*

Драма украинских националистов состоит не в том, что они не разрешили аграрный вопрос (они на

это и не рассчитывали), а в том, что их не приняли на службу к немцам на тех же условиях, что глинковцев в Словакии; в том, что они не стали движением, близким к власти, как железногвардейцы в Румынии или салашисты в Венгрии.

Оба движения – и махновцев, и оуновцев советская власть связывала с кулачеством

Впрочем, советская власть оба движения – и махновцев, и оуновцев будет связывать с кулачеством. Здесь есть догадка о том, что собственность на землю и насилие на земле тесно переплетаются, но нет понимания, за чью именно собственность сражались повстанцы.

Если в дореволюционной деревне насчитывалось около 15 % так называемых "кулацких" хозяйств, то в 1924-1925 гг. советская статистика определяла их в рамках 3,3 % (около 728 тысяч)³⁹. В беседе с У. Черчиллем Сталин назвал цифру в 10 миллионов "кулаков" – из них преобладающая часть была уничтожена, а уцелевшие депортированы на север, в Сибирь.

О том, что наступление сталинистов относилось к крестьянству вообще, свидетельствует даже официальная советская статистика. В. Молотов в 1935 г. заявил, что в 1928 г. в СССР насчитывалось т. н. "кулаков", зажиточных и старательных крестьян, 5618 тысяч душ, из коих на 1 января 1935 г. осталось в деревне 149 тысяч. По другим официальным данным, цифра, указанная Молотовым, возрастает до 6,8 млн. человек⁴⁰.

Вне всякого сомнения, сталинцами был поставлен вопрос о ликвидации крестьянства как класса

свободных товарных производителей и превращении в бесправных батраков на экспроприированной у них земле. В этом свете даже нелегкая жизнь крестьянина в дореволюционное время, с гарантированным земельным наделом, свободой передвижения и открывавшейся определенной экономической перспективой, не шла ни в какое сравнение со сталинским закрепощением.

Идеологи и диссиденты.

От оттепели до перестройки: фрагменты правды (1956-1985)

Шестой историографический период

охватывает основной массив советской исторической литературы, который, за исключением некоторых элементов периода оттепели да большей документальной обеспеченности, не столько меняет оценки, сколько *готовит смену ориентиров научного исследования*.

Композиция данного раздела требует некоторого пояснения. Логически повторяя схему предыдущих рубрикаций, здесь будет сказано:

- во-первых, о советской историографии;
- во-вторых, об историографии национально ориентированной, как развившейся в эмиграции, так и отчасти связанной с такими внутренними явлениями как национал-коммунизм и диссидентство;

- в-третьих, о зарубежной историографии, разработавшей весь комплекс проблем отечественной истории и мирового крестьяноведения с консервативных, либеральных и радикальных позиций;
- в-четвертых, об анархистской традиции, пережившей ряд модификаций за рубежом и внутри страны и сохранившей свое значение в литературе.

Однако логической схемы недостаточно. Важна историческая спираль, на которой идеологи и диссиденты от оттепели до перестройки теснят историков и любопытствующих, которым удается извлекать из прошлого фрагменты исторической правды. Без энтузиазма таких поисков идейная борьба двух лагерей неизбежно поглощала возможность иного прочтения источников и создание альтернативной модели видения взаимодействий субъектов прошлого.

Советская историография

Несколько советских эпох обусловили отличия социального заказа на исследования аграрной истории. Сдвиг в этом отношении начался в период оттепели, а накопление новых свидетельств относится уже к 80-м годам.

Интерес к махновщине нарастал постепенно. Но главная особенность этого периода – скрупулезное выяснение исторических корней трагедии крестьянства, ибо говорить напрямую о крестьянской войне, отрицательных сторонах коллективизации, голодоморе и систематическом ограблении крестьян ради индустрии и обороны было нельзя.

Среди архаики предыдущих периодов можно отметить издания украинских партийных руководителей. Г.И. Петровский, С.И. Косиор, В.А. Затонский и многие другие оставили сочинения, в которых история не только предстает в историко-партийной версии, но и прямо отождествляется с идеологией. А.Г. Шлихтер, ставший академиком, неоднократно касался истории крестьянства, будущее деревни он видел в индустриализации сельского хозяйства и фактическом исчезновении фигуры крестьянина.

Страсть Шлихтера к централизованным распределительным системам, на первый взгляд, таким рациональным, напоминает современным историкам "описание" Полянским выдуманной страны Дагомеи (африканская Дагомея – Бенин на современных картах не имеет к этому отношения), представленной в виде централизованного рая с хорошим и четким управлением, где даже вес тяжестей, которые должны переносить слуги, устанавливался заранее центральными властями⁴¹. С одной стороны, это все тот же плановый рай военного коммунизма, которому в условиях гражданской войны не суждено было воплотиться в недеформированных моделях, о чем постоянно забывают критики военного коммунизма. Но, с другой стороны, *сопротивление крестьян открыло переход к нэпу*.

Робко оспаривая некоторые догмы, отдельные авторы намечают будущую линию поисков, которая к концу советских эпох застоя и перестройки приведет к отказу от сталинистской основы понимания гражданской войны. Кулацкий характер движения – священная корова историографии, но в национальном вопросе есть неясности.

В советской историографии дезорганизация фронта и "мятеж" Махно подготовили успехи Шкуро, захват белыми Харькова и Екатеринослава также произошел по его вине. Теперь стали обращать внимание на то, что документы этого не подтверждают.

24 мая 1919 г. в газете гуляйпольских анархистов "Путь к свободе" Махно обнародовал поступившие ему предложения меньшевиков и левых эсеров выступить против советской власти. Правда, он умолчал, что и некоторые анархисты ждут от него того же самого.

Для характеристики условий возникновения кулацкого бандитизма М.А. Рубач оперирует данными на 1917 год, согласно которым 57,1 % крестьян составляли середняки, а 29,9 – беднота. 56 % кулацких дворов находилось на степном юге Украины, где кулаки составляли 30 % населения⁴². Меньше кулаков было в Полесье – 15,5 % и еще меньше на Правобережье – около 10 %⁴³. Цифры представляются сильно формализованными, а изменения в годы гражданской войны – не учтенными. Даже после относительной легализации в начале нэпа вряд ли кулачество выглядело столь мощно.

Последствия крестьянской революции

Крестьянская революция оставалась основой всего происшедшего в стране и после Октября 1917 г. до 1922 г. Миронов на Дону, Махно на Украине, Мамонтов в Западной Сибири и многие другие герои гражданской войны были на самом деле вождями крестьянской революции. Их гибель не случайно совпала с завершением крестьянской революции – с ее победой, которая очень скоро оказа-

лась поражением. Обычно так и бывает с крестьянскими революциями.

Крестьянская революция заставила отказаться от продовольственной разверстки, ввести нэп, признать особые интересы и права деревни. Земельный кодекс РСФСР, принятый в декабре 1922 г., закрепил итоги аграрной революции, осуществленной самим крестьянством. "Социалистическое" земельное законодательство 1918-1920 гг. было отменено. Решение земельного вопроса вновь приводилось в соответствие с требованиями крестьянских наказов 1917 г.⁴⁴

Совершилось возрождение общины, которая к 1927 г. на территории РСФСР охватывала 95,5 % крестьянских земель. По мнению В.П. Данилова, это свидетельствовало о том, что

"процесс первоначального накопления был прерван и даже отброшен к каким-то начальным стадиям"⁴⁵.

Историки, между тем, искали корни аграрных проблем в социальной эволюции времен империи.

В.П. Данилов – представитель нового поколения историков, которое знало идеологические колебания в скрытом виде, но было достаточно далеко от противоборства в верхах. По его мнению, реформы и контрреформы эпохи первоначального накопления стали основным средством модернизации и ускорения социально-экономического развития страны в целом, заняв совершенно особенное место в историческом процессе. Во всяком случае, они определили характер аграрной эволюции России после 1861 г.

В поисках корней догоняющего развития

Проблемы, связанные с социально-экономической отсталостью, толкали Россию на путь *догоняющего развития*, усиливая роль государственной власти. Историк открывает "картину растянутого, неопределенного в стадиях и реформах, мучительного для крестьян процесса"⁴⁶.

Несмотря на засилье помещиков, юридически и практически начинает признаваться голос самих крестьян. "Временнообязательное состояние", сохранившее ряд черт крепостного состояния, затянулось надолго, пока 28 декабря 1881 не был издан закон об обязательном выкупе с 1 января 1883 года. Выплата "выкупных" была рассчитана на 49 лет и продолжалась бы до начала 30-х гг.

В 80-е годы XIX века министром финансов Н.Х. Бунге было предложено предоставить крестьянству некоторую свободу хозяйствования – возможность выхода из общины и организации подворно-участкового землепользования, ставшего главным мотивом в земельной реформе П.А. Столыпина. Главной задачей реформ Н.Х. Бунге считал превращение крестьян в частных землеладельцев – "консервативный оплот современной цивилизации"⁴⁷.

Но за 20 лет "временнообязательного состояния" дворянство ничего не поняло и ничему не научилось. Предложения Н.Х. Бунге были отвергнуты. Начиналась полоса контрреформ, а воплощенным символом эпохи стал К. Победоносцев.

Контрреформы для деревни означали укрепление власти общины над своими членами через ужесточение круговой поруки и ограничение выхода крестьян из общины, а тем самым фактическое

прикрепление крестьянина к земле, что должно было, по мысли царской бюрократии, предупредить образование "язвы пролетариата" и связанной с ней революционной угрозы. В ходе контрреформ 14 декабря 1893 г. было отменено даже весьма ограниченное разрешение на выход крестьян из общины, содержащееся во 2-ой части ст. 165 Положения 1861 г., что вполне соответствовало экономическим интересам помещиков⁴⁸.

Вместе с тем, контрреформы были призваны увековечить прямое политическое господство помещиков в деревне. В 1889 г. был введен институт земских начальников – жизнь крестьян отдавалась под контроль и управление представителей местного дворянства. Картина положения крестьянства в преобразованной России будет неполна, если не сказать о праве административной (без суда) высылки неблагонадежных крестьян и, наконец, о таком позоре, как сохранявшиеся в деревне телесные наказания.

Крестьянские волнения – импульс реформаторской активности

Следует подчеркнуть, что именно революционный взрыв 1902 г. способствовал возобновлению реформаторской деятельности самодержавной бюрократии.

На протяжении 1905 г. правительство С.Ю. Витте готовило проекты и документы аграрной реформы, вошедшей в историю под именем столыпинской. Поэтому-то П.А. Столыпин, назначенный премьер-министром в июле 1906 года, уже 9 ноября того же года мог провести первый указ, положивший

начало реформе. Закон о крестьянском землевладении и землепользовании был принят 4 июля 1910 г., закон о землеустройстве – 29 мая 1911 г. Эти три законодательных акта и составили юридическую основу аграрной реформы.

Точно так же в марте 1906 г., то есть до назначения Столыпина председателем Совета министров, были созданы землеустроительные комиссии в столице, губернских и уездных городах. Они-то и стали главными органами будущей аграрной реформы.

В.П. Данилов отмечает, что

"вспыхнувшая вдруг ненависть помещиков к общине и смена по отношению к ней охранительной политики на разрушительную были вызваны заботой не о будущем процветании России, а о сохранении помещичьего землевладения, поскольку в 1902-1906 гг. община проявила себя в качестве организации массовых антипомещичьих выступлений"⁴⁹.

Столыпинская реформа была призвана произвести расчистку крестьянских земель от слабых хозяйств в пользу сильных, решить, наконец, задачи первоначального накопления в деревне, причем решить это радикальными средствами, прямым административным форсированием разрушения общины. Общая численность крестьян-подворников выросла с 23 % в 1905 г. до 30-33 % в 1916 г.⁵⁰

Административно-принудительные методы осуществления ускоряли революционный взрыв, а ее массовый социальный продукт явился той силой, которая сыграла активную роль в 1917-1918 гг.

В ходе первой русской революции национализация земли была выдвинута крестьянством как средство радикальной ликвидации помещичьего землевладения и передачи всей земли "в пользование

только тем, кто будет ее обрабатывать своим трудом" (Земельный проект 104-х, внесенный в Государственную думу 23 мая (5 июня) 1906 г.).

В спорах о Столыпине забывается эффект расслоения

"Современные критики большевизма, в том числе из поклонников Столыпина, сказали немало обличительных слов по поводу раскола, вносимого в деревню большевиками, по поводу комбедов, классовой борьбы и т.п. Им следовало бы направить огонь своей критики также против Столыпина, который разделением деревни на "сильных" и "слабых" – за 10 лет до большевиков! – искусственно форсировал процесс классового расслоения, разжигал классовую борьбу внутри крестьянства, ускорял формирование революционных сил..."⁵¹.

Усилия таких историков, как Ю. Поляков или В. Данилов, следует отметить особо, но и конъюнктурщиков хватало. Известный авторитет сталинских "достижений" и партийный аппаратчик, занимавшийся вопросами "изучения" сельского хозяйства, С.П. Трапезников вынужден был констатировать, что

"за годы социалистической реорганизации произошло понижение производительности сельского хозяйства, значительное уменьшение валовой продукции зерновых культур, сокращение поголовья всех видов скота"⁵².

Сочинения С.П. Трапезникова стали символом застоя в науке, но внимательное их прочтение дает поразительную картину последовательности искоренения общинного крестьянства всеми властями, сколь непродолжительными бы ни были их усилия.

И вместе с тем крестьянских корней гражданской войны он не касается.

Оптимистичны советские исследователи П. Лященко и М. Симонова ("то ли еще будет, большевики заменят всех!"). Их не тревожит несовпадение схем, поскольку успех большевиков объясняет любое предреволюционное брожение постфактум. Мотив несамостоятельности крестьянина, объяснение его движения внешними факторами, отрицание самодействия – налицо⁵³.

Относительно места П. Столыпина и его реформ в советской историографии важен спор В. Дякина и А. Авреха. Первый полагал, что П. Столыпин представлял монархический реформизм, отражавший относительную автономию государственного аппарата и его намерение выступить последним арбитром, решавшим, в чем именно состоят интересы России. Его реформизм противостоял реакционному блоку интересов и тенденций, коренившихся в политических институтах страны⁵⁴.

А. Аврех, напротив, считает Столыпина представителем тех же реакционных сил, что и Объединенное дворянство, то есть реакционных кругов класса помещиков. Трещиной "десятистепенной важности" называет он атаки правящих групп на Столыпина, находившегося в их же лагере. Сам премьер, с точки зрения А. Авреха, случайный и посредственный человек, вознесенный к власти обстоятельствами, но не своими качествами, в отличие от действительно выдающегося С. Витте. Его поражение – мелкая рябь на политическом океане России, и особого значения для хода борьбы оно не имело⁵⁵. Впрочем, гиперкритицизм имеет и обрат-

ную сторону - превращение П. Столыпина в живую легенду. Якобы он мог спасти царизм или, например, предсказывал в кругу семьи свою гибель от рук охранки.

Разумеется, что в годы застоя основным открывателем нового в марксизме и в жизни считался Ленин. Его гениальности открылся поворот к социализму. Нэп старательно изучали на очень ограниченном наборе доступных источников и хвалили с точки зрения потребностей номенклатуры.

Возможность сдвигов в историческом мышлении

Следует отметить работу А. Кучера, сосредоточившего внимание на последнем периоде войны и начале нэпа. Работа снабжена не только списками литературы, но и историографическими комментариями. Этот сдвиг показателен на фоне ранней историографии, стремившейся охватить прежде всего документально-хронологическую канву событий⁵⁶.

Некоторый интерес проявляется к теме анархизма, частично соприкасающейся с украинским повстанчеством⁵⁷.

Никакое засилье идеологических штампов и антиштампов не может отменить добротной подспудной работы десятилетий застойного времени, на достижения и ошибки которых будут опираться реформаторы социального знания двух последующих периодов.

Для данного этапа характерен интерес к разнообразию субъектов классовой борьбы при неизменности оценок контрреволюционного характера пов-

станчества в целом. Типичны работы П. Белого, С. Семанова, И. Трифонова, коллективные сборники документов и обобщающие многотомные издания⁵⁸.

С. Семанов связывал отсутствие шовинизма с пестрым национальным составом населения в махновских краях, а отмечая еврейский элемент в командном составе, делал осторожный вывод, что "мысль об антисемитском характере махновщины не целиком соответствует действительности"⁵⁹.

Советская историография времен развитого социализма (застоя) придавала гражданской войне прежде всего идеологическое и практическое значение. Коллективные труды выходили со следующими объяснениями:

"Со стороны рабочих и крестьян России эта война являлась отечественной, самой законной и справедливой из всех войн, какие знала до тех пор всемирная история"⁶⁰.

Или:

"С точки зрения мирового революционного процесса гражданская война в советской России имеет исключительное значение, ибо накопленный в ходе ее опыт позволил уяснить методы и формы вооруженной борьбы, применяемые рабочими и крестьянами против капиталистов и помещиков, а также те условия, которые необходимо создавать, чтобы обеспечить победу трудящихся над внутренними и внешними врагами"⁶¹.

Справедливости ради следует заметить, что авторы советских трудов не давали прямых рекомендаций, как создавать условия для победы в гражданских войнах, в чем их обвиняли представители противоположного лагеря, разрабатывавшие куда

более конкретные рекомендации по организации вооруженной борьбы.

Авторы коллективного труда обрушиваются на французского историка Р. Гошера, написавшего работу "Оппозиция в СССР".

"В изображении французского историка Р. Гошера на занятых контрреволюционными бандами Махно и Петлюры территориях торжествовали принципы братства и равенства. "Деревни встречали их хлебом-солью, звонили церковные колокола". Все это является чистейшим вымыслом, злобной клеветой"⁶².

Это единственное упоминание Махно в первом томе "Гражданской войны в СССР".

Национально ориентированная историография

Свой социальный заказ имели и историки эмиграции, находившиеся под сильным давлением предшествующих традиций. Новые ростки свободомыслия на родине, оказавшиеся вовсе не похожими на то, что ожидали зарубежные центры украинистики, пробивались из-под глыб тоталитарного сознания, но отнюдь не стремились к повторению опытов прошлого.

Большинство националистов первых призывов не изменились, их поворот к демократии не был искренним. Решения 1943 года носили вынужденный характер и диктовались целями выживания и расширения подполья, а также готовностью обрести новых, более демократичных хозяев.

Национал-коммунизм проявил себя в высших эшелонах советской Украины в 50-е годы. На смену

сталинской децентрализации пришли хрущевские реформы с их борьбой против ведомственного сепаратизма и попыткой рационализировать хозяйственную бюрократию. В 1957 году Украина была разделена на 11 экономических административных районов во главе с совнархозами. Промышленные и строительные предприятия и организации, ранее подчинявшиеся всесоюзным и союзно-республиканским министерствам, перешли в ведение совнархозов⁶³.

Изменение административно-хозяйственной структуры могло существенно повлиять на ситуацию в украинской экономике и управленческой системе. В какой-то момент бюрократия растерялась и испугалась, отомстив затем Н.С. Хрущеву созданием многочисленных дополнительных трудностей, которые в конечном счете и привели к завершению оттепели.

Направление поисков разрешения социальных вопросов – знак поворота к реальности. Украинское подполье начало восстанавливаться на основах невооруженного сопротивления в середине 50-х годов. Первым документом стало открытое письмо в ООН политических заключенных мордовских лагерей. В конце 50-х в Западной Украине возникло сразу несколько подпольных организаций: Объединенная партия освобождения Украины, Украинская рабоче-крестьянская спилка, Украинский национальный комитет.

Антисоветское подполье, диссидентство и импульсы к обновлению памяти

Созданная в 1958 г. на Львовщине группой юристов во главе с Левком Лукьяненко спилка оказалась наи-

наиболее активной. Программа утверждает, что, не имея ничего общего с вооруженной борьбой, группа выступает за легальную борьбу конституционными методами с целью выхода Украины из СССР. Во время II съезда инициаторы были арестованы, а в январе 1961 г. осуждены⁶⁴.

Более радикально был настроен Украинский национальный комитет. 20 членов осуждены в 1962 г., четверо приговорены к расстрелу, из них двое расстреляны. В 1964-1967 гг. существовал Украинский национальный фронт. Однако в целом диссидентское движение успеха не имело вплоть до времен Шелеста⁶⁵.

Несмотря на идеологические заморозки и негативные явления, невозможно видеть русификацию в самом содержании терминов на чем настаивают критики: расцвет нации, сближение нации, слияние нации и новая историческая общность советский народ – понятия спорные, но автоматически они не являются синонимами русификации⁶⁶.

Хрущевские послабления привели к новой волне национал-коммунизма. Но проявился он в неблагоприятных условиях политических заморозков конца 60-х. Рождалось диссидентство. Одним из первых был национал-коммунист И. Дзюба, получивший известность благодаря работе "Интернационализм или русификация?", написанной в 1965 г. и изданной в 1968 г. в Мюнхене. Еще раньше он протестовал против ввода советских войск в Венгрию, как А. Мальшко и В. Швец. В 1973 году он отречется от идей этой книги.

Интеллектуальная поросль национал-коммунистических ориентаций окажется существенной в

конце 1960-х – начале 70-х годов, когда партийную верхушку возглавит П.Е. Шелест. В годы его правления (1963-1972) оппозиция развивалась в рамках системы, а ее предложения сводились к тому, чтобы Украина получила большую автономию в делах.

Кроме национал-коммунизма, заметны и следы влияния интегрального национализма в самиздатовских работах историка-националиста Валентина Мороза. Этого "правозащитника" сближает с Д. Донцовым философский волюнтаризм, отстаивание национального идеала любой ценой, презрительный отказ от какого-либо приспособления к существующим условиям, культ сильной, героической, способной на самопожертвование личности, антиинтеллектуализм и защита одержимости. В эссе "Среди снегов" он обличает отступничество И. Дзюбы⁶⁷.

Именно Валентин Мороз, а не противоположно настроенный Леонид Плющ, стал любимцем диаспоры. Разочарование для многих было полным. Во многом больший националист, чем заграничные бандеровцы, Мороз оказался чужд демократическим кругам после того, как в апреле 1979 г. его отпустили на Запад. Политически он примкнул к самому реакционному кругу – так называемому Мировому Украинскому освободительному фронту. Национал-коммунизм и интегральный национализм не могли удовлетворить ни запросы диаспоры, ни внутреннее диссидентство. Эволюция продолжалась⁶⁸.

Жизнеспособные альтернативы должны были явиться из других источников.

Между 1970 и 1974 годами появились восемь самиздатовских "Украинских вестников", предшествовавших созданию Хельсинкской группы в 1976 году. В отличие от издания подпольного вестника группа действовала открыто. Их рецепт от тирании – демократия, опора на право, основное направление деятельности – правозащитное⁶⁹. К этому пришел один из противников советской власти старшего поколения – Данило Шумук (р. 1914), бывший членом Компартии Западной Украины в волинском подполье и вступивший в УПА в годы немецкой оккупации. Большую часть жизни провел в польских и советских тюрьмах, в 1979 г. из лагеря сообщил о присоединении к Хельсинкской группе⁷⁰.

В списке украинских диссидентов не было таких имен, как Сахаров и Солженицын, но выступления Мыколы Руденко, Олеса Бердника, Леонида Плюща, Петра Григоренко, Ивана Дзюбы, Гелия Снегирева, Юрия Бадзьо, Михаила Осадчего, Василя Лисового имели резонанс.

Характерен пример Руденко. Сын донбасского шахтера, член партии, редактор журнала "Дніпро", ветеран и инвалид войны, секретарь Союза писателей Украины, член Хельсинкской группы был осужден в 1977 г. на семь лет заключения и пять ссылки⁷¹.

37 представителей группы на почти 50-миллионный народ – могли ли они представлять будущее? Оставалось надеяться на пример других стран. Диссиденты в отличие от подпольных националистов стремились к тому, чтобы было "как у всех", а не особым образом или интегрально. В этом они угады-

вали тенденцию будущего развала и приближали его.

Прямой связи со временами гражданской войны они, как правило, не имели, но присутствие в их рядах Григоренко, Шумука или Дзюбы создавало прецедент плюрализации национального движения и усвоения азов демократической борьбы теми, кто раньше делал ставку на силовую ликвидацию советского строя. Правда, наличие разных групп в движении создавало поле для маневра власти, ибо позиции людей типа Мороза могли отождествляться с национальным и правозащитным движением.

Несмотря на антигосударственный характер многих национально значимых текстов, связанных с диссидентством, эмиграцией и диаспорой, мало кто из этих людей непосредственно интересовался сюжетами крестьянского повстанчества. А те, кто интересовался, вели отсчет от петлюровцев, сечевых стрельцов, интегральных националистов, повстанческой армии Р. Шухевича. Яркая фигура Махно на этом фоне выглядела национальным недоразумением. Государственность, воспринятая как высшая ценность, негласно замещала подлинную народную традицию, а антигосударственность редуцировала к антисоветизму.

Зарубежная историография

В этом отношении либеральная традиция русской историографии, возрождавшаяся трудами ученых-эмигрантов, показала некоторый пример научного исследования исторических альтернатив. Либеральные демократические ценности зарубежного белого

движения трансформировались в поиски проекта посттоталитарного будущего России. Смена ориентиров, хотя и медленная, все-таки позволяла объективно исследовать крах прежних проектов. Анархизм же рассматривался как антипод либерализма, хотя внутреннее единство предреволюционного освободительного движения подталкивало к допущению того, что все разрушители империи некогда были заодно. В канун перестройки плюралистические тексты для распространения в СССР уже были заготовлены. Оставалось только ожидать появления возможности их распространения за железным занавесом. Многие историки, работавшие за рубежом, так и не дождались перемен в отечестве, но традиции сохранили.

Историк либерализма В.В. Леонтович (1902-1959), работавший в Германии и издавший в 1957 году на немецком языке "Историю русского либерализма", исходным тезисом взял следующую цепочку идей: корни западноевропейского либерализма в России отсутствовали, а

"русский образец полицейского государства, воплощенный в крепостничестве, еще более резко противоречил принципам либерализма, чем западноевропейское полицейское государство..."

И идеологически, и практически русский либерализм в общем был склонен к тому, чтобы получать и перенимать от других, извне...

В отличие от анархизма (извращения которого можно считать проявлением абсолютного индивидуализма) либерализм требует создания объективного, правового государственного порядка, противостоящего воле отдельных людей и связывающего ее. Поэтому он одобряет учреждения и общественные формы, в которых отдель-

ный человек подчиняется определенному порядку и дисциплине"⁷².

Снова о корнях либерализма

Корни либерализма В.В. Леонтович видел в правовом устройстве западного общества. Права личности для либерала формально выше всего остального, но ее превосходство иное, чем в анархизме. Анархическому индивидуализму он противопоставляет понятия: правовой личности, субъективного права, в первую очередь права собственности, а также учреждения, позволяющие гражданам участвовать в государственной деятельности, особенно в законодательной⁷³.

Связь либерализма с анархизмом носит сложный характер, индивидуалистические разновидности миропонимания родственны либерализму, а свобода в анархизме может быть понята как право, но вне государственности. Либералы знают лишь обычное и санкционированное государством право. С точки зрения В.В. Леонтовича,

"Столыпин был глубоко убежден, что Россия может стать свободным правовым государством лишь тогда, когда крестьянство, то есть основная масса населения, поймет ценность свободы и права. А это можно было ожидать только после того, как аграрное законодательство начнет давать плоды, то есть только тогда, когда крестьяне получат элементарные права, такие как право частной собственности на землю, и элементарную свободу как возможность самим свободно располагать своим имуществом и своей работой"⁷⁴.

По свидетельству Маклакова, П. Столыпин говорил, что без таких предпосылок все это будет "румянцем на трупе".

По замыслу столыпинских аграрных программ в интерпретации В.В. Леонтовича, вследствие преобразований крестьяне станут подлинными юридическими лицами в рамках гражданского строя. Высшим проявлением этого, конечно кроме права собственности, он называет право предъявления финансовых и правовых исков, что докажет участие крестьян в свободном юридическом устройстве государства. В условиях сословного неравноправия юридические проекты либералов выглядели утопией, но вкладывание идей такого рода в проекты правительства самодержавной России означало желание стать правительственной силой в еще не правовом государстве.

Очень осторожное определение корней либерализма зарубежным историком заметно отличается от определений в отечественной традиции. Даже немарксистские авторы (П. Новгородцев, Б. Кистяковский и другие) уделяли больше внимания регуляции общественной жизни гражданами и даже наметили социальные границы недопустимого с более широким пониманием права. Например, право на достойное существование у П. Новгородцева, допускавшее либеральное социальное законодательство с учетом народной традиции.

Более важно то, что столыпинским реформам

"суждено было войти в историю теоретической мысли как России, так и других стран (где она стала известна благодаря работам таких исследователей, как А. Гершенкорн из Гарварда, или относившегося к ней скепти-

чески П. Барана из Стэнфорда, рассматривавших ее как ядро "теории развития", споров по проблемам "модернизации" и "зависимости", определявших экономические стратегии во всем мире в 1950-70-е годы). Возможность успеха его реформ нельзя исключать по чисто теоретическим соображениям"⁷⁵.

Именно к этому периоду относится всплеск интереса к махновщине в других странах, в частности во Франции, Англии и Польше, где вышли работы П. Аврича, Р. Войны, М. Малета, М. Мензеса, А. Скирды и некоторых других исследователей⁷⁶.

Анархисты в фокусе внимания в связи с убийством Столыпина

Внимание всего мира к анархистам Украины привлекло покушение Богрова на Столыпина в сентябре 1911 года. В. Волковинский отмечает как самую существенную сторону факта: Богров – агент охранного отделения. Другие историки выпячивают его связи с подпольем, характеризуют как двойного агента, рисуют раскаявшегося предателя, решившего искупить свою вину. Возможна и комбинация мотивов, но важно, видимо, другое: убийство премьер-министра при любых обстоятельствах – это политическое событие, если даже оно не является политическим убийством, как в данном случае. Убийство фигуры уходящей и уже лишенной ресурсов исторического действия или убийство, сорвавшее планы преобразований, – разные по сути события.

В интервью французскому телевидению в 1983 г. А.И. Солженицын выдвинул еще одну любопытную версию: Столыпина убила страшная сила –

общественное мнение. Разговор по существу дела. Если руками революционеров его устранила придворная клика – а это популярнейший в литературе мотив, – царистский характер и квазипатриотичность этой версии очевидны. Общественное мнение либеральной России не сразу осознало значение потери. Событие подсказало ему, что убит еще один из царских вельмож, а могло подсказать большее. Это была по-человечески прискорбный, но политически новый ход, который в зависимости от настроения данной политической силы открывал или закрывал возможности будущего. Для революционной России это еще один акт драмы разрушения режима, значимость которого не следует преувеличивать.

В марксистской традиции определения либерализма шире, чем те, которые предлагает В.В. Леонтович. Но и в традициях юридической либеральной школы, с которой он соглашается, сам либерализм выводится из социального содержания революционно-демократических эпох, когда буржуазия выступает против феодализма. В.В. Леонтович согласен с привязкой к таким эпохам, но применительно к Западу. Правда, под феодализмом он понимает особые отношения вассала и сюзерена, а не наличие монопольной земельной собственности с соответствующими поземельными отношениями. Отсюда и легковесное суждение:

"... А феодализма в России не было" ...⁷⁷.

Возникает противоречие: если на Западе либерализм зарождается в борьбе с феодальным сословным государством, то откуда же ему взяться там, где феодализма не было? Ответ коренится в существ-

вовании сословного неравноправия. Борьба с ним и придает юридический оттенок либеральному противоборству с властью по вопросам права. Но крестьянство не могло не видеть, что право без земли или с землей для избранных наносит ущерб его вековым чаяниям. Примириться с правительством даже привычнее, чем с реформами, поскольку они вселяют надежды, но не позволяют им укрепиться, а улучшения настолько частичны, что возбуждают общественное беспокойство.

Правовой идеал либералов и народный проект самоорганизации

Для сторонников правового государства понятия самоорганизации, самоуправления, народного права, свободной общественности, коллективных прав носят подчиненный и не столь важный характер, ибо гражданское общество имеет смысл как дополняющее государственность. Анархизм же стремится к отмене государственности, утопически полагая, что это возможно сейчас и немедленно. Во всяком случае, отрицая государственные законы, анархисты не отрицают право как таковое.

Общежитие требует регуляции. Саморегуляции в государственных порядках недостаточно, и в этом убеждении русские либералы близки всем "консервативным волнам" XX века. Родство с анархизмом они склонны заменять связями в правящем лагере, но попытки использовать эксцессы анархистов переросли в начале XX века в часть стратегии напряженности, имевшей своей целью добиться уступок от власти.

Анархизм в первой русской революции оценивался как движение, стоявшее вне массовой борьбы, а действия анархистов сводились к грабегам, провокациям, вымогательствам и не рассматривались в советской историографии именно как фактор массового движения⁷⁸.

Основное противоречие объяснений, даваемых советскими историками, по-видимому, связано с их априорным принятием единственности революционной линии зрелого большевизма и склонности видеть любые процессы в революционном движении через его историческую оптику.

Наряду с фальсификациями, систематизация фактов все больше расходилась с социальным заказом. Впрочем, следует помнить, что в любое время есть добросовестные историки, существует и пласт соображений научного характера, отождествляющих принятые парадигмы с самой объективностью видения. В позднюю эпоху, когда реабилитация приняла характер немотивированного пересмотра всей истории, обращение к теме украинского анархизма имело и конъюнктурные, и научные задания. С первыми справились быстро, вторые очень скоро отодвинулись на второй план идиосинক্রазией к левому в истории, которой заболела некоторая часть историков. Между тем научность и идеологичность оценок в новых превращенных формах исторического сознания, похоже, сохранилась.

Анархистская традиция сохранила свое значение в литературе

После Бакунина мир изменился. Возможно, он стал сложнее, настаивание на простых ответах требовало

все больше наивности, чистоты и мужества. Всякое серьезное движение имеет своих мучеников и героев. В этом смысле идейный анархизм не исключение, хотя о серьезности движения здесь говорить несколько странно, если иметь в виду буржуазность или "солидность" в смысле оппортунистической готовности к компромиссу. Или так называемые доктринальные, т. е. партийные и государством признанные типы революционности вытесняли всякий намек на альтернативу в революционном лагере.

Анархистская традиция

время от времени дает о себе знать:

от мая 1968 года к антиглобалистам

В условиях 60-х годов левое студенческое движение, представленное в основном гуманитарными специальностями, вобрало в себя анархистские традиции. Попытки натравить рабочих на "длинноволосых" успеха не имели. В решающие дни парижского мая 1968-го рабочие спасли своей поддержкой это движение от жесточайшей расправы. Процент анархистов среди студентов был невелик, но их роль фермента революционности несводима к числу, и на самом деле значение даже мелких групп может быть велико, что прекрасно понимали полиция и пресса, безмерно раздувавшие деятельность малых групп, когда это оказывалось нужным для демонстрации полицейской силы и информационной мощи.

Сами анархисты обосновывали свое вовлечение часто крайне беспомощно, ссылаясь на довольно аполитичного Фрейда и его вольных интерпретаторов.

Феномен вовлеченности студенческой молодежи в анархистское движение скорее связан с эвристическими возможностями неконтролируемого процесса обучения. Научившись чему-то сам, студент испытывает естественное желание передать свои знания дальше тем, кто не может получить формальное образование, но находится в постоянном контакте с носителем знания.

Так знание попадает от более привилегированных к менее привилегированным. От элиты к массе. Так было и в 40-е годы XIX века, во время становления европейского анархизма, так было и в 60-е годы на современном Западе во время образования гремучей смеси леворадикальных идеологических комплексов в процессе того, что братья Кон-Бендиты назвали студенческой революцией.

Единственные законы, которые человек способен соблюдать сознательно, – те, что он устанавливает сам в чисто субъективных целях, пишет Пауэлл⁷⁹. Однако этого недостаточно именно в силу простой человеческой солидарности, даже среди анархистов. Должное нельзя постулировать как сущее немотивированным образом.

Сходство мотивов сильно преувеличено. Различия людей, навязанность законов, рутинность социальных норм порождают тягу к анархии и одновременно загоняют ее в гетто угнетенных меньшинств. Наивные угнетенные еще уязвимее, а их подготовка в области рукопашного боя или установки миноловушек далеко не гарантирует сохранение неотъемлемых атрибутов человеческого достоинства. Но

суть подхода анархистов к способу самоопределения
достойна уважения:

"Выразите Вашу любовь к свободе, преодолевая фальшивые ценности, затрудняющие человеческую жизнь"⁸⁰.

Перестройщики и охранители. Большой поворот исторической науки (1985-1991)

В ЭТОЙ ГЛАВЕ:

- ✓ Социальные и духовные предпосылки большого поворота исторической науки. Возможность истины.
- ✓ Реабилитационный синдром и действительный долг историка.
- ✓ "Пятая крестьянская война" в перестроечном сознании.
- ✓ Охранительные тенденции в переосмыслении прошлого.

Социальные и духовные предпосылки большого поворота исторической науки. Возможность истины

Историки и историографы не могут обойти социальную обусловленность большого поворота в переоценках прошлого. Всякая перечекалка ценностей, и это знали еще древние греки, предполагает, что ценности существуют и признаются, причем не только хранителями свитков – "специалистами", но и "публикой", то есть большинством, пусть и профанным.

Менее известно то, что всякая "перечекалка ценностей" происходит на основе реальных изменений человеческого жизнеустройства. В исследовательском поле оказываются связи прошлого и настоящего, которые не могут быть обойдены и историографом. Отношение к прошлому у большинства людей запрограммировано предыдущим опытом. Чтобы изменить это отношение, нужно пройти через новый опыт. Таким опытом и была перестройка. Слом целой цивилизации плохо осознан современниками.

Социальной предпосылкой новой исторической науки, нравится это кому-то или нет, является возникновение в социальной структуре новых социальных групп. Это социальная предпосылка большо-

го поворота к правдам отдельных сил, действовавших в истории.

Духовная предпосылка – рождение нового культурного пространства, где исторические тексты больше не воспринимаются исключительно как подтверждение или опровержение мифов или антимифов, догм или произвольных построений. Они взыскают другого кода. Это состояние "на возврате дыхания и сознания", как обозначил его А.И. Солженицын.

Пока ограничимся только "дыханием". Хотя сравнения спорны, но методологический багаж ряда отраслей исторической науки был таковым, что осознания в те годы не произошло.

Социальные силы, вырвавшиеся на простор исторической деятельности, проявили интерес к прошлому по принципу поиска корней, часто ложных. Этот поток задел и махновщину. Появились добротные издания документов, подготовленные В.Ф. Верстюком и А.В. Белашом. Но это уже на финише перестройки, когда стало ясно, что проект продолжения октябрьской революции, нэпа и оттепели не сработал, и были запущены механизмы демонтажа социализма. Слово "механизмы" – самое подходящее, ибо механически отсекались целые пласты смыслов, снова ампутировалась социальная и человеческая память. Инициативу перехватили силы капитализации.

Причудливое течение махновщины ряд историков стал рассматривать в рубрике "предтечи свободы" или "спутники века". Но не сам век и не сама свобода. В лучшем случае речь шла о заблудившихся в стане врага поборниках вольной торговли или о многострадальных крестьянах, терпевших от боль-

шевизма больше, чем от царей и хозяев. В этом духе все еще пишат, но уже реже.

Грехи анархизма в этот период отражены в историографии не только подтверждение теорий М.А. Бакунина и П.А Кропоткина. Они связаны с историческими действиями украинских повстанцев, харьковских и екатеринославских анархо-коммунистов, а также человеческими слабостями, пороками и преступлениями Н. Махно, П. Арпинова, В. Белаша, А. Задова и несть им числа.

Не обесмысливая истории, историограф извлекает элементы неявного знания из давно известных сюжетов, а историк сравнивает оценки феномена анархо-махновщины за прошедшие десятилетия. Он понимает, что его собственные оценки обусловлены наличием притяжения и отталкивания социальных сил в дни нынешние.

Сдвиг в понимании мотивов произошел, но не закрепился

Сдвиг в понимании мотивов произошел только в годы перестройки. Произошел, но не закрепился. Частично крестьян, не пошедшей ни за Советами, ни за национально-демократическими силами, и прежняя историография и новая отказывали в достойных мотивах социального действия. В. Верстюк, В. Волковинский и некоторые другие авторы обеспечили новое прочтение сюжетов грабежей и экспроприаций, не оправдывая того, что оправданию не подлежит, но расширяя аргументацию объяснениями программ и потребностей повстанческих слоев. И это аргумент "работает" против тех историков, которые пытаются воспринимать махновщину как

малоидейное движение, где анархизм лишь дело божьей воли, а не массы.

Что касается грабежей в целом и в Екатеринославе в частности, то Махно и сам был удивлен масштабом стихии. Он отдавал приказы против мародеров, и они даже выполнялись, но ни Махно, ни союзники не могли положить конец грабежам.

Тупиковость идеологических полемик доказывала необходимость прорыва в качестве исследований. Постепенное ослабление влияния крайних националистов выявило возможности демократически мыслящих ученых и поддерживающей их части диссидентов. Возможности во многом не использованные. Вместе с тем, прорыв к правде мог быть только в отечестве. Годы перестройки оказались решающими для складывания нового мифа.

Седьмой историографический период

- перестроечный. Несмотря на расширение возможностей, историки в целом шли в канве прежних десятилетий относительно использования и группирования фактов, однако новые объяснительные схемы явно разрушали прежние идеологические клише. Смена ориентиров сказалась на строгости аппарата и выверенности подбора источников. Начинается передел мотивов. В поспешных выводах на злобу дня чувствуется желание сказать новое. Переиздаются документы.

И наконец-то большой поворот в историографии размыкает классовые критерии оценок. Однако отказ от жесткой ангажированности выдает социальный заказ новых субъектов исторического действия, часто под нехитрым приемом: все, что против монополии партии - хорошо. Меняются и точки зрения

тех, кто уже высказывался по теме, например, П. Белого¹.

Историографически ценно несогласие мемуаристов друг с другом, а авторов позднего времени – с ранними свидетельствами. В. Верстюк собрал вместе факты, которые впечатляют:

Махно – председатель Крестьянского союза, избранный секретарем металлистов и председателем объединенного профсоюза. Он реорганизует местный земельный комитет в районный и избирается его председателем. Он организует больничную кассу и становится ее председателем. Спихнув районного комиссара народной милиции, занимает его место. Ссорясь с гуляйпольскими анархистами, формирует отряды черной гвардии, в то время когда на Екатеринославщине образуются красногвардейские и белогвардейские, не считая разномастного казачества. А в довершение карьерного прыжка в то же лето, в августе 1917 года, Махно становится председателем Совета рабочих и крестьянских депутатов в Гуляйполе. Он проводит резолюцию о неподчинении трудовых масс ни Временному, ни киевскому правительствам, и в Гуляйполе фактически до Октября закрепляется Советская власть как единственная. Провозглашается, что: "Отныне вся земля, фабрики и заводы должны принадлежать трудящимся. Трудовое крестьянство – хозяин земли, рабочие – хозяева заводов и фабрик".

Землю гуляйпольцы разделили еще летом 1917 года. Тогда же по решению Махно как главы Совета в связи с корниловщиной изымалось оружие у населения и передавалось черной гвардии, в ряды которой Махно приказал принимать все желающие трудовые элементы².

Так объективно удлиняется период махновщины и выявляется ее смысл – борьба за *другую* советскую власть. Правда, это тоже мог быть тоталитаризм, близкий к тому, который А.П. Карсавин некогда называл диктатурой мешочников³.

В.Ф. Верстюк, напротив, видит в этом беду новой власти и трагедию крестьянства. Ему ли вторит А.В. Белаш, он ли Белашу, но картина распятого крестьянства в их трудах впечатлит любого, даже самого предвзятого критика левачества и "сельского идиотизма", из которого за волосы тащили крестьянина авангардисты. Но, скорее, крестьянин шел на жертвы, уверовав в возможность иного бытия.

Любопытен миф об однородности пролетариата и его задач. Еще Маркс говорил, что дело не в том, что думает отдельный рабочий о своем положении, а в том, что вынужден будет делать класс в известных обстоятельствах. Однако из этого не следовало даже потенциально единой позиции по сложнейшим вопросам, а тем более, автоматически единых действий.

Подчеркнув, что даже первоочередность политических действий дебатировалась в рабочем движении, Э. Хобсбаум отмечает множественность "рабочих классов" и их организаций, в том числе неформальных, как возможность прояснить соотношение сил в общественных движениях⁴.

Последние два момента особенно важны для понимания ситуации в Украине. С первых дней революции не было единой рабочей партии, ведущей за собой весь класс, осознавший себя политической силой. А неясность первоочередных задач проявилась тут же после свержения самодержавия.

Как командир отряда Махно остался бы малоприметной фигурой, пишет В.Ф. Верстюк, но с этим можно не согласиться, поскольку командир отряда – не "амплуа". На первый план вышел

"социальный лидер, который удачно аккумулировал энергию повстанческой стихии и направил ее в желанное большинству русло"⁵.

После объединения с отрядом Ф. Щуся на совещании в Большой Михайловке и возникла идея первого большого рейда в треугольнике Юзовка – Мариуполь – Бердянск по селам и хуторам в духе той тактики, что получила в левых партизанских кругах название "пропаганды действием".

Наряду с вербовкой, агитацией и вооружением решался ряд военных и организационных задач, ибо, сидя в Дибровском лесу, невозможно было наладить эффективную инфраструктуру движения. Затем рейды станут одной из форм существования движения. Тачанка – рессорный экипаж, называемый на юге каретой, придала движению ранее невиданный в истории образ, который легенда свяжет с гуляй-городом или городом на колесах.

Процесс переосмысления феномена повстанческих движений в западной науке

Процесс переосмысления феномена повстанческих движений свойственен не только нашей науке. В 70 – 80-х годах он затронул и западную науку, частично под влиянием мировых феноменов 60-х годов, частично в силу внутренних потребностей самой исторической науки, все более интересовавшейся народным участием в событиях. Если ранее в исторических исследованиях народ безмолвствовал, то постепенно субъектами событий все чаще стали выступать рядовые участники больших исторических процессов.

Д. Пауэлл применил этот принцип участия к бунтарям английской истории. Э. Хобсбаум ввел термин "*социальный бандитизм*" применительно к

сельским движениям не только в Англии, но и на мировой периферии.

Понятие "*социальный бандитизм*" не должно вводить в заблуждение. Речь идет не о классификации движения с точки зрения многочисленных уголовных кодексов, хотя для историка юридической науки принципиально важна эволюция понятия "*преступление*" в ту или иную эпоху. Смысл введения термина именно в том, что он не имеет однозначно положительной или однозначно отрицательной оценки. *Социальное разнообразно.*

Таким образом, *социальный бандитизм – живое единство полярных характеристик. Ни в одном повстанческом движении, а оно всегда связано с нарушением законности, невозможно удалить социальный аспект.*

Одним из энтузиастов нового прочтения источников аграрной истории стал профессор Манчестерского университета Теодор Шанин, создавший в Англии социологическую школу. В ней молодые исследователи из республик бывшего СССР проводили исследования современной сельской жизни в России, Армении, Казахстане, Киргизии, Узбекистане и Туркмении.

Т. Шанин известен не только работами по истории России, но и исследованиями форм хозяйственной жизни, определяемых им как *эксплоярные*, т.е. стоящие вне основных полярных укладов хозяйственной жизни⁶.

Новые реалии последнего десятилетия актуализировали генетическую память поколений и как следствие выступили мощным импульсом активизации исторического мышления как в общественном сознании, так и в научных кругах. За публикаторским бумом перестроечных лет пришло понимание

того, что история пишется не однажды и навсегда и не имеет единственно правильного прочтения.

Анализ идейных основ махновщины можно найти и в анархистской прессе времен перестройки, и последующей реставрации капитализма

Но, как справедливо отмечает А. Шубин, журнал "Община" малотиражен и мало используется специалистами, хотя незнание доктрины анархизма чревато ошибками для исследователей, в том числе и самых серьезных, таких как В. Верстюк⁷.

Итак, конец 80-х – начало 90-х годов применительно к теме социальных движений в Украине (гражданская война и первые шаги нэпа) ознаменовались в исторической науке своеобразным "большим поворотом". Переосмысление прошлого достигло качественного сдвига в сознании историков вследствие не столько введения новых источников, сколько изменения социального контекста восприятия исторических знаний. Первоначально конъюнктурные новшества переросли в фундаментальные изменения.

Реабилитационный синдром и действительный долг историка

Устоявшиеся десятилетиями оценочные характеристики политического или кулацкого бандитизма применительно к повстанческим движениям украинского крестьянства в одночасье сменились разногласиями представителей новых подходов. Впро-

чем, представителей не бескорыстных и ориентированных на новый социальный заказ. Хотя новое часто оказывалось забытым старым.

Симптоматично, что в центре исследований и обсуждений их результатов оказался все тот же разрыв объективной действительности и субъективного прочтения намерений действующих лиц со стороны вольных или невольных участников событий. Троцкий, Бухарин, Махно и другие крупные имена стали синонимом новых подходов. Краткий, но всеобщий интерес испытали десятки фигур революционной эпохи.

Иногда, правда, казалось, что эти фигуры извлекаются по старинке, в силу социального заказа. По сути, так и было. Редкие из публикаций того времени обладают абсолютной новизной материала, просто они помещены в особый контекст, который можно назвать "реабилитационным". Успеть реабилитировать или обнаружить границу – кого уже можно, а кого еще нельзя, в предчувствии, что, как только можно будет реабилитировать всех, процедура потеряет значение.

К чести ведущих историков, часть из них просто "выпала" из процесса. На время. Справедливо решив, что время серьезных научных работ придет уже после спада ажиотажа.

Большому повороту в исторической науке в конце 80-х годов сопутствовала частичная реабилитация некоторых фигур движения в сталинской и постсталинской исторической науке. Особенно это было связано с отрицательным переосмыслением роли Л.Д. Троцкого в гражданской войне. Но переосмысление остановилось на первых шагах, а процессы реабилитации, затронувшие множество ко-

мандиров гражданской войны, так и не коснулись лидера украинских повстанцев Н. Махно.

В седьмой период развития историографии махновщины новое проявляется через публикации В.М. Волковинского, В.Ф. Верстюка и некоторых других исследователей⁸. Находят своего читателя записки Нестора Махно, правда, в сокращенном варианте⁹. Переиздаются мемуары белых¹⁰.

Ко времени перестройки относится и возобновление анархистского движения на территории СССР. Растут самодельные журналы и газеты, формируются местные организации с попытками кустарного налаживания своей периодики. Быстро распадается коллектив издания "Община", объединявший сторонников П.А. Кропоткина. Индивидуальным делом М.В. Цовмы становятся номера журнала "Освобождение личности". Хулигански и экстремистски выглядит газета "Черная звезда". На Украине формируется и быстро гаснет Конфедерация анархистов-синдикалистов и Федерация анархистов Донбасса. Заметных попыток исследовать прошлое они не проявляют, но в агитационной и пропагандистской деятельности используют материалы, известные с 20-х годов.

Распад Союза и образование независимых государств на его руинах создали новую ситуацию и в исторической науке, и в историографии. Тема гражданской войны ушла на второй план, а если рассматривалась, то через призму национального движения.

Появившейся возможностью распространять идеи жадно пользуется молодое поколение нонконформистов, не без скандалов и пережестов, но с устойчивой тягой к оформлению анархистского и

неоанархистского сектора общественного мнения, больше, правда, в Москве, чем на периферии.

Только в конце 80-х заговорили о реакционных тенденциях большевизма. Советская демократия обернулась уникальной тиранией

Лишь в конце 80-х годов, в период гласности, заговорили о реакционных тенденциях большевизма с разной хронологической отметкой: с коллективизации, с захвата власти, с военного коммунизма, с момента раскола на большевиков и меньшевиков и даже с начала деятельности Ленина и так далее.

С. Козн предложил более актуальное решение: летом 1917 года внешне монолитная партия представляла конгломерат сил, стремящихся к власти, обладавших различными представлениями, а главное, отражавшими различные потребности развития страны. Работы С. Козна¹¹, написанные намного раньше, стали оказывать влияние на отечественную историческую науку со второй половины 80-х годов.

Публицисты этого периода заостряли внимание на необходимости реабилитации миллионов крестьян, но то, что еще имело индивидуальное значение, не имело социального аналога. Сельские организации были заняты другими делами, поскольку начинался новый передел собственности, и прохладно встречали интеллигентские затеи.

"Величайшей бедой хода революции" на Украине называет М. Френкин тот факт, что украинскому селу, где проживало 94 % украинского населения страны, противостояли города Украины, где прожи-

вало 6 % населения, русско-еврейского по своему национальному составу¹².

По влиянию к перестроечным авторам можно отнести и А. Авторханова, хотя его основные работы появились раньше. Он обращает внимание на то, что в соответствии с партийными решениями X съезда Украина стала планировать так называемую *коренизацию*, или украинизацию. А. Авторханов ошибочно отождествляет этот курс с тем, что он именуется "курсом на деруссификацию национальных республик", а в национальном уклоне видит опасность "всеобщего национального движения на Украине", которая оказалась бы опасна и для системы за пределами Украины¹³.

Советский Союз, по Авторханову, в глазах Сталина была только "первым этапом мировой революции" и "базой ее дальнейшего развертывания". Именно так: этапом и базой. Но чтобы справиться со своей миссией, он должен был стать страной победившего социализма, развитой военно-промышленной державой¹⁴. А. Авторханов ошибочно отождествляет зрелый троцкизм с поздним сталинизмом. Сталин тем и отличался от Троцкого и других вождей, что раньше понял, что мировая революция откладывается.

Любопытно, что по мнению некоторых историков, Махно уже после поездки в Москву расстался с иллюзией скорой мировой революции, в то время как другие акцентировали украинскую революцию как первый этап анархо-коммунистической "третьей революции". В беседах с А. Каменевым В. Антоновым-Овсиенко затрагивались идеи международной помощи советской Венгрии и похода на Запад. Но борьба с внутренней контрреволюцией и аппаратом власти, нацеленная на изъятие продо-

вольствия, поглотила все реальные силы повстанцев.

Советская демократия, с точки зрения Авторханова, обернулась уникальной в истории тиранией. А что касается национального вопроса и национальных противоречий, то Сталин и его наследники разрешили его, загнав в глубь, уничтожив террором все самостоятельные группы элит и в русском, и в нерусском национальном лагере. Вот момент, сближающий гуляйпольских анархистов и большевиков, – *уничтожение элит*.

Коренизация (украинизация) при таком подходе, безусловно, рассматривалась как тактика, идущая от слабости, одновременно выступая условием вовлечения национальных элит в социалистическое строительство в период нэпа. Именно в этот момент украинский национал-коммунизм и воспрянул духом.

Отступление от немедленной мировой революции, создание союза и обособление республик, как бы их ни рассматривали сталинисты – в качестве этапа или базы, на деле означали взятие курса на национальные кадры. И хотя понадобятся десятилетия для формирования национальных бюрократий (а в некоторых республиках даже этнократий), грех отступления от первоначального большевизма имел не только отрицательные, но и положительные последствия.

Можно напомнить, что независимость от Москвы пропагандировали укаписты и боротьбисты, против которых тоже велась компания. И все же украинский сепаратизм имел коммунистический оттенок. Все эти люди были не петлюровцами, даже скрытыми, а естественными противниками великорусского шовинизма. А. Авторханов называет соз-

дателей УССР "эрзацукраинцами" – это Раковский, Орджоникидзе, Ворошилов, Дзержинский и некоторые другие¹⁵.

До тех пор, пока какие-либо рамки (автономия, федерация, конфедерация, самоуправление и т.д.) позволяли украинскому народу надеяться на благоприятные условия развития, он сохранял себя в рамках государственности Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской империи, советского государства. Элита болезненно реагировала на условия самовоспроизводства, но даже в худших условиях немецко-фашистской оккупации она не решилась сделать выбор в пользу тотальной независимости, ибо даже тогда часть элиты рассчитывала на чужое государство, например, немецкое. Что же говорить о временах Петра I или Александра II?

А. Авторханов также использовался для усиления реабилитационного синдрома в стране, хотя в более поздних работах он стоит особняком среди антикоммунистов своего поколения, ибо методологически продолжает довоевывать идеологические войны прошлого.

От перемены слагаемых в уравнении трансисторической модели сумма не меняется. Замена класса нацией показала демократически настроенным историкам, что тоталитаристы рядом, они не ушли в подполье. Наука, направленная на ценности нации, повторяет схемы доперестроечного времени и после большого поворота. Но движение от правды к истине продолжается не по этому маршруту.

Коммунизм Махно – сторона исторической реальности

Советский строй и советская правда – часть минувшей реальности. Другое дело, что и коммунизм Махно со всей его спецификой – тоже сторона реальности. Поэтому в сугубо догматической доперестроечной советской реабилитационной практике Махно не подлежал реабилитации, поскольку она тянула за собой не отдельных выдающихся комбригов, которых советская власть реабилитировала, охотно расширяя списки, а целое движение. Троцкий, Ежов, Берия также не подлежали реабилитации, но они были ближе к сталинистской верхушке, и уж совсем близко стояли Молотов и Каганович. Реабилитация этих фигур только оттеняет, как далека практика от потребностей.

Подлинная трудность реабилитации Махно, проявившаяся на последнем этапе существования советской власти, состояла, как ни странно, в том, что формально он был осужден в рамках правосудия своего времени. Эмоциональная защита батьки целым рядом авторов или восхищенные вздохи В. Суворова лишь доказывают, что феномен не уместился в принятую практику.

Впрочем, цельной теории реабилитации, кого и почему следует или не следует реабилитировать, нет до сих пор. Историческая наука могла бы внести в нее свой вклад. Правовые механизмы, работающие на основании правовых норм более позднего происхождения, без учета всех обстоятельств дела, вносят путаницу. Часто достаточно того, что приговор был принят, например, тройкой, чтобы реабилитация состоялась автоматически.

Нынешняя тенденция к безразличному и незаинтересованному прощению всех и вся наносит вред истине, ибо общественные дебаты не излишни, когда речь идет об исторических фигурах такого масштаба.

Хотя так заманчиво всех простить...

"Пятая крестьянская война" в перестроечном сознании

Признание народного характера повстанческого движения и позднее вызывало дискуссии. Уже во второй половине 80-х годов выкристаллизовался тезис о махновщине как движении крестьянских масс против политики военного коммунизма. Махновцы, таким образом, становились силой, подобной кронштадтским мятежникам, приблизившей отказ от военного коммунизма и введение нэпа. На основании несовпадения продовольственных потребностей крестьян в продуктообмене и реквизиций продразверстки делался вывод о несовместимости индивидуалистических потребностей украинских крестьян с коллективистской пролетарской линией на обобществление всего и вся.

Здесь обнаруживается маленькая хитрость. Крестьянские движения не всегда выражают свои собственные интересы и идеи. Коллективизма у махновцев было не меньше, чем у пролетариев, поддерживающих большевиков. Другое дело, что *уровень организации всякого крестьянского движения ниже, чем у движения городского.*

Допустимо считать, что по сути военно-коммунистические порядки были и в повстанческом районе. Борьба за хлеб была не столько борьбой за

вольную торговлю, сколько потребностью в реальном продуктообмене. Мешали идеализированные представления о возможности справедливого обмена между деревней и городом. Если махновцы действительно власть мешочников, ростовщиков, кулаков и спекулянтов, то объяснить порядки в повстанческом районе будет совершенно невозможно.

Если махновщина выражала интересы бедняков, батраков, середняков и части зажиточных крестьян, то ситуация лучше объяснима с социально-психологических позиций. Любопытно, что поздние советские историки, атакуя многие тезисы П. Аршинова, склоняются к принятию его главного утверждения, что:

махновщина – социальное движение украинских труженников, борьба многомиллионного революционного народа за свободу и равенство в условиях сложной действительности социальной революции, когда само революционное творчество масс не могло в полной мере воплотиться ни одной политической силой.

Европейская крестьянская война

Академическая наука продолжает систематически отслеживать процессы в боровшихся лагерях. Хорошим примером такой науки выступают работы Э. Хобсбаума, ставшие известными у нас в годы перестройки. Он исследует предпосылки крестьянской европейской сорокалетней войны и ее украинской фазы. Впрочем, об этом чуть позже. Рассмотрим предпосылки феномена у Э. Хобсбаума.

Легальная политика казалась невозможной до октября 1905 г., когда часть российских левых стала склоняться к мировым тенденциям.

Все крупные силы рассматривали царский манифест как возможность сочетать легальную борьбу с нелегальной. В Европе легализм приветствовался оппозицией уже ряд десятилетий.

"Несмотря на все это, – замечает Э. Хобсбаум в работе "Век империи" (1987), – политика вовлечения масс в избирательный процесс, к которой с энтузиазмом относились даже почти все марксистские партии (поскольку она делала наглядным рост их рядов), не могла все же обеспечить мирное вхождение этих партий в существующую систему"¹⁶.

Большинством ультраевых демократическая республика рассматривалась как политический прогресс, тогда как анархисты, большевики и революционные марксисты XIX века считали ее промежуточным звеном, которое не обеспечит решения проблем. Радикальным элементам рабочего и крестьянского движения в России это казалось совершенно очевидным. Лозунг республики спланировал всех сторонников демократии левее кадетов.

Индустриализация создавала новый рабочий класс, тогда как прежний рекрутировался из ремесленников и сельскохозяйственных рабочих. Из привилегированных групп, сформировавшихся на основе ремесленного пролетариата, часто выходили вожди европейских социал-демократов, такие как токарь-краснодеревщик А. Бебель или печатник Игlesiас¹⁷. Уровень квалификации и образования влиял и на последовательность поведения, и на радикализм требований. Одновременно он создавал возможность мобильности рабочей аристократии и бюрократии, которые в легальных условиях проявляли гибкость и адаптируемость к маневрам хозяев.

Пренебрежение деревней

Рост наемной армии заставлял лидеров оптимистически экстраполировать возможности рабочего движения. Корни рабочего авангардизма и пренебрежения темной и отсталой деревней следует искать в успехах пролетариата. Если к этому добавить тезис о расслоении деревни и формировании сельского пролетариата, то становится ясной композиция сил в сознании активных и передовых лидеров движения. Нечто эсхатологическое вкрадывалось в это сознание и подрывало возможность критического взгляда на основную массу населения, выросшую в привычные условия бытия. Даже если масса не подчинится прогрессу, она не сможет и противостоять.

Дума способствовала национальному пробуждению и формированию такого же сознания

Законы о выборах, в том числе в Государственную Думу, с их антидемократическими цензами избирательного права и отдельной рабочей курией, все же давали надежды рабочим на перемены, а главное, способствовали формированию общенационального классового сознания. Разделенные по национальному признаку, рабочие могли отождествлять теперь свои интересы с интересами своей нации. Дума способствовала национальному пробуждению и формированию такого же сознания. Парламентский и национальный нигилизм анархистов должен был почувствовать себя уязвленными. Трудно согласиться с Э. Хобсбаумом, что

"все же унификация рабочего класса в пределах своей нации неизбежно вытесняла идеи и теоретические уста-

новки рабочего интернационализма, оставляя его достоянием избранного меньшинства активистов и радикалов"¹⁸.

Для Российской империи, где пролетарские авангарды некоторых промышленных наций обладали не национальным, а интернациональным классовым сознанием, нужно сделать оговорку. Это недооценивают историки, представляющие интернациональные части в революционных событиях как неких кондотьеров. И напротив, черты наемничества распространялись среди национальных частей, когда они вступали в ситуативные союзы.

Для понимания хода крестьянского движения на Украине необходимо остановиться на вопросе использования посевных площадей в крестьянских хозяйствах. В 1917 г. облик крестьянских хозяйств Украины был представлен в следующем виде.

- В Одесской губернии крестьянские хозяйства с посевной площадью более 15 десятин составляли 25 %, от 1 до 3 десятин – 17,1 %, до 1 десятины было 7 % хозяйств, а беспосевных – 17,3 %.
- В Черниговской губернии преобладали хозяйства площадью от 1 до 6 десятин – 29,9 %, в Полтавской эта же группа хозяйств составляла 25 %.
- В Харьковской губернии крестьянские хозяйства с посевной площадью от 1 до 3 десятин составляли 31,5 %, а менее 1 десятины – 18,6 %.
- На Воьлини с площадью от 1 до 3 десятин было 40,8 % хозяйств.
- На Екатеринославщине крестьянские хозяйства площадью от 1 до 3 десятин составляли всего 14,0 %, менее 1 десятины – 5,2 %. И, кроме того, здесь было больше всего беспосевных хозяйств – 28,8 %¹⁹.

Таким образом, социальная база для военно-коммунистических и анархо-коммунистических настроений была намного шире, чем для революционной демократии или гетманской реакции.

Следует согласиться с М. Френкиным, что в степной зоне было больше бедняцких элементов, и процесс дифференциации крестьянства зашел там значительно дальше, чем в лесной. Но видеть середняка основной фигурой украинской деревни в 1917 году весьма проблематично. М. Френкин сам признает, что в период революционных событий определенная часть крестьянства Украины сумела захватить явочным порядком некоторые земли помещиков, что, безусловно, привело к уменьшению количества беспосевных хозяйств, и, тем не менее, почти все категории крестьянства Украины ощущали земельную нужду.

Суть неудач анархистов в махновской армии М. Френкин видит в том, что и батька, и его повстанцы были против государственности гетмана, немцев, большевиков, денкинской администрации, но в ходе военных событий они использовали свой военный аппарат и проводили организационные мероприятия в интересах восставшего крестьянства на Украине. Следует отметить, что Н. Махно относился весьма подозрительно к примкнувшей к нему анархистской интеллигенции²⁰.

Поражение крестьянского повстанческого движения на Украине было звеном в цепи поражений антибольшевистского движения на всей территории бывшей империи.

М. Френкин считает, что поскольку своевременно не были подготовлены и созданы вооруженные силы для защиты завоеваний Февральской революции и не был образован новый административно-

управленческий аппарат, это дало время большевикам создать боеспособные военные отряды, развить антиправительственную пропаганду и "разложить крестьянство своими демагогическими лозунгами о мире и земле". В тексте М. Френкина постоянно ощущается злоба против большевиков, мешающая ему выбрать знаково нейтральную терминологию там, где речь идет о спорных идейных компонентах ситуации.

М. Френкин не согласен с тем, что продрозверстка была временной мерой, как изображает ее советская историография, а настаивает на том, что это был постоянный фактор "принуждения, действовавший весь период гражданской войны и продолжавший грабительскую политику комбедов"²¹.

Впервые за три года заготовки хлеба составили около 400 миллионов пудов. К этому следует добавить "излишки" скота и сельскохозяйственного инвентаря. Зажиточные крестьяне были лишены всех купленных и арендованных земель. Мобилизации крестьян и использование тягловой силы крестьянского двора при одновременном запрещении всякого наемного труда и аренды земли подрывали производительные силы деревни.

Весной и летом 1919 г. намечалось изъять до 1 млн. десятин лучшей земли для организации совхозов, около 800 тысяч десятин земли бывших сахарных заводов было национализировано. Многие земли отводились под сельскохозяйственные коммуны, а большие массивы земли и лесов перешли в государственную собственность.

Почти 3 миллиона десятин земли, т. е. 25 % нетрудового земельного фонда было огосударствлено, а остальные 75 % не были распределены между безземельным и малоземельным крестьянством, и земля

эта оставалась в фактической аренде. Уже в марте 1919 года против правительства Х. Раковского восстало крестьянство Киевщины, Волыни, Полтавщины, Екатеринославщины и некоторых других губерний²².

Идея мелкой собственности, обернувшаяся против мелких собственников

Украинские крестьяне, в том числе и бедняки, стремились быть собственниками своей земли, а не арендаторами, зависящими от владельца аренды – государства или частного собственника.

М. Френкин оспаривает тезисы прежней советской историографии о том, что так называемые "перегибы", "искривления линии партии" и т.п. в ходе коллективизации ложатся на Сталина, Молотова, Кагановича или на местный партийно-административный аппарат. К суду истории, к политической и уголовной ответственности должна быть привлечена вся КПСС и ее члены в целом, которые склоняли свои головы перед недоучившимся кавказским семинаристом. Украинское и русское еврейство к тому же невольно играло роль проводника руссификаторского централизма и становилось объектом недовольства со стороны украинского народа.

На протяжении веков украинское крестьянство, полагает М. Френкин, видело в евреях своего угнетателя, фигура которого заслоняла и оставляла в тени истинных эксплуататоров. В то же время евреи Украины в течение столетий видели в крестьянах только погромщиков. В период судьбоносной революции и гражданской войны (1917-1922 гг.) отсталое украинское крестьянство не успело дорасти до

понимания национальных и политических целей украинской революции, как и большинство еврейской массы не сумело понять своих национальных задач, двигаясь в фарватере часто враждебных ему политических течений.

Между тем миф украинских антисемитов об отсутствии помощи евреев украинскому народному делу должен быть отброшен. Во время наступления повстанцев Директории на Киев в военных действиях принимали участие и отряды еврейской социалистической партии (СЕРП), отряды Бунда и Поалей Цион²³.

Следует отметить, что погромная волна в ходе революции захлестнула не только Украину, а всю территорию бывшей Российской империи. Разница была только в масштабах этих погромов. Активное участие в погромах принимали красноармейские части, в частности "1-й полк имени Ленина"²⁴.

Не перегибы, а антагонизмы

При захвате городов рабочие, повстанцы и крестьяне с околиц играли особую роль. Именно они громили город. Так было в Киеве при занятии Подола и Куреневки весной 1919 г., в десятках уездных городов Правобережья летом того же года.

"Антагонизм с городом сопровождал повстанчество, в том числе и махновское, на протяжении всего его существования", – пишет В.Ф. Верстюк.

Однако категория "крестьян с околицы" наталкивает на мысль, что основными погромщиками обычно выступают не пришлые повстанцы, а, скорее, местные жители, знающие кого и "за что" грабить. Ненависть окраин к центрам – давняя полу-

уголовная традиция разделения территорий. Учитывая разницу в уровне жизни, можно предположить безыдейные мотивы погромщиков, а можно акцентировать их понимание своей роли в революции, ибо "Страшный Суд пришел". Некоторые полагали, что он пришел прежде всего для богатых, другие – что для евреев, третьи – для тех и других, четвертые – вообще для всех, и так далее.

Только на основе восстановления прогрессивного и высокотоварного крестьянского фермерства может быть обеспечена прочность и гармоничность развития всего народного хозяйства и нового общества, свободного от оков, наложенных на него монопольным работодателем в лице эксплуататорской элиты. Насильственное прекращение формирования фермерства большевиками не позволило создать громадный внутренний рынок, который бы позволил гармонически (!)²⁵ развить промышленный комплекс, – таково мнение М. Френкина.

Охранительные тенденции в переосмыслении прошлого

Социальное историческое движение, при всех ошибках, недочетах и отрицательных сторонах, а также при экспериментальном характере, ни субъективно, ни объективно не было контрреволюционным. Правда, советские историки находились в плену догматического представления о том, что в революции не может быть более одного подлинно революционного движения. Запоздалое приобщение к плюрализму так и не коснулось "священной азбуки"

ки" сталинистских догм. Не могли они согласиться и с последовательным выводом П. Аршинова:

"Махновщина – лишь ярко выраженное движение масс, лишь их самоотверженный порыв преодолеть реакцию и спасти революцию. Следовательно, в этой области надо искать слабые места движения. Самым серьезным недостатком движения является то, что в последние два года оно идет преимущественно военным путем. Но это не сущностное свойство движения, а беда его – необходимость, навязанная ему создавшейся на Украине обстановкой. Три года непрерывной гражданской войны превратили юг Украины в сплошную военную базу. Многочисленные армии разных партий исходили ее вдоль и поперек, разоряя трудящихся материально, общественно и морально. Это измучило крестьян. Сведо на нет первые результаты в деле трудового самоуправления. Пригасило в них дух общественного творчества"²⁶.

Даже в 1987 г. советскими историками Махно оценивался как один из главарей "мелкобуржуазной контрреволюции", а махновщина – как "анархо-кулацко-крестьянское движение, боровшееся за "безвластное государство"²⁷.

Неизбежность крушения эсеров

С точки зрения М. Френкина, к числу непростительных ошибок эсеровской партии можно отнести то, что она

"заблаговременно не создала свою вооруженную силу в противовес большевикам, сумевшим организовать Красную гвардию, уступила инициативу проведения аграрных преобразований и прерогатив о мире большевикам", "допустила затопление деревни самодемократизирующимися и распропагандированными большевиками солдатами-фронтовиками"²⁸.

Если разобраться, то две первых ошибки действительно на совести руководителей, а что касается "затопления" деревни фронтовиками, то ни эсеры, ни большевики, ни правые, ни кто-то еще в обстановке 1917 года предотвратить этого не мог. Роковым стало для эсеров ожидание Учредительного собрания и окончания войны для того, чтобы приступить к земельному вопросу.

Когда большевики приняли декрет о земле, партия эсеров уже не составляла единого целого, она ломалась и крошилась по политическому, национальному, идеологическому и тактическому признакам. Правые и левые, российские и украинские, оборонцы и интернационалисты, синдикалисты и максималисты... Если большевикам удалось превратить борьбу фракций в подковерные интриги, то у эсеров расколы сопровождались громкими декларациями, уходом сочувствующих из организации.

К концу 1918 года эсеров можно было встретить во всех борющихся лагерях, с кем они не сотрудничали, сказать невозможно. Партия, выросшая как на дрожжах за счет "мартовских эсеров" (тех, кто пришел на волне Февральской революции и, как правило, не участвовал, в многолетнем поединке с царизмом), отличалась радикализмом и терроризмом в воззваниях и соглашательством на деле. Не нашлось даже вождя, способного умерить разброд и наладить дисциплину. Вооруженные отряды были, но и они расплылись между отдельными силами.

Но главное, по-видимому, в том, что в отличие от большевиков эсеры никогда не провозглашали, что могут решить проблемы страны в одиночку, не прибегая к союзам с другими. Формально это должно было плачевно, а фактически означало отказ от

авангардной роли в революции. Левые эсеры пытались это исправить, но неудачно.

Культ стихии

Анархо-коммунисты, вообразая себя передовой частью революционного лагеря, при всей близости к эсерам, не доверяли политическим партиям, видя в них авангард партийного чиновничества, а не революции. Но, недооценивая партийные методы сплочения, они впадали в обратную крайность – культ стихии. Ни конспирация, ни самотек в условиях революционного процесса не прощались историей, она выдвигала большевиков не только и не столько вследствие их достоинств, сколько по причине принципиальной порочности соглашательских и экстремистских течений в революции. Не случайно для многих солдат и крестьян, распропагандированных эсерами или анархистами, большевики казались правыми, союзниками кулаков, а для левой интеллигенции – центристами и бюрократами. Отсюда же стремление многих группировок, в том числе украинских, выдавать себя за настоящих, левых или национальных большевиков.

М. Френкин приводит мнение М.Я. Лациса, высказанное по горячим следам в 1920 году. Отрицанием необходимости создавать вооруженные силы и формированием вместо армии "свободных повстанческих отрядов" махновцы сами облегчили разгром повстанчества большевиками²⁹.

Но вряд ли рабочие и крестьяне охотнее соглашались бы вступить в еще одну эсеровскую армию наряду с другими. На деле модель М. Френкина и реализовалась: множество эсеровских партий породили множество бойцов "эсеровских армий", то

есть повстанческих отрядов, в которые приходилось вовлекать и людей других политических ориентаций, чтобы не остаться в изоляции.

М. Френкин настаивает, что разгрому повстанцев

"способствовали слабость политических партий в России и отсутствие единства в рядах противников большевиков", повторяя, что после восстания левых эсеров предопределилась последующая победа большевиков, ибо "эсеры не удосужились создать свои достаточно вооруженные отряды", а большевики "стали самой крупной военной силой на востоке"³⁰.

Не всегда исследования нейтральны по настроению, в некоторых текстах запальчивость берет верх.

Национальный вопрос обострялся аграрным, а с июня 1918 года "под влиянием эсеров" Украина вступила в "полосу ожесточенных крестьянских волнений". Июльские и августовские восстания Френкин относит уже к воздействию большевиков³¹.

Действительно ли такой политический фактор был главным? Возможно, что эсеры, не принявшие мира по-большевистски, большевики, не принявшие аграрного ожидания других партий, просто шли за ходом событий?

Надо признать, что крестьянская война не была вызвана какой-либо партией, а организация повстанческих отрядов перекрыла возможности какой-либо партии направить их в одно русло.

Трагический опыт и осознание расслоения

Трагический опыт господства в стране партийной элиты и номенклатуры со всей очевидностью свидетельствует о том, что советским верхам так и не удалось преодолеть ни развала сельского хозяйства,

ни серьезных кризисных явлений в промышленности.

В советском обществе верхушка, составляющая 11-12 % населения, использовала в своих личных интересах 50 % национального дохода, как считают зарубежные историки. В СССР социальная дифференциация была даже резче, чем в США, где высший слой, насчитывающий 10 % населения, получал не более 30 % национального дохода. Превосходство западной демократической системы, основанной на свободе личности и институте частной собственности, над застойным "рабовладением" и отсталым сельским хозяйством в СССР стало общим местом рекламирования результатов, достигнутых Западом на памяти уже ряда поколений³².

О значении свободной инициативы свидетельствует история использования крестьянством приусадебных участков, которые в совокупности не превышали 1,8-3 % всего пахотного фонда страны. Со своих приусадебных участков, используя дедовскую лопату, колхозники давали стране 61 % рыночной продажи картофеля, каждый третий килограмм мяса, каждое третье яйцо, каждый третий литр молока, половину фруктов и овощей. Все это должно было звучать как приговор советскому строю.

Однако исторические корни коллективизации сами по себе не проясняют ситуации в целом. Остается вопрос: почему укрупнение сельскохозяйственных предприятий, механизация и т.д. не привели к более быстрому (и более значительному, чем в Западной Европе) росту производства? Более того, почему в дальнейшем, по завершении стадии "первоначального накопления капитала" и в условиях промышленного подъема, положение дел – пусть с опозданием – так и не улучшилось?

Идея нации стала религией независимых (или зависимых?) государств

В те времена не употреблялось и такое словосочетание, как "титulyная нация", хотя о коренных и некоренных народах говорили документы времен гражданской войны и особенно нэпа.

Пущенное в широкий обиход поздними советскими бюрократами выражение "титulyная нация" означало коренную уступку этнократам и националистам, что опять отбрасывало с границ гражданского общества к противостоянию населения и государственности, ибо *власть этнократии не может выражать интересов всего населения*.

Это настолько очевидно, что крестьянство Азово-Причерноморского региона, которое не было сильно в различии политических оттенков, отвергло племенные критерии как основные, что в перспективе и готовило корневые социальные связи и отношения к росту элементов гражданского общества. Отсутствие такового и обернулось гражданской войной, хаос которой иногда напоминал гобсовскую формулу "войны против всех".

Как справедливо замечает Э. Хобсбаум,

крестьяне не могли быть и носителями лингвистического национализма: такой национализм создавали люди пишущие и читающие, то есть часть элиты, унифицировавшая язык в качестве национального, массы и интеллигенция частично поддались давлению³³.

Таким образом, "творцом" национального языка и носителем лингвистического национализма в Украине постепенно станет национальная культурная элита, втянувшая в эти дела и национальную интеллигенцию. Политическая и еще больше хозяйственная элита, как правило, не состояли из этнических

украинцев, они приобщатся к такому способу самоопределения намного позднее. Идею нации превратили в религию политически независимых (или зависимых?) государств.

Что касается языка, то вполне справедливо следующее соображение английского историка:

"только политическая сила могла изменить статус малого языка или наречия (которые, как известно, отличаются тем, что на них не говорят армия и полиция)"³⁴.

Хотя положение языка армии и полиции на территориях, заселенных людьми местных этнических групп, тоже не всегда завидно. Язык хозяев может восприниматься как фактор оккупации.

Охранители воспрянули, получив дополнительный шанс и спеша им воспользоваться. Историкам еще предстоит работа с перестроечными передержками в этих вопросах, ибо за несколько лет число новаций в этой сфере выросло многократно.

Э. Хобсбаум связывал влияние средних слоев с тремя особенностями:

- непримиримостью в вопросах языка;
- стремлением к полной независимости, а не к автономии;
- правой и ультраправой окраской³⁵.

Именно при наличии этих особенностей мелкобуржуазность могла подчинить себе средние слои. Их относительное благополучие в годы перемен оказалось не столько виной, сколько бедой. От этого благополучия, часто призрачного, зависела амплитуда колебаний средних слоев. Тех самых, которые решали судьбу перестройки.

Демагоги и печальники. Пока новый миф не стал монолитом (1992 – настоящее время)

В ЭТОЙ ГЛАВЕ:

- ✓ Обновление дискурса о махновщине в ситуации 90-х.
- ✓ Элементы новой конъюнктуры. Необходимость преодоления тяги к авторитаризму, этнократизму и традиционализму.
- ✓ Зарубежные исследования на новом витке: идеологическая инерция
- ✓ В поисках новой методологии.

Обновление дискурса о махновщине в ситуации 90-х

Предпосылки украинской государственности, ее становление и эволюция, занявшие важное место в исторической науке 90-х годов, отныне стали рассматриваться не с точки зрения преемственности. Они формально отрицали методологию прежних исследований.

Если в годы перестройки большинство историков сохраняло верность марксистским принципам построения системы координат исторического знания и только активное меньшинство эти принципы оспаривало, то теперь ситуация изменилась. Начался массовый отход от ценностей исторической науки предшествовавшего периода, но отход какой-то суетливый, формальный, со множеством поспешных объяснений, без предъявления счета собственной совести, с лейтмотивом "мы и раньше так думали", иногда неискренним и наигранным.

Историк не обязан разделять упование новых элит на другую историю

Историки махновщины свою эволюцию в этом смысле прошли относительно безболезненно. Занимаясь тематикой неосновных сил, легче сберечь волю к истине. Историк не обязан разделять упование новых элит на другую историю. Но он не отделен от запросов времени своими исследованиями. Вольно

или невольно это сказывалось на выборе тем, применяемых методах, темпах публикаций.

Общественный интерес, поворот в сознании, открывшиеся архивы, а главное – возможность критического обсуждения историографических подходов действительно создали новую ситуацию. Наука внутри страны сделала ряд шагов навстречу украинистике, которая создавалась за рубежами Советского Союза. Знакомство с новыми историографическими подходами, выработанными поколениями исследователей, разумеется, не означало, что в своем отечестве ничего не сделано для понимания прошлого. Было сделано "нечто", которое теперь оспаривалось. И потому это "нечто" предстало в другом облике.

Новая ситуация означала и новые вызовы, испытание на зрелость в сопоставлении с иностранными авторами лишь один из таких вызовов.

В 90-е годы произошла новая морально-политическая дифференциация среди пишущих о нашем прошлом. Полюсами можно было бы назвать

- В. Верстюка – печальника о всем украинском крестьянстве, попытавшемся защитить общечеловеческий взгляд на тему махновщины и
- И. Белебеху – заступника за элиту, к которой он причислил хозяев жизни, в том числе сельских и трудовых.

При кажущейся общности перед нами противоположные цели – скрупулезное выяснение истины и обоснование права на власть новой элиты.

Дальнейшее снижение политической культуры коснулось не только Восточной, но и Западной Украины. Представление о том, что демократические традиции сохраняла не советская Украина, является

еще одной легендой или рукотворным мифом. Демократическая традиция не могла оберегаться как зеница вдали от дома бывшими "интегральными националистами", тем важнее признания недемократичности этих кругов самой диаспорой.

С возникновением украинского государства политическая эмиграция превратилась в часть диаспоры

С возникновением украинского государства политическая эмиграция превратилась в часть *диаспоры, чьи основные интересы коренным образом связаны с принявшими странами*. Лишь небольшая часть историков, правда, заметных, вернулась в Украину. Часть установила деловые и творческие контакты, обмен текстами достиг определенных успехов.

Воля к народной памяти: В. Верстюк

В начале 90-х гг. В.Ф. Верстюк ставил вопрос таким образом:

"Действительно ли махновщина – это олицетворение кулацкой контрреволюции и бандитского террора? Почему же тогда так живы в народе интерес и внимание к махновщине и ее лидеру"¹.

И совсем уже несколько эпох понадобились для того, чтобы признать борьбу Махно против советской власти "рыцарской, один на один" (В.М. Волковинский). Для того, чтобы признать его крестьянским вожаком, боровшимся за интересы сельского населения, чтобы "смело назвать С. Разиным или Е. Пугачевым XX столетия"². Без того, чтобы встать

под знамена белогвардейских, националистических или интервентских армий.

Понадобилось 70 лет научных исследований, чтобы сделать общим местом признание многоплановости и эволюционного роста украинских повстанцев под водительством Н. Махно, но даже столько лет не хватит, чтобы выяснить социальную природу махновщины. Привычка к однозначным характеристикам крестьянских движений позднего времени еще менее решает вопрос о сущности движений, чем стремление видеть во всех ранних движениях крестьян исключительно расшатывание феодальных порядков. Во всяком случае, безоговорочно заостренный тезис о контрреволюционности повстанческого движения, десятилетиями предreshавший судьбу многих публикаций, подвергся естественному распаду.

Масштаб крестьянской войны выводит за пределы Украины

В начале 90-х В.Ф. Верстюк признание конкретного феномена повстанчества сформулировал так:

"Необходимо отдать должное махновцам за их героическую борьбу с гетманскими, петлюровскими, денкинскими, врангелевскими частями, во многом эта борьба совпадала с действиями Красной Армии. Необходимо понять и осмыслить причины, которые толкали огромные массы крестьянства на антисоветскую борьбу. Махновщина тут не отдельна, она объединима с Кронштадтом, с антоновщиной, с восстаниями в Западной Сибири, на Дону, на Кубани"³.

Из документов, вводимых в оборот, постепенно вырастала картина крестьянской войны, опровергая лубочные представления о бандах безыдейных

уголовников, среди которых затесались идейные анархисты как причудливый цыганский табор среди обитателей хуторов и сторожек.

В.Ф. Солдатенко не согласен с В.Ф. Верстюком, что украинская и социалистическая революция – несовместимые явления, но приветствует периодизацию на основании борьбы за альтернативные устройства революционного общества⁴.

И только период Скоропадского трудно уложить в альтернативные схемы построения будущего. Этот проект неревOLUTIONОНЕН, но если взять работы В. Липинского и признать его идеологом гетманата, то и здесь плюралистическая схема будет альтернативной не только революции, но и реакции. Для окружения гетмана Липинский – фигура недостижимой интеллектуальной высоты.

Коммунизм против коммунизма?

Есть попытки выделить махновский период революции, но в форме крестьянского антикоммунистического повстанческого движения весной 1919 года. Выходит, что это как минимум период анархокоммунистической борьбы против военного коммунизма. Коммунистическая борьба против коммунизма – ценная находка!

Поиски критерия: В. Солдатенко

Все это приводит В.Ф. Солдатенко, обещавшего объективный и универсальный критерий периодизации, к пессимистичному выводу:

"Даже сегодня, когда среди прочего делаются действительно научные попытки углубиться в проблему, предложить высокоэффективный критерий периодизации украинской революции еще нереально"⁵.

В.Ф. Солдатенко предлагает не интегральный критерий периодизации, а собственную схему:

- подъем национально-освободительного украинского движения после падения царизма с 3-4 марта по первую декаду апреля 1917 г. – Первый украинский съезд;
- нарастание движения до Первого Универсала, вторая декада июня;
- углубление процессов украинского государствообразования на основах автономно-федералистских ориентаций, обострение отношений Рады и Временного правительства вплоть до начала сентября;
- рождение УНР и выбор перспективы ее социально-политического развития, украинская революция покидает общероссийский революционный процесс, ибо в отличие от России здесь создано руководство, выступающее за однородное социалистическое правительство (?), но в то же время растет и советская власть, до первых чисел января 1918 года;
- период самостоятельного курса Центральной Рады, отмежевания от социалистической революции вплоть до гетманского переворота;
- период временного торжества контрреволюционных тенденций (29 апреля – 14 декабря 1918 года);
- обновление УНР под руководством Директории до последних дней января 1919 г.;
- период нарастания противоречий в украинском революционном лагере, преодоления

просоветских ориентаций и торжества режима атаманины до начала декабря 1919;

- трансформация политических революционных процессов в военное противоборство за власть, затяжной этап завершения украинской революции до конца 1920 года⁶.

А. Тимощук. Заботы о легитимности

А.В. Тимощук после добротной и проницательной книги об анархо-коммунистических вооруженных формированиях Махно попытался проявить себя историком новой формации. Справедливо указав, что период 1917-1920 годов стал "едва ли не главным объектом внимания ученых", он неожиданно увидел вместе с другими, правда, как сам признается, с меньшинством,

"в гетманском режиме прежде всего уважение к существенным общечеловеческим ценностям, таким как жизнь, семья, собственность личность, стремление служить своей Родине, чтоб наладить в ней спокойную гражданскую жизнь и обеспечить правопорядок"⁷.

Историк делает вывод о меньшей легитимности гетмана по сравнению с Центральной Радой, вместо того чтобы сделать вывод о нелегитимности обеих властей. Впрочем, в революциях вопрос о легитимности решается силой.

"Заинтересованность немецкого командования в обеспечении благоприятных условий для решения пищевых проблем своей армии была использована консервативно-умеренными силами для прихода к власти"⁸.

При переходе власти погибли трое гетманцев, никого из служащих не репрессировали, а большин-

ство государственных служащих остались на своих постах. А. Тимощук замечает:

"При всей условности сравнений позволим обратить внимание на нелегитимный приход к власти в 70-х годах генерала Пиночета, который за несколько лет поднял уровень благосостояния в стране и легитимно отдал власть своим наследникам"⁹.

Скоропадский признал верховенство норм и постановлений оккупационной власти и подсудность всех крестьянских выступлений немецким полевым судам, хотя и выторговал создание украинской армии¹⁰. Воистину, наш гетман лучше Пиночета! Занять ли иронию?

Гетманская державная варта и повстанческая армия разбираются А.В. Тимощуком с одинаково скрупулезной тщательностью и знанием дела.

"Социологические выводы о локальности действий махновских формирований, – пишет А.В. Тимощук, – "гнездовости" их пополнений за счет зажиточного середняка украинской лесостепи в первую очередь свидетельствует не о социальном, а о территориальном принципе комплектования махновской армии"¹¹.

Но, сказав это, автор сочинения об анархо-коммунистических формированиях тут же приводит и другой отзыв об отходе от бедняцких и середняцких масс в 1920-1921 годах. Еще М. Кубанин не только акцентировал противоречивость кулацкой версии, но и разминуслся с ленинскими оценками движения.

Наиболее перестроечным А.В. Тимощук считает труд В.Ф. Верстюка ставя ему в заслугу вывод о том, что "махновское повстанчество целиком отождествляло себя с революцией", причем его вклад вполне сравним с вкладом Красной Армии. Но кос-

венно делая героем движения крестьянина-производителя и показывая его борьбу против экспериментов военного коммунизма, В.Ф. Верстюк как бы подтверждает антикоммунистический характер махновщины, с чем А.В. Тимошук не согласен¹². Незнание Верстюком теории анархизма, бывшего идейной основой движения, по мнению А. Шубина, и предопределило эту ошибку¹³. А. Федорченко возлагает ответственность за обострение отношений с красным командованием на кавалера ордена Красного Знамени № 4 Н.И. Махно, а его союз с советской властью рассматривает лишь с декабря 1918 г., что ошибочно¹⁴.

А.В. Тимошук хвалит А.В. Белаша за богатую документацию, которая по материалам "не имеет равных", но тут же обвиняет махновских командиров в романтизации и тенденциозности в подборке и оценке документов, заявляя, что книга "Дорогами Нестора Махно" " по существу является не научным исследованием, а сборником документов и материалов, изредка комментируемых А.В. Белашом", однако это представляется несправедливым.

Не соглашаясь с наметившейся, по его мнению, тенденцией к идеализации махновщины как защитницы крестьянства от политики военного коммунизма, А.В. Тимошук делает сущностное замечание, помогающее понять не только суть его разногласия с В.Ф. Верстюком, но и идейную направленность собственной позиции:

"Махновцы были анархистами-коммунистами и в борьбе за создание уравнительного коммунистического общества проявляли еще большую жестокость, чем большевики"¹⁵.

Уловив суть движения через сомнительное сопоставление жестокостей (организованная машина

красного государственного террора на самом деле работала куда эффективнее махновской контрразведки, а равно профессионалов и дилетантов жестокости из окружения батьки или импровизаций крестьян вроде расправ на Кичкасском мосту), он уходит от различия свободного коммунизма и коммунизма государственного. Действительно, махновцы за коммунизм, но что в реальностях 1917, 1919 или 1921 года означает требование немедленной организации жизни на новых началах? Неужели они не прошли никакой эволюции, оставаясь первенцами советской власти и советской армии, зародившись по ленинскому декрету в феврале 1918 года?

Веер отвергнутых альтернатив

Махновская повстанческая армия не только проделала тысячекилометровые рейды, но и претерпела социальную эволюцию от анархо-коммунистического крестьянского отряда до соединения сил разной социальной принадлежности и направленности, представлявших веер отвергнутых альтернатив.

А. Шубин отмечает повторение реабилитационных мотивов в перестроечных текстах о Махно, называя книгу В.Ф. Верстюка "Комбриг Нестор Махно". Суть этих мотивов заключается в стремлении отделить Махно от анархизма и доказать, что он наш, советский защитник крестьян, приверженец советской власти и что анархизм в его биографии не может отменить этого факта. Приводятся и прямые свидетельства слов Махно, что он перестал совсем быть анархистом и все свои действия направляет на борьбу за укрепление советской власти и ликвидацию контрреволюции. Но решающим вы-

глядит аргумент со ссылкой на И. Тепера о прохладном отношении к конфедерации "Набат"¹⁶.

Эти аргументы кажутся неубедительными: *отделить Махно от анархо-коммунизма невозможно, ситуативные высказывания в присутствии представителей красного командования оттеняют лишь дипломатическую хитрость батьки, отдельные срывы в адрес анархистов всегда конкретны и определяются отчасти качеством анархического человеческого материала, а разногласия с "Набатом" заставляют вспомнить высказывание уже приводившееся: "На Украине три настоящих анархиста – я, Арцинов и Ольга Таратута"*.

Иными словами, хотя набатовцы мнили себя главными и объединившими "всех" анархистов в республике, Махно понимал, что конкретное движение шире и значительнее городских интеллигентских групп, претендующих на гегемонию. Кроме того, набатовцы стремились контролировать движение, в том числе и путем выделения командиров, чей авторитет бы соперничал с Махно и ограничивал его, как им казалось, чрезмерную власть, и даже заменить батьку кем-нибудь постговорчивее¹⁷. (Роль набатовцев, долго рассматривавшихся лишь как прикрытие антисоветских агентур, наконец-то выявляется в трудах А. Тимощука, А. Шубина, А. Белаша, В. Волковинского и других).

Гегемония анархистских центров ничего, кроме раскола, махновскому движению не сулила: трудно представить махновщину без Махно, перерождение неизбежно усилилось бы. Ни Харьков, ни Екатеринбург с их набатовскими гнездами не сыграли в украинской революции роли Гуляйполя. *Столицей анархии была... периферия.*

Значение анархизма Махно неразделимо со значением анархизма движения.

Смена парадигмы

В период падения Советского Союза были поставлены вопросы о доверии к портретам батьки Махно, тиражируемым исторической наукой. С одной стороны – образ контрреволюционера, душегуба и изувера, вожака бандитов, с другой – несомненный лидер гуляйпольских анархистов, народный вождь, сметавший врагов крестьянства, полководец, строитель безвластного общества, советский коммунары. Ни одному из портретов такого рода, с точки зрения С.С. Волка, "доверять нельзя"¹⁸. Впрочем, еще больше проблем возникает от того, что фигура вожака закрывает от исследователей само движение, которое на фоне грандиозной гражданской войны кажется лишь гримасой истории.

Только после распада СССР произойдет смена парадигмы или изменение социального заказа. Находясь в фарватере накопленных советской наукой результатов исследований, опережающих концептуально будущий расклад сил, С.С. Волк попытался коротко изложить хронологию и логику темы украинского повстанчества. Было абсолютно ясно, что этой темой воспользуются различные силы, ищущие на своих маршрутах в истории якорь или парус ради движения или покоя.

"Рыночно-общинный" район. Продуктивная догадка А. Шубина

А. Шубин вновь и вновь возвращается к теме характера движения, давая новую оценку положения

крестьян. Марксистская историография называет район Приазовья кулацким. По подсчетам советских историков, в Екатеринославской, части Херсонской и Мариупольской губерниях, где, собственно, и действовали основные отряды махновцев, кулацкие хозяйства составляли 22 %. Но это лишь при перегибе, признаваемом самими марксистами: нельзя все хозяйства с числом десятин больше 10 просто так, без дополнительных оснований, зачислять в кулацкие. Для жителей этих мест кулаком скорее выглядел немец-хуторянин или колонист.

"Попытки в ходе столыпинских реформ разрушить крестьянскую общину, – говорит А. Шубин, – встретили ожесточенное сопротивление местных крестьян – община была для них наиболее удобной формой организации для вхождения в рыночные отношения – она компенсировала болезненные социальные последствия развития российского рынка"¹⁹.

Район, один из наиболее рыночных в Российской империи (А. Шубин, увлекаясь, называет его *самым рыночным*), действительно сохранил фигуру общинника к 1917 году.

Представление о том, что махновщина в 1921 г. была обречена, оспаривается историками нового поколения, например тем же А. Шубиным. Именно разделение сил он считает ошибочным решением Махно, приведшим к ликвидации повстанческой армии, хотя сугубо военные доказательства менее убедительны, чем общеполитические (Тамбовщина, Кронштадт, апатия рабочего класса и так далее).

"Бедное кулачество".

Взгляд В. Волковинского

В. Волковинский не придавал значения отношению махновцев к кулачеству и утверждал, что его конница состояла из богатых крестьян²⁰. Хотя, описывая встречу А.Б. Каменева с махновцами, он обращает внимание на характерный эпизод. А.Б. Каменев укоряет махновцев, что в Гуляйпольском уезде нет комбедов, там преследуют коммунистов. Он имеет в виду арест комиссаров, которых потом отпустили, настаивает на том, что коммунисты не меньше махновцев борются за интересы трудового народа и беднейшего крестьянства. Откалки толпы заставили Махно вмешаться, чтобы ее успокоить. Среди выкриков: "Хотите крестьян разорить, а потом любить!", "Крестьянин без коня не крестьянин, зачем же коней реквизируете?", "Мы все – беднейшее крестьянство"²¹.

А. Лебеденко

и новая историография анархизма

Исследования анархизма долгое время писались по трафарету, хотя и таковые пользовались спросом. Историографически А.М. Лебеденко объясняет отсутствие литературы по этому периоду двумя главными причинами: во-первых, спецхраны и архивы, закрытые достаточно долгое время, открылись только в конце 80-х годов, во-вторых, официальная советская наука стремилась

"доказать банкротство анархистской идеологии еще в период между двумя революциями и тем самым дискредитировать анархизм и махновское движение"²².

В этом отношении типичен историк С. Канев, утверждавший, что анархизм в годы реакции сошел с исторической арены²³.

Многие анархисты, например Боровой, утверждали свободу прежде всего как свободу от всякой принудительной организации. Любопытно замечание исследователя анархизма А.М. Лебеденко, попавшего под магию приводимого им материала, позволяющего говорить о социальных пророчествах постфактум, хотя они столь же легко могут переноситься и в будущее.

"Анархисты-индивидуалисты пророчески заявляли, что диктатура пролетариата, которую собираются установить большевики, является шагом назад по сравнению с парламентской республикой"²⁴.

При таком понимании индивидуализма они лишь обнажали глубинное родство с либералами, но в отличие от последних не имели шансов возглавить общественное движение.

Большевики, считая их безголовой публикой, не видели в этом направлении серьезного соперника, напротив, полагали, что в революции свободный элемент до определенных пределов может быть полезен. Непророчески видели, что метания индивидуалистов в столь сложное время заставят выбирать.

Артистическая богема и богатые чудачки, проповедники вседозволенности и циники общественного безразличия, мечтатели и уголовники-индивидуалисты казались экзотикой, хотя в ней и проступала завтрашняя реальность нэпа, эмиграции, зрелых бытовых форм мещанского благополучия более поздних эпох. И все же идейно они еще не порвали с революционным движением и давали кадры для

его акций. Вот и А.М. Лебеденко об этом же: украинские анархисты всех направлений

"объективно являлись участниками революционного процесса и способствовали разрушению "тюрьмы народов"... Тактические разногласия стали причиной дифференциации анархизма в Украине"²⁵.

Традиционное прочтение анархизма историографией устоялось. Вот типичное высказывание А.М. Лебеденко:

"Это была реакция части мелкой буржуазии города и деревни на развитие крупного промышленного производства и усложнение общественных структур, приводивших к разорению мелких хозяйств, широкому обнищанию масс и усилению репрессивной деятельности государства"²⁶.

Элементы новой конъюнктуры. Необходимость преодоления тяги к авторитаризму, этнократизму и традиционализму

В учебниках и пособиях 90-х годов содержится масса некритических заимствований из литературы диаспоры, в принципе разрушающих периодизацию событий. Преодоление этого эклектизма заняло время, но и сегодня компилятивный подход в потоке литературы все еще преобладает.

В то же время в условиях социально неоднородного общества путь установления общеобязательной схемы, принятой под давлением власти, опасен. Вероятно, такой путь расколется историков, неизбежно

способствуя дискриминации тех, кто не примет схему.

В украинской науке повстанцы-махновцы рассматриваются как противники национально-демократического движения, а само повстанчество привязывается к С. Петлюре, Г. Григорьеву и другим атаманам, с которыми Н. Махно, как правило, боролся за влияние.

Публикация в Украине работ зарубежных украинистов привносит новые сюжеты и способы объяснения событий. Но любопытно, что даже в крупной, подкрепляемой добротным фактическим материалом, национально окрашенной истории украинского войска И. Крипьякевича, Б. Гнатевича и З. Стефанива для Н. Махно места фактически не находится, сам он упоминается лишь трижды²⁷.

Эклектика неистребима

В текущих постперестроечных публикациях сельским повстанцам и анархистам гражданской войны отводится скромная, но неизменно значимая роль. Общим местом брошюр становится сравнение махновщины с пугачевщиной²⁸ и крестьянскими войнами Степана Разина и Кондратия Булавина. Но при общей эклектичности подходов столь высокая оценка неадекватна.

Действительно новые материалы включаются нечасто и касаются скорее отдельных фигур махновского движения. Примером может служить биография Льва Задова, где Гуляйполе рассматривается как анархистская Мекка²⁹.

Переиздаются тексты анархистской литературы XIX-XX веков. Шире издают М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина. Однако все так же редки и мало доступны иностранные, в том числе французские,

авторы. Среди изданий последнего времени любопытна "Поваренная книга анархиста" Уильяма Пауэлла с развернутым вступлением Питера Бергмана, в котором он дает беглое упоминание о русских анархистах. Современный анархист П. Бергман, ссылаясь на примеры применения прямого действия, как бы двойные по последствиям для той или иной исторической ситуации, лишней раз доказывает различие целей и средств, на совмещении которых, собственно, и настаивали анархисты³⁰. Все преимущество Махно и украинских повстанцев перед современными вспышкопускателями состояло в народной поддержке, а ее-то анархистам обеспечить труднее из-за преклонения перед спонтанностью.

В последние годы родилось новое научное направление – этногосударствоведение³¹. Этапы и показатели формирования украинской нации берутся на пробу и другими методологическими способами, например "углубленным комплексным аналитико-синтезирующим анализом"(?)³².

Обращение к малой традиции очень интересно историографически. Как только в ход пошел термин "крестьяне", то им сразу же стали заменять другие понятия: "люди традиционного общества", "сельские жители", "сельские труженики", "аграрии", "сельское население" и т.д. Все эти термины более нейтральны, но слово "крестьянин" всегда означает носителя традиционной культуры в отличие от фермера, батрака или сельского жителя, которые могут быть носителями прежде всего культуры современной.

От малой традиции некоторые переходят к паратрадиции или псевдотрадиции. Образец мышления современного арийца, закрепленный в работах Ю.М. Каныгина, тиражируется другими изданиями.

Согласно теории Я. Дашкевича отдельные восточнославянские народы развивались независимо. Для обоснования своей теории он вводит понятие "этнос-нация" и символы отдельных наций: украинская – альфа, новгородская – бэта, российская – гамма, белорусская – дельта.

Альфа включает, кроме славянских, иранский и норманский субстраты, бэта и дельта – балтийский. Этногенез хронологически относится к VII-IX столетиям – времени Хазарского наступления и прихода норманнов.

Новые арийцы?

Результат этногенеза – зарождение альфа-нации, которая с появлением Киевского государства становится господствующей. Этнос превращается в нацию, когда создает государство и в этом государстве становится гегемоном. Превращение альфа-этноса в альфа-нацию осуществилось примерно за одно столетие, т.е. очень быстро сложился государственный организм, который две нации (бета и гамма) отделил от центра. Причем гамма, т.е. русские, как наиболее агрессивная нация, с точки зрения Я. Дашкевича, ассимилировали бета-нацию, т.е. новгородцев, и начали наступление на альфа-нацию. Давление Великой степи, Венгрии и Польши усилило процесс упадка альфа-нации. Возрождение украинства происходит уже на рубеже XVI-XVII веков на волне освободительных войн против завоевателей. Катализатором этнических процессов и стало казачество.

Что касается белорусов, или дельта-нации, то они сформировались на основе Полоцкого и Смоленского княжеств в стороне от борьбы альфа-нации. Роль последней взяло на себя казачество, ко-

торое не смогло избежать разрушительной агрессии со стороны гамма-нации³³.

Вот образец мышления современного арийца.

Самобичевание – обратный ход мышления – свойственно больше демократически настроенным русским. В. Новодворская в статье "О национальной подлости великороссов" выразилась таким образом: "Мы, русские, самые обездоленные люди на земле. Мы убили Русь, превратив ее в империю. Мы – московская орда"³⁴.

Любопытно, что при попытке позитивного раскрытия содержания "украинская нация" речь идет о составных частях реально формирующейся нации, т.е. о субэтносах и национальных меньшинствах.

"Национальная революция"?

Новые трактовки порождают и ряд вопросов. Современные историки считают национальными революциями и события XVII века, и события 1918 года. Национальной революцией иногда называют также бандеровщину и даже рождение новой Украины. Получается, что за последние 300 лет Украина пережила минимум две, а может, и четыре национальные революции. Но это не так.

Если в советской историографии освободительную войну постоянно сравнивали с крестьянскими войнами, антифеодальными восстаниями и поединками русского государства с внешними врагами, то сегодня ее рассматривают в более широком историческом контексте. Поскольку освободительную войну трактуют как национальную революцию, возникает вопрос: составляли ли общности украинского этноса единое целое, равнозначное понятию "на-

ция", а если составляли, то какие именно круги играли роль буржуазии?

Недостаточно сказать, что в Украине формировалась атмосфера массового недовольства существующим режимом польского колониального управления или что основным препятствием к развитию буржуазных отношений были фольварочно-панщинная система хозяйства и экономическая политика польского правительства. *Необходимо найти истоки буржуазных социально-экономических отношений, без которых невозможно говорить о национальной революции.*

Историографы нашли выход в интерпретации социально-экономической практики мелкого землевладения и поведении сословия казаков. Не обнаружив сколько-нибудь сильных городских слоев буржуазии и широкого распространения наемного труда, историки заговорили о том, что казаки южного региона превращались в типичных фермеров, то есть носителей буржуазных отношений, и что дыхание капитализма в Украине ощущалось в разложении цехового ремесла, зарождении мануфактурного производства, особенно выплавки металлов, солеварения, изготовления бумаги, пушек, поташа, селитры, горилки и пива. Таких доказательств буржуазности явно недостаточно.

Относительно утверждения о том, что национально-освободительную и социальную борьбу могло возглавить только казачество как сословие мелких землевладельцев, то параллель с ситуацией в Англии также не кажется убедительной. Скорее, верно обратное – что Речь Посполитая становилась все более и более прочным оплотом феодализма и крепостничества. Противоречия между казаками и крепостничеством, напротив, слишком очевидны. Именно

они ставят освободительную войну в контекст происходящего в Европе. Можно согласиться с В.А. Смолием и В.С. Степанковым, что

"казачье сословие на практике реализовало исконные мечты европейских крестьян на территории от Португалии до Московского государства"³⁵.

Казаки и крестьяне, имея много общего, представляли два разных феодальных сословия.

Применительно к 1918 году события развивались еще жестче. Элита и массы выступили с диаметрально противоположных позиций. Понятие "реакция" ближе к сути того, что делала элита, особенно землевладельческая и военная.

Центральная Рада никак не акцентировала связь социализации земли и фермерства, зато своими действиями ускорила приход гетмана, ибо крупные аграрии поняли, что начинается революционный хаос и они могут остаться без поместий. Крестьяне же охотно делили землю не только помещиков, но и кулаков. Центральная Рада лишилась поддержки как помещиков, так и зажиточного крестьянства, способствовавших переходу власти к гетману.

Политическая нация или маргинальная общность?

В современной литературе постоянно обсуждаются темы "политической нации" или превращения украинцев в политическую нацию как государствообразующую или даже национально-творящую. Эта терминология весьма шаткая, ибо предполагает, что недостаточно говорить о нации. Ведь последнюю чаще определяли как социальную общность. Сведения же ее к этническому самосознанию как само-

сознанию национальному в научном плане несостоятельно.

Идеологически и психологически такое сведение также представляется, скорее, рубашкой на вырост. Если под американцами или аргентинцами понимаются все жители США или Аргентины, то обращение "Дорогие украинцы" к жителям многонациональной территории, еще недавно входившей в состав громадного многонационального государства, представляется в общественном мнении и самосознании больших групп населения ломающим сложившиеся стереотипы. Стереотипное представление всех жителей страны о самих себе как принадлежащих к определенной новой нации, создавшей государство, не есть ощущение принадлежности к одному, пусть и самому многочисленному, этносу.

Несводимость признаков нации к этническим и лингвистическим совершенно очевидна. Поэтому возникает предложение пополнить число признаков национальным самосознанием, национальными целями, национальными интересами, а также правом. Приводили мотивы "территориальных элементов национального языка". Если это только диалектные особенности, то не существует языков без таковых.

Этнократия против национального самосознания

Этнократическая историография по-прежнему жалеет об отсутствии единства социальных сил на национальной основе. Опрокидывая в прошлое представления о консенсусе, она видит мятеж против элиты и говорит о недостаточной национальной сознательности так, как раньше говорили о классово-

Это предполагает допущение, что новая власть, например Учредительного собрания, воплощает умеренные силы революции, которым удастся создать однородное, если не демократическое, то социалистическое, правительство. Такая сила сохраняет землю за крестьянами и открывает возможности развития рыночной экономики.

Крестьянство поддерживает новую власть, и она быстро справляется с контрреволюцией. Такая модель абсолютно антиисторична.

Генезис национального самосознания иногда принято связывать не с элитой, а непосредственно с широкими массами казачества. Но и здесь идея единства всех украинцев пробивает себе дорогу крайне медленно.

Модернизацией истории выглядит взгляд на прошлое украинского народа как на арену постоянной борьбы за национальное государство как высшую ценность. Как и во всяком феодальном обществе, центробежные и центростремительные движения временами уравновешивали друг друга. *Сохранение исторических традиций теми или иными общностями не означало традиций именно национальных*, что и позволяет исследователям жаловаться на невыраженность национального интереса, подчеркивая при этом формирование "национального ренегатства"³⁶.

Зарубежные исследования на новом витке: идеологическая инерция

Западная историография в ее радикальных и консервативных версиях открыто обсуждала отноше-

ние украинского крестьянства к поведению элит в начале века, включая большевистскую контрэлиту. Но не документы и материалы, недоступные отечественному исследователю, сделали на самом деле значимыми фигуры Т. Шанина и В. Леонтовича, а новизна методологии. Их книги пришли к нашему читателю с опозданием, хотя концептуально идеи были известны историкам, не пренебрегавшим западными источниками и ранее.

Объектом исследования Т. Шанин и В. Леонтович выбрали наиболее узловые моменты исторической традиции, применив к ним новые историографические подходы и познавательные критерии. Не во всем одинаково убедительные, они позволяли выявлять, конструировать и деконструировать те закономерности, что лежат в основе предмета исследования. Не только социальный заказ, изменение общественных настроений, потребности нового видения истории, но и сдвиг в методологии и историографии изучения социально значимых конфликтов обусловили рождение новой исследовательской программы и теоретической парадигмы того, как именно подойти к предмету.

В середине 90-х годов среди марксистов прошли дебаты по аграрному вопросу. Социал-демократия развитых стран, полагая, что она представляет не только пролетариат, но более широкие круги социального развития, пророчила сильное сокращение числа крестьян, и уменьшение их значения в социальной борьбе. Только за сельскими пролетариями признавалась некоторая революционность, да и то под эгидой городских рабочих.

В современной аграрной литературе принято относиться к фигуре фермера как постоянной на сельских ландшафтах Западной Европы и Северной

Америки. Более того, в отечественной аграрной истории пробивается мотив, что американский, или фермерский, путь всегда был возможен и после отмены помещичьего землевладения совершенно естественен в отличие от помещичьего или прусского.

Враги бедных – враги "социального разбойника"

Главные враги бедных, считает Э. Хобсбаум, – типичные жертвы "социального разбойника". Из истории известно, что ими всегда являются те группы, которых бедняки особенно ненавидят: представители закона, священнослужители, включая "бездельников-монахов", ростовщики и торговцы, иностранцы и другие нарушители традиционной жизни крестьянина.

В доиндустриальных и докапиталистических обществах в число этих врагов почти никогда не входит монарх.

... "Монарху не удастся победить его, он приглашает разбойника ко двору и заключает с ним мир, признавая тем самым, что в глубинном смысле они оба заинтересованы в одном – в справедливости. Так было с Робинсом Гудом и Олексой Довбушем"³⁷.

Социальный разбой – сельское явление, а не городское. Крестьянские общества, где есть разбойники, могут быть богатыми или бедными, могущественными или слабыми, могут властвовать или быть в подчинении, но во всех случаях они остаются глубоко и устойчиво традиционными и докапиталистическими по структуре. Социальный разбой не следует искать в таком сельском обществе, которое было в XIX веке в Восточной Англии, Нормандии или Дании... Разбой – это дополитическое явление, и его

сила обратно пропорциональна силе организованной аграрной революционности и социализма или коммунизма. Но в местах вроде итальянского Юга крестьянские организации менее развиты, чем в других местах региона.

Третий путь в революции?

Вернемся к предпосылкам крестьянского повстанчества. *Т. Шанин называет армию Махно представительницей третьего пути в революции*, но скупо развивает сюжет. Мобилизации гражданской войны были окрашены шатаниями, изменениями и предпочтениями масс из деревень. Зеленых предпочитали потому, что их формирования выходили из собственной среды.

"Когда нельзя было уйти туда или когда страх перед будущим заставлял заново оценивать государственную власть и организацию, они скорее склонялись на сторону красных, чем белых офицеров или казаков"³⁸.

Условия, вызывавшие колебания крестьян в годы гражданской войны, складывались на протяжении пореформенных десятилетий, когда большинство общественных сил видели в крестьянах обузу для быстрого развития страны. Даже самые дальновидные из либералов, например С. Витте, по сути, проводили антиаграрную политику.

Марксисты анализировали скорость распада класса крестьян, забегая вперед с идеей дифференциации, предсказывая невозможность крестьянской войны, по меньшей мере, до 1906 года, когда страна уже полыхала крестьянскими восстаниями.

"За репортерскими заголовками о бойких политиках, бесчинствующих генералах, напористых иностранцах и пламенных революционерах, – говорит Т. Шанин, – вне-

запно возник великий неизвестный – крестьянство как одна из главных структурных детерминант, превращающих так называемые развивающиеся страны в то, чем они являются. После четвертьвекового игнорирования "крестьянский вопрос" зазвучал с новой силой, став определяющим фактором вьетнамских войн, индийской нищеты, латиноамериканской герилы, африканского застоя и китайского "большого скачка". Для англоязычного ядра западной академической культуры послевоенных лет это было не столько возвращением к давно открытому, сколько первым столкновением с этим социальным феноменом, в результате чего появились и новые аналитические построения, и даже сам термин "крестьянин" в применении к современности"³⁹.

Крестьянство и национал-социализм по А. Грациози

А. Грациози, к сожалению, не только информативен, но тенденциозен, причем по отношению к характеру крестьянских движений. Сказывается включение опыта еврейских погромов в повстанческое движение. Если этот элемент сущностен, то можно говорить о связи тенденций национализма и фашизма в обозримой перспективе эволюции отдельных фракций украинского движения. Если он привнесен и отброшен, как в случае с махновщиной, то рассматривать анархо-коммунистов как предшественников фашизма невозможно.

Правда, на Грациози мог повлиять итальянский опыт: часть анархо-синдикалистов Италии, в том числе сторонников Жоржа Сореля, ушла к Муссолини. Но сам Сорель завершает творческую биографию книгой "В защиту Ленина".

Эволюция отдельных анархо-синдикалистов и эволюция анархо-синдикализма как идейного движения не тождественны. Точно так же, даже если

отдельные махновцы будут обнаружены в рядах УПА и ОУН, говорить об эволюции анархо-коммунизма к фашизму нельзя. Гораздо больше активных анархо-синдикалистов и анархо-коммунистов на Западе, в Латинской Америке и у нас связали свои жизни с коммунистическими и другими левыми партиями.

Но логика исследователя заслуживает внимания. Принимая во внимание то, что было сказано о городе и о его отношениях с деревней, а также об общей атмосфере насилия, возникшей вместе с первым мировым конфликтом, не приходится удивляться, сетует А. Грациози, что "такое крестьянское национал-освободительное движение продемонстрировало вскоре худшую сторону национал-социализма"⁴⁰.

Определяющую роль большой войны подтверждают первые большие погромы, организованные в 1914 – 1915 годах русскими войсками, разместившимися в недавно завоеванной Галиции. События повторились в 1917 году, когда поражение и падение центральной власти вновь бросило в сторону России отставших от своих частей солдат, часто называвших себя "революционерами". В начале 1918 года началось насилие со стороны украинских националистов-экстремистов, в какой-то мере обусловленное современным городским идеологическим антисемитизмом.

В последующие месяцы с ростом ненависти к городу, все более и более отчуждающемуся от деревни, в среде украинского крестьянства проснулся антисемитизм, имевший прецеденты в XVII – XVIII вв. – упомянутые выше большие погромы. Таким образом, вновь возникло явление "этнической чистки", коснувшееся также других общин, в частности немцев на юге, обвиненных, в общем небез-

основательно, в коллаборационизме с оккупационными войсками.

Защита своих религиозных институтов, и в более широком смысле всей системы ценностей и культурного, а значит, и национально-этнического наследия, составила другой центральный пункт "программы" восстаний 1919 года.

А. Грациози упорно называет этот антисемитизм всплеском национал-социализма, в котором

"ярко проявились самые жестокие и отвратительные черты национал-социализма вообще, присутствующие в менее развитой форме в предыдущие годы. Эти черты выразились в яростных вспышках этнической и религиозной "чистки", обозлении и регрессе, построенных иногда на идеологических конструкциях параноидального типа, которые подтверждают парадигматичную ценность украинского опыта 1918 – 1919 годов для нашего века, изъязвленного подобными патологиями"⁴¹.

Особое значение А. Грациози придает влиянию украинских событий 1918 – 1919 годов на дальнейший ход советской истории. Значение этого влияния, как кажется, пока недооценено. Хотя

"именно оно способствовало появлению сталинской группы с ее идеологией, а также возобновлению конфликта между государством и крестьянами в 1928 – 1929 годах, вызванного коллективизацией, непосредственно вытекавшей из политики, применявшейся на Украине в 1919 году и завершившейся, как известно, великим голодом, эпицентром которого стала именно Украина"⁴².

Украинская революция не только национальная или политическая, но и социальная, причем в данном отношении отличная от русской. Эти вопросы поднимались также небольшой группой украинских коммунистов, о чем мы будем говорить в следующей

главе. В дальнейшем они возглавят вместе с боротьбистами, вошедшими в КП(б)У, украинский "национал-коммунизм" двадцатых годов, который станет, по многочисленным признакам, преемником движения за национальное и социальное освобождение, являющегося феноменом, представляющим огромный интерес в свете дальнейшего развития событий XX века⁴³.

Теории длительной партизанской борьбы с опорой на деревню

В 1918 – 1919 годах через Украину проходили многочисленные "длинные марши" крестьянских отрядов - знаменитые, под предводительством Махно, и менее известные, как отряды из Кобеляков. По всей вероятности, в этой стране впервые осуществлялась теория "длительной борьбы", опирающейся на деревню и направленной на постепенное втягивание города. После Второй мировой войны эта теория приобретет необычайную популярность⁴⁴.

Изумительное упорство, острога и длительность крестьянской борьбы в Украине против коммунистического экспансионизма даже в годы после победы большевиков в гражданской войне, массовость выступлений и многочисленность участников крестьянской войны, безусловно, свидетельствовали о том, что движущей силой этой борьбы являлось основное ядро крестьянства – середняки и крестьянская беднота, недовольные земельной политикой коммунистических захватчиков, национализацией земли, продразверсткой и усиливающимися тяготами, падающими на их плечи. Даже украинский батрак участвовал в крестьянском движении, так как стремился к приобретению своего хозяйства и не

хотел прозябать в качестве подневольного работника в совхозах, свекловодческих хозяйствах, коммунах и насаждаемых коллективных хозяйствах.

"Зигзаг удачи" русских коммунистов на юге

А.Б. Каменев, представлявший российских коммунистов на II съезде КП(б)У, отмечал, что "в этот момент легко получится такая насмешка истории", поскольку на Украине коммунисты, являющиеся мировым авангардом, могли прийти к власти, используя "большое стихийное крестьянское движение", которое, более того, имело национальный характер. Из этого вытекало, сказал среди прочего Каменев, "что получилось такое странное, не часто повторяющееся в истории положение, что самые боевые коммунисты опирались на крестьянские элементы с национальной окраской"⁴⁵. Наше столетие впоследствии взяло на себя труд опровергнуть утверждение Каменева благодаря многим десяткам национально-освободительных движений на крестьянской основе, руководимых коммунистами. Подлинное своеобразие украинского случая в сравнении с последующими событиями XX века заключалось разве что в том, что коммунисты принадлежали к другой национальности, т.е. были русскими.

При партизанской крестьянской войне неизбежны попытки дезорганизации врага и окружения городов. В противоположность теории, "на Украине в 1918 году, как затем и во многих колониальных странах после второй мировой войны, восстания в городах не произошло, и последние были большей частью завоеваны крестьянскими войсками"⁴⁶.

В поисках новой методологии

Существенные различия между контрреволюционерами не могли не вызывать интенции исследовать различия между силами революционной трансформации социума. После окончательного падения догм сталинизма процесс приобрел обвальный характер со всеми крайностями и несправедливостями в отношении предшественников. Их вклад оценивали как незначительный, их подходы – как целиком ложные и так далее.

Впрочем, с появлением нового социального заказа на национальную историю ряд прежних схем в урезанном виде воскрес самым чудесным образом. Основной методологический ход – замена класса нацией – ничего не прибавил к исходному инструментарию. Стремление видеть процессы национального строительства в период гражданской войны во всем, что делалось антибольшевистскими силами, скоро исчерпало себя признанием факта разнобразия этих сил.

К новой парадигме

Так становилась очевидной необходимость плюрализации исследований и отказа от очевидной парадигмы. Наука в период, когда парадигма отсутствует, сменяется наукой в поисках новой парадигмы, когда, по Т. Куну, на смену революционному периоду открытий приходит так называемый нормальный период.

Социальный бандитизм, возможно, не являлся политическим бандитизмом, хотя бы потому, что существовал по большей части при аполитичных или даже антиполитических ориентациях самих

масс населения. Не являлся он и контрреволюционным ввиду того, что все носители революционности не могут быть сведены к сторонникам одной революционной партии.

Наконец, кулацким бандитизм или повстанчество могут быть названы исключительно в виде фазы процесса или составляющей, пусть важной, даже руководящей, но не единственной. Другое дело, что подчеркивание того или иного аспекта никогда не является произвольным выбором историка, литератора, публициста или журналиста. Только зная о социальной обусловленности своей позиции, автор может интерпретировать данные источников более объективно.

Минувшие полтора десятилетия (бум вокруг "новых старых явлений" исторической памяти начался во второй половине 80-х годов) показали, что, несмотря на прибавление источников, документов и зарубежных публикаций, изначальное ядро, которым пользуется историография, сложилось уже в 20-е годы. Крайности интерпретаций также даны уже в начальные периоды изучения махновщины. Теперь предстояло от них избавиться. Пришло время незаинтересованного научного знания. Но это... снова иллюзия. Заказ на новую правду готовится, хотя не имеет обязательной санкции. Опасность сохранения авторитарной традиции, закрепления урезанной демократии велика. Исследования о предшественниках свободы – предшественниках коммунизма амбивалентны.

Коммуносоциализм с точки зрения С. Кульчицкого

Вместе с ратификацией Брестского договора, с точки зрения С.В. Кульчицкого, начинается ускоренное строительство коммуносоциализма, что равнозначно сознательному втягиванию общества в гражданскую войну, поскольку естественных условий для реализации коммунизма в близкой перспективе не было⁴⁷.

Смену парадигмы прекрасно иллюстрируют работы С.В. Кульчицкого. Позиция украинского крестьянства, по его мнению, в определенной мере персонифицируется в деятельности Н.И. Махно, которая характеризовалась сущностным интересом к социальным проблемам революции при незначительном внимании к национальным аспектам. Синдром малороссийства за три столетия идеологической обработки проник в народную толщу.

Крестьяне Украины пребывали в несколько ином положении по сравнению с крестьянами центральных российских губерний. Они имели больше хорошей земли и менее развитые общинные порядки, в то время как в Центральной России земли было меньше, а общинные крепостнические пережитки выполняли роль сети для каждого крестьянина, стремившегося к частному хозяйствованию. Поэтому стремление большевиков коммунизировать крестьян натолкнулось на бешеный отпор⁴⁸.

Историки последнего времени приняли парадигму альтернативности исторического развития, хотя и вложили в ее понимание самые разные смыслы: от полного релятивизма возможностей и попыток рассказать историю, сложившуюся лишь в отдельно взятых головах, до прочтения многократно

сказанного с точностью до наоборот. Последние забывают слова Томаса Манна о том, что *история, рассказанная в одном порядке и пересказанная в другом, остается той же самой историей*. От проблем, не решенных ранее, это не спасает.

И все же сдвиги в количестве и качестве результатов исследований налицо. Множатся проблемы, рассматриваемые историками, расширяется объем вовлеченного в сферу активного использования добротного материала. Не видеть этого нельзя.

Что касается методологии, то она даже выгодно отличается от того, что считалось классовым подходом с начала 30-х и до середины 50-х.

Есть ли сегодня доказательства того, что "красно-белое понимание русской междоусобицы" (С.С. Волк) преодолено?

По-видимому, еще нет. Большевистское и антибольшевистское вновь разводится к полюсам добра и зла, только полюсы поменялись на противоположные. Историческая наука от перетасовок фактов ничего не обретает. Доказывать, что единой и неделимой, национальной или классовой правде нет и не может быть альтернативы, как представляется, вообще не занятие для историка.

Мог ли современный социальный заказ оформиться как императив бывших крестьян? Такую возможность следует отбросить.

В конце концов, большинство мигрантов уже превратились в городских жителей и (полу) пролетариев. Какая разница, кем они были?

Разница есть, и очень существенная, ибо социальный анализ не может не учитывать исторического опыта, социального происхождения и сохраняющихся общественных связей. Миграция рассматривается как результат последовательного развития событий

даже теми, кто менее всего склонен считать настоящее продолжением прошлого. Переселившиеся в города крестьяне отличаются от потомственных пролетариев. Рабочих-мигрантов невозможно понять до конца как отдельную группу населения, не затронув их социального происхождения, динамики поведения и глобальных аспектов. Без этого любой классовый анализ, конечно же, неисторичен и однобоклен⁴⁹.

Процесс индустриализации — это и процесс раскрестьянивания

Капиталистическая модель индустриализации исходила из наличия крестьянства как класса, который обречен на "структурную дезинтеграцию" и упадок. Огораживание крестьянских земель, расширение рынка за счет уничтожения сельских ремесел, грабительский вывоз дешевого сырья из колоний — все это также сыграло свою весьма важную роль. Однако решающее значение, как представляется, имела сельско-городская миграция рабочей силы, ибо ей едва ли можно было найти замену. Чтобы все пришло в движение, необходимо заставить крестьян покинуть свои родные места.

Это тем более легко сделать, что общепринятый взгляд на крестьян как на тяжелых на подъем, "привязанных к земле" людей всего лишь предрассудок узкого круга богатых путешественников, взвешивающих на мир через иллюминатор реактивного авиалайнера.

"Лицо мира, в котором мы живем, и сегодня еще во многом определяется крестьянами и их сыновьями. ...Четко прослеживался процесс последовательного отбора более образованных и предприимчивых, бедных, но не беднейших"⁵⁰.

Крестьян вне системы элита не видит

Представить фигуру вне системы элитарист не может. Даже батька Махно у него — представитель элиты среднего класса⁵¹, впрочем, предварительно обвиненный вместе с

"другими атаманами в том, что, воюя в процессе революции то на стороне Украины, то на стороне большевиков, нанесли непоправимый ущерб Украине, вследствие чего она утратила свою государственность и попала в плен сил, которые люто ненавидели Украину"⁵².

Что ни слово, то и лукавство. Лишь элитарную Украину он видит настоящей, формулируя:

"Будущее украинской элиты — будущее Украины"⁵³.

А может, все-таки наоборот?

Элитарному заказу противоречит народный интерес, который, как известно, благосклонен к гонимым. Издание работ гонимых авторов — не только долг историков, но и возможность методологического выбора.

Среди соратников Махно наиболее обширные свидетельства оставил В.Ф. Белаш. Они были использованы многими авторами от А.Н. Толстого до В.Ф. Верстюка. Поскольку часть свидетельств была взята из протоколов допросов, возникает сомнение в их достоверности.

А.В. Белаш проделал большую научную работу, систематизируя материалы отца в историческом повествовании "Дорогами Нестора Махно". Правда, эта работа не вызвала всеобщего согласия среди историков. Но аргументы о ненаучности легко сопоставимы с текстами, поскольку они строго документированы.

В обвинениях В.Ф. Белаша дальше других пошел, видимо, В. Оппоков. Относительно грабежей махновцев, о которых сообщает В. Белаш, он не только выдвигает предположение о том, что разбойные дела вершились не одними махновцами, а многими другими вооруженными формированиями, но и допускает возможность приписывания разбойных дел махновцам Белашом со слов следователя Харченко. На следствии бывший начштаба махновской армии визировал не только подлинные, но и ложные показания. Возможно, что в число преступлений махновцев попали и расправы, устроенные красными отрядами⁵⁴.

В 1922 году советским следствием заочно предъявлены обвинения и самому Махно. Интересно замечание о последнем этапе партизанских действий:

"Следственный материал о действиях Махно и его банд на Украине и в России по большинству губерний не собран, однако приведенный выше материал ясно рисует уголовную деятельность Махно и вполне опровергает всякую возможность подвести под уголовно-бандитские действия Махно и его банд какую бы то ни было политическую подкладку"⁵⁵.

Социальная история ждет новых исследователей

Радует, что много историков, в том числе и молодых, в последнее десятилетие обратились к темам крестьянства, повстанчества и махновщины. Так, харьковчанин Р.Г. Руденко ставит проблемы социального в истории, предлагая рассматривать их в новом методологическом ключе, связывая научное определение социального поля в истории с предпосылками, последствиями, сущностью, масштабами,

критериями измерения, оценкой и взаимодействием социального с другими показателями. Междисциплинарные связи позволяют объективно увидеть социальную историю, учитывая экономические, политические, социальные и социокультурные факторы⁵⁶.

Обоснование социокультурной парадигмы в социоисторических исследованиях открывает новые возможности для поиска методологий, способствующих гуманизации исторического знания.

Предпринимаются попытки обосновать периодизацию крестьянского движения, например, сопоставляя отдельные периоды пикового для повстанчества 1919 года. При этом оговаривается, что повстанческое движение развивается уже после Февральской революции, а национально-освободительная направленность носит стихийный характер, так же как ксенофобия и антисемитизм. Атаманщина подается как архаичная форма структурирования военно-политического потенциала крестьянского движения. Реализация этого потенциала не стала социальной базой основных политических сил, которые противостояли друг другу в годы гражданской войны⁵⁷.

Встречаются и попытки пересмотра социально-экономических основ аграрных движений, однако найти здесь новую канву не всегда удастся. Украинский сепаратизм, базирующийся на многоукладности экономики, специализации производства, наличию частнособственнических и кооперативных форм, а также на самобытной жизни самих крестьян применительно к 20-м годам, вызывает больше вопросов. Хотя обоснование кооперативного движения как попытки самоорганизоваться – вещь

важная, но такая самоорганизация происходит не на национальной основе⁵⁸.

Анализ работ О. Ганжи, А. Капустяна, В. Калениченко, С. Кульчицкого, Л. Новохатько, В. Марочко, А. Скотниковой и других приводит автора историографического обзора к выводу, что исследователями заложен фундамент раскрытия взаимоотношений крестьян и власти как вполне самостоятельной и имеющей практическое значение⁵⁹.

Именно эта перспектива позволяет понять поведение крестьян в годы гражданской войны, нэпа и коллективизации как целостный феномен, а взаимоотношения с элитой – как возможность построения трансисторической модели взаимодействия неэлитарных и элитарных общностей, что, собственно, и является нашим выводом.

Историки диаспоры: хранители пепла или огня? Преодоление "синдрома эмигранта"

В ЭТОЙ ГЛАВЕ:

- ✓ От эмиграции к диаспоре: закрепление демократических ценностей и новых подходов.
- ✓ Пепел и огонь. Борьба тенденций.
- ✓ Бессмысленность сведения счетов с исторической памятью – ценность всех свидетельств.
- ✓ Преодоление "синдрома эмигранта".

От эмиграции к диаспоре: закрепление демократических ценностей и новых подходов

Украинская эмиграция – наследница ряда традиций, хотя не только в советской литературе господствовал тезис о преобладающей гегемонии национализма (бандеровщины). Этого же мнения придерживался виднейший историк диаспоры И. Лысяк-Рудницкий в своих многочисленных "Исторических эссе", часть из которых, несомненно, составляет лучшие страницы украинской зарубежной историографии.

Преобладание негибких сил, не научившихся ладить как друг с другом, так и с демократически настроенными группами, культивирующих антикоммунистические предрассудки, нанесло большой вред научным исследованиям диаспоры. После возникновения независимой Украины закрепились давно вызревавшие перемены: демократические группы, ориентированные на связь с родиной, приняли участие в формировании новой украинской исторической парадигмы. Провозглашение становления правового демократического государства достойной целью, вокруг которой возможна интеграция общества, заставило пересмотреть ряд догм. Хотя влияние старшего поколения националистического движения далеко не ослабло.

Заслугой новой государственности, по-видимому, стала возможность признать отечество со стороны тех, кто этого сделать не мог, не отказываясь от традиции. Формально плюрализм означал равенство и множественность традиций в новых условиях. Фактически он давал даже преимущества для пропаганды ранее отвергнутых традиций.

Диаспора воспользовалась новыми возможностями, но убедилась, что жизнь не стоит на месте и простое повторение догм не даст долгой славы открывателей нового. Заимствования из англосаксонских источников могли пагубно сказаться на дискурсе. Он стал обретать отвлеченность и замкнутость. Разделение на своих и чужих дополнялось заметной привычкой судить и поучать со стороны. Опыт развитой демократии мог обернуться непониманием происходящего в Украине.

Освоение демократических традиций равно необходимо Украине и диаспоре

Ряд демократических традиций, наследниками которых считают себя зарубежные украинские авторы, пополнился. К традициям Центральной Рады, галицийской государственности ЗУНР и гетманата совершенно логично прибавилась традиция советской государственности.

Даже неприятие советской государственности по идеологическим мотивам не может вычеркнуть из истории эпохи, когда основание третьей попытки создания государства украинского народа, собственно, и было заложено. Впрочем, недоверие распространялось и на период Центральной Рады. Для эмиграции вопрос состоял также и в том, не являет-

ся ли всякое признание достоинств гетманщины уступкой России?

Территориальное единство украинских земель закрепилось только в советскую эпоху. Формальное признание нероссийского характера государственности (советский федерализм) означало наличие еще одной традиции. Не признавая декларированного равенства республик, эмигранты попадали под влияние тезиса, что Советский Союз – это продолжение империи и, следовательно, Украина – колониальная окраина. Тут возникало противоречие между стремлением, с одной стороны, к современному государству с демократическими порядками и, с другой стороны, к освобождению колоний, которое неизбежно вело к диктатуре переходного периода.

Зависимость от истории или комплекс зависимости?

Концепция зависимости Украины от России в рамках некоей постепенно исчезающей автономии, полученной в результате национальной революции XVII века, как осколок государственности Богдана Хмельницкого, оказывалась более выигрышной. В историографии утвердилась мысль, что именно Польша толкнула казачество в объятия Москвы. Именно она помешала консолидации молодой государственности, что и привело к московскому протекторату¹.

Получался набор странных тезисов:

- Украина стала колонией после революции XVII века;
- перешла к автономии после государства;

- там была революционная элита, но не было буржуазии;
- был подписан равноправный договор между колонией и колонизатором и т.д.

В конце концов даже националисты уяснили, что наличие советской государственности в самом декларативном и формальном объеме все-таки является некоторым условием для государственного строительства. А слияние России и Украины в единое унитарное государство, если бы оно состоялось, замкнуло бы национальный вопрос в проблему автономии. Так постепенно эмиграция вынуждена была поворачиваться к реальным процессам, идущим за железным занавесом.

Время проверки концепций

Теперь пришла пора проверить концепции. По мнению некоторых историков диаспоры, федерализм не выдержал проверки и несколькими месяцами национальной революции 1917-1918 годов. Это спорный тезис, если учесть наследников слева, ибо *без идей федерализма невозможно представить ни раннюю, ни зрелую фазу украинской советской государственности.*

Если следовать этой логике, то не только без УНР не было бы гетманата или УССР, но и без универсалов Центральной Рады и Акта Соборности не могло быть затем полноправных советских правительств, воссоединения Западной и Восточной Украины, присоединения Крыма к Украине, советских или постсоветских конституционных актов. Связь этих актов – в самой структуре исследуемого объекта, сужаем ли мы или расширяем предметную область.

Идея Пьемонта 1917-1923 годов в некотором смысле является мертворожденной. Наиболее развитой частью Украины не только в промышленном, но и в сельскохозяйственном отношении оказались совсем другие территории. Но в любом случае имеет смысл говорить, что в отдельные моменты власть Центральной Рады едва выходила за околицы Киева, а власть правительства Галиции 1918-1920 годов была относительно целостной, представляла двухпартийную систему и в решающий час объединилась с правительством национальных коалиций. Западноукраинская народная республика, при всем партикуляризме, внесла определенный вклад в политическую культуру.

"То, что украинцы умеют "святить ножи и резать панов", все мы чудесно знаем. Но значительно более проблематично, может ли какая-нибудь украинская власть, хотя бы полгода и хотя бы на территории одного уезда оберегать успешно безопасность жизни и имущества граждан, что и является первой обязанностью каждого культурного государства. Восточноукраинский опыт 1917-1921 годов дает тут поле очень сомнительных рефлексий... За весь период самостоятельности украинско-польской войны на всей территории Западной Украины гражданское польское население не утратило волосинки с головы; что в Галичине не было ни одного еврейского погрома и что даже после перехода УГА (армия республики - авт.) за Збруч тамошние еврейские местечка хлопотали о галицийских гарнизонах, видевши в этом наилучшую охрану против всяких грабителей и мародеров, что галицкие крестьяне, вместо того, чтобы жечь дворы и раскрадывать чужое добро, ожидали решения аграрного вопроса законодательным путем, демонстрируя тем доверие к украинской власти... что большевистская пропаганда не коснулась галицийского воинства (тогда как правительство УНР никогда не имело уверенности, что его отдельные военные части не провозгласят в полный

разгар битвы нейтралитет и прямо не перейдут на сторону врага)..."².

Напротив, Центральная Рада сама стала органом диктатуры, а ее коалиционный характер и культ народа, то есть крестьянства, не означал утраты специфических черт мелкобуржуазности. Это позволило большевикам, не всегда аргументированно, но убедительно для масс, обличать деятельность этой диктатуры как проявление буржуазного национализма. Центральная Рада, с одной стороны, завязла в решении общедемократических задач, а с другой, явно соревнуясь с большевиками, провозгласила в рамках эсеровской идеи социализации земли уничтожение частной собственности на землю (земельный закон от 18 января 1918 г.).

Центральная Рада успела сделать шаг и в национальном вопросе. 22 января был принят закон о национально-персональной автономии, гарантировавший меньшинствам полное самоуправление в делах образования и культуры. В вопросах развития национальной культуры меньшинств Центральная Рада, пожалуй, пошла дальше знаменитой австромарксистской школы, на деле осуществив то, чего другие народы добивались десятилетиями. Но и здесь события опережали, и меньшинства быстро радикализировались, поддерживая интернационалистские силы. Противоречивым кажется вывод И. Лысяка-Рудницкого:

"Универсальное историческое значение борьбы между УНР и Советской Россией состояло в том, что это была не только межнациональный конфликт, но также столкновение двух социально-политических систем - соревнование между демократией и тоталитарной диктатурой... Несмотря на тот факт, что тоталитарный характер со-

ветского режима в то время еще не полностью проявился"³.

Когда демократия становится диктатурой, иллюзии гибнут

Какие тенденции несла УНР? В тех условиях неизбежность диктатуры как раз и доказывает ее неспособность выжить. Тем не менее, вооруженная борьба за самостоятельность имела смысл и после 1921 года, когда это крыло украинской революции было разгромлено (в советской историографии, к сожалению утвердилось представление о всех противниках большевиков как о контрреволюционерах. "Действительно умеренный революционер" – выражение смешное, но, учитывая обилие оттенков красного и крайних течений, можно утверждать, что в украинском движении всегда присутствовала революционная составная часть без кавычек, и ее нельзя списывать в разряд контрреволюции).

В политической традиции самостоятельность Центральной Рады повлияло как на национально-демократическую традицию, так и на гетманский консерватизм, интегральный национализм и даже национал-коммунизм.

Стремление к самоизоляции может быть преодолено

Соединение традиций федерализма и самостоятельности, их взаимное дополнение и синтез в общественных движениях все еще остаются возможными. Тяга к самоизоляции не является волей всей элиты, а тем более народа – это тоже один из уроков украинской революции.

Еще одним компонентом структуры идейных сил в Украине можно считать украинский коммунизм. Его сила всячески преуменьшается историками диаспоры и постоянно подчеркивается его неукраинское происхождение. Хотя объяснить влияние народничества или монархизма также невозможно без внеукраинских источников.

Национал-коммунизм и истоки изоляционизма не совпадают

Основным трудом национал-коммунизма, а ортодоксия вообще не рассматривается, называют трактат Сергея Мазлоха и Василия Шахрая "К волне" (1919). Однако влияние этого течения в большей степени приходится на 20-е годы, уже после завершения гражданской войны. Здесь ведущими фигурами оказываются Николай Хвылевой (1893-1933), Николай Скрипник (1872-1933), а также уже названный в числе социал-демократов В. Винниченко с его национал-коммунистической книгой "Возрождение нации", изданной в 1920 году в Киеве и Вене.

Таким образом, национал-коммунизм рассматривается как неортодоксальная возможность эволюции советской Украины в сторону большей самостоятельности. Его влияние будет ощущаться до конца 30-х годов.

Украинский случай – случай народа с небольшими национальными элитами, представленными главным образом интеллигенцией. Интерес к этому случаю определяется и его нетипичным, особенно агрессивным и идеологизированным способом взаимодействия с шовинизмом ранее имперской нации⁴.

Историки диаспоры видят серьезные проблемы во взаимоотношениях трех государственных формаций, созданных украинской революцией: УНР, гетманата и УССР. Кроме того, они считают, что украинцы создали также и региональные государственные организмы в Галичине и на Кубани.

Особое место занимает гетманщина, которая вызывает споры, растянувшиеся на многие десятилетия. Сторонники УНР обвиняли П. Скоропадского в том, что его затея – это выдумка московских помещиков, желавших вернуть свои поместья в Украине. Сторонники гетмана, напротив, твердили, что он создал могущественное украинское государство, разрушенное бессмысленным бунтом социалистов.

В левом спектре наблюдались разногласия по поводу украинской советской республики. Всякая несоветская власть рассматривалась как продолжение белогвардейщины, что также мешало пониманию сути дела. Неукраинский характер ядра большевистской партии в свою очередь вызывал среди правых историков желание в упор не видеть советской государственности. Так, критерии Галичины переносились на восточную и центральную Украину, а по этим критериям государственность могла быть только вне советской системы.

В то же время национал-коммунизм стремился, когда тайно, а когда явно, к укреплению советской государственности, чтобы при благоприятных условиях (а в перспективе мировой революции это казалось и туманным, и возможным) установить желанное равенство Украины и России.

В тех условиях это было невозможно. В отличие от восточноукраинских земель Галичина, где были

представлены совсем другие силы – национально-демократическая и радикальная партии, хаоса избежала. Но близость к Европе не означала отказа от искушения тоталитарным опытом. Когда Восточная Украина разочаровалась в экспериментах большевиков по украинизации, тоталитарная волна интегрального национализма в Галичине только начиналась. Демократия не дала того, чего от нее ожидали, а советская власть воспринималась как не подлежащая изменению.

Два универсала Центральной Рады обозначали два этапа формирования новой государственности, но вовсе не свидетельствовали об изначальной нацеленности на отделение. И. Лысяк-Рудницкий предлагает видеть в них не только два этапа государственного строительства:

"Но их можно рассматривать и как проявления двух различных, альтернативных концепций украинской государственности: федералистской и самостийнической. В то время, когда был провозглашен Третий универсал, центрального российского правительства уже не существовало. Тем не менее, федералистическая направленность этого акта была не навязанной извне, а полностью добровольной"⁵.

Федерализм, самостийничество, самоуправление – смысловое богатство утопии

Две стадии процесса государственного строительства: федерализм и самостийничество.

Радикализация мышления деятелей Центральной Рады в направлении полной независимости не была мгновенной. По-видимому, какое-то время они по-

лагаали, что большевики пришли ненадолго и восстановление республики даст шанс автономной Украине в составе федеративной России осуществить одно из их программных требований.

Политическая эмиграция первого поколения никогда не забывала этих реалий. По-видимому, следует объяснить то, что напоминание историков диаспоры об этом периоде своим оппонентам сыграло роль в становлении устойчивой тенденции к консолидации опыта нации. Можно по-разному относиться к этому опыту, но нельзя не видеть его.

В данном разделе говорится не столько о махновщине, сколько о воссоединении отечественного и зарубежного дискурсов, позволяющих наладить обмен идеями между различными историографическими традициями, что важно для становления единого исследовательского дискурса современной историографии. Опыт крестьянского повстанчества и левацкой революционности в национальной революции – лишь частица тех смысловых богатств, освоением которых она призвана заниматься.

Пепел и огонь. Борьба тенденций

У украинцев две диаспоры – восточная в 12 млн. человек и западная – 5 млн.⁶ В данном случае речь идет о западной диаспоре.

Изживание подозрительности – дело долгое. Феномен историка И. Лысяка-Рудницкого позволяет сосредоточить внимание на тенденциях анализа прошлого. Под пеплом тлеет огонь. То, что кажется устоявшимся, в 80-90-е годы снова стало живым огнем поиска, полемики, критики.

Демократические круги украинской общественности крайне разнородны в странах, где диаспора осталась под сильным давлением крайних националистов – "доморощенных тоталитаристов"⁷.

Не была ли борьба с "якобинством" условием становления гражданского общества?

Привлекательность якобинства как наиболее драматической фазы революционного процесса И. Лысяк-Рудницкий пытается интерпретировать как величайшее зрелище, захватывающее своими эстетическими качествами в противовес рациональным и этическим аргументам. Популярность большевизма среди литературных снобов Запада он сводит к параллели между Робеспьером и Гладстоном, вполне справедливо замечая, что Робеспьер куда более интересный герой для киносценария. Останаваиваясь и на революционной эстетике, которую часто не видят, историк диаспоры пишет: "Это не ирония, а существенная психологическая истина"⁸.

Ни Руссо, ни Робеспьер не принадлежат к либеральным традициям, творцами которых были Локк, Монтескье, Адам Смит и Кант.

И. Лысяк-Рудницкий не упростил себе задачу, когда провозгласил верность определенной традиции. Но этого не смогли сделать многие отечественные историки. Французская историография в одном из своих сегментов опирается на якобинскую традицию, отечественная сегодня "стесняется" ярко выраженного большевистского крыла. Это явление любопытно, но сейчас речь о якобинстве украинском.

М. Драгоманов пытался даже различать негативный и позитивный потенциалы якобинства. Если под революционностью понималась энергия слова старого строя, то якобинцы оказывались революционными, а если способность возводить новый строй, то из всех политических течений времен Французской революции они были наименее революционны в силу склонности к бюрократической централизации и диктатуре, что напоминало систему старого Французского королевства.

С точки зрения И. Лысяка-Рудницкого, не только республиканский федерализм жирондистов, но и конституционно-монархический либерализм (фельянов) будет являться более революционным, чем якобинство. Само собой понятно, зачем И. Лысяку-Рудницкому понадобилась параллель между якобинством и большевизмом, да еще со ссылками на М. Драгоманова. Оригинальное достижение М. Драгоманова он видел в перенесении концепции Токвиля на российские отношения.

Как показывает история, централизованная власть с армией, бюрократией и диктатурой, даже если диктатура олицетворяет какой-либо комитет, будет шагом назад. Так задается рамка оценок событий национальной революции. Либеральная рамка.

Не была ли борьба с якобинцами условием становления гражданского общества? Но и борьба за советскую власть без диктатуры большевиков, которую вели левые эсеры, махновцы, меньшевики-интернационалисты, а также попытки ограничить всевластие "государственной партии" (использую термин С.В. Кульчицкого) – боротьбисты, укаписты и другие национал-коммунисты – не была ли такая

борьба отстаиванием зародышей гражданского общества? Не другая ментальность, а другой исторический опыт лежали в основании отказа населения принять в свое правосознание проект гражданского обновления. А из гражданской войны такого масштаба могла выйти лишь диктатура. Реставрации не произошло. Якобинцы проиграли. Большевики, учтя их опыт, победили.

Советы и крестьянство ужились быстро. Но Советы и большевики – нет. Советы на селе мешали проводить якобинскую линию. Советы сначала были заменены в качестве местных органов власти комбедами, затем восстановлены фиктивно на основе тех же комбедов (последние, следовательно, не были "ликвидированы", а просто влились в структуры новой власти в деревне). Формально комнезамы в украинской деревне исчезнут лишь к 1935 году, но их роль к тому времени сводилась к функциям общественной организации. В 1919 г. это их была власть над Советами. Введение комнезамов в украинских деревнях весной 1919 года было, как признавались впоследствии сами же большевистские руководители, большой авантюрой?

Новые подходы

Тенденция разбираться в реалиях позволила проявиться новым подходам. Единого подхода к гражданской войне и ее последствиям наука счастливо избежала, дав шанс оформиться научным школам.

Большое влияние в Украине нашего времени обрела книга канадского историка О. Субтельного. Некоторые частности, касающиеся темы крестьян-

ства, активно оспаривались. Так А.М. Лебеденко не согласен с О. Субтельным, что в Украине

"хождение в народ" ограничилось лишь Киевской губернией¹⁰.

Такой подход игнорирует достижения отечественной историографии, накопившей документальные свидетельства о размахе и характере народнического подвига 70-х годов¹¹.

Вместе с тем, бывшие террористы, ставшие историками или мемуаристами, продолжают настаивать на том, что в дни их молодости крестьянство неприязненно относилось к либеральной идеологии, не видело необходимости в частной собственности, разделяло идеал общинной собственности, хотя в то же время, крестьяне хотели передела земли по воле царя¹². Либеральная программа развития земельной собственности везде вызывала отрицательное отношение¹³.

Наследницей Киевской коммуны выступила группа так называемых Южных бунтарей, требовавшая прямого перехода к организации вооруженного восстания. По мнению А.М. Лебеденко, О. Субтельный совсем не учитывал ни их деятельности, ни чигиринского заговора, ни размаха народнической пропаганды, ни многого другого¹⁴. Их планы восстания, построенные на подлоге и обмане, преувеличении сил и других хитростях, напоминавших нечаевщину, в конечном счете были осуждены даже М.А. Бакуниным¹⁵.

Частный случай полемики важен тем, что борьба за детали скрывает смысл исканий. Незнание закономерностей развития гражданского общества или игнорирование истории революционного движения,

сведение специфики к общецивилизационным (то есть западным) образцам не дает сосредоточиться на использовании уже имеющегося опыта. А это чревато открытием велосипеда.

А.М. Лебеденко дает понять, что изоляция от полученных результатов в таком частном случае, как "хождение в народ", лишь верхушка айсбергов незнания диаспоры. Но этот же аргумент иногда работает и против отечественных историков. Тенденция сближения методологий такова, что скоро результаты, полученные в Торонто или Киеве, совпадут, но лучше бы без снижения исследовательской планки. Однако это уже происходит. Поэтому настороженность и следование своим курсом при любом сближении естественны. *Историография диаспоры не заменит отечественную традицию и не станет ее основой, но игнорировать ее больше нельзя.*

Бессмысленность сведения счетов с исторической памятью – ценность всех свидетельств

Поколение эмигрантов, связанное с Украинской Народной Республикой, оказалось в изоляции, а националисты усугубили его непродуктивными шагами.

Новые группы, по словам И. Лысяка-Рудницкого, были парализованы истеблишментом. Единение обрело контуры идеи фикс. Ибо единение проигравших всегда нестабильно. Тем более, если складывается из сегментов, противоборствовавших ранее. Все попытки создать государственнические центры

за рубежом там же натыкались на противодействие. Демократическими силами не признавалась узурпация традиции оуновцами, а инициативы демократов принимались в штыки бандеровцами, сросшился с местными сообществами спецслужб.

Представители Центральной и Восточной Украины из послевоенной эмиграции объединились вокруг УРДП, члены которой считали себя наследниками "расстрелянного возрождения" 20-х годов. Новый демократический синтез казался возможным лишь при соединении этой традиции с традициями галицийского парламентаризма и теми элементами националистического подполья, что искренне расстались с тоталитарным наследием Донцова и Бандеры. Кроме регионализма, галичан и националистов отличает политическая генеалогия. Восточные украинцы не находили после войны себе места среди демократов и националистов¹⁶.

Именно для Надднепрянщины создавал Иван Багряный свою партию. Но никакой революционной деятельностью на родине партия так и не занялась. То, что Винниченко и Грушевский помирились с советской системой, также повлияло на авторитет лидеров УНР в эмиграции, а затем и в диаспоре¹⁷.

Народнический комплекс – наследие проигравших

Самым слабым местом прежней надднепрянской демократии называет И. Лысяк-Рудницкий *революционно-демократический, народнический комплекс* в лагере эмигрантов. Его нужно, с точки зрения либерального историка, перебороть, а не культивировать¹⁸. Тезис спорный, но вывод правильный: иначе

остаётся возможность левацких уклонений, тех, что ненадолго сблизжают национальную элиту с массами. Либерала беспокоит и игра революционной фразой ОУН и УРДП¹⁹. Он полагает это не невинным занятием, ибо однажды приходится исполнять обещанное или обманывать массу. Тоталитаристы не могут согласиться с принципом Масарика: демократия – это дискуссия²⁰.

Рациональное и иррациональное в повстанчестве

Избегая греха, не следует избегать грешника, говорит либерал об украинцах, сделавших ставку на тоталитаризм, – коммунистах и оуновцах, последних прямо называя фашистами²¹. Именно их засилье и сделало диаспору столь далекой от проблем родины. Не хватает и мудрости Липинского с его приматом внутренней политики. Такая диаспора не может быть связующим звеном Украины и внешнего мира, она должна измениться.

Считая своими учителями в этих вопросах К. Юнга и М. Вебера, И. Лысяк-Рудницкий полагал обязательным равновесие сознательного и бессознательного начал в индивидуальности и движениях духа и действия. Акцент рационализма всегда имеет педагогический характер. Иррационализм националистов, напротив, ведет к глубоким эмоциональным срывам, среди прочего отравляющим жизнь эмиграции. Постоянная пропаганда действия во что бы то ни стало подпитывала террористические проявления в этой среде, формировала излишние амбиции и нетерпимость в противопоставлении ложно понятой национальной идеи и людей, не разделявших во-

люнтаристских допущений этих теоретиков и практиков "эмоциональности." Демократу больше нравилось ссылаться на пророчества иноземцев, сделанные в общей форме, чем на мистическую и телесную стихию, скрепленную материнскими архетипами. "Украина станет когда-нибудь новой Грецией", – еще в 1769 году написал И.Г. Гердер, но и через два столетия это пророчество не сбылось, хотя в культуре такие допущения могут творить новые мифы, их перенесение в практическую плоскость чревато, по меньшей мере, недоразумениями²².

Противопоставление интеллекта и воли в ультраправых движениях является сознательным программированием эксцессов и преступлений, что лишний раз напоминает о необходимости полноты жизни для адептов любого учения. Но такая полнота входит в контрастное несоответствие с лидерами и программами. Сектантство враждебно духу целостности, хоть принято думать, что порождено им. Одержимые какой-либо идеей со стороны кажутся ненормальными или больными.

Однако рационализм может и разрушить движение, быть фактором бюрократизации, застывания форм. Отдавая предпочтение воле, Дмитрий Донцов, по-видимому, понимал, что инстинкты питают солидарность отчаявшихся, а рационализация страхов уводит людей из движения. Что касается неугомонной эмоциональности, то ее невольных проявлений в окружающей жизни достаточно – истерия, детская упрямость, неразумный гнев, амбиции, жажда власти, агрессивность.

Вопреки Д. Донцову, В. Липинский и И. Лысяк-Рудницкий утверждают, что критерием воли не может быть слепая эмоциональность, а напротив, им

является способность подчинить эмоции контролю сознания, его рациональным и этическим требованиям.

Д. Донцову кажется, что провал национальных движений 1917-1920 годов был следствием недоразвитости эмотивного потенциала, а потому для укрепления воли украинского общества следует эмоциональность довести до белого каления. Он даже утверждает, что это даст "новый национальный эрос", на что В. Липинский отвечал так:

"Это только вы – украинские интеллигенты, что в грехах молодости загубили все свои эротические способности, – думаете, что "эрос" может твориться книжками. Наш народ черноземный "эроса" и "фанатизма" имеет даже слишком много. Его "эрос" Вы уже проверили недавно на собственной шкуре. Но опытом не научены. Снова размахиваете перед его глазами теперь уже под национализм раскрашенными революционными косынками"²³.

Годы гражданской войны показали, что воли к созданию собственного государства было меньше, чем эмоциональности и фанатизма. И. Лысяк-Рудницкий поясняет:

"Правда ли, как утверждает Донцов, в том, что не хватало эмоционального порыва, фанатизма, эроса? Взглянем на просторы Надднепрянщины в 1919 году, когда она сотрясалась от разных партизанских отрядов. Разве Махно, Зеленому, Григорьеву и десяткам других атаманов не хватало "эроса"?... Когда б стихийная сила, что рассеивалась в примитивных порчах и братоубийственных усобицах, была направлена в одно русло, то Украина стала бы не только самостоятельной, но и могущественной державой. Не хватало не "эроса" – потока эмоциональной энергии, а "логоса" – трансформатора соз-

нения. Это, однако, было издавна хронической слабостью украинской духовности"²⁴.

Историки диаспоры подчеркивают, что русская община с ее переделами была чужда украинскому крестьянину, но ставка на фермера в условиях начавшейся гражданской войны оказалась проблематичной.

Некоторые иллюзии относительно будущего Украины питали и эмигранты. Часть из них в 50 – 60-е годы XX века перешла на социалистические, неоталитарные позиции. Популярными стали идеи, что будущее Украины может быть связано с возрождением кооперации.

Трудовые утопии легко критиковать, важно понять, почему они вновь появляются

Так, Иван Сагайда разработал концепцию системы трудовых акций, трудовых предприятий, кооперативной гармонии. Его книга "Великие вопросы" имела некоторый резонанс. Соглашаясь с тем, что социализм напоминает государственный капитализм, а на нынешнем этапе развития техники другого социализма ожидать не приходится, И. Лысяк-Рудницкий комментирует Ивана Сагайду:

"Кооперативная форма собственности – это одна из попыток разрешить проблему капитала. Кооперативное движение имеет на Украине хорошие традиции; можно считать, что оно отвечает определенным духовным особенностям украинского народа. В будущей вольной Украине кооперация снова сыграет значительную роль. Но можно ли допустить, что кооперативизм станет в Украине господствующей формой собственности?"

Это было бы возможно только в том случае, если бы кооперация была способна управиться с такими объективными экономическими функциями, которые выполняет капитал и его собственники. В определенных пределах это осуществимо. Например, на кооперативных основах можно организовать портновскую артель, пищевую лавочку, сбыт молока... Но можно ли на кооперативных основах организовать угольную шахту, металлургическое или машиностроительное производство или железную дорогу? Минута раздумий научит нас, что эта концепция абсурдна"²⁵.

Никакой либеральной демократ не видит такого будущего Украины, как солидарист Иван Сагайда. Тем не менее, само направление поисков разрешения социальных вопросов – знак поворота к реальности. Эмиграция постепенно осваивала тематику нэпа и национал-коммунизма. Но даже самые скромные признания того, что в Украине могут происходить какие-либо позитивные сдвиги, наталкивались на сопротивление верхушки эмиграции. Переплетение национального и социального вопросов допускалось лишь в рамках националистических программ. Зарубежье не дало возможности "совлечения ветхого Адама"²⁶.

Демократические украинцы на Западе не скоро поняли, что украинский национализм связывается со всем, что было в стране наиболее реакционного, фашистского, пронацистского, антирусского, антипольского и антисемитского²⁷.

Свято отечество, а не власть

В глазах националистов, рассуждавших о независимом государстве, был важнее принцип территориального государства. В 1918 году эту позицию оз-

вучил Пилсудский: "Государство делает нацию, а не нация делает государство"²⁸. В любом случае, тезис о политической нации исходил не от крестьян или их движений.

"Национализм и государство стремились использовать чувства людей, связанных понятиями "родные и близкие", "дом", "соседи", относя их к территориям и населению совсем других размеров и масштабов, что превращало эти искренние слова в отвлеченные метафоры. Обесценивание понятий и ценностей, которые всегда были дороги людям (связанных со словами "деревня", "родные", "церковный приход" и т. п.), обусловленное утратой их связи с реальным содержанием и реальными чувствами людей, требовало какой-то замены. Появившуюся пустоту постарались заполнить с помощью отвлеченного понятия "нация"²⁹.

Идею нации затем превратили в настоящую религию политически независимых государств. К чести украинского народа эта "религия" никогда не была ни единственной, ни определяющей духовный климат в стране. Немецкий пример больше вдохновлял элитарные группы, чем крестьян и жителей поселков, местечек и городов. Щедрые жертвы на алтарь отечества приносились, но импульс исходил из другого источника. Хотя под национальными знаменами оказалась часть народа, но еще более внушительная встала под знамена социальной справедливости.

"Слово "ассимиляция" в XIX веке не имело дурного смысла и означало цель, к которой стремились очень многие, особенно среди желавших влиться в средний класс"³⁰.

Другое дело, что имперские порядки обостряли национальные чувства там, где национальный признак препятствовал достижению целей людей в об-

ласти хозяйственной и общественной деятельности, места жительства, карьеры, отправления культов и так далее. Но эти вопросы больше занимали средние слои, потенциальную элиту и отдельные дискриминируемые общности, например евреев. Городская буржуазия рассматривала потоки мигрантов в города как соединение внутренних и внешних варваров. *Понятие нации обретало черты некоей личности или даже сверхличности. Во всяком случае, это не название группы, а указание на связи и отношения, укорененность в среде подобных не по одному, а по нескольким признакам.*

Мода на этническое формировалась медленно, в этом процессе не последнюю роль играла борьба зависимых стран и колоний за освобождение или равноправие с господствующим этносом. В империи это осложнялось сословной принадлежностью. Крестьяне как многочисленный слой украинского населения, прежде всего были именно сословием. В период перемен сословное сознание не может испариться мгновенно, напротив, в условиях опасности оно способно поглощать элементы современного, в том числе и классового сознания.

Украинский национализм попал под понятие "тоталитарного движения"

Задолго до перестройки, еще мае 1976 г., в Нью-Йорке собрался Конгресс украинской свободной политической мысли, предполагавший дать импульс единению Украинского национально-демократического объединения, Организации украинских националистов за границей, Украинской революционно-демократической партии и беспартийных. За-

силе бандеровцев поставило эмиграцию в тупик. Нетерпимость старой эмиграции мешала историкам диаспоры войти в демократическое сообщество с новой правдой, ибо обслуживание идеологически отсталых групп позволяло им существовать десятилетиями там, где мало кого занимала украинская история³¹.

Историки признают, что украинский национализм полностью попал под понятие "тоталитарного движения". Речь идет не только об идейном и организационном единстве, а, скорее, о полном неприятии всякого иного способа оппонировать власти. ОУН – категорический противник не только большевизма, но и либерального капитализма. Корпоративизм и солидаризм сближают украинского националиста с фашистом. Однопартийная диктатура во главе с вождем, а вождей было трое (Е. Коновалец, А. Мельник, С. Бандера, к которым иногда добавляют Л. Ребета), и они воплощали волю украинских масс. Этот орден "лучших людей", по сути, был аппаратом власти с жесткой иерархией, в которой функции лидера движения совпадали с функциями будущего главы государства. Ни для монархиста В. Липинского, ни для демократов из лагеря УНР такой подход был неприемлем.

Если фашизм в его наиболее развитых формах продукт индустриальных и урбанизированных обществ, то в Галичине мы имеем ту же разновидность фашизма, что свойственна отсталым народам Восточной Европы. Хорватские усташи, румынские железногвардейцы, словацкие глинковцы, польские радикалы-народовцы – вот список движений, в которые попадают украинские националисты³².

Распад на две фракции в 1940 году не изменил характера движения. Интегральный национализм

использовал крестьян в своих целях. Но повстанчество в Западной Украине – сложный феномен. *Покончить с легендами и мифами здесь мешает наличие мощной элитарной традиции.* Каста "лучших людей", о которой писал Донцов, а она в его книгах и приводит в движение аморфную массу, никогда не переводится.

Попытки захваливать крестьянских повстанцев как носителей этнократической программы, сегодня видны во многих изданиях. Нет смысла перечислять авторов этого направления. Назовем, пожалуй, эссеистику Д. Корчинского. Образ повстанца на страницах его эссе уживается с образом провокатора. Небескорыстное использование крестьян-повстанцев элитой, обращение с ними как с представителями аморфной массы – необходимость самозащиты элитаризма.

"Калина не верба"

Калина не верба, поется в народе. Что только ни олицетворяет для украинца калина? И землю, и дом, и веру, и мать Божью, и любовь, и дорогу. Но отнесемся к символике с осторожностью.

"Летопись червоной калины" – так называлось одно из закордонных изданий, рассказывавшее о повстанцах. Красивый образ. Да другие повстанцы. Любование символами не раз подводило. Земные, материнские, языческие архетипы сулят иногда неприятные открытия. Можно идти в будущее, а прийти в прошлое. Потому калина не верба.

Верба в славянской символике выступает замещением той зелени, которой был встречен Спаситель при входе в Иерусалим. Верба хранит и обещает заступничество.

"У всех восточных, а кое-где и у западных славян, – пишет Н.С. Шапарова, – было хорошо известно хлестанье вербой как профилактическое средство от болезней, порчи и бед. Например, вернувшись из церкви в Вербное воскресенье, русские стегали друг друга прутьями освященной вербы, приговаривая: "Не я бью, верба бьет": тех же, кто проспал заутреню, хлестали посильнее с приговоркою: "Верба хлес, бей до слез". Нередко делали еще и так: проспавших заутреню ударяли освященной вербой и, обливая водой, приговаривали: "Будь великий як верба, а здоровий як вода..."³³.

Чего б и не похлестать друг друга, как в Вербное воскресенье, вместо обливания привычными помыями? Слышится важная нота.

Спасительны ли усилия тех хранителей пепла и тушителей огня, которые продолжают видеть единственной истиной собственную традицию противостояния – повстанческую или карательную?

Не пришло ли действительно иное время, когда *совместное осознание* ран национальной истории будет их лучшим *врачеванием*? Маленькая историографическая утопия или большое человеческое чудо? Нет, только норма, позволяющая шагать вперед без опаски, что прошлое выстрелит. Разве не ради этого трудится историк?

Преодоление "синдрома эмигранта"

Противопоставление демократии и тоталитаризма нарушает логический ряд и имеет самые прискорбные последствия. На самом деле противоположностью демократии выступает диктатура, а тоталитаризма – плюрализм. Трудно, однако, объяснить чисто логически, не прибегая к принципу историзма,

как демократы Центральной Рады, например, оказываются приверженцами диктатуры.

Данный пример свидетельствует о том, что схема противопоставления демократии и тоталитаризма (например, И. Лысяка-Рудницкого) срабатывает не всегда. *Не только национализм, но и коммунизм может быть как тоталитарным, так и нетоталитарным. Но и народничество тоже не всегда плюралистично, а иногда может быть и тоталитарным. Сложнее с консерватизмом.*

Достоинство В. Липинского именно в том, что он был монархистом-плюралистом, понимающим, что, не склоняясь к диктатуре, противника уничтожить нельзя, с ним придется жить в рамках одной правовой системы.

В чем значение его идей для государственного строительства будущей Украины? Историк диаспоры говорит так:

"Посткоммунистическая Украина должна иметь плюралистическую структуру, чтобы не стать еще одной диктатурой. Плюрализм считается признаком либеральной демократии. А между тем, хоть это и парадоксально, среди всех украинских политических мыслителей именно антидемократ Липинский был самым последовательным плюралистом"³⁴.

Независимость и геополитика

З. Бжезинский называет появление Украины на карте мира одним из трех наиболее значимых геополитических событий XX века. Первым событием он считает распад Австро-Венгрии в 1918 г., вторым – раздел Европы на два блока в 1945 г., третье геополитическое событие означает конец имперской России. По Бжезинскому, это нечто большее, чем конец СССР. Это конец последней империи в Евро-

пе. Именно независимая Украина развалила имперское единство и дала возможность России как государству и русским как нации стать демократической и европейской. Таким образом, появление независимой Украины есть не только важнейшее геополитическое, но и философское явление, говорит Бжезинский³⁵.

Объясняя падение царизма и советской власти, Р. Шпорлюк пытался выяснить национальные основы распада империи. Немного удивительны, с его точки зрения, утверждения даже известных историков, что большевики под руководством Ленина в 1917 году свергли царя. Большевики не свергли царя, возражает ученый, они свергли первое в России демократическое правительство. Демократическая Россия просуществовала полгода. Падение монархии, падение демократии и победа большевиков в своей согласованности означают, что создание русской нации перед 1917 годом не было завершено³⁶. Это замечание можно принять с уточнениями. Большевики проявили должную активность в феврале 1917 года, контролируя те организации, которые вывели массы на улицы и тем самым свергли царя.

Второе замечание состоит в том, что если не сложилась русская нация, то не сложилась и украинская. Нация, претендующая на государственность, либо не сложилась, либо не может на нее претендовать. В борьбе сил утверждение советской государственности как раз и опровергает тезис Р. Шпорлюка.

Напротив, ранние национал-коммунисты С. Мазлох и В. Шахрай пропагандировали идею равноправия Украины и России, украинской компартии (большевиков) с российской компартией. Веря в

мудрость Москвы, своей партии и ее вождей, они задавали прямой вопрос Ленину: "Можно ли оставаться членом РКП и отстаивать самостоятельность Украины?". Возможно, не на этот самый, но на подобные вопросы Ленин ответил 28 декабря 1919 года в "Письме к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным":

"Среди большевиков есть сторонники полной независимости Украины, есть сторонники более-менее тесной федеративной связи, есть сторонники полного слияния Украины с Россией. Из-за этих вопросов расхождение недопустимо. Эти вопросы решит всеукраинский съезд Советов"³⁷.

Империи хоронят их жители – бывшие крестьяне

Украинские коммунисты понимали, что существующая партия носит не только пророссийский, но и просто русский характер. Однако решение проблем взаимоотношений с товарищами через Интернационал казалось слишком экзотическим. Книга С. Мазлоха и В. Шахрая важна как свидетельство переосмысления трудностей гражданской войны. 1919 год – год новых поражений советской власти, и договориться с населением, и прежде всего с крестьянством, по мнению национал-коммунистов, будет легче, если за дело возьмутся местные коммунисты. Но из Москвы ситуация виделась иначе. Если нельзя справиться с трудностями российскими силами, то еще меньше надежд на силы национальные.

Украинский национальный коммунизм не смог коренным образом изменить ситуацию в Украине, но в годы сталинской украинизации он оказал

влияние на административную и культурную политику, а также на сохранение некоторой самостоятельности в рамках СССР.

Конфликты между украинскими крестьянами и различными государственными образованиями, пытавшимися утвердиться на Украине между 1917 и 1920 годами, А. Грациози рассматривал как часть "общего противостояния крестьянства бывшей Российской империи сначала царскому государству, а затем – советскому" (ссылаясь как на собственные работы, так и на работы В.П. Данилова). Это противостояние, вслед за Э. Галевн, он определил как *Европейскую Сорокалетнюю войну XX века (1917 – 1956 годы)*, правда, отказавшись от более привычной периодизации 1914 – 1945 гг., объясняя это тем, что

"первая мировая война началась на востоке и была ускорена развалом Османской империи, возмущенным балканскими войнами", а кроме того, "поворотной датой, которая обозначила переход от более или менее открытых конфликтов к относительно стабильной ситуации был скорее 1956 год, чем 1945"³⁸.

Украинская фаза этой Европейской войны (1917-1922 годы) при таком подходе предваряла развертывание одного из центральных конфликтов XX века между старыми державами и "национально-освободительными движениями". А. Грациози употребляет это выражение в кавычках, ибо включает в него и феномен национал-социализма, и другие движения, имеющие мало общего с социальным и национальным освобождением, попытками создания новых государств в мире.

Крестьянская война в мировом контексте: исторические сдвиги и социальные движения

В ЭТОЙ ГЛАВЕ:

- ✓ Немного типологии.
Исчезнет ли крестьянство в пространстве-времени современной истории?
- ✓ Трансисторическая модель взаимодействия элиты и власти.
- ✓ Социальные движения: неизбежность возрождения утопий свободы и равенства.
- ✓ Связь неосновных и основных социальных сил.

Немного типологии. Исчезнет ли крестьянство в пространстве-времени современной истории?

Все крупные революции давали руководителей, идеологов, организаторов из числа среднего элемента, стороннего и чуждого, колеблющегося между господствующим классом и пролетариатом города и деревни. Именно с этого Петр Аршинов начинает анализ мирового контекста махновщины¹.

Социальный бандит в Украине, Испании или Мексике времен активного участия анархистов в широком народном движении – это фигура двойственная, противоречивая, преходящая, но исторически необходимая и ситуативно неизбежная. Именно отказ от профессиональных, национальных, территориальных и религиозных предрассудков, сделавший из социального бандита политического бунтаря в городах, местечках и в сельской местности, выдвинул фигуру крестьянского вожака, военного или универсального организатора и советского руководителя.

Общность и общество

Изучение крестьянских повстанческих движений на разных широтах на материале XX века приводит к

сопоставимым результатам, которые сегодня видятся иначе.

- Прежде всего, крестьянство, даже в условиях расслоения, ведет себя как *целостная общность*.
- Вопреки распространенным представлениям ряда теорий, оно способно формулировать и отстаивать в революции свою *собственную программу*.
- Способно создать *боеспособную армию* и одерживать победы.
- Оно не обречено на поражение изначально и, следовательно, движение крестьян небесперспективно даже без *гегемонии* городских слоев.
- Наконец, типы революционности и руководства не исчерпываются одной моделью, крестьянство содержит в себе в неразвернутом виде весь *потенциал гражданского общества*, хотя последнее строится против него.

Заманчиво использовать противопоставление *общества и общности* по Фердинанду Теннису в характеристиках крестьянского общества и крестьянской культуры. Тем не менее, в случае с украинским крестьянством мы имеем дело не с примитивным укладом традиционного общества, не тронутым индустриализацией и товарными отношениями.

Напротив, крупное землевладение, олицетворявшее *прусский путь* развития капитализма в сельском хозяйстве, уравнивалось потенциальной возможностью *американского пути* посредством организации капиталистических ферм. Но для превращения кулака в фермера было важное препятствие – *всенародный сговор населения в пользу*

черного передела, уравнительного распределения земли. Стихийное восстановление спонтанных связей, круговой поруки, коллективных форм обработки земли, общественного стада или государственное навязывание совхозов и коммун – все это препятствовало быстрому развитию индивидуального хозяйства. В зоне рискованного земледелия (а прекрасные черноземы – это только одна сторона дела) зависимость от соседей в неурожайные годы спланивала сельских жителей единым крестьянским бытом.

Поэтому природность "общности" и социокультурность общества в Украине в отличие от Германии не представляли полярных типов развития или же представляли будущее, которому не суждено было осуществиться. Расстояние между кулаком и фермером могло быть преодолено очень быстро при наличии цивилизационной структуры сельских отношений без помещика. Но такая структура не образовалась. Украинские крестьяне уже не представляли собой первобытную, примитивную силу общности, но еще не были частью современного индустриально-аграрного общества.

Социальный тип крестьянина здесь сохранялся. Он был частью не какой-либо национальной культуры (литовской, польской, австрийской, русской и т.д.), а частью крестьянской культуры как способа организации человеческой жизни, имеющего сходство в разных частях мира.

Р. Редфилад в работе "Крестьянское общество и культура" полемизирует с концепциями Вольфа и Кребера. Если Вольф определяет крестьян как сельскохозяйственных производителей, чей образ жизни связан с землей, находящейся под крестьянским

контролем, то Р. Редфилад, акцентирует отношение крестьянина к элите, пребывающей в поместье, соседнем городке или столице. Он представляет крестьян как сельскую часть прежней цивилизации, которая сменяется новой.

Кребер видел в крестьянах не только деревенских жителей, но и классовый сегмент более обширного общества, который поддерживает связи с городскими центрами и рынками вплоть до столичных метрополий, т.е. он видел в крестьянах часть целого (культура) и общество-часть (другая часть – городские жители).

Статусный характер крестьянских отношений

Р. Редфилад не настаивает на том, что у европейских крестьян есть какие-то особые отношения с элитой в отличие от крестьян Востока или традиционных феодальных обществ. Всех крестьян отличает статусный характер самих отношений между крестьянином и той элитой, которая стоит над ним. ИмPLICITно Р. Редфилад утверждает, что невозможен крестьянин без стоящей над ним элиты. Эксплицитно он выражает это так:

"Будем считать крестьянами тех, кого объединяет, по крайней мере, одно: их занятие сельским хозяйством – средство к жизни и образ жизни, а не предприятие с целью извлечения прибыли. Те же, кто хозяйствует на земле в интересах помещения средств и бизнеса и для кого земля представляет капитал и товар, – это не крестьяне, а фермеры"².

Возможно и другое разделение сельских жителей, кроме разделения на крестьян и фермеров. Из-

давня крестьяне были противоположны кочевникам как оседлые общности. Там, где земли мало, они традиционно живут небольшими группами, объединяющими свои усилия. Китайский историк Фэй Сяодун считает даже, что это основная черта крестьянства.

Оседлые жители, как правило, не агрессивны, расширение среды обитания за пределы возможной обработки земли большого значения для них не имеет, а живя в сельском окружении, они считают безопасность чем-то самим собой разумеющимся, не видят возможности нововведений и считают редкостью вторжение извне. Но самое любопытное, что у оседлых крестьян отсутствует необходимость в какой-либо крупной военной организации, они часто становятся добычей, но редко бывают охотниками или бандитами.

Совсем иное дело в районах, где крестьяне зависят от возможности расширять свои владения. Они более оседлы, но одновременно более подвижны, базовые группы там больше. Вспомним, например, что в северной России 2-3 дома считались деревенькой, а в южных степях хутор мог насчитывать сотни жилищ.

Наличие разноплеменного состава и несельского окружения повышали "внутреннюю температуру" сельских поселений.

Производственной единицей является семейное хозяйство и потребительской единицей - та же самая крестьянская семья

Крестьянские хозяйства являются "независимыми" организмами, внутри которых для членов семьи нет

ни рабства, ни крепостничества, ни наемного труда. Двойственность положения крестьянина состоит в том, что он постоянно пересекает границу свободы и несвободы, чередуя положение зависимого от семьи с положением хозяина в семье. Практически невозможно выделить чисто крестьянское хозяйство, которое все производило только для себя, или такое, которое все бы делало только ради рынка.

В рамках крестьянской экономики сельская буржуазия и класс сельскохозяйственных рабочих находятся соответственно на внутренней и внешней границах крестьянства. С семейным хозяйством несколько проще. Можно согласиться с Д. Торнером:

"Фактически производственной единицей является семейное хозяйство и потребительской единицей - та же самая крестьянская семья. ...С давно сложившимися формами экономического господства и эксплуатации. Если подобные отношения являются типичными на деревенском уровне, то мы имеем почти полную гарантию того, что перед нами сельскохозяйственная экономика с крестьянской, а не капиталистической структурой"³.

Индивидуальное крестьянское хозяйство не продуктивно. В сущности, это утверждалось и ранее. Отказываясь дробить крупные имения, производящие зерно, сахарную свеклу, технические культуры, на крестьянские наделы, поощряя коммуны и насаждая совхозы, новая власть и ранее утверждала превосходство крупного хозяйства. Повстанец видел в коммуне и совхозе продолжение наемного рабства. Индивидуальный надел земли казался предпочтительнее даже тем, кто его никогда не имел. Ничтожная часть повстанцев, однако, стремилась стать капиталистическими фермерами. Кулак был

ближе, но воспринимался двойственно. Он был своим, но его ненавидели.

Решение аграрного вопроса в крестьянской стране предопределило тип эволюции

Рост среднего крестьянства в годы нэпа произошел не только за счет актуальной бедноты, но и за счет потенциального кулачества. Лишенное определенных стимулов, ограниченное в правах и возможностях, оно предпочтет не высовываться за какие-либо рамки.

Как это ни странно, асоциальные силы любят в себе наследников славных традиций (православных, освободительных, государственных и т.д.). Но действительно ли они наследники? Или самозванцы? Что означает фраза: "Нет уже того крестьянства"? Значит ли она, что невозможно сконструировать идеальную схему его архетипической программы или по совокупности фактов установить следы истории в действиях субъектов наследства? Видимо, не значит. Хотя это и трудное дело.

Современные проблемы, например проблемы собственности на землю или экологического равновесия, прямо связаны с тем, как отдельные слои и группы решали их в прошлом. *Решение аграрного вопроса в крестьянской стране предопределило тип эволюции этой страны в период индустриализации и модернизации.* Без ликвидации традиционного крестьянства или его преобразования в новую социальную общность невозможен был ни социалистический советский проект, ни его крах. Как обходится с природой и землей человек, так, в некото-

ром смысле, обходится с общностями на земле отвечающая ему история.

То, что украинское движение в XX веке стало прототипом великих национально-освободительных движений, основанных на крестьянстве, подтверждается также бесконечным многообразием отличительных черт, которые в дальнейшем будут характеризовать их самых значительных преемников.

Исследование повстанчества как всемирного феномена

Мировая схематика также важна для понимания крестьянского повстанчества, ибо перед нами всемирный феномен. Но лучше сравнивать украинский крестьян не с повстанцами сегодняшнего дня, хотя это не бесполезно, а прежде всего с их современниками, чуть раньше затеявшими вмешательство в земельные отношения с оружием в руках.

Во второе десятилетие XX века произошла крупнейшая революция в западном полушарии. Главным вопросом мексиканской революции, так же как и украинской, был аграрный. Изгнание латифундистов дало обширные земли крестьянству. И так же как на Украине, крестьянство не хотело выращивать и отдавать государству то, что требовала власть. Ибо для него это означало продолжение работы на плантациях. Сахарному тростнику или рису мексиканские крестьяне предпочитали кукурузу и фасоль. Вождь крестьян Эмилиано Сапата призывал их прекратить выращивать овощи для себя, а начать выращивать экономически более выгодные культуры. Некоторых он даже склонил к возделыванию сахарного тростника денежными подарками и

семенами новых культур. Но они явно предпочитали работать и торговать продуктами питания. *Сельскому жителю кажется, что продукты питания – это основа основ*, хотя на самом деле рынок требует тех культур, которые нужны городу и промышленности.

Города страдали от голода, а крестьяне не имели продовольствия. Э. Сапата призывал:

"Если вы будете продолжать выращивать перец, лук и помидоры, вы никогда не избавитесь от нищеты, в которой всегда жили. Вот почему я советую выращивать вам сахарный тростник..."⁴.

Многое в Мексике напоминало Украину. Например, влияние анархистов на крестьянских вождей. Сапата никогда не учреждал никакой полиции. Все его законы проводились в жизнь деревенскими советами. Передел земли осуществлялся в соответствии с привычками и обычаями каждого села. Если оно предпочитало общину, то была община, если крестьяне высказывались за раздел земли, ее разделяли небольшими участками в индивидуальную собственность.

Весьма любопытна обстановка внутри крестьянских районов и психология нового регионала, человека, которому нет дела до общенациональных проблем. Исследователи видят здесь социально-экономическую предпосылку поражения крестьянского движения. В Мексике, как и в Украине, поражение не будет абсолютным, но, добившись многого, крестьяне останутся на переживании собственных архетипов, зовущих в прошлое, а не в будущее. По натуре *крестьянин – сторонник опыта, а не эксперимента*. Опыт накапливается, погружая в

традицию. Эксперимент приводит к инновациям, выводит за грани привычного.

Позволю себе еще один мексиканский фрагмент по Дж. Вомаку:

"...В самих сельскохозяйственных культурах, которые люди привыкли выращивать, они открыли тот тип общества, в котором им нравилось жить... Они, скорее, предпочитали жизнь, которую могли бы контролировать... Они могли бы решиться на эксперимент, но только будучи уверенными, что он удастся, т.е. после того, как он перестанет быть экспериментом. И ценности были для них истинными, только если соответствовали традиции"⁵.

Украинская революция имела общие черты с революцией в Мексике. Мигранты во внутренних землях этой обширной страны в годы революции 1910 – 1917 годов продемонстрировали некоторые общие закономерности крестьянского движения.

Анархичные Вилья и Сапата очень похожи на всех вожаков повстанчества и одновременно так же неповторимы. *Способность народа в критические периоды истории обходиться без элит – военных, административных, хозяйственных, политических, вера в возможности выделить из своей среды лидеров просто поразительны!* Но мексиканские крестьяне пошли за *популистами*, дорого заплатив за доверие *либералам*. Вилья отказался принять президентскую власть, сославшись на неграмотность. Власть не принял и Сапата. Обоих убили, но завоевания революции, в том числе и земельные, были закреплены и упрочены при новом режиме. Элита снова заняла свое место вершителя народных судеб.

Рынок и раскрестьянивание

Отчуждение сельских ресурсов в Мексике, Алжире и на Кубе, в Китае и Вьетнаме шло как путем экспроприаций, так и путем постепенной *капитализации ренты*, что приводило к переходу ресурсов от тех, кто не смог их сохранить, к тем, кто мог платить.

Коммерциализация ставила под угрозу доступ крестьян к общинным землям (Мексика, Алжир, Вьетнам), к незанятым землям (Мексика, Куба), к общественным житницам (Алжир, Китай), а также там, где она создавала угрозу равновесию между кочующим и оседаым населением (Алжир). Разрушительные перемены в сельской местности сопровождались зарождением новых, но неопределенных возможностей для многочисленных бывших крестьян.

Развитие рынка породило быстрое расширение элиты, в которой манипуляторы новыми "свободными ресурсами" – профсоюзные боссы, коммерсанты, промышленные предприниматели – бросали вызов наследственной власти тех, кто контролировал закрепленные общественные ресурсы: племенных вождей, мандаринов, помещиков.

Внедрение рыночного механизма влекло за собой уменьшение социальной ответственности за население, затронутое его действием.

Введение рынка вызвало расстройство многочисленных связей между центром и периферией, между городским и сельским секторами. Коммерциализация разрушила районы, прилегающие к промышленному центру, и в то же время уменьшила возможности власть предержащих воспринимать и предвидеть перемены в сельских районах. Резуль-

татом стал все увеличивающийся разрыв между правителями и управляемыми⁶.

Возникает множество вопросов о месте крестьянства в современной истории

- Например, не были ли колхозы детищем архетипической программы традиционного сельского мира, а не венцом поисков нэповских кооператоров?
- Не лежит ли связь землеустройства общины и колхозных переделов индивидуальных пастбищ на поверхности более глубоких представлений о жизни на земле?
- Не была ли борьба за землю именно той почвой, которая сделала гражданскую войну особенно кровавой?
- Не были ли лозунги вожаков анархии тем архетипическим провалом в глубины изжитого материнского права, которое никогда не давало антигосударственникам возможности проявить свою созидательную мощь в институционных формах победившего строя?
- Не был ли сам победивший строй урезанной программой сил, участвовавших в революции, редуцированной не по законам диалектической логики истории, а по законам "здравомыслящей бюрократии"?

Это лишь эскиз вопросов, возникающих в связи с темой анархо-махновщины.

Военный коммунизм не смог одолеть мелкого собственника, для которого в условиях нэпа сразу

же нашла свою нишу. Таким образом, ни капитализм, ни ранний социализм, ни фермерство, ни пролетаризация не обеспечили однородного характера развития сельского хозяйства.

Индустриализация перемещает процесс производства сельскохозяйственной продукции с фермы в агропромышленный сектор. Такой сектор требует, чтобы фермеры создавали прибавочную стоимость и были собственниками своих средств производства в формальном юридическом смысле.

Американский экономист Пол Суизи предложил рассматривать историческую дугу, описываемую пролетарским революционным потенциалом: на начальной стадии ремесленно-мануфактурного производства он низок, в начальной стадии индустриализации достигает своего пика, а в последующие периоды – падает. К. Каутский ранее описывал дугу другого типа: революционный центр движется на Восток: из Англии во Францию, затем в Германию, затем в Россию⁷. Можно даже продолжить дугу: Китай или Южная Америка.

Таксономическая систематизация поможет сделать первый шаг в классификации разнообразных реакций сельского населения на развитие капитализма и государства, считает Ч. Тилли. Анализируя с этой точки зрения претензии, которые одни люди предъявляют к другим, совершая определенные поступки, можно различить оборонительные, наступательные и сопернические формы действия.

Оборонительными будут действия, когда под угрозой находятся права, которыми сельские жители уже пользовались. Например, право на урожай со своего участка или на заработок за труд на другом диктует саботаж хлебозаготовок сверх установлен-

ных привычных норм изъятия или требование компенсировать труд сельхозорудиями, мануфактурой и так далее.

Наступательными действиями являются такие, которые расширяют права на то, что положено в принципе, но не установилось на практике. Например, право на помещичью землю, инвентарь или скот. Это может продиктовать как захваты земель, ранее бывших общинными, так и разрушение того, что нельзя поделить (панский дом и тому подобное).

Сопернические действия вовлекают участников в борьбу друг против друга в тех областях, где само их право на что-либо не является предметом разногласий⁸. Например, право продать продукцию раньше или выгоднее соседа, выставление больших требований на основании того, что было в меньшем объеме при уравнительном дележе, требование исключить из дележа тех, кто уже имеет, и другие подобные действия. Можно сказать, что требование является как условием реализации наступательного или соперничающего действия, так и сферой права. Помимо обычного права и принятого государственного, эсеры и народники много писали об интуитивном праве народа, проявляющемся тогда, когда поправы обычаи и законы. Право-справедливость и право-норма вступают в известное противоречие, разрешаемое силой господствующего слоя использовать право.

Сельские жители, которые борются против покушений сборщика налогов на имущество, заняты оборонительными действиями. Сельские жители, настаивающие на своем прежде отрицавшемся праве приобретать, например помещичью землю, вовлечены в наступательные действия.

Участвующие в драках между деревнями заняты в сопернических акциях. Внутри каждой из этих категорий Ч. Тилли также устанавливает определенную градацию от преобладания реакции на развитие капитализма до преобладания реакции на развитие государства.

Приблизительная классификация дает характерные примеры реакций сельского населения на развитие капитализма и государства.

К числу реакций на развитие капитализма по характеру требований Ч. Тилли относит индивидуальные: охота на огороженных землях, поджог (оборонительные действия), покупка церковного имущества (наступательные), торги при найме (сопернические); коллективные: захват огороженных полей, голодные бунты (оборонительные), создание сбытовых кооперативов (наступательные), объединение для покупки земли и удержания ее в руках местных жителей (сопернические).

К числу действий, направленных по характеру требований против государства, которые в принципе всегда присущи крестьянам, Ч. Тилли относит

- индивидуальные: сокрытие облагаемого налогом имущества (оборонительные), возбуждение дел против местных властей в судах (наступательные), легальное отстаивание личных интересов (сопернические);
- коллективные: изгнание вербовщиков новобранцев, антиналоговые восстания (оборонительные), создание общественных движений, например, за твердые цены, за земельную реформу (наступательные), петиции в парламент по поводу законопроекта (сопернические)⁹.

Видимо, потребность в универсальной истории будет всегда. Но ее подходы шатки. Для нашей темы фрагментарные объяснения участников событий и последующие голоса универсалистски ориентированных исследователей различаются. Но сама тема имеет много общего, что транзитивно, плавно или скачкообразно переносит нас из одной реальности в другую.

Распространение революционного движения шло там, где неиспользованным оказался потенциал крестьянства

История посмеялась над революционными авангардистами, часть из которых была уверена, что революция первоначально произойдет в наиболее развитых странах. Эта идея преобладала у сторонников Второго Интернационала, которые постепенно эволюционировали к социал-шовинизму. Наследниками идеи социализации наиболее развитых стран и поныне выступают партии Социинтерна.

Напротив, распространение революционного движения шло не просто в отсталых или отставших странах, но там, где неиспользованным оказался потенциал крестьянства. В бурном XX веке именно в крестьянских странах проявились наиболее мощные революционные движения. Россия, Китай, Куба, Вьетнам, Мексика, Испания – все они были крестьянскими странами. Несмотря на активную роль рабочего авангардизма, нигде он не мог победить в одиночку.

Трансисторическая модель взаимодействия элиты и власти

Все особенности жизни крестьян как бы отстраняли их от передовых форм бытия. Но каждая из концепций нуждается в переосмыслении. Путаница анализа и программы не позволяла перейти к новым формам принятия решения, к новым видам организации сельской жизни, к использованию по-новому земли, к новым видам поселений, к новой практике труда или обучения.

В конце концов стало ясно, что крестьянство идет навстречу тем же самым процессам. Но это стало ясно именно тогда, когда самого крестьянства уже фактически не осталось. Новое сельское население либо держится за остатки традиции, либо ожидает участия города в разрешении производственных задач.

Отправной пункт анализа сил в украинской революции у П. Аршинова совершенно иной, чем у его запорожских издателей 1995 года. Если они видели корни демократии в запорожской вольнице, то русский анархист *отделил демократию от народного движения.*

Государственничество и антигосударственничество причудливым образом соединены в самой национальной идее украинского народа – *идея жить вольными людьми на вольной земле.*

Национальное государство и социальный бандитизм

Украинское государство не является тождественным национальной идее, как и наоборот. Подлин-

ная, непотаенная правда состоит в том, что государства создаются народами в условиях невозможности иного способа своего существования.

Термин "бандит", используемый для характеристики уголовных преступников, может отвлечь от социального содержания деятельности универсального руководителя, в которой заданы важнейшие особенности выдвинувшей его группы.

В условиях отсутствия гражданского общества, легальной оппозиции, представляющей низы; в условиях, когда не было ни постоянного контакта власти и населения, ни конституции в современном смысле, когда элита была не намерена удовлетворять насущные требования о мире, хлебе и земле, ни правовая, ни моральная санкции политического режима не позволяли действовать в рамках закона и вековой морали.

Если к этому добавить обстановку военного времени и перманентное чрезвычайное положение, то *только бандитствующий руководитель или руководящий бандит мог занять позиции в условиях жесткого противостояния вооруженных групп.* Представители легальных вооруженных сил, помещичьих или рабочих, вели себя в этой ситуации аналогичным образом. Населению равно противостояли фигуры офицеров и комиссаров, атаманов и вожаков крестьянской вольницы.

Современная армия на основе всеобщей воинской повинности является одной из немногих общенациональных организаций, в которых крестьянство принимает активное участие. Таким образом частично преодолевается раздробленность. При взаимном культурном общении, даже если оно происходит без навязывания идеологии, *крестьянин-*

солдат учится мыслить в масштабе страны, а не только своей деревни. Он учится организации, сложным совместным действиям, координации, осваивает современную технику и военные профессии.

Армия также открывает ему доступ в *иерархическую организацию*, где он может стать лидером и получить необходимую для этого подготовку. Пока крестьянин служит в армии, раскрытие его потенциальной способности к политической деятельности значительно ограничивается строгой дисциплиной и контролем со стороны некрестьянского офицерского корпуса. Вместе с тем, в периоды кризиса эта *власть начальства и сила подавления* могут ослабнуть, и истинные предпочтения и взгляды, выражающиеся в действиях или отказе крестьянской армии от действий, вполне могут стать решающими.

Кроме того, опыт, полученный на военной службе, является важным фактором влияния в деревнях. Бывший военный служащий может стать руководителем и проводником внешнего влияния на других крестьян. В попытках организовать политически крестьяне часто обращаются к своему прошлому армейскому опыту. Русская Таманская армия и "Зеленая армия Черноморья", ФНО Алжира, китайская "народная милиция", армия Сапаты и Вильи в Мексике являлись не только военными, но и важными *политическими организациями* – своего рода *вооруженными политическими партиями*¹⁰.

Полемика вокруг советской государственности постепенно затронула и диаспору

Стало очевидным, что без наличия такой государственности перспектива создания независимой буржуазно-демократической власти повисает в воздухе. Если бы украинцы не обрели опыт государственной или просто административной работы в рамках Союза, они оказались бы не готовыми к осуществлению независимого государственного строительства. Поняв это, историк диаспоры с полным на то основанием цитирует слова Липинского, сказанные в 1920 году:

"Трех сыновей родных имеет сегодня наша мать – общая наша людская община – Украина: хлебобоба-гетманца и неомонархиста, более или менее социалистичного интеллигента-демократа, и республиканца, и пролетария-большевика, и интернационалиста"¹¹.

В этой схеме нет различия авторитарных и тоталитарных режимов. Однако ценность представляет иной ход мысли: если и существует связь между повстанческими армиями 1921 и 1942 годов (концом махновщины и началом бандеровщины), то она более сложна и опосредованна.

Поражение демократических сил Галичины, разочарование в возможностях демократии вызвало волну вступления в националистическое движение украинской молодежи, в том числе и крестьянской. В то же время поражение махновского движения означало *распространение пассивности и разочарований в крестьянском мире 20-х годов*. После краха кооперативного движения, направленность которого

не устраивала большевистскую власть, крестьяне не смогли организовать *сопротивление коллективизации* в ее наиболее жестких формах. Страх подавления сопротивления привел к поведению сторон, известному как отношения палача и жертвы. Был спровоцирован *голодомор*.

В годы гражданской войны все основные и неосновные силы заняли крайние позиции

Только не зная конкретных социальных сил, участвовавших в революции и контрреволюции, можно утверждать возможность общенационального консенсуса по проблемам власти, земли, демократических свобод или пути дальнейшего развития. *Ход событий произвел полное вымывание умеренных социальных сил из процесса революционных преобразований. В годы гражданской войны все основные и неосновные силы заняли крайние позиции.*

- *Крайне левые*, включая большевиков как правящую партию, представляли поток сил, который ничего и никого не уравнивал, ибо умеренных левых отодвинули на задний план еще в 1917 году.
- *Крайне правые*, включая, например, деникинцев или сторонников Учредительного собрания, не могли проводить умеренную линию и на отвоеванных у большевиков территориях фактически скатывались к черносотенным погромам. Декларации Деникина и Врангеля по аграрному вопросу также запоздали, как и напоминание эсеров об уравнительном распределении. То, что

они только декларировали, у крестьян уже было де-факто.

- *Умеренные круги* белых быстро радикализировались, заражаясь экстремистскими и шовинистическими настроениями в национальном вопросе. Идея единой и неделимой России отталкивала от союза с ними все национальные силы.
- В свою очередь *националисты* Украины, даже полагая себя социалистами, не видели необходимости в ином решении крестьянского вопроса, чем тот, который был основан на защите собственников. Хлеб давал крупный собственник: та же логика, но с выводами, прямо противоположными большевистским.

Кроме того, даже в случае создания "однородного социалистического правительства" эсеры и меньшевики оказывались заложниками собственной линии на социализацию земли. Они также выступали как экспроприаторы и коллективисты, только не от имени рабочего класса, а от имени крестьян или общенациональных интересов.

Революционная демократия уступила позиции пролетарской диктатуре, отчаянно сопротивляясь. Либеральная демократия проявила единение под знаменами белого движения вместе с крайне правыми, даже не оказав серьезного сопротивления антинародным тенденциям.

Земля и другие ресурсы усиленно обращались в товар – в капиталистическом смысле слова. Как товар они были подчинены требованиям рынка, который очень опосредованно связан с нуждами сельского населения. В прошлом рынок был в основном подчинен обеспечению жизни, теперь само существ-

вованье оказались подчинено рынку, считает Эрих Вольф¹².

Именно деревня рекрутировала основные революционные силы

Фракционные союзы на уровнях, превышающих уровень деревни, становятся политическими партиями; или же партии побуждают лидеров фракций, тех, кто держит в своих руках власть на местах, создавать местные филиалы этих партий. Со своей стороны революционные политические партии стремятся перестроить существующие объединения и лишить власти тех, кто ею владеет. Не следует забывать, что из фракций иногда рождаются победоносные авангарды.

Революционные движения именовали крестьян варварами, отсталыми, деревенскими идиотами, всячески подчеркивая необходимость ликвидации отсталости в деревне. Но именно деревня рекрутировала основные революционные силы, поддерживавшие любые революционные программы, в том числе и грозившие уничтожением деревни.

Ирония заключалась в том, что цели пролетариата достигались крестьянской массой, которая в свою очередь пролетаризировалась. Апофеоз антикрестьянского начала оказался достоянием крестьянского вождя, а отнюдь не пролетарского революционера Мао. Тезис о том, что деревня окружает город, был прямой противоположностью представлений Троцкого о мировой революции. Там город уничтожал деревню. Р. Уильямс заключает:

"Вот эти-то "деревенские идиоты" и "варвары и полуварвары" и были в последние сорок лет главной революционной силой в мире"¹³.

Каждая из концепций несет в себе определенную долю истины.

Послереволюционная страна оказалась суммой территорий и местностей, в каждой из которых отдельные участвующие силы по-разному формулировали общекрестьянские интересы. Если в годы первой русской революции депутаты Крестьянского союза, трудовая группа или эсеры имели общенациональную трибуну (Государственную Думу), на которой их видели и слышали другие силы, то в условиях гражданской войны декларации, воззвания и прокламации как форма общения между силами по сути своей носили характер ультиматума. Если верно, что никто не станет строить планы в политике, не будучи уверенным в возможности осуществить намерения, то планы манипулирования крестьянами превращались в сценарий обмана, равный лишь самообману самих крестьян.

Фракции и корпоративный дух

Более обширные структуры склонны к деятельности в качестве организованных корпоративных групп. Это могут быть взаимоотношения "покровителя" и "протекже", где "покровителем" является патрон местных бандитов, которые терроризируют этих крестьян, заставляя подчиняться. Лидер фракции может также заручиться поддержкой, выступая посредником между слабыми и невлиятельными крестьянами и бюрократией...¹⁴. Иногда это человек их же класса, но его роль лидера узаконена положени-

ем в определенной политической партии или в крестьянском союзе.

Радикальные или "революционные" политические партии и крестьянские союзы, как правило, получают признание при поддержке прежде всего со стороны класса крестьян, несмотря на свои идеологические обязательства организовывать "бедное крестьянство", то есть издольщиков и наемных работников¹⁵.

Аналитическая модель представляет собой преднамеренное упрощение сложной социальной действительности с целью выделения основных характеристик и движущих сил последней. В лучшем случае аналитическая модель проясняет ситуацию благодаря известной доле преувеличения, то есть чем-то напоминает выразительную карикатуру.

Социальные движения: неизбежность возрождения утопий свободы и равенства

"Вера в прогресс – учение лентяев, учение бельгийцев. Ее можно уподобить расчету человека на то, что порученное ему дело исполнят соседи", – писал Шарль Бодлер¹⁶.

Об общностях много пишут, говорят даже о *новой революции общностей*, творимой волей отщепенцев от всякой общности и добровольных изгоев.

История общностей должна быть правильно понята. Общность не есть сумма людей или срез развития социума либо государства. Каждая общность

обладает своей спецификой, стремится к реализации своих потребностей.

Общности – всегда целевая данность. Достижение ее целей или поражение на пути к цели, строго говоря, не является победой государства или поражением индивида.

Общность и ее миф

Каждая общность имеет свой миф. Свои, только ей присущие стили мышления, действия, воображения. Своя утопия и своя практика.

Таким образом, в истории общность не реализует ни волю целого, ни волю индивида. История казначества или перуанских ультралевых не есть история Украины или Перу, а история Богдана Хмельницкого или Веласко Альварардо не есть история их общности, например, войска запорожского или перуанской армии.

Индивид и целое связаны друг с другом посредством общностей, имеющих свою собственную историю. Общая для всех история не является некой результирующей всех рассказанных историй.

На самом деле история каждой общности своя собственная. Невозможно быть историком общностей сразу всех и вместе. Так рождается национальная, классовая, партийная или даже семейно-родовая история. Отсюда неверные представления об объективной истории социальных субъектов. Они ничего не творят без людей, но и люди не могут внести свой вклад в историю целого, не участвуя в общностях.

Понятие класса у Тьерри или Гизо было простым наблюдением за процессами, но в марксистской

традиции класс определяется как организованная и сознательная общность, что бессмысленно, если он только совокупность тех, кого объединяют объективные условия и факторы. Отсюда выражение "конституироваться как класс" и "превратиться в господствующий класс". Вне целевых, сознательных субъективных действий общностей людей это просто мистика. Превращение в класс только посредством сознательных действий – это насилие над объективной историей, волюнтаризм.

Субъективное и объективное встречаются в конкретной общности, которая обладает пространством и временем своего существования.

Только самая абстрактная общность – человечество – объективно присутствует во всех моментах современной истории, но и она конституировалась лишь недавно.

Поэтому нет вечных историй, вечных общностей, но есть потоки изменчивых конфигураций, соединяющих индивидуальные основные и неосновные силы в причудливом рисунке той или иной эпохи, той или иной страны, того или иного события или ситуации.

Общности в ситуации – вот объект и субъект исторического исследования и полученных из истории проектов развития.

Чужие проекты обогащают собственные проекты общностей, а собственные проекты могут использоваться представителями чужих общностей.

История не учит. У нее учатся. Не только люди и страны, но и общности. От самых маленьких до самой большой.

Детерминизм и индетерминизм, необходимость и свободный выбор даны только в проекте общно-

стей, которые выступают как действующие силы реального процесса, если не угадали и не передали свои импульсы другим общностям.

Сознание общностей может быть уподоблено коллективному бессознательному Юнга или личному бессознательному Фрейда. Но в действительности целевая общность обладает способностью породить коллективное сознательное – относительное (наука, утопия, идеология) и абсолютное (миф, искусство, религия).

В проектах и программах, образах и символах коллективного сознания общности самоопределяются, сознают себя, вырабатывают стратегии выживания и навязывания себя другим.

От мифа к проекту

Гибель общности означает наследование традиции. Следы отвергаемого, как и следы принятого, всегда присутствуют в сознании других общностей.

Теоретически последняя общность выступает наследницей всех предыдущих. Длительность традиции обусловлена длительностью существования общностей только в так называемом чистом виде.

Займствования постоянны и неизбежны. Одной традиции недостаточно не только для всех общностей, но и для одной общности. Плюрализм сил отражает изначальный плюрализм традиции, истоки которого теряются в истории...

Финальная цель всех традиций не более чем миф о финальной общности (после конца света, после страшного суда, по ту сторону добра и зла, после классовых антагонизмов, в общине общин, в утопии утопий и т.д.).

Роль организованных анархистов в движении могла быть большей. Но их бездействие как раз и объяснялось кружковыми дискуссиями о том, что движение не вполне анархическое. Они сами обрекали себя на неучастие, отдав ему лишь некоторую силу, и это позволяет историку утверждать, что

"русские анархисты проспали в своих кружках величайшее массовое движение, которое в настоящей революции является пока что единственным, призванным осуществить исторические задачи поработанного человечества"¹⁷.

В качестве теоретика и практика из образованных анархистов в движение вошел только Волин. Поведение остальных объяснялось психологией среды, навязчивым сознанием руководства, неготовностью принять факт, что движение начнется не по их инициативе и не при их непосредственном участии. Идеиная путаница и организационный хаос царили даже в наиболее крупных объединениях, территориально близких к махновщине (набатовцы Харьков и Екатеринослав).

В условиях войны они продолжали дебатировать вопрос о том, является ли основной проблемой анархизма освобождение личности, класса, человечества. По выражению П. Аршинова, каждый из них уходит под свою "смоковницу", создает свое дело, проповедует свой анархизм. Так забывается идея, связывающая личность и коллектив. Люди действуют и в свободе личности видят прежде всего отношение к каждой другой личности, а это и есть борьба за свободу масс в отличие от заботы о проявлении индивидуального я. Это и есть свобода организации, а не отказ от всякой организации как ответственности¹⁸.

Ничто неповторимо

Воскрешение традиций происходит разными способами, в том числе и посредством появления "ряженных в исторической науке". Переодевшись гетманцами или гайдамаками, казаками или "железными фелликсами", они полагают, что, восстанавливая нить событий в воображении референтной группы, соприкасаются с историей как таковой. Но *все бывшее было лишь однажды*. Ничто неповторимо, кроме проявления закономерностей, а их статус в современной науке спорен и все время уточняется.

Правда, национальное сознание может хранить классовые обиды. Иначе нельзя объяснить факты того, что

"сотни тысяч советских солдат украинской национальности добровольно переходили к немцам, которых население приветствовало как освободителей"¹⁹.

Национальные сны наяву скоро прошли.

Украинские повстанцы начала XX века добивались реализации тенденций, определенных историческим процессом, о большей части из которых имели весьма смутное представление. Там, где победа казалась им очевидной, они терпели поражение. А там, где поражения было налицо, тенденция пробивала дорогу.

Чаяния некоторых поколений достигаются лишь с их исчезновением из реального времени свершений (например, крепостных крестьян). Чаяния других (например, этнических общностей) напоминают, что не все может быть реализовано. Чаяния третьих еще не переведены в плоскость живого дела. И так далее.

"...Радикальные утопические концепции одной фазы реализуются в общепринятых институтах и становятся философскими аксиомами на следующей фазе... Главной социальной базой радикализма были крестьяне и мелкие ремесленники в городах"²⁰.

Конфликт решился не в пользу крестьян

Общие интересы вовлекли крестьян в политические конфликты с капиталистическими землевладельцами, различными группами горожан и с современным государством.

"Общепринятая картина быстрого раскрестьянивания оказалась чрезмерно упрощенной. Поляризация деревни в индустриализованном обществе – ее разделение на собственников-капиталистов и сельский пролетариат – сдерживалась или замедлялась оттоком капитала или рабочей силы в города, а также специфическими особенностями крестьянской семейной экономики. Сильное влияние на конечный результат оказали экономические тенденции, действовавшие в противоположном направлении. Более того, выяснилось, что для формирования классовой позиции важное значение имело наличие специфической культуры и общинной организации. Все это сделало крестьянскую сплоченность как потенциальную базу для формирования политического класса..."²¹.

Крестьяне, как подчеркивал один из идеологов крестьянской революции в третьем мире Ф. Фанон,

"символизируют дисциплинированный элемент, заинтересованный в сохранении существенной социальной структуры", "неизвестный образ жизни, сохраняющий жесткую социальную структуру".

Но "в этих движениях сельские жители остаются дисциплинированными и индивидуальное отодвигается на второй план во имя интересов общины. Сельские жители относятся к горожанину с подозрением... Горожа-

нин – это перебежчик, предающий все, что составляет основу национального наследия"²².

Вряд ли убедительно выглядит выяснение корней махновского террора в эпохе Равашолы, когда анархисты пытались уничтожить государство динамитом. Террор был частью доктрины, против отдельных эксцессов протестовали сами вожди анархизма, в том числе и П.А. Кропоткин, но махновцы видели его народный характер. Идеалистично звучат слова о том, что "махновцы расстреливают только тех, кто прямо нарушает их приказы о сдаче оружия или непосредственно сотрудничает с оккупантами", ибо даже на раннем этапе мы видим случаи, не укладывающиеся в эту схему. Самых оккупантов чаще отпускали, "своих" же, замешанных в деяниях, осуждаемых ситуативной этикой текущего момента с очень узким правовым полем, отправляли на смерть.

Советское государство 20-х годов

напоминало

современные развивающиеся страны

Советское государство 20-х годов напоминало современные развивающиеся страны. Некоторые из них долгое время отдавали предпочтение стратегии "замещения импорта", то есть производству товаров, которые ранее были вынуждены ввозить из-за рубежа. Ясно, что нужна конвертируемая валюта. Современная утопия дорого стоит, нужны средства.

"Откуда? – спрашивает президент Танзании Джулиус Ньерере. – Из сел и сельского хозяйства. Что это означает? Это означает, что платить по счету должны не только

те, кто непосредственно выигрывает от прогресса в результате этих заемных денег... Все это напоминает эксплуатацию. Мы не должны забывать, что горожане, возможно, эксплуатируют тех, кто проживает в сельской местности. ...Но так можно разделить людей на городских и сельских жителей, и тогда можно прийти к мысли, что истинная эксплуатация в Танзании – это эксплуатация крестьян горожанами²³.

Приходило ли в голову такое объяснение лидерам большевиков? И да, и нет. Да, как прагматикам. Нет, как догматикам. Они были лучше идейно подготовлены к подобным вопросам. Между тем без эксплуатации украинской деревни не было бы технического, военного промышленного прогресса, культурной революции, освоения целины, полетов в космос... И речь идет не только об изъятии прибавочного продукта, но и о нещадной самоэксплуатации сельского населения. Его активная часть покинула деревню и ни за что не согласилась бы вернуться к сельскому хозяйству. И все же дело не в долгах общества деревне, вернее, не только в них. Ценой гибели одного класса возвышается другой. Возвысился ли рабочий класс? Ой ли?

Разоружение деревни

Фракции, особенно вооруженные, в крестьянском движении носят, как правило, территориально-поселенческий характер, что подтверждает опыт всех войн с участием больших групп сельского населения.

Что касается географических ареалов крестьянского сопротивления в Украине, стоит вспомнить то, что писал в 1930 году заместитель председателя украинского ГПУ Карсон, комментируя предпри-

нимаемые в то время попытки коллективизации. По его мнению, все беспокойные округа имели общее "историческое прошлое", выразившееся в том, что в 1919 – 1920 годах они были "плацдармами повстанческого движения". Наблюдения подобного рода были сделаны тогда и различными руководителями местных "органов", которые заметили преемственность с политбандитизмом. Наблюдения подтверждались повторением тех же наименований в сводках 1919 года и в сводках 1929 – 1930 годов, а также в отчетах иностранных дипломатов по поводу коллективизации и голода 1932 – 1933 годов на Украине. Так что можно проследить историю некоторых деревень в каждый из вышеназванных переломных моментов²⁴.

"Постоянна и бессмертна"

Несмотря на разоружение деревень, проведенное в течение предыдущих лет, и параллельное укрепление советского государства, сталинистам вскоре стало ясно, что они недооценили размах и осложнения авантюры, в которую ввязались. Первые месяцы 1930 года, мартовское отступление и, главным образом, тот факт, что для окончательного подавления крестьян, а особенно украинских, режиму нужен – еще больше, чем в 1921 – 1922 годах, – новый большой голод, стали наглядным тому примером. В феврале-марте 1930 года вновь пробудились и приобрели большое значение воспоминания и страхи 1919 года. В частности, казалось, что партийные руководители действуют, переживая снова все то, что случилось десять лет назад.

Как известно, последствием "гражданской войны" было, среди прочего, формирование внутри партии централизованного и милитаризованного руководящего ядра, состоящего из нескольких десятков тысяч кадров. Это ядро, которое уже в марте 1919 года Свердлов (список не ограничивается только им) хотел сделать "монолитным", в свою очередь возглавлялось узкой центральной группой приблизительно из сотни человек. В этой группе Троцкий вместе с несколькими своими сторонниками был фактически в изоляции уже в 1919-1920 годах²⁵.

Анархист П. Аршинов увидел в происходящем вину социализма как теории и практики. Крушение революции после ухода ядра повстанческой армии в Румынию обращало его взор по горячим следам к своеобразной революционной эсхатологии.

"Пролетарии мира, идите вглубь к себе и там ищите и творите правду: больше вы ее нигде не найдете. Так заповедывает нам русская революция"²⁶.

По сути, это возвращение к идеалам свободы и равенства. К теоретическому коммунизму, враждебному социалистической практике. Смысл разведения теории и практики состоит в том, что новые поколения лелеют любовь к независимости, накапливают социальную волю, чтобы вновь создать свои социально-исторические движения действовать самостоятельно, а в этом и состоит сущность и неизбежность таких движений как махновщина. Только так можно понять слова Аршинова:

"Махновщина постоянна и бессмертна"²⁷.

Связь неосновных и основных социальных сил

Творческое и организационное начало, наличие военно-стратегической стороны дела, по П. Аршинову, не позволяют считать махновщину лишь военным эпизодом удалой партизанщины²⁸.

Используя термин "революционное повстание" (русско-украинский суржик южных степей), П. Аршинов разделяет такие исторические движения, как Французская революция и крестьянская война Степана Разина, ибо организованные социальные силы, руководимые политическими группами и партиями, как раз и ведут к демократии. Но прямой аналогии между махновщиной и пугачевщиной или разинщиной провести нельзя именно потому, что восстания XVII-XVIII веков проходили в условиях, когда политические партии отсутствовали. Политические революции, ведущие к демократии, осуществляют силами народа "ненародные интересы"²⁹.

Дух сословных привилегий был свойственен даже народнической интеллигенции.

"...Народ идет к гражданскому и хозяйственному самоуправлению; демократия стремится к власти над ним. Связь между ними может держаться лишь путем хитрости, обмана и насилия, но никоим образом не естественно, в силу общности интересов. Они враждебны друг другу"³⁰.

Теория обострения классовой борьбы в ходе укрепления социализма в мелкобуржуазной стране, которую многие историки считали безумной выдумкой Сталина, в действительности таковой не была. В новых условиях Сталин, скорее, повторял "старые

истины" (например: "если коллективизируем, крестьянин будет реагировать, и, значит, классовая борьба будет усиливаться"), которые с самого начала гражданской войны составляли общее достояние партийных руководителей, в особенности тех, кто сформировался на Южном фронте³¹.

Когда власть меняет акценты

Всякая успешная социальная борьба, и партизанская не исключение, повышает самосознание крестьянина, дополняет его образ в собственном сознании привлекательными чертами. Крестьянское правосознание оправдывает то, что не оправдывала крестьянская религия в том особом смысле, что целостность мира воспринималась как гармония с собой, природой и чужаками. Большевики и советская государственная бюрократия к концу гражданской войны пришли к выводу о том, что многоукладность также имеет право на временное существование. Критика крестьянского способа производства из идеологической плоскости стала переводиться в техническую.

Уже в годы нэпа на IV конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 года Н.И. Бухарин свидетельствовал:

"Будем говорить открыто: мы пробовали взять на себя организацию всего – даже организацию крестьян и миллионов мелких производителей... С точки зрения экономической рациональности это было безумием"³².

Солидарность с движением крестьян-махновцев была невелика

Когда Махно оказался интернирован в Польше и возникла угроза его выдачи советской власти, нача-

лась кампания международной анархистской солидарности. В ноябре 1922 года с пространством заявлением выступили Вольный союз рабочих Германии (синдикалистов), Федерация анархистов-коммунистов Германии, Французская федерация анархистов, Группа русских анархистов в Германии, Федерация Российских Рабочих Организаций в Южной Америке. Воздавая должное основным вехам махновщины, признавая интернационализм движения, его непричастность к еврейским погромам (в тексте так и сказано: "...махновская армия – единственная в мире армия, непричастная ни к каким антиеврейским актам"³³ и многое другое), обращение констатировало:

"Основной целью этого движения было – обратить всю землю, средства и орудия производства в общее достояние трудящихся и организовать общественно-хозяйственную жизнь на принципах рабоче-крестьянского самоуправления"³⁴.

Обращение к трудящимся всего мира призывало не дать заключить сделку полякам и Советам, которая неминуемо приведет к казни Махно. Анархисты призывали к мерам воздействия во всех странах, где есть советские и польские посольства.

Война благоприятствовала становлению культа военщины. Охваченная эпидемией доносов и расстрелов страна ждала нормализации ситуации. В донесениях о борьбе с махновщиной красные командиры были едины в одном пункте: основная трудность борьбы – во всеобщей симпатии и помощи, которую махновцам оказывает население.

Общедемократическое значение махновщины не исчерпывающе

Общедемократическое значение махновщины состояло в последовательном отстаивании таких завоеваний революции, как свобода организаций, собраний, слова, печати, неприкосновенность жизни, добровольность вклада в социальное строительство и т.д. Отстоять эти достижения 1917 года не удалось. Уже после разгрома махновщины, в февралемарте 1921 г., революционные мятежники Кронштадта, право которых на мятеж отстаивал в 60-е годы перед коммунистами Ж.-П. Сартр, выступают с лозунгом "За советы без коммунистов".

В условиях распадающегося социума революция вызывает к жизни анархистов

Что касается конкретного вклада махновщины в спасение русской революции, то предельные интенции содержатся именно в работе Петра Аршинова, написавшего о махновщине:

"она похоронила на Украине гетманщину, разложила петлюровщину, отстояла революцию от Деникина и в значительной степени повлияла на окончательную ликвидацию Врангеля. Парадоксально, что коммунистическая власть устояла и укрепилась в России благодаря исключительной революционной борьбе махновцев с многочисленными контрреволюциями"³⁵.

Любопытно, исторические заслуги историкам-большевикам виделись прежде всего в деятельности рабочего движения, а анархо-коммунистам – в роли крестьянского движения. Возможно, правда состояла в том, что различные силы проделали, когда вме-

сте, а когда и порознь, одну и ту же историческую работу.

Неадекватность организации и средств не позволяет исследователям выводить крестьянские войны из анархизма или индивидуализма, но почва для развития движения в Украине, как затем в Мексике или Испании, оказалась настолько благоприятной, что можно говорить о быстром приближении тогда их звездного часа. Но только очень отсталые круги правящих сил могли связывать анархизм и революцию таким образом, будто анархисты и вызывают анархию. В условиях распадающегося социума революция вызывает их к жизни, дает новые роли. Революция призвала анархистов к конкретно-историческому опыту, и они этот опыт проделали не ради реакции, как утверждает многочисленная партийно-пристрастная литература с ее вечными "или – или" без рассудительного "и – и." Иначе как двойственной роль анархистов не могла быть, но не следует забывать о второй стороне дела, тем более, когда речь идет о народном опыте, народном движении, народной войне, а не о кучке провокаторов, кучке теоретиков, кучке иллюзионистов.

Плюрализм и авангардизм, сойдясь в причудливой комбинации, толкали друг друга к гибели. Это означало неизбежную эволюцию власти к тоталитаризму, поскольку никаких законных (не говоря уже о правовых) ограничений у нее не было. Да, махновцы могли представлять "власть" хуже большевиков, но не связанной никакими законами власти пролетариата они противопоставляли стремление к равноправию и правовому состоянию в своем собственном смысле.

Крестьянство сыграло свою роль в революции

Крестьянство не поддержало либералов и националистов, черносотенцев и большевиков, оно выдвинуло свою программу, идеологию, организацию и лидера, сыграв собственную роль в революции.

Драма состояла в том, что крестьянство не нашло общего языка с другими силами революции – большевиками и левой частью национального блока. *В споре революционеров не было абсолютно правых, но не было и абсолютно виноватых.* Время и пространство в социальных движениях всегда конкретно свернуты. Они разворачиваются самим движением.

Любопытна эволюция одного из лидеров национальной демократии после того, как он оказался в эмиграции.

Поздние утопии В. Винниченко

В конце жизни В. Винниченко создал собственную утопию, называемую коллектократией или конкордизмом. Этим концепциям он посвятил трактаты и два романа: "Новая заповедь" и "Слово за тобой, Сталин!". Еще одно название его гармоничного строя "Солнцеизм" – универсальная система производительных кооперативов, в которых все трудящиеся являются как рабочей силой, так и собственниками, получая не только зарплату, но и часть прибыли. В гармонии с природой, при повороте к ней возникает как бы индивидуальный горизонт национал-коммунизма – обновления человека трудом и близостью к природе. Купив во Франции хутор, В. Винниченко стал строгим вегетарианцем

("морквоядом", как шутили эмигранты), полагая первым шагом к будущему конкордизму – солнцезизму отказ от табака, алкоголя и мясной пищи, связанной с убийством животных³⁶.

Снисходительный историк, комментируя "наивный желудочный детерминизм" позднего В. Винниченко, сближает его концепцию непосредственной демократии и жизни на лоне природы с общинами и коммунами новых левых, предтечей которых он, излишне смело, именует этого почти забытого украинского писателя³⁷.

Национально-государственное строительство не удалось: тем любопытнее признание крестьянских ценностей бывшим украинским эсдеком и национал-большевиком.

Для демократических публицистов и историков одним из важнейших аргументов было отсутствие предпосылок для социалистического строя в России. Ссылаясь на марксистские категории базиса и надстройки (в других случаях не считая эти категории доказательным материалом, но здесь желая убедительности для "непосвященных"), они берутся утверждать, что революция шла вопреки Марксу и базис творился позже, ибо политическая система послужила базисом, а экономический строй творился как надстройка³⁸.

Ситуация, в которой стала возможна новая крестьянская война

Исследователи крестьянского хозяйства из числа ученых-аграриев организационного направления в сельском хозяйстве много сделали для описания си-

туации, в которой стала возможна новая крестьянская война за землю и волю.

Почти полстолетия медленно, но крепко вбирало крестьянское хозяйство частновладельческую землю. Особенно интенсивно – в последние 10-20 лет перед Первой мировой войной. Покупка земли крестьянами постоянно росла, как показывают следующие цифры: за период с 1861 по 1904 г. к сельским обывателям перешло 25 млн. десятин земли, а за период с 1905 по 1915 г. – свыше 511 млн. десятин.

Был издан закон о выходе из общины, и это не могло не воздействовать на крестьянское хозяйство. По закону 1910 г. из общего количества 15 млн. крестьянских хозяйств в России около 5,5 млн. считались вышедшими из общины, в том числе к 1916 г. 2 008 000 хозяйств сами подавали прошения о выходе из общины; около миллиона перешло на отруба и около 200 000 хозяйств – на хутора... Хотя эти цифры не точны, да, кроме того, тут много было искусственного и насильственного, но ясно: и в этом отношении деревня менялась непрерывно...

Уже в конце XIX века и в России крестьянское хозяйство, при всех своих изменениях, все чаще начинает прибегать к кооперативной форме жизни; оно обрастает кооперацией со всех сторон и все в большей мере начинает соприкасаться с внешним миром только через кооперативы.

"Если, согласно аналогии с организационными основами обычного частного предприятия, – писал А.В. Чаянов, – считать, что крестьянское хозяйство есть такое предприятие, в котором предприниматель и рабочий соединены в одном лице, то в данном случае выгода крестьянина как предпринимателя целиком погашалась его убытками как наемного рабочего, вынужденного удлинить свою сезонную безработицу"³⁹.

Здесь и коренится *антирыночный потенциал*, ибо не прибыль, а поддержание своего образа жизни составляет основу крестьянского хозяйства. *Ошибочно думать, что крестьянин в качестве крестьянина думает о том, как стать помещиком или пролетарием. Он склонен к самоэксплуатации и многочисленным нарушениям предпринимательских правил крестьянским хозяйством.*

"Мы должны принять, – говорит автор теории организации крестьянского хозяйства, – или концепцию фиктивного двоедушия крестьянина, объединяющего в своем лице и рабочего, и предпринимателя, или концепцию семейного хозяйства с мотивацией своей работы, аналогичной мотивации сделки. Ничего третьего не дано"⁴⁰.

А.Н. Чаянов останавливает свой выбор на второй как на гипотезе, настаивая "на семейно-трудовом понимании его организационной сущности"⁴¹. Такое хозяйство совместимо, с его точки зрения, с различными народно-хозяйственными системами, хотя

"для каждой системы народного хозяйства, и даже для каждой фазы ее развития, народнохозяйственная роль крестьянских хозяйств, их взаимоотношения с другими типами хозяйств, взаимоотношения и борьба крестьянства как класса с другими сосуществующими с ним классами и, наконец, форма участия и доля в распределении национального дохода будут в высшей степени различны"⁴².

Стремление избежать враждебности основной массы крестьян

Вернемся к логике ответов на вызовы истории. Столыпинской и ленинской. Для темы крестьянских повстанцев они важны общностью стремления из-

бежать враждебности основной массы крестьян, хотя и различными способами. Реформа Столыпина, по словам Т. Шанина,

"не была, конечно, блестящим изобретением отдельного ума: многие из ее компонентов предлагались или рассматривались ранее или в других странах. Но степень ее окончательной интегрированности в цельную конструкцию радикальной трансформации российского общества в интересах его властителей, драматичность ее призыва и жесткость борьбы вокруг нее были прямым результатом революционного опыта 1905-1907 гг. Главным для столыпинской реформы было новое понимание характера российских крестьян и государства, связавшее разгром революции "снизу" с революцией "сверху", которая призвана была последовать за первой и предотвратить ее повторение"⁴³.

Что касается ленинской интерпретации, здесь уже дело не только в генеральной репетиции 1905 года, но в том, что первая российская революция, по сути, была открытым университетом новому социальному и политическому контингенту развивающегося общества.

Поскольку эта тема осталась не только в истории, следует развить идею о близости контекстов развивающихся обществ в том, как используется опыт.

"Не гений или заговор, а революция создала большевизм... Случилось так, что даже наиболее радикальный пересмотр моделей и взглядов того времени не смог полностью уловить в русском контексте все особенности проблемы развивающихся обществ. Первопроходцам легче ошибиться, и вообще, создавать и утверждать новые аналитические направления – чрезвычайно трудная задача. Но и Столыпин, и Ленин, имея диаметрально противоположные цели, продвинулись дальше других в понимании "нового"..."

Вот почему в то время как в современных "развивающихся обществах" интеллектуальная мода столь изменчива, идеи Столыпина и работы Ленина не перестают использоваться и остаются чрезвычайно влиятельными и интуитивно понимаются политическими лидерами этих стран как "имеющие большой смысл." При этом политические деятели не упоминают о том, что они апеллируют чаще всего к разным и противостоящим классам и фракциям, точно так же как это было в России. Тем не менее, это разделение не следует переоценивать, поскольку правые в развивающихся обществах будут часто провозглашать или молчаливо признавать реализм и пользу многих ленинских идей, например его способов оформления и выражения структуры и взаимозависимости государства и правящей партии (скажем, в контексте Мексики). То же самое остается верным для многих левых в отношении идей и показателей модернизации и образования капитала, предлагаемых современными последователями Столыпина"⁴⁴.

Эта обширная цитата понадобилась для анализа генезиса повстанчества не только по причине новизны обратных связей исторических реалий и субъектов социального действия, но и для понимания того, что *любой из вариантов модернизации, как и более ранние процессы индустриализации, не просто втягивал крестьян в противоборство с другими классами, но и делал их враждебными всякой модернизации любой ценой.* Подавление и одновременное привлечение части крестьянского населения в процессе капитализации или социализации средств производства в альтернативных проектах Столыпина и Ленина означали, что *самостоятельность класса поставлена под сомнение, а его голос не является решающим в определении его судьбы.*

И все же с началом революции в России для анархистов настал звездный час, выпадавший им,

пожалуй, лишь в революциях Франции, Испании и Мексики. Полемика испытаний их доктрин стали и степи Украины.

Опыт первой украинизации

Первая украинизация вызывает горячие споры. Некоторые продолжают рассматривать ее как торжество ленинской политики, другие – как детище национал-коммунизма и расстрелянного возрождения, третьи, подобно Ю. Дашкевичу, ищут причины в событиях 1917-1919 годов, в попытках создать государство и их влиянии. Несмотря на красный, белый, черный и зеленый террор, украинизация была следствием недолгого опыта государственности, раскрывшего творческие возможности украинской нации⁴⁵.

В перечне "терроров", кажется, не хватает еще одного... Лавина постановлений первой половины 20-х годов приоткрывает завесу над украинизацией⁴⁶. Ее проводили сталинисты до поры до времени, укрепляя в аппарате новые сталинские кадры, ибо интернационалистов не хватало, да и процент троцкистов среди них был велик. Не последнюю роль сыграл в этой кампании Сталин, готовившийся к роли отца народов. Но в основе украинизации лежит тяга народа к просвещению. Как ответить на импульс народа, власть решала по-разному.

В 1921 г. противником украинизации выступал интернационалист Х. Раковский. Признание украинского языка правительством он считал шагом к господству украинской буржуазии и кулачества⁴⁷.

В 1933 секретарь ЦК КП(б)У Н. Попов критиковал А. Шумского за подмену большевистской украинизации буржуазно-националистической. Следы

петлюровщины виделись во многих признаках возрождения, и национал-коммунизм осудили⁴⁸.

Путь М. Хвелевой также вел через сомнения в необходимости централизации и руссификации национальной и партийной жизни. Не сомневаясь в основных ценностях, он делал акцент на украинском ренессансе. М. Хвелевой была одержим универсалистскими идеями и одним из первых отстаивал единство Украины и Европы. Начинал как сторонник всемирной коммуны, а пришел к идее психологической Европы как убежища, в котором может спастись украинская душа. Несмотря на все трудности идейной эволюции, на постоянные закливания в верности генеральной линии и пролетарскому интернационализму, М. Хвелевой полагал, что самостоятельная социалистическая советская Украина может участвовать в мировой культуре без Москвы. Задолго до югослава Иосифа Броз Тито он предлагал своеобразный "титизм". Будучи универсалистом, он настаивал на равном участии всех наций в формировании мировой культуры⁴⁹.

Крестьянские расколы: новые формы политического конфликта

Термин "фракции" отражает самую распространенную форму политического взаимодействия крестьян, по мнению Хамзы Алави. Политические расколы в крестьянских обществах часто проходят по вертикали, пересекая линию классового деления, а не по горизонтали, как в случае классовых конфликтов⁵⁰.

Фракции – это политические группы, возникающие в ходе конфликта, участвующие в организованных конфликтах по поводу *права на власть* в

обществе. Они не имеют корпоративного характера. Вербовку в эти группы проводит лидер; участники могут принадлежать к фракции только через деятельность лидера, поскольку это объединение не существует юридически самостоятельно или не имеет четко выраженного единого принципа вербовки. Лидером, отвечающим за организацию участников фракции, обычно является человек, пользующийся большей политической властью, чем любой из его последователей.

Ядро и последователей лидера можно выделить как "внутренний круг приверженцев", тогда как "внешний круг последователей" образуют те, чьи связи с лидером заключены в единичном интересе, носят практический характер⁵¹.

Подмена или замена фракционных форм политики классовыми конфликтами не всегда является прогрессом крестьянских взаимодействий. Нельзя отрицать, что фракции восприимчивы к давлению извне, хотя до поры до времени не хотят втягивать чужаков в свои дела.

Это ведет к расколам, которые уступают место новым формам политического конфликта, характеризующегося расслоением и классовой солидарностью бедных крестьян.

Социальная сущность партизанской войны состоит в том, что она придает наиболее подходящую форму крестьянскому движению. Ее история столь же стара, как и само крестьянство. Бесчисленные бунтовщики, разбойники и бандиты вошли в мифы и фольклор каждого народа, а также в реальную историю. Способность партизанской армии при необходимости раствориться в сочувствующей ей крестьянской массе или исчезнуть в просторах сельской местности; ее способность использовать

различные степени крестьянской воинственности и дружественной пассивности; способность выжить без внешних источников снабжения и достаточность относительно примитивных видов оружия для ведения войны этого типа могут сделать партизанскую силу непобедимой для современной армии⁵².

История 1917-1922 годов – это история поиска своего места в социуме всеми слоями постреволюционного общества

Оценки революционного потенциала повстанчества сильно разнятся даже в источниках, близких движению. Его называют:

- движением рабочего класса и бедных крестьян;
- движением пролетарских сил деревни и города;
- общекрестьянским движением;
- движением основной массы крестьян;
- низовым народным движением;
- крестьянским повстанчеством;
- анархо-махновщиной;
- анархическим движением крестьян и т.д.

Несколько особняком стоят характеристики национально ориентированных историков, видевших в махновщине то

- массовый бандитизм, то движение вольного казачества.

И характеристики движения даваемые большевиками:

- от политического бандитизма до анархо-коммунистического повстанчества. При

этом постепенно в ход идет официальный тезис о *кулацкой контрреволюции*.

Впрочем, такое понимание среди большевиков не является единственным, даже в литературе 20-х годов. Это и объясняет, почему в годы советской власти большая часть работ о махновщине оказалась в спецхранах.

История 1917 – 1922 годов – это *история поиска своего места в социуме всеми слоями постреволюционного общества*. Это не только революционная история революционных сил или контрреволюционная история контрреволюционных сил, это история изменчивых, непостоянных ориентаций, история самого закономерного изменения людей, групп и общностей. Навязанный или выбранный *проект развития страны никогда не являлся проектом всех сил и слоев, классов и наций, индивидов и общностей этой страны*. Одни представлены в нем сущностно, но без деталей, другие – деталями, но не сущностно.

Заключение

В данном историографическом исследовании была предпринята попытка раскрыть объемы прошлого и предстоящего изучения крестьянского правосознания социального бандитизма, показать значимость судеб наибольшей части украинского народа, основной социальной общности своего времени и ее роли в переломный момент гражданской войны и начала нэпа. *Новые ориентиры – залог открытия новых сторон предмета*. Мне кажется, что будущее за теми историками, которые знают, что, почему и каким образом обусловлено в их исследованиях современной ситуацией и избранной методологией, что перешло от предшественников и в какой степени они свободны в своих суждениях.

Главный вывод историографии социального бандитизма Украины конца 10-х и начала 20-х годов состоит в том, что ее героем был украинский крестьянин, чья история все еще остается нерассказанной.

В отличие от источниковедения и собственно исторической науки, которые имеют дело непосредственно с источниками и критериями познанного прошлого, а также излагают концепции его понимания, претендующие на ту или иную степень достоверности и истинности, объяснительный потенциал историографии основан на отражении того, что уже есть в литературе. Историография может пока-

заться отражением отражений исторического знания, но на самом деле именно в ее пластах чаще всего и рождаются путем вольных и невольных сопоставлений различные версии одних и тех же событий. *Историография вторична, но способна оказывать влияние на ход и результаты исторических исследований.* Историограф, не заменяя историка, делает его путь более осмысленным. Только историографическое отражение позиций различных поколений историков поможет сохранить живую связь времен.

От перемены референтных общностей объективность историка выигрывает немного и ненадолго, а объективность при этом теряется. Прошли восторги по поводу того, что ранее умалчиваемые или критикуемые фигуры можно выставлять на первый план или, напротив, отводить им ранее несвойственное место. Писание истории с точки зрения определенной общности все еще сохраняет свое значение, но выводы больше не могут претендовать на неоспоримость и единственность извлеченного результата. *Трансисторическая модель* предполагает расширение сообщества тех, кто заинтересован в объективных результатах.

По-новому звучат вопросы: для кого пишет историк? Для чего он это делает? Создавать историческую науку нового образца ради новой государственности, новой элиты или нового горизонта – вхождения в Европу или в состав евразийского сообщества – зряшное дело. Не стоит забывать, что историк не является слугой государя или народа и что единственна только истина. И именно эта истина через него сообщает нечто силам, общностям и отдельным участникам конкретно-исторического про-

цесса постижения и преобразования той действительности, которая выросла исторически.

Субъекты восприятия истории разнообразны и в сумме представляют все население страны. Вопрос о том, какая из групп или общностей больше других интересуется историей, оставим социологам, обратив внимание на то, что, к сожалению, самих историков чаще всего интересуют элиты. Хотя социальная история насчитывает не одно десятилетие, тем не менее, *рассказ о действиях элит в дискурсе историков остается ведущим.*

Если воспользоваться терминологией М. Полани, конъюнктура и конкуренция, занявшие место социального заказа и задания, переменили фокус осознания и периферическое видение. Вместо исследования судеб рабочего класса, партии большевиков и советской власти в Украине возобладала поиски национальных корней демократической государственности и независимой традиции.

Поверхностная деидеологизация 90-х годов не проникла в историческое сознание столь глубоко, чтобы интересы общностей были отвергнуты ради интересов целого, да это было и невозможно. *Дифференциация интересов* связана не только с расстройством общества, но и с ожиданием результатов реформ или их поражения. *Трансисторический подход* позволяет рассматривать потребности и ценности реальности и идеалы, достижения и поражения отдельных общностей, слоев, сил или индивидов как рядоположенные, а не как моральную иерархию хороших и плохих вкладов. Оценка следует за результатом, а не предшествует ему. Роль историка не в том, чтобы объяснить, какая из альтернатив была лучше, а в том, чтобы понять, почему и

при каких условиях реализовался тот или иной проект и какие последствия этого проекта в долгосрочной перспективе могут повлиять на судьбы социального целого и составляющих его индивидов. Возможно, что вся увлекательность истории заключается в неожиданном нахождении тех сил и проектов, которым вновь суждено проявиться в настоящем и будущем.

История XX века завершена, история XX века никогда не будет завершена – вот понимание динамической трансисторической модели, не только объясняющей причины и последствия, но дающей когнитивную карту каждой социальной силы, на которой видны контуры не только ее проекта, но и других проектов. Действительное в возможном, а возможное в действительном. Вот когнитивная карта исследователя, позволяющая соединить постижение прошлого с проектами последующих действий.

Разумеется, отражение может быть верным и неверным. Есть историки, настаивающие на своем объективизме, а есть и гордящиеся своей ангажированностью. Вставшие на сторону того или иного класса, слоя, группы, организации, они не всегда заблуждаются относительно происходящего, хотя подчас их личная проницательность неадекватна пониманию процессов в референтной группе.

Термин "отражение, отображение" вводит нас на кухню марксистской историографии, призывающей установить объективную истину, связав ее с позицией класса и его партии. Если бы классы, а тем более партии, всегда были себе тождественны, требование истины класса можно было бы отождествить с требованием истины, по крайней мере, на период, когда класс восходит к своей роли. И эта истина ос-

тавалась бы неизменной по отношению к другим классам. Но это невозможно, поскольку конфигурация общественных сил не может застыть. Вот почему речь идет именно о социальных силах, проявляющихся в истории, то есть не статистически и социологически, а событийно, то есть исторически.

Собственно говоря, сталинские фальсификаторы науки так и считали, что истина марксизма уже установлена, царство истины наступило, другого не дано, а если конкретные достижения науки не касаются официально провозглашаемой истины, они проблематичны.

Другие фальсификаторы, более близкие к современности, заняли позицию по принципу: нет уж того класса, нет уж той партии, "и песни не те уж в ходу", а потому историческая истина не имеет отношения к социальным субъектам, она скорее ситуативна, чем целостна. Социальные субъекты, например крестьянство Украины времен гражданской войны, историчны, а значит преходящи. (Именно поэтому представляется столь важным рассмотрение событий 1917 и 1922 годов, а не только 1918-1921, чтобы понять связь с предшествующим и последующим состоянием субъекта исторического действия). Участники событий продолжают существование, за известным исключением, и после произошедших событий, *каждое важное событие открывает новый событийный ряд*, если не гасит прежний, а часто делает и то, и другое. Некоторые силы имеют привычку возвращаться в историю, а некоторые крупные события, правда, никогда буквально, но все же повторяются.

Корпус сочинений, перечень источников и инвентаризация фактов украинского повстанчества

1917 – 1922 годов уже сформировались, и написано на эту тему, условно говоря, достаточно. Именно для того и только для того, чтобы сам процесс исследования мог стать объектом исследования, нужна историография. Историограф также историчен и тоже имеет свой конкретный проект, отвечающий на вопрос: как менялись исследовательские подходы, социальный заказ и результаты изучения, в данном случае развития украинского сельского мира начала XX века?

Ответ на вопрос об изменчивости крестьянского мира в прошлом и его отражении в головах исследователей воскрешает и другую проблему: что стоит за однотипностью или моноцентризмом господствующих подходов? Только ли усовершенствование исследовательской техники, рост объективного научного знания?

На примере целых эпох видна блокировка новых смыслов. Не только в нашей, но и в эмигрантской литературе объективно возрастало значение историков, не принадлежавших к определенной традиции. Видно, что они читали одни и те же документы, основывались на одних и тех же фактах, преследовали формально одни и те же цели, использовали близкие или даже адекватные средства, но получали различные по социальной значимости исследовательские результаты, подчас делали противоположные выводы. Заманчиво объяснить это тем, что один историк более талантлив, чем другой, ибо так действительно бывает, но иногда безымянные историки разыскивают новые факты и документы, а именитые перетасовывают сказанное предшественниками, и это лишь один частный случай. Дело не в субъективных намерениях. Как это ни странно зву-

чит, представление о незаменимости истории ошибочно в принципе, ибо с ростом суммы знаний о настоящем, с выдвиганием альтернативного будущего на передний план отчетливо видны альтернативы в минувшем, неадекватность каждой интерпретации богатству истории.

Историки часто опускают эмоциональный фактор страстей революционной эпохи или упоминают о нем лишь вскользь. Теодор Шанин считает важным обратить внимание на игнорирование страстей как фактор того, что ученые, полицейские, чиновники, банкиры и другие, живя в гуще событий, не видят эмоционального подъема населения, его пристрастности к событиям, даже будучи их свидетелями. Привычка и воспитание, академическая школа и условности среды заставляли обычным взглядом смотреть на то, что уже обычным не являлось. В переломные эпохи новизна и экзальтация в низах представлены сильнее. Крестьяне не составляют исключения, хотя причин и навыков увлекаться новизной у них меньше, чем у их трудовых собратьев в городах и поселках. Движение жизни – один из главных источников кристаллизации и революционных, и мещанских настроений. *Попытка рассмотреть революционные процессы с точки зрения психологических доминант массового сознания всегда видится противником какого-либо воззрения как преувеличение в самом лучшем случае, а то и как клевета на человека.*

Вот образец выводов такого анализа, небезынтересный с точки зрения вызревания эмоциональных составляющих махновского бунта и его истори-

ко-психологического окружения в близких и далеких слоях:

"В самой сердцевине революции лежит эмоциональный взрыв морального негодования, отвращения и ярости такой мощи, когда невозможно продолжать молчать, какой бы ни была плата. Охваченные его жаром люди на время превосходят самих себя, разбивая оковы инстинкта самосохранения, обычаев, каждодневного удобства и заведенного порядка. И тогда лишь меньшинство готово бросить всю свою жизнь на весы, но это меньшинство должно быть достаточно крупным, чтобы чаши весов пришли в движение. Среди них различные социальные группы и отдельные люди будут реагировать по-разному, но, когда приходит решающий час, общность эмоций станет тем звеном, которое сомкнет линию революционного фронта. Это также неодолимо будет привлекать наиболее чувствительных и честных представителей господствующего класса, его молодежь, его интеллектуалов и его моралистов, заставляя их повернуть против собственной среды"¹.

Можно, конечно, подкорректировать это высказывание и отнести его к временам неревolutionных фронтов и переходов представителей трудящихся на сторону исторически реакционных сил, но столь впечатляющей картина бывает лишь тогда, когда и реакция рядится революцией.

Менее всего украинское крестьянство типологически склонно к экзальтациям без почвы. *Сила привычки, по известному выражению, страшная сила, но в условиях, когда ни правительство, ни либеральная оппозиция, ни радикальное подполье не предлагали реального плана выхода из ситуации без потерь, крестьянин предпочел свои собственные пути в революции.*

Историческому исследованию обычно свойственны "шоры", группируемые Т. Шаниным в четыре связки.

- Во-первых, предполагается соотношение между сознательным выбором и детерминантами человеческого действия.
- Во-вторых, принимается причинная иерархия, связывающая социальные институты и категории анализа.
- В-третьих, чувствуется влияние и несоответствие укорененных в обществоведении моделей исторического времени.
- В-четвертых, проявляется нехватка эпистемологической терпимости².

Как следствие этого вырастают многочисленные редуционизмы, то есть ложные интерпретации, основанные на упрощениях ради лучшего понимания. Единственно научные сценарии событий превращают историю в кукольный театр, причем за каждой куклой стоит последнее правильное объяснение, основанное или на взрывах патологии индивидов, или на механике "объективных сил." Между тем *фокусом альтернативы является обратная связь объективного и субъективного, именно она позволяет схватить сущность особенного в развитии общества, общностей и индивидов.*

Интеллектуальные корни постижения этой связи, преодолевающей как жесткий детерминизм, так и вкусовой субъективизм бесконечных патологий, якобы обнаруживаемых в истории, английский историк видит в немецкой классической философии, во многом определившей принципиальные моменты в марксовых "Тезисах о Фейербахе", работах нео-

кантианцев, социальной психологии Дж. Г. Мида из Чикагской социологической школы, у Вебера и Блока, Грамши и Сартра³.

В целом альтернативность истории в работах историков по-прежнему низка⁴. Наука по-прежнему зависит от центров принятия решений и обслуживает школы, карьеру, средства и многое, что не является целью занятий историей. Вместе с тем, она не только занятие, но и образ жизни, и система ценностей. Эпистемологическая терпимость позволяет понять, что редукционизм – главная травма познания.

"Нужна историография, в которой центральную роль играют потенциал, альтернатива и различие, а не только необходимость, предопределенность или тотальность"⁵.

Все разновидности теорий прогресса в конечном счете

закладывают "всеобщее, обязательное - независимое от человеческого выбора и однолинейное развитие всех обществ вдоль магистральной линии, определяемой будь то экономическим ростом или же ростом рационализма и науки"⁶.

На этом пути все общества, культуры, типы хозяйства, социальные общности, этосы обречены на модернизацию. Она осуществляется поверх некогда всемогущих укладов традиционного социума. Социум обречен на исчезновение внутри цивилизации, которой суждено стать единой (в одних случаях – капиталистической или постиндустриальной, в других – коммунистической или ассоциированной, в третьих – гибридной конвергентной или единой посттехнологической, хотя напомним, что на предпоследнем легальном съезде советских коммунистов

включение идеи постиндустриального общества в партийную программу было отвергнуто большинством голосов).

Переход прежних сторонников прогрессо-марксизма из ярых плановиков в завзятых прогрессо-рыночников, с точки зрения Т. Шанина, является не только оппортунизмом, но вполне объяснимой схожестью мышления. В 1984 году Т. Шанин редактировал, изданную в Лондоне книгу "Поздний Маркс и русский путь", где, по его словам, речь идет о предпосылках сложившейся ныне естественной близости этой модели мышления к интуитивным предпочтениям сильных мира сего. Быть в числе победителей всякий раз, когда история делает следующий шаг, который по определению не может быть неверным, если это шаг прогресса, – стремление прогрессистов, как раз и делающее их оппортунистами.

Неумение увидеть почву под противником, дарование ему собственных задних мыслей и *перекручивание очевидных вещей до степени неочевидности только и позволяет элитаристу держать в поле зрения навязчивую идею*. Суть ее в том, что именно элита и создала все те общности, которые описывает сообщество, именуемое украинством. Ратуя за новый большой пласт современной элиты среднего класса, И.А. Белебега наделяет его чертами, взятыми у народных общностей. Так возникают гибриды – народная элита, трудовая элита, боевая элита. Нацию репрезентует патриотическая часть народа, именуемая народной элитой. За ней грядет новая генерация элиты среднего класса. Любопытно, что не только батька Махно, но и Шевченко является носителем лучших черт "среднего класса" –

человеческой доброты, чистоты и незаметного величия". При этом все патриоты делятся на два сектора. Национально зрелых и янычарствующих. Первые – патриоты, вторые – равнодушные элементы. Отход от научных классификаций и попытка выступать в своеобразном украинском, а на деле псевдоукраинском духе, к сожалению, не является редкостью в наши дни.

Украинский дух определяется как совокупность всех примечательных признаков, составляющих своеобразную, ни с чем несравнимую среду. Вот только не ясно, каким образом класс народной элиты составляет самую массовую общность, а по сути – "базу функционирования украинства". С другой стороны,

"украинство функционирует в соответствии с собственными законами развития, как и каждая отдельная нация. Эти законы вне чьей-либо воли проявляются во всех видах жизнедеятельности. Как борщ нельзя спутать ни с каким иным блюдом, а это блюдо имеет одно украинское название, так яблоко Семеренко, архитектура, изготовленные машины, научные достижения, песни, танцы, музыка, вышиванки, крашанки... – это те элементы, которые в общей совокупности конкретно выражают содержание украинства... Все это создается украинской элитой и в значительной мере ее самой многочисленной частью – народной элитой"⁷.

Так, видимо, чтобы никого не обидеть, И.А. Белебева отождествляет большую часть массы с небольшой по численности элитой. Более того, употребляя словосочетание "неэлитный украинец", он отрицает за последним не только национальн, но даже этнические особенности.

Воздав должное труду и страданиям украинского народа, проявившего "народный, трудовой бое-

вой элитаризм", автор вдруг вспоминает кое-что из эстетики:

"Угнетатели старались по мере возможностей держать в темноте и невежестве (надо полагать, носителей указанного элитаризма – авт.), а образование, литература, изящные искусства – все это существовало для избранных, для элиты"⁸.

И.А. Белебева добавляет:

"Это относится к нам... Утрата элиты высшего и среднего классов – это утрата или несотворение драгоценных духовных сокровищ, которые могли бы служить Украине. Утраты народной элиты приводили к денационализации, ассимиляции, порождению недругов украинства из числа собственного населения. На украинских элитных костях созданы Петербург, Беломоро-Балтийский канал, освоены сибирские лесоповалы..."⁹.

По-видимому, словосочетание "элитный украинец" и "неэлитный украинец" имеют двойственную сущность. С одной стороны, элитность – нечто природное, а с другой стороны, *элита – феномен социальный*. Попытки выявить биосоциальные законы функционирования украинства неизбежно приводят к тому, что возникает научная проблема: по тем же законам или по другим живут отдельные нации, или, может быть, и отличия так же уникальны, как рецепт борща или яблоко Семеренко?

Уже христиане первых веков нашей эры знали, что дух дышит где хочет, а потому сочетание украинского и любого другого духа составляет реальную проблему не только самосознания, но и сознания другого. *Обида, злоба и несправедливость могут водить пером, но не могут быть научным инструментом познания мира ни своей общности, ни соседской, ни дальней.*

Вот еще одна длинная, но характерная цитата, апофеоз принципа "валя кулем – потом разберем":

"Великий и гордый французский народ также подпадал под власть карликов. Но выстоял, нашел в себе силы одолеть собственных кровососов, победил. Это нам еще предстоит сделать. Однако уже сегодня, сравнивая нас с французами, можно констатировать, что мы – реально великая нация, поскольку выжили в таких сложных условиях, в которых не каждая нация способна выжить. Потому есть надежда, что и мы сможем победить. Как ни силились наши враги, а духовная энергетика украинства не была разрушена полностью. Она восставала из пепла в 1917-1921 гг., поднималась с колен в 20-х годах под лозунгами "украинизация Украины" (так в тексте – авт.), взорвалась в 1942-1955 гг. в борьбе УПА, пробудилась в 1991 г. во время референдума о независимости Украины. Но во всех этих героических подъемах заметны знаки разрушения, содеянные в прежние периоды, приводившие к утратам. Национальный организм нуждается в оздоровительных мерах. Вооруженное символами украинской вечности (трезубом и жовто-блакитным стягом), украинство не сумело создать полноценного Украинского государства. Провозглашенное независимое Украинское государство осталось в руках неукраинских кадров. Была заменена система, но не заменены люди. В этом была трагическая ошибка наших президентов, патриотических сил, новой политической системы и всего народа. Государственность как политическая категория есть степень высшей зрелости этноса, народа, высшей стадии самопознания нации. Добытая и тут же утраченная государственность, как это было с нами в 1917-1920 гг., свидетельствует, что процесс самопознания не дошел до высшей точки, а пребывал ниже того психолого-политического уровня, который категорически требует государственности и видит в ней важнейшую предпосылку своего дальнейшего развития¹⁰.

Эта огромная цитата свидетельствует не просто о гоголевском бахвальстве определенного "психолого-политического уровня", но и о непонимании подлинных проблем массовых общностей, в разрешении которых могла бы участвовать элита, если бы не сосредоточилась в определенном круге материальных интересов и социокультурных повторений прежних ориентацией.

Отчасти пессимизм породили неудачи предшествующих глобальных анализов, но и это не аргумент в пользу признания неверности всех долгосрочных прогнозов. Частичные прогнозы сомнительны, а будущее скрыто. Историки-агностики рассказывают о роковых особенностях ментальности славян, о предопределенности судеб крестьянства, о фатализме национального выбора, но тут же с легкостью предлагают варианты, ни на одном из которых не настаивают настолько, чтобы говорить о приближении к истине истории. Истина непостижима, и историку остается говорить о том, что было или могло быть, не формулируя условий и правил оценки явления.

Боязнь оценок и иерархии знаний породила феномен "фоменковской науки", за которой стоит неприятие констант истории, желание окончательной релятивизации знания. Оправдать то, что не подлежит оправданию, потому что элиты наследуют элитам, а связь прослеживается посторонними субъектами, представляющими интеллектуальные силы незлитарных общностей или народа – вот *сверхзадача переписывания истории* в эпоху постмодерна. Иначе не сделать из героев предателей и наоборот.

Опасность слияния крайних и умеренных левых для эволюции под эгидой контрэлит очевидна. Это

прекрасно чувствуют историки-антикоммунисты, которые не хотят делать из оттенков принципов, утверждаю, что все они – коммунисты. Они, махновцы и большевики, действительно две разновидности коммунизма, но общее не дает забывать и особенное.

Издатели П. Аршинова приводят любопытное мнение одного из современных анархистов, которого сами же относят к лучшим теоретикам этого движения. Он трактует анархизм как

"обретение... духовности, которая могла бы способствовать возникновению динамического общества вне Капитализма, вне устремленности к роскоши", как "освобождения от всех форм власти, в том числе и от власти Капитала"¹¹.

Таким образом, даже на грани третьего тысячелетия все еще существует своеобразная романтическая традиция исторического описания и философского истолкования событий пятой крестьянской войны в годы величайшей социальной революции.

Социальный заказ на прямое бунтарское действие существовал всегда. Другое дело, что не всегда были силы, способные артикулировать движение прямого действия, либо бунтующие не имели возможности рефлексировать на уровне академической науки или кропать системы подобно теологам и философам, связанным с элитой.

Анархия так же древня, как государство, но философия анархизма – поздний плод рафинированной интеллектуальной моды XIX века, во всяком случае в зрелой форме. Народничество – самобытный вклад россиян в мировую мысль, в том числе и анархистскую. Оно по-своему решало проблемы идентичности и самобытности русского мира.

Действительно, взлет и падение крестьянского парня, ставшего рабочим, с тремя неполными классами церковно-приходской школы, за одиннадцать лет до Февральской революции примкнувшего к кружку анархистов, участнику убийств полицейских и экспроприаций, в которых переплелись тесно политика и уголовщина, осужденного на смертную казнь, замененную каторгой и проведенного на ней 8 лет и 8 месяцев, где он заработал революционный псевдоним товарища Скромного, притихшего было в пожизненной каторге и явившегося на волю с неожиданным авторитетом в революционных кругах, – образ живой легенды. Но что же в действительности стоит за всем этим? Самостоятельная роль украинского крестьянства в событиях века?

Как уже отчетливо осознал Марк Блок, история любой страны не может изучаться исключительно как национальная история без риска серьезных анахронизмов и непоправимых искажений в ее воссоздании¹². Данное правило, которого, к сожалению, не все и не всегда придерживаются, приобретает в случае с Россией – страной, являвшейся империей в течение многих веков, особую ценность. Это верно как в отношении исторических событий, предшествовавших 1917 году, когда польские восстания часто определяли тип решений, принимаемых в Петербурге, так и в отношении советского периода. Это верно, хотя, возможно, в меньшей степени, и сегодня, о чем свидетельствует влияние войны в Чечне и ее последствий для политических событий в России. В частности,

"отношения между Россией и Украиной играли решающую роль во все критические моменты истории нашего

века, от гражданской войны до распада СССР, естественно, через трагедии тридцатых годов"¹³.

Задача историков заключается в том, чтобы предоставить национальному сознанию двух стран как можно более правдивый образ общего прошлого.

Внутренняя экономическая структура крестьянского общества зависит от его отношений с более крупной общностью – государством. Государство авторитарно узаконивает и реализует эту структуру, ибо независимое крестьянство, в котором фракции пришли к соглашению по основным вопросам, ведет себя сословно эгоистически, зорко следя, чтобы равновесие прав не было нарушено. Элемент анархичности вытекает из кажущейся ненужности государства крестьянам для их деревенских дел.

В родословной современной Украины указаны не все родственники, как принято в такого рода документах. *Каждая политическая традиция имеет не только свой источник, но и соответствующий миф. В демократических мифах не остается места для советского, националистического или монархического варианта государственности, равно как и наоборот.*

Еще один вывод представляется крайне важным для понимания генезиса государственности и отсутствия отклика на нее в широких слоях населения. Это особенно сильно сближает 1648 и 1917 годы. Идея автономии в обоих случаях удовлетворяла первые нужды элиты, как мог бы удовлетворить ее и результат новоогаревского процесса накануне августа 1991 года. Только бурное и неожиданное развитие событий, спонтанный характер исторического процесса привели к творчеству новых форм со-

циальной и государственной жизни, они вовсе не замышлялись самой элитой.

"Ментальность старшины отражала типичные черты ментальности народа, самой характерной из которых выступало абсолютное преимущество в ее структуре социальных, групповых и частных интересов над национальными и общественными. Невозможно отрицать то, что в продолжение веков сознание среднего украинца формировалось исключительно на бытовом, культурном и религиозном уровнях при почти полном отсутствии влияния национально-государственных показателей из-за отсутствия национального государства, что приводило к утверждению стереотипа социально-психологического поведения эгоцентрического направления..."¹⁴.

Н.И. Махно не раз признавался, что для него стыдно незнание родного языка, но этот штрих может быть отнесен и на счет многих представителей традиции. В условиях первичной капитализации новороссийские и азово-причерноморские степи оспаривались как коренным, так и пришлым народом. Элемент этнической пестроты позволяет понять невозможность выявления в условиях Украины оснований того явления, которое обозначают как "политическая нация", а равно "титовская нация", "национальная государственность". Во всяком случае, они не отражают терминологических границ первопричин конфликта. Такие сюжеты имели бы смысл, если бы новое государство являлось продолжением бывшего, но, проживая столетиями в составе чужих государств, украинцы формировали социальное сознание, содержащее национальные моменты не в той последовательности, как на западной, нестепной территории страны.

Историография или конфликтология лишь отражают глубинные интенции, определяемые не-

удовлетворенностью социальных слоев. Путь к свободному человеку все еще представляется путем к свободному обществу. Сколько фаз или этапов должно пройти освобождение (процесс, обратный отчуждению), никто не знает.

Пределное категориальное истолкование причин, хода, роли и значения любого социального движения не дается историку априори, а является результатом проведенного исследования или как минимум историографического разбора. Иначе социальное движение может быть оценено постфактум с точки зрения победителей как тотально реакционное, погруженное во тьму небывальщины.

Будущее украинского социума в известной степени определяется историческим опытом, но ни у кого нет монополии на его толкование. Предположения Т. Шанина и других зарубежных исследователей (Р. Конквеста, А. Грациози, Э. Хобсбаума, И. Дойчера и других) во многом совпадают с разработками украинских историков (С. Кульчицкого, И. Котляра, В. Волковинского, В. Верстюка, В. Марочко, И. Лысяка-Рудницкого и других), по крайней мере, в том, что *история сельского населения постсоветских обществ не только таит еще много загадок, но и способна приоткрыть пути в будущее, понимание альтернативного развития (как в рамках модернизации по образцам, так и при создании оригинальной модели развития). Модель, построенная на одних заимствованиях, не может быть оригинальной, и нет в мире народа, согласного только повторять чужое.* Вместе с тем, эпоха изоляции не должна повториться, хотя ее еще могут навязать силы социального регресса. *Потенциал крестьянства переходит к новым социальным группам, и не толь-*

ко к тем, кто трудится на земле, хотя они и не воспринимаются как наследники индивидуального крестьянства или анархистской атаманской вольницы, нэповских кооператоров или жертв голодомора. Это проявляется субъективно, в генетически сложной памяти, в осторожном восприятии нового (не все, что сверху, – от Бога).

Богатейшая историография по теме позволяет поставить вопросы о целостном характере феномена, его связях с прошлым и будущим, как своим, так и чужим. Засилье редуций к составляющим опыта, толкуемым довольно хитро, продолжается, увы, и сегодня. В истории по-прежнему видят то, что хотят видеть.

Альтернативой выступает живая история, а в ней никакие редуции к единому основанию невозможны. Плюрализм умов, воль, намерений и проектов исследователей лишь отражает такой же плюрализм участников, творцов и жертв этой истории. О жертвах принято либо молчать, либо мистифицировать. Всепрощение реабилитаций нанесло ущерб как морали народа, так и этике историков. Все смешалось в перестроечные годы, и твердь от хляби до сих пор не отделена.

Судьба теорий также давно является объектом изучения.

"Было бы неверно, – говорит Т. Шанин, – свести все ранее известные теории миграции к простому утверждению, что гармония мира отражена в экономических законах. Начать с того, что сама модель гармонии затрагивает проблематику дисгармонии и ее устранения (например, "динамическое равновесие"). И что еще более важно: этот вопрос никогда не был предметом исследования только одной научной дисциплины (то есть экономики), ибо тут никак не обойтись без социологии.

Именно социология, еще со времен Парка, признала существование проблемы миграции и ее суровых реальностей, и всестороннее исследование этой проблемы ведется на уровне, далеком от упрощенчества. Очевидна ограниченность концептуальной основы функционализма из-за попыток свести все к "культуре", "ассимиляции" и "аккультурации", однако это вовсе не означает, что он вообще лишен какой-либо объяснительной силы".

Однако с классовым анализом происходит нечто странное, когда автор переходит к "странам эмиграции". Ибо там, по-видимому, вообще нет никаких классов (во всяком случае, о них ничего не говорится). Столь часто упоминаемая глобальная модель миграции включает понятием "этническая группа" (турки, алжирцы, испанцы и т.д.), представители которой непонятным образом превращаются в класс (пролетариат с приставкой "полу") в результате пересечения границ. Бесклассовое общество в "странах эмиграции" постулируется с помощью фигуры умолчания. Или там все-таки есть один класс – потенциальных эмигрантов? Эта концепция – двойник тех моделей бесклассового "принимающего общества", которыми еще не так давно пользовались теоретики функционализма.

Любое практически значимое исследование, ориентированное на изменение политической ситуации и прогнозирование реальной действительности, предполагает такой анализ, который бы исходил из неразрывного единства прошлого и настоящего, структуры и процессов.

Здесь нельзя вновь не сказать о двух предрасудках экономистов. Во-первых, о вере в то, что по окончании экономического "бума" "резервная армия труда" будет просто отправлена обратно; и, во-вторых, о предположении, что иностранные рабочие

по своей воле вернуться домой не захотят (ибо кто же, будучи в здравом уме, предпочтет более низкий уровень жизни?). И то, и другое не соответствует действительности.

Историография предупреждает против зазнайства и изобретения велосипедов.

"Перечитывая работы Блока, – пишет Т. Шанин, – а также другие исторические и аналитические тексты высочайшего класса, принадлежащие перу Гиббона, Мишле, Маркса, Ключевского, Райт Миллса, Макса Вебера или Броделя, а также еще дальше удаленных от нас во времени и пространстве Фукидида и древнекитайских историков, – это отдых от банальностей, которые столь часто представляются под видом научного познания, журналистского остроумия или "здорового смысла." Чтение мастеров – это также урок интеллектуального смирения. После такого чтения меньше хочется говорить о вещах, о которых они уже сказали так хорошо"¹⁵.

История украинского крестьянина-повстанца на фоне событий века, описанного сотнями авторов, не кажется историографу ни провинциальной, ни исчерпанной. Смыслы прирастают трудами. Двигаясь след в след за историком, историограф иногда чувствует двойное давление тех, кто делал историю, и тех, кто ее описывал. Его скромная роль часто кажется незаметной в драматических ситуациях исторического процесса и в сплетении познавательных тропинок к новому знанию. Но именно потребность нового заставляет однажды понять то, что добытое поколениями в жизни и познании рядом.

- *Историография махновщины систематизирует факты, процессы, события и структуры революционного периода таким образом, что выступает предпосылкой, поводом, следствием и составной*

частью истории гражданской войны и украинской революции, эпицентром борьбы национально-государственных и революционно-самоуправленческих сил, противоборство которых привело к победе советской системы власти.

Усилиями нескольких поколений исследователей удалось выяснить специфику и сущность махновского движения. Оно представляется:

- ✓ как *революционное*, а не контрреволюционное, ретроградное, реакционное, кулацкое или атамански-мещанское движение;
- ✓ как движение по преимуществу *социальное*, а не национальное или военно-политическое, поскольку борьба за землю, волю, самоуправление и справедливость не рассматривалась лидерами и участниками как борьба за новое государство, а лишь как борьба за новое, более справедливое общество;
- ✓ как движение *крестьян, полупролетариев и маргиналов*;
- ✓ как *аграрное* движение, в центре которого находится проблема распределения, сохранения и защиты полученной или захваченной земли;
- ✓ как движение организационно и идеологически *самостоятельное*, а не руководимое извне;
- ✓ движение *вооруженное и повстанческое*;
- ✓ движение *анархо-коммунистическое, стихийно-уравнительное (эгалитарное)*;
- ✓ движение *левое*, т.е. направленное на смену социального порядка новым, более справедливым строем;

- ✓ движение *неосновных сил*, ибо ни капитализация, ни переход к социализму не предусматривают в отличие от феодализма или азиатского способа производства, чтобы крестьянство играло роль основного класса или социальной общности;
- ✓ движение *советское*, но не в смысле лозунга кронштадцев 1921 года "За советы без коммунистов", а за советы с коммунистами как одной из многих революционных сил, но без гегемонии;
- ✓ движение *низовое и массовое*, представляющее в буквальном смысле низы и массы, вставшие на путь исторического преобразования и творчества нового жизненного уклада.

Безусловно, все характеристики махновщины должны быть поняты как динамичные, эволюционирующие, меняющиеся. Они могут быть поняты лишь в контексте противоборства с другими силами – национальной государственностью, диктатурой пролетариата, белой контрреволюцией. *Антигосударственный образ действия и мысли* махновцев является не простым продолжением аполитичности крестьян и следствием пропаганды анархизма, а совокупностью сложившихся традиций и эволюционных инноваций в момент крушения старой цивилизации и начала новой.

Антигосударственность не отменяет того факта, что даже в условиях советской власти махновщина оставалась разновидностью революционного движения, хотя и более архаичного типа, чем революционность большевиков, меньшевиков и даже эсеров.

Историография махновщины – советского движения крестьян-повстанцев, в рамках своего правосознания и под тяжестью обстоятельств истории искавших неведомое будущее, в котором им будет найдено место, соединится идеал и действительность, – предпосылка, повод и способ ставить и решать важнейшие проблемы жизни и познания.

Правда-истина и правда-справедливость, научный поиск и народный идеал в преломлениях ли солнечных лучей, под дождем или в "серенький смиренный денечек" (А. Галич) обещают дорогу идущему.

Всякая история подходит к концу. История историографии одного обширного научного вопроса – не исключение. Фигура украинского сельского жителя не потерялась в глубине веков. Иногда мелькнет она перед взорами, брошенными невзначай с колесниц третьего тысячелетия. Скольким из них промчалось мимо? Почему же он не спешит? Уж не потому ли, что его след читается в будущем. Том будущем, у которого нет конца.

Примечания

Введение

- ¹ Шанин Т. Революция как момент истины. – М., 1997. – С. 16-17.
- ² Там же. – С. 18-19.
- ³ Карсавин А.П. Философия истории. – СПб., 1993. – С. 17-20.
- ⁴ Там же. – С. 30.
- ⁵ Там же. – С. 56.
- ⁶ Там же. – С. 85.
- ⁷ Там же. – С. 93-94.
- ⁸ Там же. – С. 90, 97.
- ⁹ Там же. – С. 112, 121.
- ¹⁰ Там же. – С. 183.
- ¹¹ Там же. – С. 216.
- ¹² Там же. – С. 220.
- ¹³ Там же. – С. 237-238.
- ¹⁴ Там же. – С. 254-255.
- ¹⁵ Кульчицкий С.В. Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919-1928). – К., 1996. – С. 13.
- ¹⁶ Рейснер М. Современная юриспруденция и учение А.И. Петражицкого // Русское богатство. – 1908. – № 1. Отдел 1. – С. 32-34.
- ¹⁷ Там же. – С. 37.
- ¹⁸ Новгородцев П. Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. – М., 1903. – С. 242.
- ¹⁹ Рейснер М. Современная юриспруденция и учение А.И. Петражицкого // Русское богатство. – 1908. – № 1. Отдел 2. – С. 51.
- ²⁰ Петражицкий А.И. Введение в изучение права и нравственности. Эмоциональная психология. – СПб., 1905. – С. 228.
- ²¹ Петражицкий А.И. Теория права и государства. В связи с теорией нравственности. – СПб., 1907. – Т. 1. – С. 10.
- ²² Там же. – С. 19.

- ²³ Там же. – С. 32.
- ²⁴ *Петражицкий А.И.* Теория права и государства. В связи с теорией нравственности. – СПб., 1907. – Т. 1. – С. 45.
- ²⁵ Там же. – С. 475-483.
- ²⁶ *Карсавин А.П.* Указ. соч. – С. 29.
- ²⁷ Там же. – С. 30.
- ²⁸ *Петражицкий А.И.* Теория права и государства. В связи с теорией нравственности. – СПб., 1907. – С. 482.
- ²⁹ Там же. – С. 483.
- ³⁰ Там же. – С. 157-162.
- ³¹ Там же. – С. 165-169.
- ³² *Петражицкий А.И.* Теория права и государства. В связи с теорией нравственности. – СПб., 1907. – Т. 2. – С. 534.
- ³³ Там же. – С. 493.
- ³⁴ Там же. – С. 498-499.
- ³⁵ Русская философия права: философия веры и нравственности. – СПб., 1997. – С. 391.
- ³⁶ *Лунев В.В.* Преступность в XX веке. – М., 1997. – С. 56.
- ³⁷ Русская философия права: философия веры и нравственности. – СПб., 1997. – С. 391.
- ³⁸ Там же. – С. 393.
- ³⁹ *Атоян А.И.* Маргинальность и право // Социомаргиналистика. – Луганск, 1999. – С. 411-425.

Глава 1. Мифы и иллюзии крестьянской вольницы

- ¹ *Грациози А.* Большевики и крестьяне на Украине. 1918–1919 годы. Очерк о большевизмах, национал-социализмах и крестьянских движениях. – М., 1997. – С. 160.
- ² *Лазутин А., Кириченко В., Григорян А.* От издателей / *Аршинов П.* История махновского движения 1918–1921. – Запорожье, 1995. – С. 8; *Белаш А.В., Белаш В.Ф.* Дороги Нестора Махно. – К., 1993. – С. 579.
- ³ *Смолій В.А., Степанков В.С.* Українська державна ідея XVII–XVIII століть: проблеми формування, еволюції, реалізації. – К., 1997. – С. 19.
- ⁴ *Лазутин А., Кириченко В., Григорян А.* Указ. соч. – С. 6.

Примечания

- ⁵ *Кравченко І.* Світ запорозький та його цінності // Запорожці. – К., 1993. – С. 9.
- ⁶ *Аршинов П.* История махновского движения (1918–1921 гг.) – Запорожье, 1995. – С. 227.
- ⁷ *Вольф Э.* Крестьянские восстания / Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире; Сост. Т. Шапш. – М., 1992. – С. 303.
- ⁸ *Махно Н.И.* Оккупация Украины / Н.И. Махно. – К., 1991. – С. 40.
- ⁹ *Аршинов П.* История махновского движения (1918–1921 гг.) – Запорожье, 1995. – С. 221.
- ¹⁰ *Аршинов П.* Указ. соч. – С. 168.
- ¹¹ Там же. – С. 169-170.
- ¹² Путешествующие крестьяне и трудящиеся мигранты // Великий незнакомец. – С. 155.
- ¹³ *Белаш А.В., Белаш В.Ф.* Дорогами Нестора Махно. – К., 1993. – С. 105.
- ¹⁴ *Polanyi K.* The Great Transformation. – Boston, 1957. – P. 163-164.
- ¹⁵ *Шанин Т.* Крестьянство как политический фактор // Великий незнакомец. – С. 278.
- ¹⁶ *Скотт Дж.* Оружие слабых: повседневное сопротивление и его значение // Великий незнакомец. – С. 287.
- ¹⁷ *Бэйли Ф. Дж.* Представление крестьян о плохой жизни // Великий незнакомец. – М., 1992. – С. 221.
- ¹⁸ Там же. – С. 228.
- ¹⁹ *Грациози А.* Указ. соч. – С. 66.
- ²⁰ *Аршинов П.* Указ. соч. – С. 232.
- ²¹ *Грациози А.* Указ. соч. – С. 184.
- ²² *Махно Н.И.* Воспоминания. – М., 1992. – С. 28.
- ²³ Там же. – С. 32.
- ²⁴ *Белаш А.В., Белаш В.Ф.* Указ. соч. – С. 43.
- ²⁵ *Верстюк В.Ф.* Махновщина: штрихи к истории движения / Н.И. Махно. – К., 1991. – С. 6.
- ²⁶ *Аршинов П.* Указ. соч. – С. 137.
- ²⁷ Там же. – С. 209.
- ²⁸ Там же. – С. 206.

- ²⁹ Там же. – С. 210.
- ³⁰ Там же. – С. 211.
- ³¹ Верстюк В. Ф. Махновщина: штрихи к истории движения /Н.И. Махно. – К., 1991. – С. 7.
- ³² Там же. – С. 9.
- ³³ Карсавин А. П. Указ. соч. – С. 310-311.
- ³⁴ Метт И. Батько в Париже /Н.И. Махно. – К., 1991 – С. 125.
- ³⁵ Там же. – С. 126, 130.
- ³⁶ Там же. – С. 129.
- ³⁷ Тимощук А.В. Анархо-коммунистические формирования Н. Махно (октябрь 1917 – август 1921). – Симферополь, 1996. – С. 160.
- ³⁸ Оплоков В. Лев Задов: смерть от бескорыстия. – Петрозаводск, 1994. – С. 176.
- ³⁹ Там же. – С. 64.
- ⁴⁰ Там же. – С. 282.
- ⁴¹ Боровой А. Анархизм. – М., 1919.; *Его же.* Личность и общество в анархистском мировоззрении. – М., 1920.; *Волин В.М.* Революция и анархизм //Б. м., 1919; *Карелин А.А.* Государство и анархисты. – М., 1918; *Генкен И.* Среди приемников Бакунина //Красная летопись. – 1927. – № 1; *Сандамирский Г.* Торжество антимилитаризма /Из истории анархистского движения. – М., 1920; *Новомирский Д.* Манифест анархистов-коммунистов. – М., 1917. И другие.
- ⁴² Бакунин М.А. Письмо М.А. Бакунина к С.Г. Нечаеву 2 июня 1870 года /Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. – М., 1989. – С. 548.
- ⁴³ Боровой А. Анархизм. – М., 1918. – С. 55.
- ⁴⁴ Там же. – С. 59.
- ⁴⁵ Лебеденко А.М. История анархизма в Украине. – К., 1995. – С. 61.
- ⁴⁶ Там же. – С. 146-147.
- ⁴⁷ Карелин А. Государство и анархисты. – М., 1918. – С. 3-4.
- ⁴⁸ Там же. – С. 6-8.
- ⁴⁹ Там же. – С. 10, 19-21.
- ⁵⁰ Махно Н.И. Воспоминания. – М., 1992. – С. 52.
- ⁵¹ Хлеб и Воля. – 1906. – № 1. – С. 7.

- ⁵² Махно Н.И. Там же. – С. 40-41.
- ⁵³ Там же. – С. 44.
- ⁵⁴ Там же. – С. 51.
- ⁵⁵ Там же. – С. 57.
- ⁵⁶ Там же. – С. 52.
- ⁵⁷ Там же. – С. 58-60.
- ⁵⁸ Аришинов П. Указ. соч. – С. 233.
- ⁵⁹ Кропоткин П. Безначальный коммунизм и эксплуатация. – М., 1906. – С. 3.
- ⁶⁰ Кубанин М. Махновщина. – Л., 1928. – С. 197.
- ⁶¹ Верстюк В. Ф. Махновщина. – К., 1991. – С. 206-207.
- ⁶² Налимов В. В. Канатоходец. – М., 1993. – С. 161.
- ⁶³ Там же. – С. 345.
- ⁶⁴ Там же. – С. 162.

Глава 2. Свидетели и очевидцы

- ¹ Дебагорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. – М., 1930. – Т. 1. – С. 8.; *Ковалик С.* Революционное движение 70-х годов и процесс 193. – М., 1928. – С. 39.
- ² Дебагорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. – М., 1930. – Т. 1. – С. 115.
- ³ Пирумова Н.М. Социальная доктрина Михаила Бакунина. – М., 1989. – С. 249-250.
- ⁴ Грушевський М.С. Ілюстрована історія України. – К., 1919. – С. 542-575.
- ⁵ Винниченко В. Відродження нації. – К., 1920. – Частина 1. – С. 11-12.
- ⁶ Винниченко В. Из истории украинской революции /Революция на Украине по мемуарам белых. Репринтное воспроизведение издания 1930 г. – К., 1990. – С. 278.
- ⁷ Там же. – С. 279.
- ⁸ Там же. – С. 282.
- ⁹ Там же. – С. 310.
- ¹⁰ Там же. – С. 323-324.

- ¹¹ Там же. – С. 331.
- ¹² Там же. – С. 332.
- ¹³ Там же. – С. 339.
- ¹⁴ Там же. – С. 343.
- ¹⁵ *Лисяк-Рудницький І.* Четвертий Універсал та його ідеологічні попередники // *Лисяк-Рудницький І.* Історичні есе. – К., 1994. – Т. 2. – С. 7.
- ¹⁶ *Драгоманов М.* Очерк украинской социалистической программы. Предисловие к "Громаде". – К., 1878.
- ¹⁷ *Байков Л.А.* Свойства боевых элементов и подготовка войск к бою. – К., 1918.
- ¹⁸ *Бош Е. Б.* Год борьбы. – М., 1990. – С. 22.
- ¹⁹ *Верстюк В.Ф.* Махновщина. – К., 1991. – С. 18-19.
- ²⁰ *Карр Э.* История Советской России. Книга 1. – Т. 2. – М., 1990. – С. 432.
- ²¹ Анархо-махновщина і Радянська влада. – Харків, 1921; *Васильев Б.* Кто такие махновцы и чему они учат. – Луганск, 1920; Геть партизанщину. Збірка статей. – Х., 1920; Долой махновщину. – Х., 1920; *Затонский В.* Что Махно обещает крестьянину. – Б.м., 1920; *Кочевий О.* Про махновщину. – Х. 1920; *Село Я.* Бандити "соціалісти" – махновці. – Синельникове, 1920; Краткая инструкция по борьбе с бандитизмом на Украине. – Б. м., 1920; О борьбе с бандитизмом: Ко всем партийным организациям Украины // *Известия ЦК КП(б)У.* – 1921. – № 1. – С. 22; Об анархистах. Циркулярное письмо ЦК РКП(б) // *Вестник агитации и пропаганды.* – 1921. – № 11/12. – С. 6-8.
- ²² *Раковский Х.Г.* Борьба за освобождение деревни. – Х., 1920; *Его же.* Красная армия и борьба с бандитизмом: Доклад на Харьковской губернской партийной конференции 15 февраля 1921 года. – Х., 1921; *Троцкий Л.Д.* Украинские уроки // *Коммунист. Орган ЦК КП(б)У.* – 1919. – 20 мая; *Его же.* Махновщина // *В пути: Известия поезда народного комиссара военных дел.* – 1919. – 2 июня; *Его же.* Махно и другие // *Там же.* – 1919. – 4 августа; *Его же.* Терроризм и коммунизм. – Петроград, 1920; *Зиновьев Г.Е.* Письмо к крестьянам: зачем рабочие посылают продовольственные отряды в деревню. – Екатеринослав, 1919; *Его же.* Задачи Коммунистической партии: Докл. т. Зиновьева на общем собрании членов и кандидатов Пегинского района КП(б)У, 20 мая 1920 г. – Х., 1920; *Лацис М.* Два года борьбы на внутреннем фронте. – М. 1920; *Лебедь Д.* Итоги и уроки трех лет махновщины. – Х., 1921;

- Его же.* Махновщина и наши задачи // *Звезда-Заря.* – Екатеринослав, 1920. – № 13.
- ²³ *Равич-Черкасский М.* Махно и махновщина. – Екатеринослав, 1920; *Ракифов Г.* Письма о махновцах. – Екатеринослав, 1920.
- ²⁴ *Ефимов Н.А.* Действия против Махно с января 1920 г. по январь 1921 // *Сборник трудов общества при военной Академии.* – 1921. – № 1. – С. 192-222; *Лихаревский Е.* "Андреевский конфуз" (Бой с Махно 14 декабря 1920 г. в деревне Андреевка Бердянского уезда) // *Армия и революция.* – 1921. – № 4/5 – С. 14-120; *Павлов П.А.* Военные хитрости // *Военный вестник.* – 1921. – № 4. – С. 12-14; *Его же.* Особенности тактики Махно // *Военное знание.* – 1921. – № 8; *Его же.* Выводы из опыта борьбы с Махно сводной дивизии курсантов в ноябре-декабре 1920 и январе 1921 г. // *Армия и революция.* – 1921. – № 2/3. – С. 97-110; *Эйдеман Р.* Борьба с кулацким повстанчеством и бандитизмом. – 3-е изд. – Х., 1921; *Его же.* Очаги атаманщины и бандитизма. – Х., 1921.
- ²⁵ *Яковлев Я.* Махновщина и анархизм: к итогам махновщины // *Красная новь.* – 1921. – № 2. – С. 243-257; *Его же.* Русский анархизм в великой русской революции. – Х., 1921.
- ²⁶ *Верстюк В.Ф.* Махновщина. – К., 1991. – С. 109.
- ²⁷ *Хобсбаум Э.* Век империи. – Ростов, 1999. – С. 238.
- ²⁸ Там же. – С. 240.
- ²⁹ Переписка секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями. Сборник документов. – Т. 3. (Март – июль 1918 г.). – М., 1969. – С. 348-349.
- ³⁰ Третий Всеукраїнський з'їзд Рад. – С. 32.
- ³¹ Коммунистическая партия Украины в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – К., 1976. – Т. 1. – С. 22-23.
- ³² Там же. – С. 33.
- ³³ *Грациози А.* Указ. соч. – С. 73.
- ³⁴ Второй съезд КП(б)У. 17-22 октября 1918 г. Протоколы. – К., 1991. – С. 4.
- ³⁵ *Кульчицкий С.В.* Комунизм в Україні: перше десятиріччя (1919-1928). – К., 1996. – С. 86-87.
- ³⁶ Там же. – С. 133.
- ³⁷ Комуністична партія України в резолюціях і рішеннях з'їздів і конференцій. – К. 1958. – С. 40.
- ³⁸ Гражданская война на Украине. Сборник документов. – К., 1967. – Т. 1. – Кн.2. – С. 298-299.

- ³⁹ *Белаш А.В., Белаш В.Ф.* Указ. соч. – С. 121.
- ⁴⁰ *Шубин А.* Махновское движение 1917–1921 годов // Дружба народов. – 1993. – № 3. – С. 159.
- ⁴¹ *Грациози А.* Указ. соч. – С. 175-176.
- ⁴² *Карсавин А.П.* Указ. соч. – С. 277.
- ⁴³ Там же. – С. 259.
- ⁴⁴ *Соловьев Ю.* Самодержавие и дворянство. – М., 1981. – С. 155.
- ⁴⁵ *Шанин Т.* Указ. соч. – С. 338.
- ⁴⁶ Там же. – С. 349-350.
- ⁴⁷ *Величковский М.* Столыпинская земельная реформа. – Лондон, 1964. – С. 4-5.
- ⁴⁸ *Леонтович В.В.* История русского либерализма. – М., 1995. – С. 334.
- ⁴⁹ *Лейхтенбергский Г.Н.* Воспоминания об "Украине". – Берлин, 1921. – С. 25-26.
- ⁵⁰ Там же. – С. 8.
- ⁵¹ *Сагиров Г.* В пороховом дыму. – Баку, 1968. – С. 115.
- ⁵² *Кубанин М.* Указ. соч. – С. 49.
- ⁵³ *Антонов-Овсеенко В.А.* Записки о революции. – Т. 4. – С. 95.
- ⁵⁴ *Hobsbawm E. J.* Class consciousness in history. – Aspects of History and Class consciousness. – London, 1971. – P. 11-12.
- ⁵⁵ *Хобсбаум Э.* Указ. соч. – С. 176.
- ⁵⁶ *Верстюк В.Ф.* Махновщина. – С. 165-166.
- ⁵⁷ *Аришинов П.* Указ. соч. – С. 197.
- ⁵⁸ Там же. – С. 200.
- ⁵⁹ Там же. – С. 201.
- ⁶⁰ Там же. – С. 203.
- ⁶¹ *Ларин Ю.* Евреи и антисемитизм в СССР. – М.-Л., 1929. – С. 39.
- ⁶² *Грациози А.* Указ. соч. – С. 162.
- ⁶³ Там же. – С. 168.
- ⁶⁴ Там же. – С. 165.
- ⁶⁵ *Аришинов П.* Указ. соч. – С. 193-194.
- ⁶⁶ Там же. – С. 194.
- ⁶⁷ *Карсавин А.П.* Указ. соч. – С. 305.

- ⁶⁸ Там же. – С. 307.
- ⁶⁹ Там же. – С. 308.
- ⁷⁰ Там же. – С. 128-129.
- ⁷¹ Там же. – С. 131.
- ⁷² Там же. – С. 137.
- ⁷³ Там же. – С. 311.
- Глава 3. Победители и побежденные.
Протоколы истории,
воспоминания участников (1922 - 1928)**
- ¹ *Никуллин А.* Встреча в Париже /Н.И. Махно. – К., 1991. – С. 123.
- ² *Каутский К.* Движущие силы и перспективы русской революции. – М., 1926. – С. 29.
- ³ *Каутский К.* Аграрный вопрос. – Х., 1926. – С. 271.
- ⁴ *Беленко О.* Махно и Полонский (Из союза левых сил на Украине в 1919 году) //Минувшее. Исторический альманах. Вып. 4. – Париж, 1927.
- ⁵ *Герасименко К.В.* Махно //Историк и современник. – Берлин, 1922. – № 3.
- ⁶ *Аришинов П.* Повстанчество и Красная Армия //Екатеринославский набат. – 1920. – 7. I; *Аришинов П.* На злобу дня: еще о Григорьеве, большевизм, анархизм, письмо Шкуро //Путь к свободе. Гуляй-Поле. – 1919. – 31.V.
- ⁷ *Верстюк В.Ф.* Махновщина. Селяньський повстанський рух на Україні (1918-1921). – К., 1991. – С. 21.
- ⁸ Там же. – С. 20-21.
- ⁹ *Аришинов П.* Указ. соч. – С. 12, 13.
- ¹⁰ *Аришинов П.* История махновского движения (1918–1921 гг.). – Запорожье, 1995. – С. 14.
- ¹¹ Там же. – С. 40.
- ¹² Там же. – С. 205-206.
- ¹³ Там же. – С. 45.
- ¹⁴ Там же. – С. 34.

- 15 Маркс К. Крестьянство как класс // Великий незнакомец. – С. 281.
- 16 Мартов Ю. и другие. Общественное движение в России. – СПб., 1910; – Гл. 8; Стиридович А. Революционное движение в России. – СПб., 1914; Его же. Записки жандарма. – М., 1991 и другие.
- 17 Новополин Г. Махно и гуляйпольская группа анархистов // Н.И. Махно. – К., 1991. – С. 131.
- 18 Деникин А.И. Очерки русской смуты. – В 5 тт. – Париж, 1921-1926. Слащев Я. Материалы по истории гражданской войны в России // Военный вестник. – 1922. – № 9-13.
- 19 Слащев Я. Материалы по истории гражданской войны в России // Военный вестник. – 1921. – № 12. – С. 41.
- 20 Аршинов П. Анархизм и махновщина // Анархистский вестник. – Берлин, 1923. – № 2. – С. 27-37; Его же. История махновского движения. – Берлин, 1923; Белаши В. Махновщина: Отрывки из воспоминаний В. Белаши // Летопись революції. – 1928. – С. 191-234; Горелик А., Комов А., Волин С. Гонение на анархизм в Советской России. – Берлин, 1922; Горелик А. Анархисты в российской революции. – Буэнос-Айрес, 1922; Махно Н. Записки Н. Махно // Анархистский вестник. – Берлин, 1928. – № 1-6; Руденко П. На Украине. Повстанчество и анархическое движение. – Буэнос-Айрес, 1922.
- 21 Алексеев Н. Из воспоминаний о переживаниях в дни деникинщины на Екатеринославщине // Тюрьма, каторга и ссылка. – 1924. – № 1. – С. 37-38; Гутман М. Под властью анархистов: Екатеринослав в 1919 г. // Русское прошлое. – Петроград, 1923. – № 5. – С. 61-68; Какурин Н. Стратегический очерк гражданской войны. – М-А, 1926; Его же. Как сражалась революция. – В 2 т. – М-А, 1926; Кин Д. Повстанческое движение против деникинщины на Украине // Там же. – 1926. – № 7. – С. 70-90; Его же. Крестьянство и гражданская война // На аграрном фронте. – 1925. – № 11/12. – С. 123-130; Кубанин М. К истории кулацкой контрреволюции (махновщина) // На аграрном фронте. – 1925. – № 7-9; Его же. Махновщина. – Л., 1928; Лебедь Д. Махновщина в тылу деникинцев. Махновское партизанчество. Первое наступление Махно // Пятая годовщина Октябрьской революции, 1917-1922. – Екатеринослав, 1922. – С. 226-229, 256-259, 186-189; Тепер И. (Гордеев). Махно. От "единого анархизма" к стопам румынского короля. – Киев, 1924; Эйдеман Р. Махно // Армия и революция. – 1923. – № 1/2. – С. 27-28; Его же. Пятая годовщина одного урока (замечания к статье тов. Эсбаха) // Война и революция. – 1926. – № 12. – С. 32-39; и другие.

Примечания

- 22 Белаши В.Ф. На распутье // Н.И. Махно. – К., 1991. – С. 100.
- 23 Там же. – С. 101.
- 24 Чериковер И. Антисемитизм и погромы на Украине в период Центральной Рады и гетмана // Революция на Украине по мемуарам белых. Репринтное воспроизведение издания 1930 г. – К., 1990. – С. 240.
- 25 Там же. – С. 249.
- 26 Там же. – С. 255.
- 27 Там же. – С. 275.
- 28 Мирошевский В.М. Вольный Екатеринослав // Пролетарская революция. – 1922. – № 9. – С. 197-208.
- 29 Там же. – С. 204.
- 30 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 7. – С. 42.
- 31 Горький М. Варвары // Великий незнакомец. – С. 345.
- 32 Горький М. О русском крестьянстве. – М., 1922; Горький М. Варвары // Великий незнакомец. – С. 344.
- 33 Фридман Х. Семейная ферма и международные продовольственные режимы // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире; Сост. Т. Шанин. – М., 1992. – С. 174.
- 34 Челинцев А. Региональность, как центральный вопрос сельского хозяйства // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире; Сост. Т. Шанин. – М., 1992. – С. 168.
- 35 Равич-Черкасский М. Махно и махновщина. – Екатеринослав, 1920. – С. 7.
- 36 Лебедь Д.З. Итоги и уроки трех лет анархо-махновщины. – Харьков, 1921. – С. 43.
- 37 Кучер О.О. Розгром збройної внутрішньої контрреволюції на Україні у 1921-1923 рр. – Харків, 1971. – С. 79.
- 38 Кубанин М. Махновщина. – Л., 1928. – С. 3-30.
- 39 Там же. – С. 31-51.
- 40 Там же. – С. 52-64.
- 41 Там же. – С. 64-77.
- 42 Там же. – С. 77-90.
- 43 Там же. – С. 90-122.
- 44 Там же. – 122-167.

- ⁴⁵ Там же. – С. 167-192.
⁴⁶ Там же. – 192-223.
⁴⁷ Там же. – С. 3.
⁴⁸ Там же. – С. 31.
⁴⁹ Там же. – С. 160.
⁵⁰ Кубанин М. К истории... – С. 116.
⁵¹ Кубанин М. Махновщина. – С. 57- 59, 61, 225.
⁵² Семанов С. Махновщина и ее крах // Вопросы истории. – 1966. – № 9. – С. 38, 53 и др.
⁵³ Кубанин М. Там же. – С. 27, 165-166.
⁵⁴ Лунев В.В. Указ. соч. – М., 1997. – С. 172.
⁵⁵ Солдатенко В.Ф. Українська революція. Історичний нарис. – К., 1999. – С. 78-79.
⁵⁶ Украинцы – общность национальная, а украинство – этническая, в некоторой степени этнополитическая.
⁵⁷ Аршинов П. Указ. соч. – С. 43.
⁵⁸ Кульчицкий С.В. Україна між двома війнами (1921–1939 рр.). – К., 1999. – С. 305.
⁵⁹ Марголин А. Украина и политика Антанты /Революция на Украине по мемуарам белых. Репринтное воспроизведение издания 1930 г. – К., 1990. – С. 380-381.
⁶⁰ Лисяк-Рудницький І. Консерватизм //Лисяк-Рудницький І. Історичні есе. – К., 1994. – Т. 2. – С. 128.
⁶¹ Лисяк-Рудницький І. Вячеслав Липинський //Лисяк-Рудницький І. Історичні есе. – К., 1994. – Т. 2. – С. 140.
⁶² Бек А. Такова должность //Новый мир. – 1969. – №7. – С. 110.
⁶³ Там же. – С. 112-113.
⁶⁴ История СССР. Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в СССР (1817–1920). Т. 7. – М., 1967. – С. 641, 643.
⁶⁵ Эйдеман Р. П. Очаги атаманины и бандитизма. – Х., 1921. – С. 7.
⁶⁶ Авторханов А. Империя Кремля //Дружба народов. – 1991. – № 2. – С. 197.
⁶⁷ Авторханов А. Империя Кремля //Дружба народов. – 1991. – № 1. – С. 233.

- ⁶⁸ XII съезд РКПб. Протоколы. – М., 1923. – С. 428.
⁶⁹ Там же. – С. 236.
⁷⁰ XII съезд РКПб. Протоколы. – М., 1923. – С. 532.
⁷¹ X съезд РКПб. Стенографический отчет. – М., 1963. – С. 213.
⁷² Аршинов П. Указ. соч. – С. 13.

Глава 4. Советская историография. Сумма эпох

- ¹ Анархизм в России: от Бакунина до Махно. – М., 1930; Антонов-Овсеенко В. А. Записки о гражданской войне. – В 4 тт. – М-Л., 1928-1933; Викторев Е. Південний "Кронштадт" //Літопис революції. – 1930. – № 2. – С. 73-103; Ерде Д. Політична програма анархо-махновщини //Літопис революції. – 1930. – № 1. – С. 41-63; – № 2. – С. 28-49; Революция на Украине по мемуарам белых. – М-Л., 1930; Махно Н. Русская революция на Украине от марта 1917 года по апрель 1918 г. – Париж, 1929; Перекоп и Чонгар. Сборник статей и материалов. – М-Д., 1933; Черномордик С. (П. Ларионов). Махно и махновщина (Анархисты за работой). – М., 1933.
² Игрнев Г. Екатеринославские воспоминания /Революция на Украине по мемуарам белых. Репринтное воспроизведение издания 1930 г. – К., 1990. – С. 189.
³ Алексеев С. Предисловие /Революция на Украине по мемуарам белых. Репринтное воспроизведение издания 1930 г. – К., 1990. – С. III.
⁴ Игрнев И. Указ. соч. – С. 189.
⁵ Там же. – С. 190.
⁶ Там же. – С. 191.
⁷ Там же. – С. 194.
⁸ Там же. – С. 192.
⁹ Там же. – С. 193.
¹⁰ Алексеев С. А. Предисловие /Революция на Украине по мемуарам белых. Репринтное воспроизведение издания 1930 г. – К., 1990. XXXII.
¹¹ Маркс К. Крестьянство как класс //Великий незнакомец. – С. 282-283.
¹² Там же. – С. 284

- ¹³ Там же. – С. 279.
- ¹⁴ Крах германской оккупации на Украине /Под ред. М. Горького и И. Минца. – М., 1936. – С. 7.
- ¹⁵ Там же. – С. 20.
- ¹⁶ Там же. – С. 22.
- ¹⁷ Там же. – С. 23.
- ¹⁸ Там же. – С. 50.
- ¹⁹ Махно Н. Под ударами контрреволюции, апрель-июнь 1918. – Париж, 1936; *Его же*. Украинская революция (июль-декабрь 1918 г.). – Париж, 1937.
- ²⁰ Премыслер И.М. Разгром бандитизма на Украине (1921 г.) //Военно-исторический журнал. – 1940. – № 9. – С. 34-44; *Історія КП(б)У в матеріалах і документах: Хрестоматія. – Вип. 2. – Х., 1934; Крах германской оккупации на Украине (по материалам оккупантов) – М., 1936 и другие.*
- ²¹ Даушков С. Скарбунок отамана Махно //Календар для українських працюючих людей, приятель народу на 1938 рік. – Львів, 1937; Мелешко Ф. Нестор Махно та його анархія //Літопис червоної калини. – 1935. – № 1-4.
- ²² Махно Н.И. Указ. соч. – С. 74.
- ²³ Перекоп. Сборник воспоминаний. – М.–Л., 1941; Никулин Л. Гибель махновщины //Знамя. – 1941. – № 3. – С. 169-197; М.В. Фрунзе на фронтах гражданской войны. – М., 1941 и др.
- ²⁴ Ленин. – Т. 31. – С. 134.
- ²⁵ Премыслер И. Разгром бандитизма на Украине (1921) //Военно-исторический журнал. – 1940. – № 9; Слюсарский А.Г. Комитеты незаложенных селян Украины в борьбе с бандитизмом //Научные записки Украинской академии социалистического земледелия имени Артема. – Харьков, 1941. – Т. 3.
- ²⁶ Ленин. – Т. 31. – С. 419.
- ²⁷ Ленин. – Т. 32. – С. 43.
- ²⁸ Ленин. – Т. 32. – С. 187-188.
- ²⁹ Леонтович В.В. История русского либерализма. – М., 1995. – С. 301.
- ³⁰ Лисяк-Рудницький І. Націоналізм і тоталітаризм //Лисяк-Рудницький І. Історичні есе. – К., 1994. – Т. 2. – С. 489.
- ³¹ Там же. – С. 490.
- ³² Там же. – С. 491.

- ³³ Там же. – С. 492.
- ³⁴ Там же. – С. 494.
- ³⁵ Лисяк-Рудницький І. Націоналізм //Лисяк-Рудницький І. Історичні есе. – К., 1994. – Т. 2. – С. 256.
- ³⁶ Лисяк-Рудницький І. Український визвольний рух під час другої світової війни //Лисяк-Рудницький І. Історичні есе. – К., 1994. – Т. 2. – С. 265.
- ³⁷ Там же. – Лисяк-Рудницький І. Українська Національна Рада й ідея соборності //Лисяк-Рудницький І. Історичні есе. – К., 1994. – Т. 2. – С. 279.
- ³⁸ Там же. – С. 283.
- ³⁹ Данилов В.П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. – М., 1957. – С. 76.
- ⁴⁰ Winston Churchill. The second World War. Vol. IV. – London. 1951. – P. 447-448.
- ⁴¹ Redistribuzione: la sfera statcde nel Dahomey del XVIII secolo, в К. Polanyi, Economic primitive, arcaiche e moderne (Torino, 1980). – P. 28.
- ⁴² Рубач М.А. Очерки по истории революционного преобразования аграрных отношений на Украине. – К., 1956. – С. 13, 20, 23.
- ⁴³ Там же. – С. 322.
- ⁴⁴ Данилов В.П. Аграрные реформы и аграрная революция в России //Великий незнакомец. – С. 319.
- ⁴⁵ Там же. – С. 319-320.
- ⁴⁶ Там же. – С. 311.
- ⁴⁷ Там же. – С. 312.
- ⁴⁸ Там же. – С. 313.
- ⁴⁹ Там же. – С. 315.
- ⁵⁰ Там же. – С. 317.
- ⁵¹ Там же. – С. 318.
- ⁵² Френкин М. Трагедия крестьянских восстаний в России 1918-1921 гг. – Иерусалим, 1987. – С. 228.
- ⁵³ Лященко П. История народного хозяйства. – М., 1948. – Т. 2.; Симонова М. Проблема "оскудения" центра /Проблемы социально-экономической истории России. – М., 1971.
- ⁵⁴ Дякин В. Самодержавие. Буржуазия и дворянство. – Л., 1978. – С. 16-25.
- ⁵⁵ Аверех А. Паризм и 4-я Дума. – М., 1981. – С. 10-17.

- ⁵⁶ *Кучер О.О.* Разгром збройної контрреволюції на Україні. 1921-23 рр. – Х., 1971.
- ⁵⁷ *Худайкулов М.* Большевики в борьбе с анархизмом в первые годы Советской власти. – Ташкент, 1974; *Канев С.Н.* Октябрьская революция и крах анархизма /Борьба партии большевиков против анархизма (1917-1922 гг.). – М., 1974.
- ⁵⁸ *Білий П.* Розгром махновщини (1920–21) //Український історичний журнал. – 1971. – № 5. – С. 10-20; *Семанов С.Н.* Махновщина и ее крах //Вопросы истории. – 1966. – № 9. – С. 37-60; *Трифонов И.Я.* Классы и классовая борьба в начале нэпа (1921–1923). Ч. 1. – Л., 1964.; Гражданская война на Екатеринославщине (февраль 1918-1920 гг.). Документы и материалы. – Днепропетровск, 1968; Гражданская война на Украине. 1918-1920: Сборник документов и материалов. – В 3 т. – 4 кн. – К., 1967; Внутренние войска Советской республики: Документы и материалы. – М., 1972; На защите революции: Сборник документов и материалов. – К., 1971; Гражданская война в СССР. Т. 1. – М., 1980.
- ⁵⁹ *Семанов С.* Махновщина и ее крах //Вопросы истории. – 1969. – № 9. – С. 39-40.
- ⁶⁰ Гражданская война в СССР /Под ред. Н.Н. Азовцева. – М., 1980. – Т. 1. – С. 4.
- ⁶¹ Там же. – С. 6.
- ⁶² Там же. – С. 62.
- ⁶³ *Лисяк-Рудницький І.* Україна в еволюції радянської системи //Лисяк-Рудницький І. Історичні есе. – К., 1994. – Т. 2. – С. 307.
- ⁶⁴ *Вівчарик М.М., Панченко П.П., Жмихова В.І.* Українська нація: Шлях до самовизначення. – К., 2001. – С. 98.
- ⁶⁵ Там же. – С. 99.
- ⁶⁶ Там же. – С. 110.
- ⁶⁷ *Лисяк-Рудницький І.* Політична думка українських під радянських дисидентів //Лисяк-Рудницький І. Історичні есе. – К., 1994. – Т. 2. – С. 480.
- ⁶⁸ Там же. – С. 480-481.
- ⁶⁹ Там же. – С. 481.
- ⁷⁰ Там же. – С. 482.
- ⁷¹ Там же. – С. 485.
- ⁷² *Леонтович В.В.* История русского либерализма. – М., 1995. – С. 3.
- ⁷³ Там же. – С. 2.

- ⁷⁴ Там же. – С. 537-538.
- ⁷⁵ *Шанин Т.* Указ. соч. – С. 383.
- ⁷⁶ The anarchists in the Russian revolution /Ed. by Paul Avrich. – London. 1973; *Wojna R.* Nestor Makhno: anarchizm czynu //Z pola walki. Warszawa. – 1970. – № 2 (50). – S. 45–70. *Malet M.* Nestor Makhno: in the Russian civil war. – London. 1982; *Menzies M.* Makhno. – Paris. 1972; *Palij M.* The anarchism of Nestor Makhno. 1918-1921: An aspect of the Ukrainian revolution, Seattle. – London. 1976; *Srirda A.* Les cosaques de la liberte: Nestor Makhno, le cosaque de l'anarchie et la guerra civil russe, 1917-1921. – Paris. 1985.
- ⁷⁷ *Леонтович В.В.* Указ. соч. – С. 3.
- ⁷⁸ *Канев С.* Революция и анархизм. – М., 1989. – С. 249.
- ⁷⁹ *Бергман П.* Предварительные замечания по современному анархизму /Пауэлл У. Поваренная книга анархиста – М., 1995. – С. 158.
- ⁸⁰ Там же. – С. 164.

Глава 5. Перестройщики и охранители. Большой поворот исторической науки (1985–1991)

- ¹ *Белый П. Ф. Дышлевоу П. С.* Единство действий в защиту завоеваний революции: боевое содружество трудящихся Украины и России в борьбе против кулацкой вооруженной контрреволюции (конец 1920–1922 гг.). – К., 1988.
- ² *Лебеденко А.М.* Указ. соч. – С. 25.
- ³ *Карсавин А.П.* Указ. соч. – С. 309.
- ⁴ *Хобсбаум Э.* Указ. соч. – С. 174.
- ⁵ *Верстюк В.Ф.* Указ. соч. – С. 44.
- ⁶ *Данилов В.П.* Наконец-то хрестоматия крестьяноведения издается в России /Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире; Сост. Т. Шанин. – М., 1992. – С. 7.
- ⁷ *Шубин А.* Махновское движение 1917-1921 годов //Дружба народов. – 1993. – № 3. – С. 147.
- ⁸ *Волковинський В.М.* Нестор Махно: звивисті стежки політичного авантюриста //Український історичний журнал. – 1989. – № 7. – С. 9-11; – 1990. – № 2. – С. 4-9; Нестор Иванович Махно. Воспоминания, материалы, документы /Авт. вступ. ст. и сост.

- В.Ф. Верстюк. – К., 1991. *Верстюк В.Ф.* Махновщина. Селянський повстанський рух на Україні (1918-1921). – К., 1991. *Гражданская война в СССР* – Т. 2. – М., 1986.; *Комин В.В.* Нестор Махно. Мифы и реальность. – М., 1990.; *Маймескулов А.Н., Рогожин А.И., Сташис В.В.* Всеукраинская чрезвычайная комиссия. 1918 – 1922. – Х., 1990.
- ⁹ *Махно Н.* Воспоминания. – М., 1990.
- ¹⁰ Революция на Украине по мемуарам белых. – К., 1990.
- ¹¹ *Козн С. Н. И. Бухарин.* Политический портрет. – М., 1990; *Его же.* Переосмысливая советский опыт. – М., 1991.
- ¹² *Френкин М.* Указ. соч. – С. 180.
- ¹³ *Авторханов А.* Указ. соч. – С. 241.
- ¹⁴ Там же. – С. 240.
- ¹⁵ Там же. – С. 193.
- ¹⁶ *Хобсбаум Э.* Указ. соч. – С. 149.
- ¹⁷ Там же. – С. 168.
- ¹⁸ Там же. – С. 191.
- ¹⁹ *Гуревич М.Б.* К вопросу о дифференциации крестьянского хозяйства Украины. Материалы к Всеукраинской партконференции. Изд. ЦСУ Украины. – Харьков, 1925. Очерк I. Цитируется по *Френкин М.* Указ. соч. – С. 203.
- ²⁰ *Волин В.* Разъяснение. – Париж, 1929. – С.3-7.
- ²¹ *Френкин М.* Указ. соч. – С. 112.
- ²² *Христюк П.* Замітки і матеріали до історії Української революції (1917-1920 рр.) – Т. 3. – 1921. – С. IV. – С. 129, 130, 131.
- ²³ Там же. – С. 140.
- ²⁴ *Чериковер И.* Антисемитизм и погромы на Украине 1917–1918 гг. (к истории украинско-еврейских отношений). – Берлин, 1923. – С. 143, 284-286, 297 и др.; *Ж.* "Рассвет". – 11 октября 1917 г. – № 14, 4 октября 1917 г. – № 10-11, 20 сентября 1917 г.; "Известия ВЦИК". – 28 апреля 1918 г.; "Еврейское слово". – 22 (9) марта 1918 г. – № 6-7; Там же. – 14(1) апреля 1918 г. – № 10; "Рассвет". – № 16-17. – 16 мая 1918 г. и др.
- ²⁵ *Френкин М.* Указ. соч. – С. 230.
- ²⁶ *Аришинов П.* Указ. соч. – С. 230.
- ²⁷ Советский энциклопедический словарь. – М., 1985. – С. 775.
- ²⁸ *Френкин М.* Указ. соч. – С. 79.

Примечания

- ²⁹ Там же. – С. 81.
- ³⁰ Там же. – С. 108.
- ³¹ *Френкин М.* Указ. соч. – С. 99.
- ³² *Хайек Ф.А.* Дорога к рабству. – Лондон, 1983. – С. 257-273.
- ³³ *Хобсбаум Э.* Указ. соч. – С. 216.
- ³⁴ Там же. – С. 230.
- ³⁵ Там же. – С. 229.
- Глава 6. Демагоги и печальники.
Пока новый миф не стал монолитом
(1992 – настоящее время)**
- ¹ *Верстюк В.Ф.* Указ. соч. – С. 5.
- ² *Волковинський В. М.* Батько Махно. – К., 1992. – С. 3.
- ³ *Верстюк В.Ф.* Указ. соч. – С. 7.
- ⁴ *Солдатенко В.Ф.* Українська революція. Історичний нарис. – К., 1999. – С. 89.
- ⁵ Там же. – С. 91.
- ⁶ Там же. – С. 93-95.
- ⁷ *Тимощук О.В.* Державна варта Української Держави (історико-юридичний аналіз). – К., 1998. – С. 3.
- ⁸ Там же. – С. 11.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ *Дмитришин В.* Повалення німцями Центральної Ради у квітні 1917 року: нові дані німецьких архівів //Політологічні читання. – 1994. – № 1. – С. 115.
- ¹¹ *Тимощук А.В.* Анархо-комуністическіє формирова́ння Н. Махно (октябрь 1917 – август 1921). – Симферополь, 1996. – С. 6.
- ¹² Там же. – С. 9.
- ¹³ *Шубин А.* Махновское движение в 1917-21 годах //Дружба народов. – 1993. – № 3. – С. 147.
- ¹⁴ Политические деятели России. 1917. Политический словарь. – М., 1993. – С. 246-247.
- ¹⁵ *Тимощук А.В.* Анархо-комуністическіє формирова́ння Н. Махно. – С. 11.

- 16 Шубин А. Указ. соч. – С. 158.
- 17 Там же. – С. 192.
- 18 Волк С.С. Нестор Махно в дни войны и мира /Махно Н.И. Воспоминания. – М., 1992. – С. 3.
- 19 Шубин А. Указ. соч. – С. 148.
- 20 Волковинский В.Н. Нестор Махно. – С. 133.
- 21 Волковинський В. Нестор Махно: легенди і реальність. – К., 1994. – С. 98.
- 22 Лебеденко А. М. Указ. соч. – С. 143.
- 23 Канев С. Революция и анархизм. – М., 1987. – С. 251-252.
- 24 Лебеденко А. М. Указ. соч. – С. 116.
- 25 Там же. – С. 117.
- 26 Там же. – С. 3-4.
- 27 Крип'якевич І, Гнатевич Б., Стефанів З. Історія Українського війська. – 4-е вид. – Львів, 1992. – С. 458, 550, 558.
- 28 Волковинський В.М. Батько Махно. – К., 1992. – С. 3.
- 29 Оплоков В. Указ. соч. – С. 12.
- 30 Пауэлл У. Поваренная книга анархиста. – М., 1995. – С. 152.
- 31 Римаренко Ю., Шкляр Л., Римаренко С. Етнодержавознавство. Теоретико-методологічні засади. – К., 2001.
- 32 Вітчарик М.М., Панченко П.П., Жмихова В.І. Українська нація: Шлях до самовизначення. – К., 2001. – С. 9.
- 33 Там же. – С. 20-21.
- 34 Там же. – С. 154.
- 35 Смолій В.А., Степанков В.С. Українська державна ідея XVII-XVIII століть: проблеми формування, еволюції, реалізації. – К., 1997. – С. 22.
- 36 Дашкевич Я. Перегук віків: три погляди на минуле і сучасне України //Україна. Наука і культура. – Вип. 26-27. – К., 1993. – С. 52.
- 37 Хобсбаум Э. Разбой как социальное явление //Великий незнакомец. – С. 288.
- 38 Шанин Т. Революция как момент истины. – М., 1997. – С. 318.
- 39 Шанин Т. Понятие крестьянства //Великий незнакомец. – С. 8.
- 40 Грациози А. Указ. соч. – С. 72.

- 41 Там же. – С. 164.
- 42 Там же. – С. 8.
- 43 Там же. – С. 69.
- 44 Там же. – С. 70.
- 45 Там же. – С. 83-84.
- 46 Там же. – С. 78.
- 47 Кульчицький С.В. Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919-1928). – К., 1996. – С. 30.
- 48 Там же. – С. 35.
- 49 Путешествующие крестьяне и трудящиеся мигранты //Великий незнакомец. – С. 150.
- 50 Там же. – С. 151-152.
- 51 Белебега І.А. Українська еліта. – Х., 1999. – С. 276.
- 52 Там же. – С. 77.
- 53 Там же. – С. 295.
- 54 Оплоков В. Указ. соч. – С. 112.
- 55 Та же. – С. 110.
- 56 Руденко Р.Г. Про деякі проблеми соціального в історії і соціальної історії //Історична наука: проблеми розвитку. Матеріали міжнародної наукової конференції (17-18 травня 2002). Секція Новітня історія України. – Луганськ, 2002. – С. 187.
- 57 Михайличенко Д.Ю. До періодизації розвитку селянського руху в Україні 1919 р. //Історична наука: проблеми розвитку. Матеріали міжнародної наукової конференції (17-18 травня 2002). Секція Новітня історія України. – Луганськ, 2002. – С. 136.
- 58 Тростогон А. М. Українське селянство і влада в 20-ті роки ХХ століття: історіографія //Історична наука: проблеми розвитку. Матеріали міжнародної наукової конференції (17-18 травня 2002). Секція Новітня історія України. – Луганськ, 2002. – С. 222.
- 59 Там же. – С. 223.

Глава 7. Историки диаспоры: хранители пепла или огня? Преодоление "синдрома эмигранта"

- 1 *Лисяк-Рудницький І.* Новий Переяслав // *Лисяк-Рудницький І.* Историчні есе. – К., 1994. – Т. 2. – С. 292-293.
- 2 *Лисяк-Рудницький І.* Вклад Галичини в Українські визвольні змагання // *Там же.* – С. 56-57.
- 3 *Лисяк-Рудницький І.* Четвертий Універсал та його ідеологічні попередники // *Там же.* – С. 18.
- 4 *Грациози А.* Указ. соч. – С. 10.
- 5 *Лисяк-Рудницький І.* Четвертий Універсал та його ідеологічні попередники // *Там же.* – С. 1.
- 6 *Вівчарик М.М., Панченко П.П., Жмихова В.І.* Українська нація: Шлях до самовизначення. – К., 2001. – С. 196.
- 7 *Лисяк-Рудницький І.* Що робити? // *Там же.* – С. 439.
- 8 *Лисяк-Рудницький І.* Французька і радянська революції (порівняння) // *Там же.* – С. 31.
- 9 *Грациози А.* Указ. соч. – С. 133.
- 10 *Субтельный О.* Украина. История. – К., 1991. – С. 257.
- 11 *Лебеденко А.М.* История анархизма в Украине. – К., 1995. – С. 29.
- 12 *Дебагорий-Макриевич В.К.* От бунтарства к терроризму. – М., 1930. – Т. 1. – С. 174.
- 13 *Там же.* – С. 171.
- 14 *Лебеденко А.М.* Указ. соч. – С. 29-31.
- 15 *Дебагорий-Макриевич В.К.* От бунтарства к терроризму. – М., 1930. – Т. 1. – С. 244.
- 16 *Лисяк-Рудницький І.* Що робити? // *Там же.* – С. 441.
- 17 *Там же.* – С. 444.
- 18 *Там же.* – С. 445.
- 19 *Там же.* – С. 446.
- 20 *Там же.* – С. 450.
- 21 *Там же.* – С. 453.
- 22 *Лисяк-Рудницький І.* В обороні інтелекту // *Там же.* – С. 404.

Примечания

- 23 *Там же.* – С. 403.
- 24 *Там же.* – С. 403.
- 25 *Лисяк-Рудницький І.* Обережно з утопіями // *Там же.* – С. 355.
- 26 *Лисяк-Рудницький І.* Виродження та відродження інтелігенції // *Там же.* – С. 378.
- 27 *Лисяк-Рудницький І.* В обороні інтелекту // *Там же.* – С. 391.
- 28 *Хобсбаум Э.* Указ. соч. – С. 217.
- 29 *Там же.* – С. 218.
- 30 *Там же.* – С. 223.
- 31 *Лисяк-Рудницький І.* Що робити? // *Там же.* – С. 438.
- 32 *Лисяк-Рудницький І.* Націоналізм // *Там же.* – С. 251.
- 33 *Шапарова Н.С.* Краткая энциклопедия славянской мифологии. – М., 2001. – С. 161.
- 34 *Лисяк-Рудницький І.* Політичні ідеї Липинського // *Там же.* – С. 166.
- 35 *Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність.* – Львів, 1995. – Вип. 2. – С. 200-201.
- 36 *Шторлюк Р.* Падіння царистської імперії та СРСР / *Дух і Літера.* – 1997. – № 1-2. – С. 111-112.
- 37 *Лисяк-Рудницький І.* Український комуністичний маніфест // *Там же.* – С. 117; *Ленін про Україну.* – К., 1969. – Т. 2. – С. 408.
- 38 *Грациози А.* Указ. соч. – С. 7, 14.

Глава 8. Крестьянская война в мировом контексте: исторические сдвиги и социальные движения

- 1 *Аршинов П.* Указ. соч. – С. 32.
- 2 *Redfield R.* Peasant society culture. P. 14-20 / *Redfield R.* The Little and Peasant society culture. – Chicago. – London, 1973.
- 3 *Торен Д.* Крестьянская экономика как социальная категория / *Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире.* Сост. Т. Шанин. – М., 1992. – С. 80-81.
- 4 *Вомак Дж.* Крестьянский выбор: мексиканские села осуществляют свою революцию / *Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире.* Сост. Т. Шанин. – М., 1992. – С. 418.

- ⁵ Там же. – С. 419.
- ⁶ Вольф Э. Крестьянские восстания // Великий незнакомец. – С. 297.
- ⁷ Каутский К. Славяне и революция / Каутский К. Путь к власти. – М., 1959.
- ⁸ Тилли Ч. Сельский конфликт и сопротивление капитализма и государства // Великий незнакомец. – С. 333-334.
- ⁹ Там же. – С. 335.
- ¹⁰ Шанин Т. Крестьянство как политический фактор // Великий незнакомец. – С. 276.
- ¹¹ Лисяк-Рудницький І. Українська революція з перспективи сорокаліття // Там же. – С. 42.
- ¹² Вольф Э. Крестьянские восстания // Великий незнакомец. – С. 296.
- ¹³ Уильямс Р. Но это вовсе не было правдой... / Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире; Сост. Т. Шанин. – М., 1992. – С. 343.
- ¹⁴ Алави Х. Деревенские фракции // Великий незнакомец. – С. 329.
- ¹⁵ Там же. – С. 330.
- ¹⁶ Бодлер Ш. Цветы зла. – М., 1993. – С. 293.
- ¹⁷ Аршинов П. Указ. соч. – С. 222.
- ¹⁸ Там же. – С. 223.
- ¹⁹ Лисяк-Рудницький І. Радянська Україна з історичної перспективи. // Там же. – С. 462.
- ²⁰ Мур Б. Революции угнетенных: свидетельство защиты // Великий незнакомец. – С. 308.
- ²¹ Шанин Т. Крестьянство как политический фактор // Великий незнакомец. – С. 269.
- ²² Фанон Ф. Революционеры наших дней // Великий незнакомец. – С. 349.
- ²³ Нуерере Ю. (Ньерере Дж. – Авт.) Те, кто оплачивает счета... // Великий незнакомец. – С. 347-348.
- ²⁴ Грациози А. Указ. соч. – С. 182.
- ²⁵ Там же. – С. 183.
- ²⁶ Аршинов П. Указ. соч. – С. 238.
- ²⁷ Там же. – С. 239.
- ²⁸ Там же. – С. 25.

- ²⁹ Там же. – С. 33.
- ³⁰ Там же. – С. 35.
- ³¹ Грациози А. Указ. соч. – С. 135.
- ³² Четвертый Всемирный конгресс Коминтерна. 5 ноября – 3 декабря 1922 г. – М.-П., 1923. – С. 192-193.
- ³³ Протест против готовящегося преступления русского и польского правительств. Обращение анархистов и синдикалистов к трудящимся всего мира // Н.И. Махно. – К., 1991 – С. 189.
- ³⁴ Протест против готовящегося преступления русского и польского правительств. Обращение анархистов и синдикалистов к трудящимся всего мира // Н.И. Махно. – К., 1991 – С. 186.
- ³⁵ Аршинов П. Указ. соч. – С. 234.
- ³⁶ Лисяк-Рудницький І. Суспільно-політичний світогляд Володимира Винниченка у світлі його публіцистичних писань // Там же. – С. 108.
- ³⁷ Там же. – С. 109.
- ³⁸ Лисяк-Рудницький І. Дискусійні виступи на міжнародному історичному конгресі // Там же. – С. 412.
- ³⁹ Чайнов А.В. Организация крестьянского хозяйства // Великий незнакомец. – С. 127.
- ⁴⁰ Там же. – С. 130-131.
- ⁴¹ Там же. – С. 131.
- ⁴² Там же. – С. 131.
- ⁴³ Шанин Т. Революция как момент истины. – С. 31-32.
- ⁴⁴ Там же. – С. 33.
- ⁴⁵ Бівчарик М.М., Панченко П.П., Жмихова В.І. Українська нація: Шлях до самовизначення. – К., 2001. – С. 236.
- ⁴⁶ Там же. – С. 228-229.
- ⁴⁷ Там же. – С. 235.
- ⁴⁸ Там же. – С. 239.
- ⁴⁹ Лисяк-Рудницький І. Микола Хвильовий // Там же. – С. 122.
- ⁵⁰ Алави Х. Деревенские фракции // Великий незнакомец. – С. 322.
- ⁵¹ Там же. – С. 323.
- ⁵² Шанин Т. Крестьянство как политический фактор // Великий незнакомец. – С. 277.

Заключение

- ¹ Шанин Т. Революция как момент истины. – М., 1997. – С. 70.
- ² Там же. – С. 471.
- ³ Там же. – С. 474.
- ⁴ Там же. – С. 479.
- ⁵ Там же. – С. 483.
- ⁶ Там же. – С. 17.
- ⁷ Белебеха I.A. Указ. соч. – С. 285.
- ⁸ Элитарные представления об искусстве и современный мир. – К., 1980. – С. 17.
- ⁹ Белебеха I.A. Указ. соч. – С. 284.
- ¹⁰ Там же. – С. 297.
- ¹¹ Налимов В.В. На грани третьего тысячелетия – М., 1994. – С. 17.
- ¹² Грациози А. Указ. соч. – С. 12.
- ¹³ Там же. – С. 13.
- ¹⁴ Смалій В.А., Степанков В.С. Українська державна ідея XVII–XVIII століть: проблеми формування, еволюції, реалізації. – К., 1997. – С. 22.
- ¹⁵ Шанин Т. Революция как момент истины. – С. 470.

Источники и библиография

1. Аврех А.Я. Царизм и 4-я Дума. – М., 1981.
2. Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. – М., 1991.
3. Авторханов А. Империя Кремля // Дружба народов. – 1991. – №№ 1, 2.
4. Алави Х. Деревенские фракции / Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире; Сост. Т. Шанин. – М., 1992.
5. Алексиенко А. П. Крах денкинской. – М., 1971.
6. Алексеев (Небутеев) И. Из воспоминаний левого эсера (подпольная работа на Украине). – М., 1922. – 52с.
7. Алексеев Н. Из воспоминаний о переживаниях в дни денкинской на Екатеринославщине // Тюрьма, каторга и ссылка. – 1924. – №1. – С. 37-38.
8. Алексеев. С.А. Предисловие / Революция на Украине по мемуарам белых. Репринтное воспроизведение издания 1930 г. – К., 1990.
9. Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. – М., 1971.
10. Алексеев С.С. Право. Опыт комплексного исследования. – М., 1999.
11. Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР. – М., – 1992. – 352 с.
12. Аллен Т. Обновляя "стратегии развития" / Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире; Сост. Т. Шанин. – М., 1992.
13. Анархизм в России: от Бакунина до Махно. – М., 1930.
14. Анархо-махновщина і Радянська влада. – Харків, 1921.

15. Андреев А. Неонигилизм. – М., 1920.
16. Андриєвський В. З минулого. – Т. 1. 1919 р. на Полтавщині. – Т. 2. Від Гетьмана до Директорії. – Берлін, 1921.
17. Антисоветская интервенция и ее крах. 1917-1922 /Авт. кол.: Ю.А. Поляков, В.А. Шишкин, Ю.В. Мухачев, А.М. Спирин, А.М. Волков. – М., Политиздат, 1987. – 206 с.
18. Антонов-Овсєенко В. А. Записки о гражданской войне. В 4-х т. – М.-Л., 1924. – Т. 1 – 300 с.; Т. 2. – 297 с.; Т. 3. – 550 с.; Т.4. – 343 с.
19. Антонов-Овсєенко В.А. Записки о гражданской войне. Т. 1-4. – М.-Л., 1928-1933.
20. Архив Русской революции. – Т. 3, 12, 16. – Берлин, 1923.
21. Архив русской революции. – М.: Современник, 1991. – 21 с.
22. Аришинов П. На злобу дня: еще о Григорьеве, большевизм, анархизм, письмо Шкуро //Путь к свободе. Гуляйполе. – 1919. – 31. V.
23. Аришинов П. Повстанчество и Красная Армия //Екатеринославский набат. – 1920. – 7. I.
24. Аришинов П. Анархизм и махновщина //Анархистский вестник. – Берлин, 1923. – № 2. – С. 27-37.
25. Аришинов П. История махновского движения (1918-1921). – Берлин, 1923.
26. Аришинов П. История махновского движения (1918-1921). – Запорожье: Дикое поле, 1995. – 248 с.
27. Атоян О.Н. Идеография социального бандитизма в Украине начала 20-х годов: историографические аспекты //Межвузовский сборник научных статей. – Луганск: ЛСХИ, 1996.
28. Атоян О.Н. П.И. Новгородцев и идеографический метод в истории государства и права //Сборник материалов научно-практической конференции "Творческое наследие П.И. Новгородцева и современные проблемы построения правового государства в Украине". – Луганск: РИО ЛИВД, 1996.
29. Атоян О.Н. Историография социального бандитизма в Украине революционного периода (1918-1921 гг.) //Вестник ЛИВД МВД Украины. – 1998. – № 3. – С. 179-209.

30. Атоян О.Н. Правовые аспекты исторической оценки массовых нарушений прав человека в советском обществе 20-40-х годов. Республиканская научно-практическая конференция "Всеобщая декларация прав человека как международный стандарт правового положения личности в Украине". – Луганск: РИО ЛИВД, 1999. – С. 87-97.
31. Атоян А.И. Социомаргиналистика. – Луганск: РИО ЛИВД, 1999. – 456 с.
32. Атоян А.И., Атоян О.Н. Исторические предпосылки региональной культуры управления в Украине //Вестник ЛИВД МВД Украины, 2001. – № 2.
33. Атоян О.М. Українські інсургенти та влада: зміни у історіографічному дзеркалі досліджень //Проблеми правознавства та правоохоронної діяльності (збірник наукових статей). – Донецьк: ДІВС. – 2001. – № 2.
34. Атоян О.Н. Периодизация источников о социальном бандитизме и инсургентах Украины конца первого-начала второго десятилетия XX века/Исторична наука: спадщина і сучасність (Матеріали II регіональної наукової конференції). – Луганськ: Вид-во Східноукраїнського нац. ун-ту ім. В. Даля, 2001. – С. 31-37
35. Атоян О.Н. Элементы самоуправления в отечественной правовой традиции //Вестник ЛИВД МВД Украины. – 2001. Спецвыпуск "Вторые Новгородцевские чтения".
36. Атоян А.И., Атоян О.Н. Ультралевые. Опыт социального конфликта. – Луганск: РИО ЛИВД, 2001. – 504 с.
37. Атоян О.Н. Еліта та маси, анархізм та лібералізм, селяни та влада у історіографічних підходах Т. Шаніні та В. Леонтовича //Вісник ЛАВС МВС імені 10-річчя незалежності України. – 2002. – № 2.
38. Атоян О.Н. Элита и крестьяне в Украине революционного периода: к новым историографическим подходам. Исторична наука: проблеми розвитку //Матеріали міжнародної наукової конференції. – Луганськ: Вид-во Східноукраїнського нац. ун-ту ім. В. Даля, 2002.
39. Бабко В.А. В годы подполья. – К., 1950. – 168 с.
40. Байков Л.Л. Свойства боевых элементов и подготовка войск к бою. – К., 1918.
41. Бакунин М. А. Государственность и анархия /Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. – М., 1989.

42. *Бакунин М. А.* Наука и насущное революционное дело /Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. – М., 1989.
43. *Бакунин М.А.* Федерализм, социализм и антитеологизм /Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. – М., 1989.
44. *Бакунин М.А.* Письмо М.А. Бакунина к С.Г. Нечаеву 2 июня 1870 года /Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. – М., 1989.
45. *Балковский П.М.* Війна без флангів. Партизансько-повстанська боротьба українського народу проти білогвардейців та інтервентів у 1918-1920 рр. – К., 1966. – 303 с.
46. *Безансон А.* Советское настоящее и русское прошлое: Сб. статей. – М., 1998. – 335 с.
47. *Белаш В.* Махновщина: Отрывки из воспоминаний В. Белаша. //Літопис революції. – 1928. – С. 191-234.
48. *Белаш В. Ф.* На распутье //Н.И. Махно. – К., 1991.
49. *Белаш А.В., Белаш В.Ф.* Дороги Нестора Махно. – К., 1993. – 592 с.
50. *Белебеха І.О.* Україна і комунізм. – Х.: Видання журналу "Березіль", 2000. – 500 с.
51. *Белебеха І.А.* Українська еліта. – Х., 1999.
52. *Беленко О.* Махно и Полонский (Из союза левых сил на Украине в 1919 году) //Минувшее. Исторический альманах. – Париж, 1927. – Вып. 4.
53. Белое движение: начало и конец: Сборник /Сост. и примеч. В.А. Дурова. – М., 1990. – 527 с.
54. *Белые армии, черные генералы.* Мемуары белогвардейцев. – Ярославль, 1991. – 285 с.
55. *Бельй П.Ф. Дышлевоу П.С.* Единство действий в защиту завоеваний революции: боевое содружество трудящихся Украины и России в борьбе против кулацкой вооруженной контрреволюции (конец 1920-1922 гг.). – К., 1988.
56. *Бенько О.П.* Державно-правові аспекти політичного терору в Україні (1917-1953). – К., 1994.

57. *Бенько О.П., Мироненко Н.М.* Репресії на Україні за доби Директорії і утворення Радянської влади (1919-1920 рр.). – К., 1993.
58. *Берджер Дж.* Крестьянская эстетика: видение крестьянства /Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире; Сост. Т. Шанин. – М., 1992.
59. *Бережинський В.Г.* Повстанська армія Нестора Махна. – К., 1997. – 21 с.
60. *Берлин П.А.* Апостолы анархии. – П., 1917.
61. *Беспечный Т.А., Букреева Т.Т.* Нестор Махно: Правда и легенды. Лев Задов: Человек из контрразведки. – Донецк, 1996. – 228 с.
62. *Білан Ю.Я.* Героїчна боротьба трудящих України проти внутрішньої контрреволюції та іноземних інтервентів у 1918-20 рр. – К., 1957. – 48 с.
63. *Білий П.* Розгром махновщини (1920-21) //Український історичний журнал. – 1971. – № 5. – С.10-20.
64. *Блакитний В.* Диктатура пролетаріату чи "Всенародна влада". – 5-е вид. – Х., 1920. – 15 с.
65. *Бобринев В.А., Рязанцев В.В.* Палачи и жертвы. – М., 1993. – 384 с.
66. *Бойко Л.Л.* Підготовка народу та війська до захисту Батьківщини. – Б.м., 1918. – 226 с.
67. *Большевистские организации Украины (октябрь 1917 – апрель 1918 гг.):* Сборник документов и материалов. – К., 1962.
68. *Борисова Р.Б.* В огне гражданской войны. – М., 1966 – 184 с.
69. *Боровой А.* Анархизм. – М., 1919.
70. *Боровой А.* Личность и общество в анархистском мировоззрении. – М., 1920.
71. *Бош Е.Б.* Встречи и беседы с Владимиром Ильичом //Пролетарская революция. – 1924. – № 3. – С. 63.
72. *Бош Е.Б.* Год борьбы. – К., 1990. – 447с.
73. *Буйковський А.* Боротьба за Крим і розгром Врангеля. – М.-Л., 1930. – 112 с.
74. *Бухарин Н.И.* Избранные произведения. – М., 1990.

75. *Вэйли Ф. Дж.* Представление крестьян о плохой жизни / *Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире*; Сост. Т. Шанин. – М., 1992.
76. В дни революционных боев. Воспоминания активных участников Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Крыму. – Симферополь, 1957. – 176 с.
77. В защиту революции. Воспоминания участников борьбы за власть Советов вначале социалистического строительства в Киеве и на Киевщине. – К., 1977. – 262 с.
78. *Варин С.* К вопросу об уроках гражданской войны // *Военный вестник*. – 1922. – № 4.
79. *Варшавский В.С.* Незамеченные поколения. – М., 1998. – 384 с.
80. *Васильев Б.* Кто такие махновцы и чему они учат. – Луганск, 1920.
81. *Вегер В.А.* Право и государство переходного времени: Хрестоматия. – М., 1924. – 248 с.
82. Великий Октябрь и защита его завоеваний. В 2-х т. – М., 1987.
83. Великий жовтень і громадянська війна на Україні. – К., 1973. – 255 с.
84. *Величковский М.* Столыпинская земельная реформа. – Лондон, 1964.
85. *Верстюк В.Ф.* Борьба трудящегося крестьянства Украины за зміщення влади Рад. – К., 1984. – 143 с.
86. *Верстюк В.Ф.* Комбриг Нестор Махно. З історії першого союзу махновців з Радянською владою. – К., 1990. – 36 с.
87. *Верстюк В.Ф.* Махновщина: штрихи к истории движения / Н.И. Махно. – К., 1991.
88. *Верстюк В.Ф.* Махновщина. Селянський повстанський рух на Україні (1918-1921). – К., 1991. – 368 с.
89. *Веселовский В.* Крестьянское движение 1902 года. – М., 1923.
90. Вестник Наркомвнутрдел УССР, 5 (Киев, 1 мая 1919).
91. *Винниченко В.* Відродження нації. У 3-х ч. – К., 1920.

92. *Винниченко В.* Из истории украинской революции / *Революция на Украине по мемуарам белых. Репринтное воспроизведение издания 1930 г.* – К., 1990. – С. 278.
93. *Витте С. Ю.* Воспоминания. – М., 1960. – Т. 1-3.
94. *Вишневецкий О.* Повстанський рух. – Детройт, 1973.
95. *Віечарик М.М., Панченко П.П., Жмихова В.І.* Українська нація: Шлях до самовизначення. – К., 2001.
96. *Вікторев Е.* Південний "Кронштадт" // *Літопис революції*. – 1930. – № 2. – С.73-103.
97. Внутренние войска Советской республики: Документы и материалы. – М., 1972.
98. *Волин В.М.* Революция и анархизм. – Б. м., 1919.
99. *Волин В.* Разъяснение. – Париж, 1929.
100. *Волк С.С.* Нестор Махно в дни войны и мира / *Махно Н.И.* Воспоминания. – М., 1992.
101. *Волковинський В.М.* Нестор Махно: звивисті стежки політичного авантюриста // *Український історичний журнал*. – 1989. – № 7. – С. 9-11; 1990. – № 2. – С. 4-9.
102. *Волковинский В.М.* Махно и его крах. – М., 1991.
103. *Волковинский В.М.* Батько Махно. – К.: Знання, 1992. – 48 с.
104. *Волковинський В.М.* Нестор Махно проти усіх влад і режимів. – Сторінки історії України ХХ ст. – К., 1992. – 236 с.
105. *Волковинський В.* Нестор Махно: легенди і реальність. – К., 1994. – 252 с.
106. *Вольф Э.* Крестьянские восстания / *Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире*; Сост. Т. Шанин. – М., 1992.
107. *Вольфсон Б.* Изгнание германских оккупантов из Крыма. – Симферополь, 1939. – 60 с.
108. *Вомак Дж.* Крестьянский выбор: мексиканские села осуществляют свою революцию / *Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире*; Сост. Т. Шанин. – М., 1992.
109. *Вомак Дж.* Сапата. Крестьянская война в Мексике / *Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире*; Сост. Т. Шанин. – М., 1992.

110. Вопросы права и законности в первые годы Советской власти: Сб. научных трудов. – М., 1984. – 124 с.
111. *Воробийов А.* Боротьба за Радянську Україну. – Х., 1932. – 75 с.
112. *Вороницын И.* У немцев. Очерки политической тюрьмы и ссылки. – Х., 1923. – 127 с.
113. Восьмой съезд РКП(б). Протоколы. – М., 1959.
114. Второй съезд КП(б)У. 17-22 октября 1918 г. Протоколы. – К., 1991.
115. Вчимося панувати. – К., 1919. – 23 с.
116. *Гай Ю.И.* З ким і проти кого: "Ганібний шлях петлюрівщини та її спадкоємців". – К., 1980. – 223 с.
117. *Гарасева А.М.* Я жила в самой бесчеловечной стране: воспоминания анархистки. – М., 1997 – 336 с.
118. *Гармиза В.В.* Крушение эсеровских правительств. – М., 1970.
119. *Генис В.Л.* Рассказывание в Советской России //Вопросы истории. – 1994. – № 1. – С. 29-41
120. *Генкен И.* Среди приемников Бакунина //Красная летопись. – 1927. – № 1.
121. *Герасименко К.В.* Махно //Историк и современник. – 1922. – № 3.
122. *Герасимов Е.Н.* Разгром немецких оккупантов на Украине. – М.: Воениздат, 1939. – 48 с.
123. Героїчний бій під Червоним островом. – Торонто, 1961. – 103 с.
124. Геть партизанщину: Збірка статей. – Х., 1920.
125. *Гимпельсон Е.Г.* Советские управленцы. 1917-1920 гг. . – М.: Ин-т гос-ва, 1998. – 259 с.
126. *Гирський Д.* Дивні способи виправдовування антидержавної політики. Відгук на фальсифікації соціалістів з табору УНП. – Торонто, 1973. – 184 с.
127. Годы борьбы. Сборник воспоминаний и материалов по истории революционного движения на Зиновьевщине. – Зиновьевск, 1927. – 194 с.
128. *Голинков Д.* Крушение антисоветского подполья в СССР (1917-1925 гг.). – М., 1978. – 385 с.

129. *Голованов В.* Тачанки с юга. – Запорожье, 1995.
130. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. /Сост. С.В. Журавлев и др. – 1998. – 328 с.
131. *Голубко В.* Армія Української народної Республіки. 1917-1918. – Львів, 1997. – 228 с.
132. *Гольденвейзер А.А.* Из киевских воспоминаний /Революция на Украине по мемуарам белых. Репринтное воспроизведение издания 1930 г. – К., 1990.
133. *Гольперин Ф.Я.* Революцией призванные. – К., 1990. – 238 с.
134. *Гончаренко В.Д., Рогожин А.Й.* Центральна Рада і її правові акти //Вісник Академії правових наук. – Х., 1993. – № 1.
135. *Горак В.* Повтанці отамана Григорьева (серпень 1918 – серпень 1919). Історичне дослідження. – Фастів, 1998. – 224 с.
136. *Гореев Б. И.* Анархизм в России от Бакунина до Махно. – М., 1930.
137. *Горелик А.* Анархисты в российской революции. – Буэнос-Айрес, 1922.
138. *Горелик А., Комов А., Волин С.* Гонение на анархизм в Советской России. – Берлин, 1922.
139. *Горман А.Я.* Советское государство и право в период иностранной интервенции и гражданской войны (1918-1920 гг.). – М., 1955. – 108 с.
140. Гражданская война на Украине. 1918-1920: Сборник документов и материалов. – В 3 т. – 4 кн. – К., 1967.
141. Гражданская война на Екатеринославщине (февраль 1918-1920 гг.): Документы и материалы. – Днепропетровск, 1968.
142. Гражданская война в СССР /Под ред. Н.Н. Азовцева. – Т. 1. – М.; Т. 2. – 1987.
143. *Грациози А.* Большевики и крестьяне на Украине. 1918-1919 гг.: Очерк о большевизмах, национал-социализмах и крестьянских движениях. – М., 1997. – 195 с.
144. *Грин М.З.* Пламенные сердца (Крым). – М., 1962. – 120 с.
145. *Грищенко А.П.* Політичні сили у боротьбі за владу в Україні: рік 1919. – Х., 1996. – 81 с.

146. Грізний урок інтервентам: Збірник матеріалів про визволення України від польської окупації. – 1936. – 226 с.
147. Грушевський М.С. Якої ми хочемо автономії і федерації. – К., 1917.
148. Грушевський М.С. Хто такі українці і чого вони хочуть. – К., 1917.
149. Грушевський М.С. Вільна Україна. – К., 1917.
150. Грушевський М.С. На порозі нової України. – К., 1994.
151. Гуковський О. Французька інтервенція на Україні. – К., 1929. – 64 с.
152. Гунчак Т. Українська Народна Республіка і національні меншини // Слово і час. – 1990. – № 10. – С. 62.
153. Гуревич М.Б. К вопросу о дифференциации крестьянского хозяйства Украины. Материалы к Всеукраинской партконференции / Изд. ЦСУ Украины. – Харьков, 1925. Очерк I.
154. Гурко В.И. Политическое положение на Украине / Революция на Украине по мемуарам белых. Репринтное воспроизведение издания 1930 г. – К., 1990
155. Гутман М. Под властью анархистов: Екатеринослав в 1919 г. // Русское прошлое. – Петроград, 1923. – № 5. – С. 61-68.
156. Данилов В.П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. – М., 1957.
157. Данилов В.П. (ред.) Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках: Сб. статей. – М., 1963.
158. Данилов В.П. Советское крестьянство. Краткий очерк истории (1917-1969). – М., 1970.
159. Данилов В.П. (ред.) Советское крестьянство. – М., 1973.
160. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. – М., 1977.
161. Данилов В.П. (ред.) Народное хозяйство в 1921-1925 гг. – М., 1984. – Вып. 2. – 343 с.
162. Данилов В.П. (ред.) Документы свидетельствуют: из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927-1932. – М., Политиздат, 1989. – 526 с.

163. Данилов В.П. (ред.) "Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). Международная конференция. (М., 1994) Материалы ... 14-15 июня / РАН, Ин-т. ист. – М.: РОССПЭН, 1991. – 440 с.
164. Данилов В.П. Аграрные реформы и аграрная революция в России / Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире; Сост. Т. Шанин. – М., 1992. – С. 319-320.
165. Данилов В.П. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-21 годах. "Антоновщина": Документы и материалы. – Тамбов, 1994.
166. Даушков С. Скарбунок отамана Махно // Календар для українських працюючих людей, приятель народу на 1938 рік. – Львів, 1937.
167. Дашкевич Я. Перегук віків: три погляди на минуле і сучасне України // Україна. Наука і культура. – Вип. 26-27. – К., 1993.
168. Дебагорий-Мокриевич В.К. От бунтарства к терроризму. – М., 1930. – Т. 1.
169. Деникин А.И. Гетманство и директория на Украине / Революция на Украине по мемуарам белых. Репринтное воспроизведение издания 1930 г. – К., 1990.
170. Деникин А.И. Очерки русской смуты. – В 5 т. – Париж, 1921-1926.
171. Деникин А.И. Очерки русской смуты. – М., 1991. – 206 с.
172. Денков А.В. Донское казачество в гражданской войне. – Ростов, 1992.
173. Деревенская беднота и путь к социализму: о сельскохозяйственных коммунах. – Петроград, 1918.
174. Деренковский Г.М. Отечественная война против германских оккупантов в 1918 г. – Саратов, 1942. – 45 с.
175. Дмитришин В. Повалення німцями Центральної Ради у квітні 1917 року: нові дані німецьких архівів // Політологічні читання. – 1994. – № 1.
176. Дневник белогвардейца. – Новосибирск, 1991. – 398 с.
177. Дневник Г.А. Кузьменко (19 февраля – 28 марта 1920) / Тайны истории. Век XX. – М., 1996.
178. До історії першого періоду Радянської влади на Україні: архівні матеріали. – Х., 1927. – 68 с.

179. Документи трагічної історії України (1917-1927 рр.) /За ред. та упоряд. П.П. Бочинського. – К., 1999. – 640 с.
180. Документи о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 г. – М., 1942. – 240 с.
181. Долой махновщину. – Х., 1920.
182. *Донцов Д.* Рік 1918. – Торонто, 1954. – 128 с.
183. *Дорошенко Д.* Історія України 1917-1923. – Т. 1. Доба Центральної Ради. – Т. 2. Українська гетьманська держава. – Ужгород, 1932.
184. *Дорошенко Д.* Мої спомини про недавнє минуле (1914-1920). – Ужгород, 1932.
185. *Доур А.* Земельные реформы в экономическом развитии – контртезис /Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире; Сост. Т. Шанин. – М., 1992.
186. *Драгоманов М.* Очерк украинской социалистической программы. Предисловие к "Громаде". – К., 1878.
187. Другий Зимовий похід. Листопадовий рейд (з спогадів). – К., 1995. – 238 с.
188. *Дубинский И.В.* Трубачи трубят тревогу. Воспоминания и записки. – М.: Воениздат, 1962. – 310 с.
189. *Дубровский В.* Батько Нестор Махно, український національний герой //Чорноморський збірник. Кн. 4. – Одеса, 1945.
190. *Дюги А.* Общие преобразования гражданского права. – М., 1919.
191. *Дякин В.* Самодержавие. Буржуазия и дворянство. – Л., 1978.
192. *Ейдман Р., Кукурін Н.* Громадянська війна на Україні /За ред. Чубаря. – Х., 1928. – 71 с.
193. *Ерде Д.* Політична програма анархо-махновщини //Літопис революції. –1930. – № 1. – С. 41-63; № 2. – С. 28-49.
194. *Ефимов Н.А.* Действия против Махно с января 1920 г. по январь 1921 //Сборник трудов общества при военной Академии. – 1921. – № 1. – С. 192-222.
195. *Жанери А. Де.* Крестьяне, капитализм и государство в Латинской Америке /Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире; Сост. Т. Шанин. – М., 1992.

196. *Жмойлович И.* Мирный порядок //Черная книга. Сборник статей и материалов об интервенции Антанты на Украине. – К., 1920. – С. 484
197. Законодательные акты Украинской Державы. 1918 год. Апрель-июнь. – Одесса, 1918.
198. *Заставенко Г.* Разгром немецких интервентов на Украине в 1918 г. – К., 1948. – 104 с.
199. *Зиновьев Г.Е.* Письмо к крестьянам: зачем рабочие посылают продовольственные отряды в деревню. – Екатеринослав, 1919.
200. *Затонский В.* Что Махно обещает крестьянству. – Б.м., 1920.
201. *Затонский В.* К вопросу об организации Временного Рабоче-Крестьянского Правительства Украины //Летопись революции. – 1925. – № 1. – С. 139-49.
202. *Иваницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов) /Институт "Открытое общество". – 1996. – 287 с.
203. *Игреев Г.* Екатеринославские воспоминания //Революция на Украине в мемуарах белых. – М.-Л., 1930. Репринтное издание. 1990. – С. 189.
204. Из деятельности ЦК КП(б)У и Центрального Военно-революционного комитета между I и II съездами КП(б)У //Летопись революции. – 1927. – № 1. – С. 134-135.
205. *Инсаров-Вакс М.* Мои документы. – Л., Б. г.
206. История гражданской войны в СССР. – М., 1957. – Т. 3.
207. История и теория анархизма. – Запорожье, 1995.
208. История СССР. Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в СССР (1817-1920). Т. 7. – 1967.
209. Історичні портрети: Махно, Петлюра, Бандера /Підгот. М.Р. Новиченко. – К., 1991. – 33 с.
210. Історія КП(б)У в матеріалах і документах: Хрестоматія. – Вип. 2. – Х., 1934.
211. Історія Українського війська. – Львів, 1995.
212. *Какурин Н.* Как сражалась революция. В 2-х т. – М.-Л., 1926.

213. *Какурин Н.* Стратегический очерк гражданской войны. – М.-Л., 1926.
214. *Канев С. Н.* Октябрьская революция и крах анархизма /Борьба партии большевиков против анархизма (1917-1922 гг.). – М., 1974.
215. *Канев С.* Революция и анархизм. – М., 1987.
216. *Канетти Э.* Масса и власть. – М., 1997. – 527 с.
217. *Кантор В.К.* Насилие как провокация цивилизационных срывов в России //Вопросы философии. – 1995. – № 5. – С. 44.
218. *Карелин А.А.* Государство и анархисты. – М., 1918.
219. *Карр Э.* История Советской России. Книга 1. – Т. 2. – М., 1990.
220. *Карсавин А.П.* Философия истории. – СПб., 1993.
221. *Каутский К.* Аграрный вопрос. – Х., 1926.
222. *Каутский К.* Движущие силы и перспективы русской революции. – М., 1926.
223. *Каутский К.* Славяне и революция //Каутский К. Путь к власти. – М., 1959.
224. *Кедровський В.* 1917 рік: Спогади члена українського військового генерального комітету і товарища секретаря військових справ у часи Центральної Ради. – Вінніпег, 1967. – 523 с.
225. *Керимов Д.А.* Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. – 2-е изд. – М., 2001.
226. Киевщина в годы гражданской войны и иностранной интервенции. 1918-1920: Сб. документов. – К., 1962.
227. *Кин Д.* Крестьянство и гражданская война //На аграрном фронте. – 1925. – № 11/12.
228. *Кин Д.* Повстанческое движение против деникинщины на Украине //На аграрном фронте. – 1926. – № 3-4. – С. 70-90.
229. *Киселев М.В.* Годы огневые. – М., 1958.
230. *Кистьяковский Б.А.* Социальные науки и права. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. – М., 1916.
231. *Кистьяковский Б.А.* В защиту права //Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. – М., 1990.

232. *Ключевский В.О.* Лекции по русской историографии. //Сочинения. – М., 1959. – Т. 8.
233. *Ковалик С.* Революционное движение 70-х годов и процесс 193. – М., 1928.
234. *Ковшун А.И.* Пути пройденные. – Симферополь, 1962.
235. *Кожевников Ф.И.* Советское государство и международное право. 1917-1937 гг. (Опыт историко-правового исследования). – М., 1948. – 376 с.
236. *Козерод О.В.* Историкографические проблемы белого движения на Украине. – Х., 1998. – 122 с.
237. *Козлов А.* Расказачивание //Родина. – 1990. – № 6. – С. 64-71 и 1990 – № 7. – С. 43-47.
238. *Козуб І.* Доба і доля: спогади. – Київ-Торонто-Єдмонтен, 1966. – 492 с.
239. *Комин В.* Анархизм в России. – М. 1981.
240. *Комин В.* Нестор Махно: мифы и реальность. – М., 1990. – 81 с.
241. *Копиленко О.А.* Сто днів Центральної Ради. – К., 1992.
242. *Корноухов Е.М.* Борьба партии большевиков против анархистов в России. – М., 1981.
243. *Короленко В.* Письма к Луначарскому //Новый мир. – 1988. – № 10. – С. 211
244. *Кочевий О.* Про махновщину. – Х., 1920.
245. *Кочетовская Е.* Национализация земли в СССР. – М., 1952.
246. *Козн С. Н.И.* Бухарин. Политический портрет. – М., 1990.
247. *Козн С. Н.И.* Переосмысливая советский опыт. – М., 1991.
248. *Кравченко І.* Світ запорозький та його цінності /Запорожці. – К., 1993.
249. Краткая инструкция по борьбе с бандитизмом на Украине. – Б. м., 1920.
250. Краткий очерк истории социализма и социальных движений на Западе и в России. – 1924. – 452 с.
251. Крах германской оккупации на Украине (По документам оккупантов) /Под ред. М. Горького и И. Минца. – М., 1936. – 205 с.

252. *Крип'якевич І, Гнатевич Б., Стефанів З.* Історія Українського війська. – 4-е вид. – Львів, 1992.
253. Кронштадт. 1921. – М., 1997. – 432 с.
254. *Кропоткін П.А.* Безначальний комунізм і експлуатація. – М., 1906.
255. *Кропоткін П.А.* Записки революціонера. – М., 1990.
256. *Кругляк І.* Політичні ідеали Нестора Махно: ілюзії і дійсність /В кн.: Государственное устройство Украины и проблемы межнациональных отношений. – Луганск, 1992. – С. 81-92.
257. *Кубанін М.* К історії кулацької контрреволюції (махновщина) //На аграрному фронті. – 1925. – № 7-9.
258. *Кубанін М.* Махновщина. – Л., 1928.
259. *Кубанін М.* Махновщина. Крестьянское движение в степной Украине в годы гражданской войны. – Л., Б.г. – 228 с.
260. *Кудрявцев В.Н.* Юридические нормы и фактическое поведение. //Советское государство и право. – 1980. – № 2.
261. *Кудрявцев В.Н.* О правопонимании и законности //Государство и право. – 1994. – № 3.
262. *Кулик І.* Боротьба робітників і селян за встановлення і зміцнення Радянської влади на Україні (1917-1920 рр.). – 1947. – 32 с.
263. *Кульчицький С.В.* Ціна "великого перелому". – К., 1991.
264. *Кульчицький С.В.* Центральна Рада. Утворення УНР //УІЖ. – 1992. – № 6. – С. 82.
265. *Кульчицький С.В.* УССР у добу "воєнного комунізму" (1917-1929 рр.). Спроби побудови концептуальних засад реальної історії. – К., 1994. – 142 с.
266. *Кульчицький С.В.* Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919-1928). – К., 1996.
267. *Кульчицький С.В.* Україна між двома війнами (1921-1939 рр.). – К., 1999.
268. *Кун М.* Бухарин, его друзья и враги. – М., 1992.
269. *Кучер О.О.* Розгром збройної внутрішньої контрреволюції на Україні у 1921-1923 рр. – Харків, 1971.

270. *Лазутин А., Кириченко В., Григорян А.* От издателей //Аршинов П. История махновского движения 1918-1921. – Запорожье, 1995.
271. *Ларин Ю.* Евреи и антисемитизм в СССР. – М.-Л., 1929.
272. *Лацис М.Я.* Два года борьбы на внутреннем фронте. – М., 1920.
273. *Лебеденко О.М.* Анархізм в Україні (к. XIX – п. XX ст.). – К., 1994. – 77с.
274. *Лебеденко О.М.* История анархизма в Украине. (к. XIX – п. XX вв.). – К. 1995. – 192с.
275. *Лебедь Д.* Махновщина и наши задачи //Звезда-Заря. – Екатеринослав, 1920. – № 13.
276. *Лебедь Д.З.* Итоги и уроки трех лет анархо-махновщины. – Харьков, 1921.
277. *Лебедь Д.* Махновщина в тылу денкинцев. Махновское партизанство. Первое наступление Махно //Пятая годовщина Октябрьской революции, 1917-1922. – Екатеринослав, 1922.
278. *Лейст О.Э.* Сущность и исторические типы права //Вестник МГУ. Серия 11. Право. – М., 1992.
279. *Лейхтенбергский Г.Н.* Воспоминания об "Украине". 1917-1918. – Берлин, 1921. – 52 с.
280. *Ленин В.І.* Про Україну. – К., 1969.
281. *Ленин В.И.* Неизвестные документы. 1891-1922. Федеральная архивная служба. Российский государственный архив социально-политической истории. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1999. – 607 с.
282. *Леонтович В.В.* История русского либерализма. – М., 1995.
283. *Липинський В.* Хліборобська Україна. Кн. 1. – Відень, 1926.
284. *Лисяк-Рудницький І.* Історичні есе. – Т. 1, 2. – К., 1994.
285. *Литвин С.Х.* Симон Петлюра у 1917-1926 рр. Історіографія та джерела. – К., 2000. – 462 с.
286. *Лихаревский Е.* "Андреевский конфуз" (Бой с Махно 14 декабря 1920г. в деревне Андреевка Бердянского уезда) //Армия и революция. –1921. – № 4/5. – С. 14-120.

287. *Лихолат А.В.* Разгром националистической контрреволюции на Украине 1917-1922. – М., 1954. – 656 с.
288. *Логвиненко И.А.* Политическая деятельность украинской Центральной Рады. – К., 2000. – 96 с.
289. *Лосев Е.* Трижды приговоренный // Москва. – 1989. – № 2.
290. *Лось Ф.* Революція 1905-1907 рр. і Україна. – К., 1955.
291. *Лукашева Е.А.* Социалистическое правосознание и законность. – М., 1973.
292. *Лукацкий А.С.* Противосоветские организации на Украине /Революция на Украине по мемуарам белых. Репринтное воспроизведение издания 1930 г. – К., 1990. – С. 201.
293. *Лунеев В.В.* Преступность в СССР: основные тенденции и закономерности // Советское государство и право. – 1991. – № 8.
294. *Лунеев В.В.* Политическая преступность // Государство и право. – 1994. – № 7.
295. *Лунеев В.В.* Преступность в XX веке. – М., 1999.
296. *Лурье М.* В борьбе за большевистские Советы. 1917 г. – М., 1932. – 156 с.
297. *Мазепа І.* Україна в огні й бурі революції 1917-1921. У 3-х т. – Прага, 1941-1942.
298. *Маймескулов А.Н., Рогожин А.Й., Сташис В.В.* Всеукраинская чрезвычайная комиссия. 1918 -1922. – Х., 1990. – 282 с.
299. *Макнамара Р.* Бедняки мира, и что с ними делать / Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире; Сост. Т. Шанин. – М., 1992.
300. *Малик Я.Й.* Відродження радянського режиму в українському селі 1919-1920. – Львів, 1996. – 268 с.
301. *Малиновський Онікій.* Революційне радянське звичайне право. – К., 1928. – 99 с.
302. *Марголин А.* Украина и политика Антанты /Революция на Украине по мемуарам белых. Репринтное воспроизведение издания 1930 г. – К., 1990.
303. *Мартов Ю.* и др. Общественное движение в России. – СПб., 1910.
304. *Матасов В.Д.* Белое движение на Юге России 1917-1929. – 1990. – 211 с.

305. *Махно Н.* Записки Н. Махно // Анархистский вестник. – Берлин, 1928. – № 1-6.
306. *Махно Н.* Русская революция на Украине от марта 1917 года по апрель 1918 г. – Париж, 1929.
307. *Махно Н.* Под ударами контрреволюции, апрель-июнь 1918. – Париж, 1936.
308. *Махно Н.* Украинская революция (июль-декабрь 1918 г.). – Париж, 1937.
309. *Махно Н.* Воспоминания. – М., 1990.
310. *Махно Н.* Воспоминания. Русская революция в Украине (от марта 1917 г. по апрель 1918 г.). – К., 1991. – 217 с.
311. *Махно Н.* Под ударами контрреволюции (апрель-июнь 1918). – Кн. 2. – К., 1991. – 185 с.
312. *Махно Н.* Воспоминания. – М., 1992.
313. *Махно Н.* Воспоминания. – Х., 1998. В кн. 1.: Русская революция в Украине (от марта 1917 г. по апрель 1918 г.) Репринтное издание 1929 г. – 1998. – 213 с.
314. *Махно Н.* Под ударами контрреволюции (апрель-июнь 1918) (Кн. 2). Украинская революция (июль-декабрь 1918) (Кн. 3). Волин (ред., автор предисловия и примечаний). Репринтное издание 1936-1937 гг. – Х., 1998.
315. *Мелешко Ф.* Нестор Махно та його анархія // Літопис червоної калини. – 1935. – № 1-4.
316. *Метт И.* Батько в Париже // Н.И. Махно. – К., 1991.
317. *Милютин В.П.* Аграрная политика СССР. – 2-е изд. – М., 1929.
318. *Мирошевский В.М.* Вольный Екатеринослав // Пролетарская революция. – 1922. – № 9. – С. 197-208.
319. *Михайличенко Д.Ю.* До періодизації розвитку селянського руху в Україні 1919 р. // Исторична наука: проблеми розвитку. Матеріали міжнародної наукової конференції (17-18 травня 2002). Секція Новітня історія України. – Луганськ, 2002. – С. 136.
320. *Могилянский Н.М.* Трагедия Украины /Революция на Украине по мемуарам белых. Репринтное воспроизведение издания 1930 г. – К., 1990.

321. *Мур Б.* Революции угнетенных: свидетельство защиты / Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире; Сост. Т. Шанин. – М., 1992.
322. *Мякотин В.* Из недавнего прошлого / Революция на Украине по мемуарам белых. Репринтное воспроизведение издания 1930 г. – К., 1990.
323. *Мясников О.Г.* Смена правящих элит: консолидация или вечная схватка // Политические исследования. – 1993. – № 1.
324. На защите революции: Сборник документов и материалов. – К., 1971.
325. *Налимов В.В.* На грани третьего тысячелетия. – М., 1994.
326. Национализация и социализация земли. – М., 1918.
327. *Нестор Иванович Махно: воспоминания, материалы, документы* / Авт. вступ. статьи и сост. В.Ф. Верстюк. – К., 1991. – 191 с.
328. *Никулин А.* Встреча в Париже // Н.И. Махно. – К., 1991 – С. 123.
329. *Никулин А.* Гибель махновщины // Знамя. – 1941. – № 3. – С. 169-197.
330. *Новгородцев П.И.* Идея права в философии Вл. Соловьева. – М., 1901.
331. *Новгородцев П.И.* Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. – М., 1903.
332. *Новгородцев П.И.* Кризис современного правосознания. – М., 1909.
333. *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. – М., 1991.
334. *Новомирский Д.* Манифест анархистов-коммунистов. – М., 1917.
335. *Новополин Г.* Махно и гуляйпольская группа анархистов // Н.И. Махно. – К., 1991. – С. 131.
336. О борьбе с бандитизмом: Ко всем партийным организациям Украины // Известия ЦК КП(б)У. – 1921. – № 1. – С. 22.
337. О земле. – М., 1921.
338. О сельскохозяйственных коммунах. – М., 1918.
339. О характеристике социально-экономических отношений советского крестьянства до коллективизации сельского хо-

- зайства. Материалы для обсуждения на сессии по истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. – М.: Ин-т ист. АН СССР, 1961. – 60 с.
340. Об анархистах. Циркулярное письмо ЦК РКП(б) // Вестник агитации и пропаганды. – 1921. – № 11/12. – С. 6-8.
341. *Оберучев К.* Воспоминания. – Т. 1. – Нью-Йорк, 1930. – С. 294-295.
342. *Обнинский В.* Новый строй. – М., 1909.
343. Октябрьская революция. Народ: ее творец или заложник? – М., 1992.
344. *Отпоков В.* Лев Задов: смерть от бескорыстия. – Петрозаводск, 1994.
345. Освободительная война украинского народа против немецких оккупантов: Сборник документов и материалов. – К., 1937.
346. *Павко А.І.* Політичні партії, організації в Україні. Кінець ХІХ-початок ХХ ст.: зародження, еволюція, діяльність, історична доля. – К., 1999. – 248 с.
347. *Павлов П.А.* Выводы из опыта борьбы с Махно сводной дивизии курсантов в ноябре-декабре 1920 и январе 1921г. // Армия и революция. – 1921. – № 2/3. – С. 97-110.
348. *Павлов П.А.* Военные хитрости // Военный вестник. – 1921. – № 4. – С. 12-14.
349. *Павлов П.А.* Особенности тактики Махно // Военное знание. – 1921. – № 8.
350. *Пауэлл У.* Поваренная книга анархиста. – М., 1995.
351. Первый Всероссийский съезд Советов. – М., 1930.
352. Перекоп и Чонгар. Сборник статей и материалов. – М.-Л., 1933.
353. Перекоп. Сборник воспоминаний. – М.-Л., 1941.
354. Переписка секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями: Сборник документов. – Т. 3 (март – июль 1918 г.). – М., 1967.
355. *Перумова Н.М.* Социальная доктрина Михаила Бакунина. – М., 1989.
356. *Петражицкий Л.И.* Введение в изучение права и нравственности. Эмоциональная психология. – СПб., 1905.

357. *Петражицкий А.И.* Теория права и государства. В связи с теорией нравственности. – СПб., 1907. – Т. 1. – Т. 2.
358. *Петрів В.* Спомини з часів української революції. 1917-1921. – А., 1927. – 180 с.
359. *Петрів В.* До історії формування війська на Україні під час революції // Літературно-науковий вісник. – 1930. – № 11. – С. 987.
360. Письма во власть. 1917-1927 гг. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / А.Я. Лившин, И.Б. Орлов (сост.) Федеральная архивная служба. Российский государственный архив социально-политической истории. – М., 1998. – 664 с.
361. Підполковник Іван Рембович. 1918 рік на Черніговщині. Спомини. – Б. д. – С. 95.
362. Повстанческие движения на Украине. 1921 г. Комплект документов из фондов ЦГАСА. – М., 1991.
363. *Покровский М.Н.* Контрреволюция за четыре года. – М., 1922.
364. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. – М., 1998.
365. *Полонська-Василенко Н.* Історія України. У 2-х т. – К., 1992.
366. *Поляков Ю.А.* Историческая наука: люди и проблемы / РАН, Ин-т российской истории. РОССПЭН. – 1999. – 455 с.
367. Права національних меншин і громадян УНР. – К., 1918.
368. *Премыслер И.* Разгром бандитизма на Украине (1921) // Военно-исторический журнал. – 1940. – № 9.
369. *Преображенский Е.А.* Примитивная аккумуляция / Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире; Сост. Т. Шанин. – М., 1992.
370. Протоколы II съезда фронтовиков, повстанческих, рабочих и крестьянских Советов, отделов и подотделов. – Гуляйполе, 1919.
371. Путеводитель по фондам белой армии. (Н.Д. Егоров (сост.) и др. Федеральная архивная служба. Российский государственный архив социально-политической истории. – М.: Российская политическая энциклопедия. – М., 1998. – 526 с.

372. *Пятаков Г.А.* Итоги и перспективы // Коммунист. – 1918. – № 7-8.
373. *Пятаков Г.А.* Надгробное слово "Тезисам" тов. Скрыпника // Коммунист. – 1918. – № 3/4. – С. 17-21.
374. *Равич-Черкасский М.* Махно и махновщина. – Екатеринослав, 1920.
375. *Ракитов Г.* Письма о махновцах. – Екатеринослав, 1920.
376. *Раковский Х.Г.* Борьба за освобождение деревни. – Х., 1920.
377. *Раковский Х.Г.* Красная армия и борьба с бандитизмом: Доклад на Харьковской губернской партийной конференции 15 февраля 1921 года. – Х., 1921.
378. *Раковский Х.Г.* Ильич и Украина // Летопись революции – 1925. – № 2. – С. 5-10;
379. Растерзанные тени: избранные страницы "дел" 20-30 годов. ВЧК-ОГПУ-НКВД. – М., 1995. – 480 с.
380. Реввоенсовет Республики. Протоколы. 1918-1919. Сб. док. / В.О. Дайнес и др. – М.: Российский государственный военный архив. Институт ист. РАН, 1997. – 640 с.
381. Революция защищается: взгляд сквозь годы (Р.А. Васьяковский). – Свердловск, 1989. – 250 с.
382. Революция на Украине по мемуарам белых. – М., 1930.
383. Революция на Украине по мемуарам белых. – К., 1990.
384. *Рейснер М.* Современная юриспруденция и учение А.И. Петражицкого // Русское богатство. – 1908. – № 1. Отдел 1. № 2.; Отдел 2.
385. *Римаренко Ю., Шкляр Л., Римаренко С.* Етнодержавознавство. Теоретико-методологічні засади. – К., 2001.
386. *Рогожин А.Й.* Правоохранительные органы УССР в первые годы Советской власти (1917-1920 гг.). – Х., 1981.
387. *Рокоссовский Р.К.* В боях за освобождение Украины. – К., 2000. – 134 с.
388. *Рубач М.* Переход Григорьева к Советской власти // Летопись революции. – 1924. – № 3. – С. 175-88.
389. *Рубач М.А.* Очерки по истории революционного преобразования аграрных отношений на Украине. – К., 1956.

390. Рубач М.А. К вопросу об организации Временного Рабоче-Крестьянского Правительства Украины // *Летопись революции*. – 1924. – № 4. – С. 151-65.
391. Руденко П. На Украине. Повстанчество и анархическое движение. – Буэнос-Айрес, 1922.
392. Руденко Р. Г. Про деякі проблеми соціального в історії і соціальної історії // *Історична наука: проблеми розвитку. Матеріали міжнародної наукової конференції (17-18 травня 2002)*. Секція Новітня історія України. – Луганськ, 2002. – С. 187.
393. Руднев Р. Махновщина. – Харьков, 1928.
394. Русская философия права: философия веры и нравственности. – СПб., 1997.
395. Русский архив: В 22-х т. – М.: Политиздат, 1991. – Т. 7-8. Архив русской революции. – 334 с.
396. Савельев В. Анархист (Батько Махно). – К., 1998. – 228 с.
397. Савченко В.А. Измена "Батьки Махно" и "Железная метла" А.Д. Троцкого // *История СССР*. – 1990. – № 2 – С. 75-90.
398. Сагиров Г. В пороховом дыму. – Баку, 1968.
399. Сандамирский Г. Торжество антимилиитаризма // *Из истории анархистского движения*. – М., 1920.
400. Село Я. Бандити "соціалісти" - махновці. – Синельникове, 1920.
401. Семанов С.Н. Махновщина и ее крах // *Вопросы истории*. – 1966. – № 9.
402. Семанов С.Н. Под черным знаменем, или Жизнь и смерть Нестора Махно. – М., 1990. – 76 с.
403. Семитко. А.П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. – Екатеринбург, 1996.
404. Сен А. Политическая экономия голода / *Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире*; Сост. Т. Шанин. – М., 1992.
405. Симонова М. Проблема "оскудения" центра / *Проблемы социально-экономической истории России*. – М., 1971.
406. Сідак В. Контррозвідка останнього гетьмана. – К., 1995.
407. Скакун О.Ф. Теория государства и права. – Х., 2000.

408. Скачко А. 2-я Украинская Красная Армия // *Н.И. Махно*. – К., 1991.
409. Скоропадський П. Спомини. – К., 1992.
410. Скотт Дж. Оружие слабых: повседневное сопротивление и его значение / *Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире*; Сост. Т. Шанин. – М., 1992.
411. Слащев-Крымский Я. Белый Крым. – М., 1920. Репринт 1990.
412. Слащев Я. Материалы по истории гражданской войны в России // *Военный вестник*. – 1921. – № 12. – 1922. – № 9-13.
413. Слюсарский А.Г. Комитеты незаможных селян Украины в борьбе с бандитизмом // *Научные записки Украинской академии социалистического земледелия имени Артема*. – Харьков, 1941. – Т. 3.
414. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1917-1918. Изд. 2. – № 2. – № 7, – № 25, – № 43, – № 38.
415. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы в 4-х т. (А. Берелович, В. Данилов ред.). Ин-т Российской истории РАН. – М.: РОССПЭН, 1998. – 864 с. – Т. 1. 1918-1922. – 1998. – 864 с.
416. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения / *Ин-т. ист. АН СССР*. – М.: Наука, 1979. – 359 с.
417. Советское общество в воспоминаниях и дневниках: Анатированный библиограф. указ. книг, публикаций в сборниках и журналах. В 5-ти т. – М., 1990.
418. Советское общество: Возникновение, развитие, исторический финал. В 2-х т. / *Под ред. Ю.Н. Афанасьева*. – М.: РГУ, 1994.
419. Солдатенко В.Ф. Українська революція. Історичний нарис. – 1999. – 975 с.
420. Соловьев Ю. Самодержавие и дворянство. – М., 1981.
421. Сорок дней в Гуляй-поле: Воспоминания матушки Галины – жены батьки Махно. – Владимир-Москва, 1990. – 16 с.
422. Сорок лет советского права 1917-1957. – АГУ. – 694 с.
423. Спиридович А. Революционное движение в России. – СПб., 1914.

424. *Спиридович А.* Записки жандарма. – М., 1991.
425. *Сталин И.В.* Вести деревню, насаждая колхозы и совхозы. /Сталин И.В. Вопросы ленинизма. – М., 1939.
426. *Стахів М.* Україна проти большевиків. – Тернопіль, 1993. – С. 33.
427. *Стефаній З.* Українські збройні сили 1917-1921 рр. – К., 1947. – 118 с.
428. *Сумський С.* Одиннадцать переворотов /Революция на Украине по мемуарам белых. Репринтное воспроизведение издания 1930 г. – К., 1990.
429. *Супруненко Н.И.* Очерки истории гражданской войны и иностранной военной интервенции на Украине (1918-20). – М., 1967.
430. *Тарновский Е.* Статистические сведения о лицах, обвиняемых в государственных преступлениях //Журнал министерства юстиции. – 1906. – № 4.
431. *Телицин В.* Нестор Махно. – Смоленск, 1998. – 448 с.
432. *Тепер И. (Гордеев).* Махно. От "единого анархизма" к стопам румынского короля. – К., 1924.
433. *Тепряков А.* Красный бандитизм //Родина. – 2000 – № 4. – С. 81-85.
434. *Терещенко Ю.И.* Великий Октябрь и становление социалистической экономике на Украине, 1917-1920. – К., 1986.
435. *Тилли Ч.* Сельский конфликт и сопротивление капитализма и государства /Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире; Сост. Т. Шанин. – М., 1992.
436. *Тимков О.А.* Махновський рух на Херсонщині: Спогади очевидців, архівні матеріали, гіпотези. – Нововоронцовка, 1995. – 55 с.
437. *Тимощук А.В.* Анархо-коммунистические формирования Н. Махно (сентябрь 1917 – август 1921). – Симферополь, 1996. – 190 с.
438. *Тимощук О.В.* Державна варта Української Держави (історико-юридичний аналіз). – К., 1998.
439. *Тинченко Я.* Перша українсько-більшовицька війна. (XII 1917 – III 1918). – Львів, 1966. – 371 с.

440. *Торен Д.* Крестьянская экономика как социальная категория /Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире; Сост. Т. Шанин. – М., 1992.
441. Третий Всероссийский съезд Советов. – М., 1918. – С. 86.
442. *Тригуб П.Н.* Количество, состав и деятельность Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов на Украине в период гражданской войны //История СССР. – 1983. – № 6.
443. *Трифонов И.Я.* Классы и классовая борьба в начале нэпа (1921-1923). – Л., 1964.
444. *Тростогон А.М.* Українське селянство і влада в 20-ті роки ХХ століття: історіографія //Історична наука: проблеми розвитку. Матеріали міжнародної наукової конференції (17-18 травня 2002). Секція Новітня історія України. – Луганськ, 2002. – С. 222.
445. *Троцкий Л.Д.* Украинские уроки //Коммунист. Орган ЦК КП(б)У. – 1919. – 20 мая.
446. *Троцкий Л.Д.* Махновщина //В пути: Известия поезда народного комиссара военных дел. – 1919. – 2 июня.
447. *Троцкий Л.Д.* Махно и другие //Там же. – 1919. – 4 августа.
448. *Троцкий Л.Д.* Терроризм и коммунизм. – Петроград, 1920.
449. *Троцкий Л.Д.* Как вооружалась революция. – М., 1924. – Т. 2. – Кн. 1. – 200 с.
450. *Трубецкой Е.* Архив русской революции. – Берлин, 1926.
451. *Туманов В.А.* Правовой нигилизм в историко-юридическом ракурсе //Государство и право. – 1993. – № 3.
452. *Тютюник Ю.* З поляками проти Вкраїни. Репринт. Відтворення 1924 р. – 1991. – 110 с.
453. *Удовиченко О.І.* Україна у війні за державність. Історія і організації збройних дій Українських збройних сил. 1917-1921. – К., 1995. – 206 с.
454. *Уильямс Р.* Но это вовсе не было правдой... /Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире; Сост. Т. Шанин. – М., 1992.
455. Украина в 1917-1921 гг: Некоторые проблемы истории: Сб. научных трудов /АН УССР, Ин-т истор. Укр. – К.: Наукова думка, 1991. – 278 с.

456. Украина и Россия: общества и государства /В. Бондаренко, Е. Головаха, В. Еленский. – М., 1997. – 383 с.
457. Украина: культурна спадщина, національна свідомість, державність. – Львів, 1995. – Вип. 2.
458. Українська революція і державність (1917-1920 рр.). – К.: Парламентське видавництво, 1988. – 247 с.
459. Українська РСР в період громадянської війни 1917-1920 рр. В 3-х т. – К., 1967. – 473 с.
460. Українсько-Московська війна 1920 року в документах. – Варшава, 1933. – 406 с.
461. Фанон Ф. Революционеры наших дней /Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире; Сост. Т. Шанин. – М., 1992.
462. Феденко П. Суспільні і політичні рухи на Україні. – Париж, 1953.
463. Феденко П. Український рух у ХХ ст. – Б. м., 1959.
464. Федосеев А.С. Советское государство в борьбе за построение социализма и коммунизма. – М., 1955. – 256 с.
465. Фельштинский Ю. Конфиденциальные беседы Бухарина //Вопросы истории. – 1991. – № 2-3. – С. 182-203.
466. Филиппов Н. Украинская контрреволюция на службе Англии, Франции, Польши. – М., 1927.
467. Френкин М. Русская Армия и революция (1917-1918 гг.). – Мюнхен, 1978.
468. Френкин М. Трагедия крестьянских восстаний в России 1918-1921 гг. – Иерусалим, 1987. – 251 с.
469. Фридман Х. Семейная ферма и международные продовольственные режимы /Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире; Сост. Т. Шанин. – М., 1992.
470. Фридман Х. Семейная ферма и международные продовольственные режимы /Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире; Сост. Т. Шанин. – М., 1992. – С. 174.
471. Фрунзе М.В. На фронтах гражданской войны. – М., 1941.
472. Фрунзе М. Воспоминания друзей и соратников. – М., 1985.
473. X съезд РКПб. Стенографический отчет. – М., 1963.
474. Хайек Ф.А. Дорога к рабству. – Лондон, 1983.

475. Хандрос Й. та ін. Жовтень та громадянська війна на Україні. Матеріали до бібліографії. – 1933. – 68с.
476. Хобсбаум Э. Век империи. – Ростов, 1999.
477. Хобсбаум Э. Век капитала. 1848-1875. – М., 1999. – 480 с.
478. Хобсбаум Э. Век революции. Европа. 1789-1848. – Ростов-на-Дону, 1999. – 480 с.
479. Хобсбаум Э. Разбой как социальное явление /Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире; Сост. Т. Шанин. – М., 1992.
480. Хобсбаум Э. Эхо Марсельезы. Взгляд на Великую Французскую революцию через 200 лет //Хобсбаум Э. Незавершенная революция: Россия 1917-1967. – М., 1991. – 291 с.
481. Христюк П. Замітки і матеріали до історії української революції 1917-1920 рр. У 4-х т. – М., 1921.
482. Худайкулов М. Большевики в борьбе с анархизмом в первые годы Советской власти. – Ташкент, 1974.
483. Худайкулов М. Исторический опыт борьбы ленинской партии против анархизма. – Ташкент, 1979. – 327 с.
484. Цой. Б.С. Социальные и экономические аспекты реабилитации народов и граждан, репрессированных в СССР по политическим мотивам //Государство и право. – 1994. – № 12. – С. 12.
485. Цуриков А. Будущность Красной Армии в деревне //Военный вестник. – 1922. – № 2-3. – С. 33.
486. Цьокан Л. Від Денікіна до більшовиків. Фрагменти спогадів з Радянської України. 1921. – 19 с.
487. Чайнов А.В. Организация крестьянского хозяйства /Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире; Сост. Т. Шанин. – М., 1992.
488. Чего добиваются повстанцы-махновцы. – Гуляйполе, 1919.
489. Челинцев А. Региональность, как центральный вопрос сельского хозяйства /Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире; Сост. Т. Шанин. – М., 1992.
490. Червоне казачество. Воспоминания ветеранов. – М., 1969. – 256 с.
491. Чериковер И. Антисемитизм и погромы на Украине 1917-1918 гг. (к истории украинско-еврейских отношений). – Берлин, 1923.

492. *Чериковер И.* Антисемитизм и погромы на Украине в период Центральной Рады и гетмана /Революция на Украине по мемуарам белых. Репринтное воспроизведение издания 1930 г. – К., 1990.
493. Черная книга. Сборник статей и материалов об интервенции Антанты на Украине. – К., 1920.
494. Черная книга. Сборник статей и материалов 1918-1919 гг. /Под ред. Шлихтера. – Б.м., 1925. – 433 с.
495. Черная книга коммунизма. Преступления. Террор. Репрессии /Пер. с фр. – М., 1999.
496. *Черномордик С. (П. Ларионов).* Махно и махновщина (Анархисты за работой). – М., 1933.
497. Четвёртый Всемирный конгресс Коминтерна. 5 ноября – 3 декабря 1922 г. – М.-П., 1923.
498. *Чикаленко С.* Урывок з моїх споминів за 1917 р. – Прага, 1932.
499. *Чичерин Б.* Собственность и государство. Ч. 2. – М., 1889.
500. *Чичерин Б.Н.* Вопросы политики. – М., 1905.
501. *Чуднов М.П.* Под черным знаменем (записки анархиста) – М., 1930.
502. *Шанин Т.* Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире: Хрестоматия /Сост. Т. Шанин; Пер. с англ. Белов и др. – М., 1992. – 431 с.
503. *Шанин Т.* Кооперация и коллективизация /Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире; Сост. Т. Шанин. – М., 1992.
504. *Шанин Т.* Крестьянский двор /Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире; Сост. Т. Шанин. – М., 1992.
505. *Шанин Т.* Крестьянство как политический фактор /Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире; Сост. Т. Шанин. – М., 1992.
506. *Шанин Т.* Четыре модели развития советского сельского хозяйства /Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире; Сост. Т. Шанин. – М., 1992.
507. *Шанин Т.* Революция как момент истины. Россия. 1905-1907 гг., 1917-1922 гг. /Е.М. Ковалев (пер. с англ.). – М.: Весь мир, 1997. – 560 с.

508. *Шанковський Л.* Українська армія в боротьбі за державність. – Мюнхен, 1958. – 317 с.
509. *Шанарова Н.С.* Краткая энциклопедия славянской мифологии. М. 2001. – С. 161.
510. *Шаталина Е.П.* История гражданской войны и интервенции на Украине в советских документальных публикациях 20-30-х годов. – К., 1982. – 136 с.
511. *Шевчук Г.М.* Боротьба трудящих Радянської України проти контрреволюції на Півдні в 1920р. – К., 1956. – 196 с.
512. *Шевченко Ф.* Західноукраїнські землі під владою австро-угорської монархії в 1900-1914 рр. /Історія Української РСР. – Т. 1. – С. 697-699.
513. *Шило И.Н.* Гуляйпольские ветры. – Д., 2000. – 96 с.
514. *Шлихтер А.Г.* Борьба за хлеб на Украине в 1919 году //Літопис революції. – 1928. – № 2. – С. 96-135.
515. *Шлихтер А.Г.* Аграрный вопрос и продовольственная политика в первые годы советской власти. – М., 1975.
516. *Шпорлюк Р.* Падіння царистської імперії та СРСР //Дух і Літера. – 1997. – № 1-2. – С. 111-112.
517. *Шубин А.* Махновское движение. 1917-1921 //Дружба народов. – 1993. – №№ 3, 4.
518. *Щаденко С.А.* Григор'євщина. – Х., 1929. – 44 с.
519. *Эйдеман Р.* Очаги атаманщины и бандитизма. – Х., 1921.
520. *Эйдеман Р.* Борьба с кулацким повстанчеством и бандитизмом. – 3-е изд. – Х., 1921.
521. *Эйдеман Р.* Махно //Армия и революция. – 1923. – № 1-2. – С. 27-28.
522. *Эйдеман Р.* Пятая годовщина одного урока (замечания к статье тов. Эсбаха) //Война и революция. – 1926. – № 12. – С.32-39.
523. *Эрде Д.* Годы бури и натиска. – Х., 1923. Кн. 1. Левобережье. 1917. – 1923. – 119 с.
524. *Эрде Д.* Этапы большого пути. – М., 1962.
525. Этих дней не смокнет слава. Воспоминания старых большевиков о гражданской войне в Крыму (1917-1920). – М., 1963. – 148 с.
526. *Явич А.С.* Право и социализм. – М., 1982.

527. *Якубовская С.И.* Объединенное движение за образование СССР. 1917-1922 гг. – М., 1947. – 200 с.
528. *Яковлев Я.* Русский анархизм в Великой русской революции. – М., 1921.
529. *Яковлев Я.* Махновщина и анархизм: к итогам махновщины // *Красная новь*. – 1921. – № 2. – С. 243-257.
530. A Model for 1932-1933. в R. Serbyn и В. Krawchenko, сост., *Famine in Ukraine, 1932 – 33.* – Edmonton, 1986.
531. *Aronson M.I.*, *Troubled Waters. The Origins of the 1881 Anti-Jewish Pogroms in Russia.* – Pittsburgh, 1990.
532. *Benvenuti F.*, *The Bolsheviks and the Red Army.* – Cambridge, 1988.
533. *Dittmar D.* Land und Freiheit: Machnovsdna und Zapatismo – Stuttgart, 1986.
534. *Gracioso A.* The Great Soviet War. Bolsheviks and Peasants, 1917-1933. – Cambridge, Mass, 1997.
535. *Hagen M. Von.* Soldiers in the Proletarian Dictator ship. – Ithaca, 1990.
536. *Hobsbawm E.J.* Class consciousness in history. – Aspects of History and Class consciousness. – London, 1971.
537. *Klier J.D. и Lambroza S.* (под ред.), *Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History.* – New-York, 1992.
538. *Krawchenko B.*, *Social Change and National Consciousness in Twentieth-Century Ukraine.* – London, 1985.
539. *Mace J.*, *Communism and the Dilemmas of National Liberation* Cambridge. – Mass, 1983.
540. *Malet M.* Nestor Makhno: in the Russian civil war. – London, 1982.
541. *Menzies M.* Makhno. – Paris, 1972.
542. *Moore B.* Social Origins of Dictatorship and Democracy. – London, 1982.
543. *Nakai K.* Soviet Agricultural Policies in the Ukraine and the 1921 – 22 Famine. – Harvard Ukrainian Studies. – 1982. – № 1. – С. 43 – 61.
544. *P. A. Des A. A. Band I.* Akten berteffend Bolschewismus, N 2. Dok. 54306.

545. *Palij M.* The anarchism of Nestor Makhno. 1918-1921: An aspect of the Ukrainian revolution, Seattle. – London, 1976.
546. *Ferrie M.* The Social Composition and Structure of the Socialist Revolutionary Party Before 1917 // *Soviet Studies.* – 1972. – Vol. 24. – № 2. – P. 227-229.
547. *Polanyi K.* The Great Transformation. – Boston, 1957.
548. *Procyk A.* Russian Nationalism and Ukraine. The Nationality Policy of the Volunteer Army. – Edmonton, 1995.
549. *Redfield R.* Peasant society culture /Redfield R. The Little and Peasant society culture. P. 14-20 – Chicago. – London, 1973.
550. Redistribuzione: la sfera statcde nel Dahomey del XVIII secolo, в K. Polanyi, *Economic primitive, arcaiche e moderne.* – Torino, 1980.
551. *Schroeder W. N.I.* Makhno // *Journal of Mennonite Studies.* – 1988. – № 6. – С. 215-218.
552. *Serge V.* Year One of the Russian Revolution. – Chicago, 1972.
553. *Srirda A.* Les cosaques de la liberte: Nestor Makhno, le cosaque de l'anarchie et la guerra civil russe, 1917-1921. – Paris, 1985.
554. *Stachiw M. u Chirovskyy N.*, Ukraine and the European Turmoil, 1917 – 1919. – New York, 1973.
555. *Sullivant R.S.* Soviet Politics and the Ukraine, 1917 – 1957. – New-York, 1962.
556. The anarcists in the Russian revolution /Ed. by Paul Avrigh. – London, 1973.
557. *Tokes R.L.* Bela Kип and the Hungarian Soviet Republic. – New-York, 1967.
558. *Werth e Gael Moullec N.* Rapports secrets sovietiques. – Paris, 1994.
559. *Werth N.* Le pouvoir sovietique e L'Eglise orthodoxe // *Revue d'etudes comparatives Est-Ouest.* – 1993. – № 3-4.
560. *Woggon H.*, Integrativer Sozialismus und nationals Befreiung. – Gottingen, 1990.
561. *Wojna R.* Nestor Makhno: anarchizm czynu // *Z pola valki.* Warszawa. – 1970. – № 2 (50). – S. 45-70.
562. *Elie Halevy.* Une interpretation de la crise mondiale, 1914-1918 –1929; E. Halevy, L' ere des tyrannies. – Paris, 1990.

Наукове видання

Атоян Ольга Миколаївна

**Воля до права.
Дослідження махновщини
та народної правосвідомості**

Монографія

Друкується російською мовою

Редактори *А.М. Анохіна, Л.І. Низова*
Коректор *О.О. Масалитіна*
Технічний редактор *О.В. Мануйлова*
Комп'ютерна верстка *І.І. Пузько*

Підписано до друку 08.04.2003. Формат 60х84 1/8. Папір офсетний. Гарнітура Bookman, Book Antiqua. Друк офсетний. Ум. друк. арк. 33,125. Ум. фарбо-відб. 33,375. Обл.- вид. арк. 36,84. Наклад 3000 прим. Зам. № 14

Редакційно-видавничий відділ ЛАВС МВС імені 10-річчя незалежності України. Друкарня РВВ ЛАВС
91493, Луганськ, сел. Ювілейне, вул. К. Маркса, 4